ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2021

Сергей Форостовский

Ветряная мельница. Монтури

2013

Сергей Форостовский

Бухта С'Альмония

2013

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2021

В номере

ДиН ПАМЯТЬ

Владимир Замышляев
3 Русское слово Валентина Курбатова

Лира Абдуллина
19 Про доброе тебе наворожу

ДиН ЮБИЛЕЙ

Нина Попова
6 «Век поэта—грозное мерило»

Валентин Сорокин
8 Мука тайны, надежды слеза

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Амир Ахметов
10 Село моё любимое

Камила Сакаева
31 На краю земли

Евгения Пахмулова
177 Деревня моя

Таисия Лигаёва
194 Дороже всего

ДиН ДИАЛОГ

Юрий Беликов, Алексей Антонов
11 Призрак агитпоезда

ДиН ВРЕМЯ

Наталья Емельянова
21 Как я приходила к Астафьеву

ДиН ПРОЗА

Борис Витальев
25 Принцесса

Денис Макурин
32 Хасей

ДиН СТИХИ

Владимир Шемшученко
45 Ночь ещё пахнет снегом…

Амирам Григоров
46 Печаль оливковых аллей

Николай Ерёмин
48 Исповедь миражиста

Олег Ващаев
50 Портрет и копии

Алексей Иванов
92 В тишине ночных аллей

Тамара Тинникова
94 Мы горели, согревали, верили

Алексей Музалёв
97 Судьбы моей земная колыбель

Константин Корнеев
99 Навстречу огню, сотворённому мной

Константин Лобов
101 Спасибо, Боже, что даёшь дышать

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Александр Орлов
53 Юродивые дни

Александр Герасимов
59 Письма в минувшее

Олег Лузин
67 Пятнадцать минут

Валентина Рузавина
72 Девочка на горке

Елена Кириллова
103 Артистка

Илья Морозов
106 Пугало

Анна Шулятицкая
111 Безлюдье

Елена Лобанова
118 Совпадение

Никита Николаенко
127 Приоритет старых понятий

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Елена Мочалова
79 Путешествие из Сызрани во Владивосток

Д*и*Н РЕВЮ

91 Самородок
Альманах Доосов и Миражистов

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Илья Сельвинский
126 Наша биография

Михаил Светлов
181 На большом перекрёстке

Д*и*Н АРТ

Сергей Курганов
142 Идеальный Зритель-Читатель: театр, поэзия, кино

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Владимир Замышляев
178 Криминальные тенденции в современной прозе

Нина Ищенко
182 Море смерти, море любви и море слов

Д*и*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин
186 Поэзия—вот мой бомонд

Д*и*Н ЭССЕ

Алексей Зайцев
187 Философские миниатюры

Д*и*Н ФАНТАСТИКА

Андрей Евсеенко
189 Боязнь высоты

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Владимир Замышляев

Русское слово Валентина Курбатова

В современной России всё меньше числом тех, кто творил великую культуру двадцатого столетия, а в ней — литературу и искусство. Культура — это Культ Света со Смыслами человеческого бытия. Свет от Солнца и от Личностей на Земле.

Валентин Яковлевич Курбатов — в ряду светоносных Личностей. Даже его внезапная смерть — вполне символическая. Он упал на улице, неся домой для жены букет цветов в честь праздника Восьмое марта. В России все праздники — в исторической традиции, по мужской и женской линии, как величания Христа и Богородицы. Следование традиции в культуре можно назвать основным мотивом, национальным кодом в творчестве Валентина Курбатова, автора многих книг по русской литературе. Ему и Государственная премия в 2019 году вручена «за вклад в сохранение и развитие традиций русской литературы». Он, по отзывам современников, возражал, когда его называли писателем. Но и определение «литературный критик» не отражает полноты его литературной деятельности. Как известно, все сравнения хромают, а научные дефиниции не отражают всей реальности жизни. Валентина Курбатова чаще называли и называют и литературным критиком, и литературоведом.

Ведать — это знать, ведение дел — тоже знание. Есть среди людей и те, кто не ведает, что творит. Веды — древняя славянская мифология. На языке санскрита в Индии есть «Ригведа» и другие «веды». Историческое арийское родство.

Валентин Курбатов имел энциклопедические знания по истории русской культуры и литературы. Но он не был академическим учёным, филологом, лингвистом или ещё кем-то. Его творчество — живой литературный процесс, духовный отклик на все значимые произведения писателей-современников и защита классической русской культуры от извращения её русофобами и либералами, холопами Европы. Особым попечением в его историко-культурных взглядах отмечался русский язык. В одной из своих статей он так отвечает хулителям отечественной словесности: «Тут бы и впасть в отчаянье, видя разгулявшееся зло, которому поперёк слова не скажи, чтобы не вписали в цензоры и мракобесы и не обозвали бранным словом „патриот“. А только родной язык наш ещё за себя постоит, потому что с ломоносовской поры знает: „Языка нашего небесна красота не будет никогда попрана от скота“ — и со школьной скамьи помнит и тургеневское: „Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу“». Русский народ не сирота в «цивилизованном человечестве», а сам созидатель мира и служит образом служения высоким духовным ценностям — «обóжению человека», как мыслили Владимир Соловьёв, Константин Леонтьев и все русские философы-космисты.

Осознание роли русского языка в национальной культуре Отечества привело Валентина Курбатова к произведениям выдающихся писателей, наследников традиций и языкотворцев В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова и других «деревенщиков». Деревня, может, и умерла или преобразовывается, но корни русского языка прорастали в деревне и в город пришли, взламывая асфальт урбанизации. Нынешняя экологизация сознания поворачивает городских жителей в сторону сельской местности, на лоно природы, пока она ещё не вся отравлена. Переселение на дачные усадьбы, их разрастание вокруг городов даёт надежду на реинкарнацию «Руси избяной».

Виктор Петрович Астафьев попробовал «прелестей» в Перми, в «металлическом» Чусовом, в Вологде, да и приехал на завершение жизни в родную Овсянку, она — родина литературного шедевра «Последний поклон». Валентин Григорьевич Распутин тоже имел дачку на Байкале и написал там поразительное эссе о сути творчества. Глубинная связь с Почвой, порождающая национальные характеры, естественно рождавшиеся в книгах писателей, как раз и подвигли Валентина Курбатова на сочинения о выразителях кодов национального бытия в повторении вечного и вечного повторения в России.

Есть в моей биографии факт связи с В. Я. Курбатовым в издательской заботе о поддержке и продвижении творчества В. П. Астафьева. В 1983 году я подписывал с критиком договор в Красноярском книжном издательстве об издании его первой книги о писателе, переехавшем из Вологды в Овсянку. С В. П. Астафьевым я знаком с 1976 года, был участником переговоров о его переезде, способствовал исполнению условий, которые он поставил: «Как

встретит меня моя родина?» Встретила хорошо, обеспечила всем необходимым!

Книга В. Я. Курбатова «Миг и вечность» (1983) — «размышления о творчестве В. Астафьева». В аннотации сказано: «Художник, обладающий народной идеей жизни, бесстрашной социально-нравственной позицией, в полной мере владеющий сокровищами родного языка,—таков известный советский писатель, лауреат Государственных премий Виктор Астафьев в восприятии литературного критика В. Я. Курбатова». Рецензию для издательства на эту рукопись сделал Н. Н. Яновский, автор многотомного «Литературного наследия Сибири», писавший об Астафьеве раньше Курбатова.

У этих исследователей разная методология в подходах к творчеству писателей. Н. Н. Яновский — академист, скрупулёзно изучающий литературные тексты, сюжеты, фабулы, образы, стилистику. В. Я. Курбатов не склонен пересказывать писательские биографии, его, как он сам заявил, интересует «художественная философия» произведения. Наверное, на подобное мышление повлияли и журналистская практика, близкая к публицистике, и кинематографическое образование (ВГИК), потребность в концептуальном, концентрированном взгляде на жизнь, исполненную в ролях актёров. Язык кино ближе к поэзии, чем к прозе. Поэзия афористична, мгновенно эмоциональна. Валентин Курбатов пишет о литературе «литературно», а Н. Яновский — абстрактно-суховато. В. П. Астафьев уважал Н. Н. Яновского, ценил его огромный исследовательский труд, но любил больше то, как пишет В. Курбатов, как оценивали его другие критики-писатели.

Вопрос о «художественной философии» в русской литературе тоже непростой. Всегда считалось, что русская философия онтологична (философия жизни), а гносеологии (бытие и сознание) в ней мало или есть, то в европейской традиции — в категориях «логического монастыря», как говорил А. И. Герцен, познавший Запад. Поэтому великая русская литература является одновременно и философской, что несвойственно литературе европейской. Там более чёткое разделение ролей и функций. Художественная литература Запада увлечена действием, приключениями, авантюрами, путешествиями и нашествиями. А в русской художественной литературе много раздумий о смысле жизни, герои созерцательны, с «томлением духа», и порой ленивы, «лишнего не надо». Динамические типы-характеры пришли в русскую советскую литературу после индустриализации городов, развития в них промышленности. Поэтому, в силу традиционной «фольклорной» души, «производственные романы» критикуются, а «деревенские» одобряются как «народные». В знаменитой повести В. Астафьева «Царь-рыба» городской человек терпит крах, а таёжный герой Аким тянет на идеально нравственного героя. В книгах Виктора Петровича нет положительных героев из числа городских жителей. «Последний поклон» — это гимн народной нравственности, его бабушке Катерине Петровне, того, что выросло на сельской почве, хотя Овсянка уже была между деревней и городом — как маргинальное явление, как возмездие за порушенные деревенские общинные традиции.

Эту «художественную философию» глубоко разглядел Валентин Курбатов в книгах «деревенщиков». И отношение «писатель и народ» становится главной темой творчества не риторично, не пафосно, а по сути, по родству.

В книге «Миг и вечность» Валентин Курбатов в «оправдание жанра» убеждает читателей и ценителей литературы в том, что «художник почти всегда пишет автобиографию, даже если его книги посвящены вовсе отвлечённым проблемам. Русский же художник — в особенности. Наша проза и поэзия часто склоняются к анализу „я“, к тому материалу, что более всего под рукой, и достигает на этой дороге редких глубин. Это „я“ никак нельзя путать с тем обыденным личным местоимением, которым мы утверждаем себя в мире. В „я“ художника прозреваются замысел судьбы, все столкновения противоречий мира, идущие через человеческое сердце, и когда он на этой дороге видит своё обычное житейское „я“, то видит и его как чужое и свидетельствует о нём с объективной свободой и полнотой».

Можно сказать, что такой подход к художникам слова является у В. Курбатова методологически основным. Он не раз в своих книгах о писателях разворачивал этот метод в доказательных разъяснениях. В обширном предисловии к собранию сочинений В. П. Астафьева в четырёх томах (Москва, 1979) В. Я. Курбатов повторяет и развивает этот метод ещё в одном аспекте: «Во взаимоотношениях Астафьева с сюжетом, во всей долгой неявной борьбе с ним продолжается гоголевско-толстовская традиция. Свободное, сюжетно ослабленное повествование вообще в характере нашего рассказа — и писанного, и устного. Есть в таком строе и хорошие перспективы. Астафьев не один в холодных отношениях с сюжетом, но у него эта холодность не следствие художественного расчёта, а следствие противоречия органической полноты памяти и избирательной рамы формы (способ преодоления этого противоречия), следствие природного здорового развития таланта».

Таким образом, личность писателя, его «художественная философия» и есть главный объект и субъект в исследованиях критика-литературоведа. Но тут, как говорится, знай край, да не падай. Отождествление личного местоимения «я» с художническим «я» исключается. Валентин Курбатов приводит жёсткое замечание М. М. Бахтина (авторитета для всех критиков и литературоведов):

«Абсолютно отождествлять себя, своё „я“ с тем „я“, о котором я рассказываю, так же невозможно, как невозможно поднять себя самого за волосы». Это традиционно глубоко философская и литературная проблема, начиная со «Слова о полку Игореве», где «боян бо вещий» обращается и к самому себе. Гавриил Державин напишет о «я»: «царь, раб и червь». Михайло Ломоносов сказал, что он не хочет выглядеть «дураком» даже перед Богом. Александр Сергеевич Пушкин, «наше всё», навсегда заявил: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»,—и др.

Валентин Курбатов много думал об этом и применял метод различения «я—не я» и в отношении избранных для себя писателей, и к самому себе. Не случайно в год своего восьмидесятилетия со дня рождения он, лауреат Пушкинской премии (учреждённой в Германии), опять обратился к личности А. С. Пушкина и написал: «Дальше… только великая литература…» («Слово о Пушкине»). В этом эссе сильно напряжена мысль о диалоге «поэт и толпа» (и страшное слово «чернь»), Божий суд и судилище: «Он узнал это первым и первым сформулировал закон, справедливость которого подтвердили с той поры многие русские поэты: „Ты царь: живи один“. Пройдёт несколько десятилетий, и русская мысль догадается, что исток этой драмы в отношениях поэта и черни был того же религиозного свойства. И если поэт говорил о „божественном глаголе“, то его так и надо было понимать, и если уподоблял душу орлу, то знал, что читатель сам подставит с колыбели слышимое в храме „обновится, яко орля, юность твоя“. Он возвращал слову его евангельскую силу и подлинность, называя мир его действительным именем, почти не зная слова „или“ и убегая от сравнения, чтобы никакое „как“ не оскорбляло единичности жизни. <…> И будет ясно, что другой судьбы, кроме жертвенной, у такого поэта быть не могло».

В этих суждениях В. Курбатова есть два подтекста: первое—между А. Пушкиным и народом («толпой и чернью») во взаимоотношениях была какая-то евангельская ясность, чистота (божественный диалог равных); второе—при всех условиях поэт-пророк обречён на жертву. Какой-то трагический вывод самого В. Курбатова. Есть одна никем не разгаданная тайна. После смерти великого поэта, после всех потрясений и войн в России, после утраты в ней «евангельского слова» между Пушкиным и народом не исчезли их доверительные отношения. В 1937 году, к столетию гибели «солнца русской поэзии», в стране было издано полное академическое собрание сочинений поэта-жертвы. Его стали читать все люди, от мала до велика. Он всем доступен и понятен без упрощения. «Божественный глагол» возымел действие. «Чернь» просветлела. А вот Боратынского и других современников и даже последователей Пушкина такая «жертвенность» не постигла. Тайна сия велика есть.

В заключение своей статьи Валентин Курбатов пишет о Пушкине: «Он был первый поэт России. Он был её последний поэт. Он был золотой образец, явленный Богом миру как символ лучшего в русском сознании, русском языке, спасительном небесном единстве. „Судьбы свершился приговор“, „Солнце русской поэзии закатилось…“ Дальше была только… великая литература…» Вывод парадоксальный. Всё великое в мире—от Бога. К Нему оно и уходит.

Сам Валентин Яковлевич Курбатов—явление в русской культуре и литературе неординарное. И его отношения с верой, с церковью, с Россией, с народом тоже не без противоречий. Нам, сибирякам-красноярцам, дорог он дружбой с Виктором Петровичем Астафьевым, которого он тоже раскрыл и оценил по-особому, откровенно, смело, не замазывая переломов в судьбе и в творчестве друга, видя его «жертвенность»—верность самому себе, пошедшему на общественную голгофу романом «Прокляты и убиты». Фаворского света не получилось, но пламя есть. Именно Валентин Курбатов рискнул заявить о романе «Прокляты и убиты» следующее: «…это первое христианское прочтение той войны. Первое. До этого не было. И это похоже на то, как описывал войну Толстой. Как нечеловеческое дело, прежде всего. Люди не имеют права заниматься таким». Только как понимать откровение в Евангелии от Матфея, где от имени Христа сказано: «Не мир я принёс вам, а меч»? И война бывает Священной. Будем считать, что людям пока ещё не дано разрешить все противоречия в земной жизни, потому люди и грешны изначально.

А по смерти Валентина Яковлевича Курбатова мы скорбим. Он—выдающийся человек в «художественной философии», он литератор-боец, защитник Отечества на полях русского языка, народных традиций, национального самосознания. Вечная память ему.

Нина Попова

«Век поэта—грозное мерило»

Каждое новое поэтическое слово Валентина Сорокина—всегда откровение, опережающее время. Быть может, его Слово и создавало само Время—время правды и силы, отваги и боли, время горькое и высокое? Неукротимый сын России, предки которого сражались ратниками на Куликовом поле, он и сам всю жизнь ведёт своё праведное сражение за Русь:

Век поэта—грозное мерило,
Всё, что есть в душе,
Не утаю.
Мне Россия сердце подарила,
Я его России отдаю!

Именно эта жизненная позиция стала для поэта нравственным и духовным ориентиром, именно она придала образам и мотивам его поэзии самобытное освещение, сделав его одним из немногих творцов, для кого основным содержанием поэзии стали неразрывное единство и кровная связь разных эпох, разных поколений, разных народов! Валентин Сорокин—всегда первопроходец, с одной стороны, сконцентрировавший в своём творчестве опыт прежних поколений, с другой—сформулировавший совсем иной, новый опыт.

Творчеству Валентина Сорокина чужды пустые словесные декларации, им мучительно осмысливаются кардинальные вопросы его времени: уничтожение всей системы ценностей, веками крепящих человеческое общество, разрушение основы всего, что было свято для русского человека. Это и стало акцентным для его исполинского Слова.

Валентин Сорокин обладает памятливым зрением и безошибочным жизненным слухом, его восприимчивый поэтический голос владеет множеством тональностей и высот, поэт давно и убедительно доказал, что обладает глубинным знанием человеческой души, тем проникновенным знанием, что прежде называли *сердцеведением*.

Поражают глобальность и глыбость его. Поражает его яростная и беспредельная сыновья любовь к корням своим, к истории родной земли. Навсегда врезалось мне в память, с какой любовью и благодарностью Валентин Васильевич всегда вспоминает о своей семье, предках своих, говорит о своей маме, Анне Ефимовне, что глаза-то у неё были—иконные!

И в этом тоже проявляются очень важные штрихи личности и творчества самого поэта: он воспринимает род свой русский, Русь свою отчую как *святое проявление мира!* Вот это восприятие—обереговое, охватывающее всем сердцем,—и есть источник всего, что было сказано и ещё много раз прозвучит о творчестве и личности эпохального поэта и публициста…

Чем измерить огонь, зажжённый в сердце словом Поэта и Учителя, пример его беспредельного мужества, силу и тепло протянутой руки? Что может быть показательнее и нагляднее для ученика, для соратника, чем жизненный путь самого наставника, безупречность его совести, бесстрашие и высота полёта?

Нравственная сила любви, благодарности и уважения тысяч питомцев Валентина Сорокина имеет очень глубокие и чуткие корни, она по крупицам рождалась на творческих семинарах, в сокровенных беседах, в подлинно наставническом каждодневном труде за три десятка лет руководства Высшими литературными курсами Литературного института имени А. М. Горького, во время работы в Союзе писателей, в Международном сообществе писательских союзов, в Московской городской организации писателей, в редакциях и издательствах.

Поэзия Валентина Сорокина, закалённая у огненного мартена, не молчала и в самые жестокие времена, била набатом, пробуждая совесть, выгоняя нечисть из тёплых запечных углов:

На их стрелу мечом я отвечал,
И, воскресая средь родимых улиц,
Я над могилой ворогов качал,
Чтоб никогда они не встрепенулись.

Проникновенные и проницательные строки его стихотворений и поэм («Дмитрий Донской», «Евпатий Коловрат», «Бунт», «Красный волгарь», «Огонь», «Прощание», «Обелиски», «Орбита», «Оранжевый журавлёнок», «Сейитназар», «Две совы», «Золотая» и других) посвящены былинным героям Руси и легендарным личностям отечественной истории; подвигу воинов и напряжённому труду мирных тружеников; науке и искусству; родным земным просторам и звёздным космическим далям; светлой памяти ушедших и неустанной устремлённости в будущее живых.

Драматическая поэма «Бессмертный маршал» — о великом русском полководце, подлинном герое Великой Отечественной войны Георгии Константиновиче Жукове — стала ещё одной яркой звездой на эпическом небосклоне поэта:

Порой у полководца и поэта
Трагически похожая судьба.
Свет Родины питает полководца,
Свет Родины поэта пепелит.
Россия, Русь, не о тебе ли рвётся,
Не о тебе ли сердце так болит?
Не о тебе ли плакали метели
И ливни задыхались неспроста?
Я сам за верность отчей колыбели
Не миновал распятия Христа…

Поэма рождена глубочайшей любовью и уважением к поколению победителей и лично к маршалу, эти чувства передал сыну «по наследству» отец-фронтовик, повстречавший Жукова на Ленинградском фронте, когда тот принимал от Ворошилова командование. Да и сам поэт впоследствии познакомился с «маршалом Победы», сердечно отметившим цикл его стихов о Великой Отечественной войне в газете «Правда».

Трудный путь этого произведения к читателю был следствием яростного противодействия и прессинга со стороны властей: долгие годы поэма была под запретом, да и позже из неё убирались цензурой сотни и тысячи строк, следовали указания заменить маршала Жукова на маршала Брежнева. Несмотря на то, что замечательные отзывы о поэме дали такие авторитетные и мощные писатели, как Ю. Бондарев, С. Викулов, Л. Щипахина, Б. Можаев, Б. Леонов и многие другие, поэма «Бессмертный маршал», написанная ещё в 1978-м, полностью была опубликована только через одиннадцать лет после создания, в 1989 году.

Вся эта нечисть у меня в долгу,
И гнев
гудит в груди
страшней, чем улей,
И до сих пор я вынуть не могу
Из сердца нержавеющие пули…

Так повествует Валентин Сорокин о своей боли, но продолжает бороться и идти дальше, неся на своей широкой груди рубцы всех ран родной земли…

Сколько душевных сил было отдано сопряжённой с политическими гонениями неустанной работе по увековечиванию памяти святых для поэзии имён, вошедших в художественно-мемориальную книгу «Крест поэта»! Сколько здоровья стало расплатой двадцати годам борьбы за право увидеть страницы тюремного дела Павла Васильева, обагрённые кровью поэта! Сколько сил и любви было подарено поэтическому наследию Сергея Есенина, верной дружбе с его сёстрами Катей и Шурой, отданному им последнему земному долгу…

Важно вспомнить и яркие, правдивые очерки о поэтах и писателях современности: Б. Ручьёве, Л. Татьяничевой, В. Фёдорове, П. Проскурине, Ю. Бондареве, Е. Исаеве, И. Акулове, А. Боброве, М. Львове, В. Бокове, Н. Воронове, С. Куняеве, Ю. Прокушеве, В. Фомичёве, — и ещё о многих-многих сказано и нынче говорится доброе и светлое слово. Статьи и рецензии, публикации и отзывы, дружеская поддержка и мудрый совет, справедливая защита и нужное вразумление — сколько душевного тепла отдано «за други своя»…

Весомый вклад в развитие отечественной литературы и литератур братских республик принесла деятельность Валентина Сорокина на посту главного редактора издательства «Современник»: именно в это время оно стало поистине родным и дружественным домом для писателей и ведущим органом русского направления в литературе. На высочайший национальный и профессиональный уровень поднялась переводческая и просветительная работа, появилась реальная возможность творческого роста для молодых и неизвестных писателей, не имевших отеческого покровительства сильных мира сего. Поэзия Валентина Сорокина, переведённая на многие языки мира, стала родной и близкой жителям разных континентов и стран — ведь она освещена светом сокровенной любви и святой правды.

В канун 85-летия со дня рождения мудрого наставника и доброго друга, поэта, публициста и литературоведа, лауреата премии Ленинского комсомола, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, Международной премии имени М. А. Шолохова, Всероссийской премии имени С. А. Есенина и многих других заслуженных им наград, ещё раз благодарим Валентина Васильевича за беспредельную мощь его поэзии, его сыновью нерасторжимую любовь к матери-России, его зоркий взгляд на мир и глубинную человеческую суть.

Беречь Россию не устану,
Она — прозрение моё,
Когда умру, то рядом встану
Я с теми, кто берёг её.

Валентин Сорокин

Мука тайны, надежды слеза

Просьба к нам

Русские, вы слышите поэта,—
Поднимитесь завтра в полный рост:
Встретит вас грядущая победа,
Ливнем звёзд благословит Христос!

Почему изменники и воры
Из-за стен хапужных крепостей
Продают заводы и просторы,
Золото, алмазы и детей?

Для того ль в мартенах мы и в шахтах
День и ночь не опускали рук,
Чтобы псы на миллиардных яхтах
По морям прогуливали сук?

На погибель трудовому классу
Через кишлаки и города
Проложила бизнес—
наркотрассу—
До Москвы глобальная орда.

Русские, Востока мы и Юга,
Запада и Севера сыны,—
Ведь народы наши друг за друга,
Вскинув меч, стояли в дни войны!

Русские, мы с вами не садисты,
Встанем в ряд,
в неодолимый ряд.
Почему над нами террористы
Коршунами чёрными парят?

Травят нас, взрывают, угрожают,
С братовьями ссорят, видит Бог:
Ни рожать, ни жить не разрешают,
Землю выгребают из-под ног.

Нас пленила сказкою весёлой
Мафия,
о Господи, спаси,—
Если вымрут города и сёла,
Не сберечь народы на Руси.

Русские, послушайте поэта,
Распрямитесь, и под стон молитв
Встретит вас грядущая победа
И герои
всех забытых битв!

Боль

Памяти сестры Шуры

Красивым и юным ушёл я из дому,
Седой возвращаюсь к себе, молодому.

А дом затерялся, так время пласталось,
Что даже крестов от могил не осталось.

Соратники, следуя строго кумиру,
Народ мой жестоко швырнули по миру:

То—сеять, то—строить, то—в битвах брататься,
Теперь за столом нам уже не собраться!..

Река пересохла, леса поредели,
И с горной вершины орлы улетели.

Я тяжесть обиды несу за спиною,
С тех пор как простился с великой страною.

Берёзка давно превратилась в старушку,
Хочу я послушать кукушку, кукушку!

Но пусто в округе и немо в природе,
И только полынь шелестит в огороде.

● ● ●

Ливни сникли за грядою горной,
И, взмахнув крылом издалека,
Белый парус по волнам озёрным
Тихо уплывает в облака.

За ржаным, ещё зелёным ко́лком,
В шорохах доверчивых берёз
Плачет, надрываясь, перепёлка,
Видимо, оглохшая от гроз.

Зноета июльская и дрёма
Вынесли к горячему песку
В мимолётном запахе черёмух
Острую русалочью тоску.

Вся округа в трепете и свете.
Ходит ветер вдоль и поперёк.
Может быть, за берегом вот этим
Отыщу я то, что не сберёг…

Славяне

Наши ссоры — сердцу перегрузка,
Потому и вновь горюнюсь я,
Украинка ты и белоруска,
Русская красавица моя.

Перелески, реки и просторы
Так похожи, словно это мы, —
Наши ссоры — ложь и приговоры
Опытных заказчиков из тьмы.

Наши дети, может, украинцы,
Может, белорусы,
вновь и вновь
Говорю: мы ныне — палестинцы,
Требуется зверю наша кровь.

Золото он ищет и алмазы,
На Днепре, на Волге держит власть.
Ты зачем такой широкоглазой
И такой славянской родилась?

Мы, славяне, потеряли право
Быть собой, а Ироду везёт:
Каждый день смертельная отрава
В души наши с губ его ползёт.

Нам вражда, а хищникам закуска,
Но горжусь и окрыляюсь я, —
Украинка ты и белоруска,
Русь моя,
красавица моя!

● ● ●

Есть в грозном гуле непогоды
Стихии вечные черты,
Неустрашимый зов свободы,
Которой не утратил ты.

Сражаются вода и суша.
Седых пространств коловорот.
Калит на этом споре душу
И силы пробует народ.

В час гнева океан безбрежен.
Поэт, не пасмури чело, —
Когда твой край бурлит, мятежен,
Ты сам как молнии крыло.

Твоя ликующая песня
То падает,
то вновь горит
В штормящих тучах поднебесья,
Где жизнь со смертью говорит,

Где в грозном гуле непогоды
Куются вечности черты —
И меч, и дух, и гимн свободы;
И плачешь, торжествуя, ты!

Казнённый поэт

Памяти Павла Васильева

Славянский лоб, сибирской хватки сила,
Волос весёлых вьющаяся прядь…
Зачем тебя упрятала могила?
Неужто не наскучило стрелять?

Та кровь и ныне у ворот стучится,
Она лилась обильнее дождя
На липкий плащ
полночного убийцы,
На мраморные статуи вождя,

Которому со всех полей России,
Как нищие, как жалкие слепцы,
Сказания и оды приносили
Обманутые временем творцы.

А ты от копей, где червонцем грезил
Промышленник во сне и наяву,
Гнал табуны широкогрудых песен
Кандальною дорогой на Москву.

Храпел рысак, и тяжелели взмахи,
Клубились перевалы и леса.
И многодумно щурили казахи
Раскосые кыпчакские глаза.

Хмелело в бочках свадебное лето,
Наследника пророчила родня…
Но шевельнулось дуло пистолета,
Змеиный холод в сердце уроня.

И на заре тебя свезли без гроба,
Без женских ласк, без материнских слёз,
Лишь ветер горя, немоты и злобы
Листву забвенья стряхивал с берёз.

И над страной удушья сатанели,
Наплёскивая страх и канитель,
Седые полы маршальской шинели,
Как будто крылья ворона в метель!

Врагам назло нам повезло

Жаль, мы так поздно увидели,
Дай Бог уберечь их от сглаза, —
Ведь правят-то нами ценители
Американского джаза!

Профессионал

Сей патриот вползёт в любую власть
И в храм любой: он совесть тренирует, —
Когда на службе нечего украсть,
Ретивец шапку у себя ворует.

Сожаление

Быть сильным — такое несчастье,
Такая дурная беда.
Тебе выражают участье,
Но чтобы помочь — никогда.

Болтают друзья меж собою
За чаркою праздничным днём:
— Его не свалить и гурьбою! —
Мол, разум и сила при нём.

И ты, испытавшая горе,
Огонь, пепелящий меня,
Киваешь согласием в хоре,
Мой разум и силу ценя.

Я проклял и разум, и силу,
Я знаю: в недобром году
Внезапно и молча в могилу,
Никем не утешен, сойду.

И кто-то вздохнёт осторожно
И выскажет нежности пыл:
— Ему позавидовать можно,
Он впрямь
несгибаемым был!

И полдень взлетит, голубея,
К зениту на крыльях тугих.
…Нет, я не сильней, не слабее,
Я — только стыдливей других.

Встречая неправду привычно,
Я время и жизнь не корю.
И там, где молчать неприлично,
Я слово своё говорю.

Мука тайны

Разве мало красивых у нас?
Разве статью их Бог не отметил?
Но таких очарованных глаз
Я ни разу, с рожденья, не встретил.

Мука тайны, надежды слеза, —
На холме ль, на зелёной опушке,
Как два солнышка эти глаза,
Как две иволги или кукушки.

Мглу в них светом зарница прожгла,
Эхом утренним радостной рани,
Словно ты целоваться пришла
Из берёзовой звонкой Рязани.

И на краешке отчей земли
Слышишь стоны грядущей метели,
Потому что твои журавли
И мои —
над Окой пролетели.

Две молитвы, две песни — глаза,
Две свечи золотисто-нетленных,
А за ними кричат голоса
И замученных, и убиенных, —

Где, храня женихов и невест,
Где, во имя детишек и хлеба,
Нежно пестует храмовый крест
Душу русскую звёздного неба.

Амир Ахметов (12 лет)

Село моё любимое

Я живу в селе Отношка. Нашему селу уже больше ста лет. Оно красивое и большое. В нём живут в основном татары.

Село образовали несколько семей, которые приехали из Татарстана. Из рассказов дедушек я знаю, что село строилось тяжело и долго. Деревья корчевали вручную, потому что не было скота. Жили в землянках. Постепенно освобождали землю, засевали. Строили дома из брёвен, заготавливали дрова. Переселенцам были непривычны сильные морозы. Они голодали, помощи ждать было неоткуда. Но мы — татары, народ упорный, мы построили в глухой тайге красивое село.

В родном моём селе сохранились татарские обычаи. Мы говорим на родном языке, празднуем национальные праздники. Наши папы и дедушки построили в селе красивую мечеть. Мой бабай ездил в Казань, я тоже хочу там побывать. В Казани мечтает побывать каждый татарин.

Жить я хочу в Отношке. Буду работать, как мой папа, пожарным и защищать родное село от огня.

Семья у нас большая и дружная. Мы всегда помогаем друг другу, часто ездим друг к другу в гости. Когда я вырасту, обязательно научу своих детей разговаривать по-татарски, уважать и соблюдать наши обычаи. Хочу, чтобы мой сын тоже гордо мог сказать: я — татарин.

Юрий Беликов, Алексей Антонов

Призрак агитпоезда,

или Среди казнимых и смышлёных

Он не боится быть вторым. Как однажды заметил поэт Пётр Вегин:

> Первых — много, первых — стая,
> но я в стае не летаю,
> лебедь часто нелюдим.
> Потому предпочитаю
> быть вторым.

Воскрешу эпизод из, казалось бы, уже туманного прошлого: Алексей Антонов был заместителем руководителя агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол». Свидетельствую как человек, продержавшийся на его колёсах два года: этот «сложный» красно-серый эшелон, на борту которого крупно значилось: «Учимся коммунизму — строим коммунизм!», эшелон с редким по тем временам оборудованием, очерчивавший Россию от Мурманска до Калининграда, от Калининграда до Поволжья и от Поволжья до родимой для нас с Лёшей Перми, — одно время держался именно на нём, на Антонове. То бишь — на втором. Рабочая лошадка?..

Однако «лошадка» запиралась вечерами в одноместном купе и цокала. Цокала на пишущей машинке. Тогда на агитпоезде никто не придавал этому особого значения: мало ли кто для чего запирается? Одни — нате вам! — дабы подтрунить над формально царившим там сухим законом, другие же в четверть громкости слушали Высоцкого. А вот Антонов цокал…

Большинство агитпоездян полагало, что «лошадка» работает с документами. Да, но совсем с другими. Алексей уже в те, почти доисторические, а может, даже сказочные, времена был независимым философом, и поэтому его интересовали далеко не канцелярские первоисточники. Потом, после агитпоезда, его пригласили в Москву, в аппарат ЦК ВЛКСМ, где в секторе передвижных средств агитации и пропаганды он опять-таки тянул воз за себя и «за того парня». Предполагалось, что его ждёт поступательная ух-карьера, о которой только могли мечтать его вчерашние сослуживцы по Пермскому обкому комсомола, где у Антонова тоже был свой сектор — культурно-массовой работы. Но отовсюду уже разносились позывные Цоя: «Перемен, мы ждём перемен…» И выходило, что именно комсомол был более всего к ним готов. По-своему, конечно. Результат — налицо или, если хотите, на любую другую приемлемую для вас часть тела: нынче поскобли любого министра в самом главном правительстве, даже тамошнего вице-премьера, или какого-нибудь пономаря на федеральном телеканале — обнаружишь бывшую комсомольскую номенклатуру…

Но и здесь проявилась антоновская нетипичность. Выпускник филфака Пермского госуниверситета защитил кандидатскую диссертацию по философии и надолго засел за никому не нужную монографию, предпочтя сырую воду и чёрствый хлеб мудреца-мыслителя. Рабочая лошадка снова продолжила цокать. Почти не участвуя в предложенном социуме и словно не замечая всех постперестроечных десятилетий, Антонов устремил собственное бытие на создание философского труда «Человек смышлёный».

Он именует себя независимым философом. Стало быть, могут существовать и прекрасно себе существуют философы зависимые? Жестом руки Лёша проводит черту: «Давай сразу разграничим: часто путают — философ и преподаватель философии. Поскольку профессия „философ“ нигде не обозначена, в общественном сознании закрепилось, что те, кто преподаёт философию как предмет, и есть настоящие философы. Но у нас, к сожалению, так устроена научная жизнь, что ни кандидатская, ни докторская диссертации — далеко не синонимы твоей собственной точки зрения, которую ты хотел бы отстоять в науке. Потому что всегда есть научный руководитель, ведущий тебя в рамках той темы, какой занимаются кафедра и вуз. Ты не самостоятелен. Но, разумеется, у нас есть и другого плана философы и социологи, которые, конечно же, зависят от того, что выгодно в данный момент сказать, а что — невыгодно».

Впрочем, Антонов старается и от этого дистанцироваться. Как и всякий нормальный учёный, он тяготеет к поиску истины, в чём, собственно, по его разумению, и состоит научный смысл.

Итак, поиск истины. Тогда — вот что. Я сам когда-то — голосом Левитана — объявлял в микрофон, установленный на столике в штабном вагоне: «На борту агитпоезда ЦК ВЛКСМ „Ленинский комсомол“ объявляется подъём!»

Мафия будущего

— Однажды меня поразила фраза, брошенная тобой вскользь, которая сразу же показалась мне едва ли не пророческой. Заметь: ещё в восемьдесят втором году прошлого века ты вдруг, ничтоже сумняшеся, молвил: «Комсомол — это мафия будущего». Никто её, кроме меня, не слышал. Я помню, тогда несколько ошалел. Ведь находились мы не где-нибудь, а в цитадели того самого комсомола — агитпоезде ЦК. Ещё был жив Брежнев. Ещё Юрий Поляков не написал своё «ЧП районного масштаба». Понимаю, что в твоей фразе просматривался некий гротесковый перехлёст, но не кажется ли тебе, что это крылатое и, может быть, непроизвольное выражение Алексея Васильевича Антонова материализовалось с той поры, как перестал существовать комсомол?

— Пожалуй, здесь нет никаких пророчеств. Это всего лишь констатация того, что круг знакомств, который складывался у нас в комсомоле, потом очень сильно пригождался в жизни. На Западе то же самое творится в элитных вузах. Разве нет? И уж, само собой, это совсем не значит, что какие-то известные тебе и мне ребятишки по прошествии энного количества лет перешли прямиком в мафиозные структуры…

— Стоп-стоп-стоп! Во-первых, благодаря зарубежным телесериалам про дона Корлеоне, а также отечественным — типа «Бригады», понятие «мафия» в наши дни вполне себе романтизировалось, реабилитировалось и легализовалось. Во-вторых, ты же не сказал, к примеру: «КПСС — это мафия будущего». Вот если б ты так заявил, это бы сегодня не сбылось. И я-то тебя подвожу к той мысли, что, как бы ни звучала эта случайно или не случайно вылетевшая фраза, она тем не менее свибрировала! Хотя бы в том отношении, что, по сути, тогдашние комсомольские функционеры сегодня заняли все ключевые посты, развернувшись в сторону бизнеса и построенной на его основе политики. И я, и ты бродили с ними одними коридорами — трутневы, чиркуновы, кузяевы… Один человек из их плеяды на мой вопрос: «А чего это так быстро от идей коммунизма и марксизма отшатнулись его комсомольские последователи?» — ответствовал, думаю, со знанием дела: «А может, они никогда таковыми и не были?» Так всё-таки кто-то был таковым? Или все не были таковыми?

— Не будем обращать внимание на вывески. Ведь это лишь формально партия и комсомол в СССР считались общественными организациями. Фактически же они были центром государственной машины. Поэтому никто ни от каких идей особо не отшатывался. Те бывшие комсомольцы, о которых идёт речь, как были государственными управленцами, так ими и остались.

— А идейно?

— Давай опять разделим — пропаганду и реальность. Когда в обществе есть лишь одна партия, через которую можно влиять на устройство общественной жизни, естественно, туда стремятся разные люди: как те, кто хотел бы жизнь общества сделать лучше, так и те, кто делал всё, чтобы улучшить жизнь лишь себе любимым. Само собой, в комсомоле имелись и те, и другие. Они сидели в одних кабинетах, часто — напротив друг друга. Но как-то так получалось, что те, кто старался для других, всегда встречали вроде бы ничем не мотивированное сопротивление. Будучи ничем не хуже других, они всё время оказывались лишними. Ну прямо как в твоей поэме «Корзина для удалённых». На праздник жизни под открытым небом приглашены избранные. И вдруг явился какой-то воздушный шар «…и лишних начал складывать в корзину».

Меня всегда поражало, что те, кто заботился лишь о себе, в лишние почему-то никогда не попадали. А потому они гораздо чаще и оказывались наверху. Да, собственно, они и сейчас там.

— Ага, всё-таки «и сейчас». Ты практически повторил то, что мне когда-то сказал Алексей Трубецкой (предыдущая фамилия — Кошмарóв, с ударением на последней «о»). По некоторым меркам, он — один из серых кардиналов нашей современности; в общем, марочный политтехнолог, причастный ко многим пиар-акциям в стране, не кто-нибудь, а член европейской и международной ассоциации политических консультантов. Представь: я привёл ему твою формулу о «мафии будущего». Понятное дело, он принял её в большей степени как метафору. Хотя не мог не признать (цитирую), что «все эти люди при смене формаций на изломе переходного периода, несомненно, обладали набором знаний, связей и денег, которые позволили им правильно сориентироваться».

Трубецкой, точно так же как ты, разделил комсомольцев на два типа — «карьеристов» и «романтиков». Только, в отличие, от тебя, тёзка твой отчего-то считает, что верх взяли романтики. Потому что (вновь цитирую) «они были способны ставить далёкие цели, в них верить и в рамках этой веры получать внутренние силы, позволяющие с убеждением что-то творить». Куда же мы тогда денем карьеристов? Которые «да и сейчас там». Тем паче что ругательное в советские времена слово «карьера» давно мутировало, обретя вполне позитивный смысл…

— Но у карьеры и в самом деле есть этот смысл, хоть и встречается он крайне редко. Представь себе, что у тебя талант руководителя. А лестниц в небо не так уж много. И комсомол из них — самая ближняя.

Двое на обочине

— Давай — конкретно: как говорят, пройдёмся по персоналиям. И не по каким-то недосягаемым, а по тем, кого знали лично или, по крайней мере, могли наблюдать, применяя ближнюю оптику. Вот скажи, Трутнев, Чиркунов и Кузяев — романтики? Карьеристы? Один, как известно, ныне — вице-премьер в федеральном правительстве, другой, закончивший Высшую школу КГБ СССР, был губернатором Пермского края в эпоху Марата Гельмана, третий — в недавнем прошлом вице-президент ОАО «Лукойл». По классификации Трубецкого-Кошмарóва, их можно отнести к романтикам. А если заглянуть в классификацию Антонова?..

— Я хорошо знал лишь Анатолия Тёмкина — такого же, как мы с тобой, комсомольского функционера, в дальнейшем ставшего замом Юрия Трутнева в федеральном министерстве природных ресурсов. Внешне он был, так сказать, застёгнут на все пуговицы, но на деле — надёжный организатор и надёжный товарищ. Реже пересекался по работе с Андреем Кузяевым. Но и здесь могу подтвердить: организаторская хватка в нём чувствовалась всегда, к тому же он был аспирантом на экономическом факультете. То есть и в бизнесе должен был понимать, что к чему. И я совсем не уверен, что функционер вообще должен быть романтиком.

— Вновь оттолкнусь от Трубецкого: «Мафия — это довольно крупная, разветвлённая и организованная структура. А комсомольцы-функционеры, которые остались после распада СССР, не представляют из себя организованной структуры». Ой ли? Разберём уравнение с нашими «неизвестными». Кем был Олег Чиркунов в торговой компании «ЭКС», одним из отцов-основателей которой стал Юрий Трутнев?

— Насколько помню, он возглавлял представительство этой компании в Швейцарии...

— Верно! И даже наладил поставку в Пермь «швейцарского шоколада». А кем был недавний сотрудник службы внешней разведки Олег Чиркунов, когда Юра Трутнев... ах, извините, Юрий Петрович выдвигался в мэры Перми?

— Начальником его предвыборного штаба.

— Интересно, а в чьи руки передал Юрий Петрович, став персоной публичной и государственно-резервной, свою торговую компанию «ЭКС»?

— Тому, кого хорошо знал, — своему заму Олегу Чиркунову...

— И, соответственно, будучи призванным в правительственные сферы, на кого оставил губернаторство вчерашний инструктор отдела спортивной и оборонно-массовой работы Пермского обкома ВЛКСМ Юрий Трутнев?

— На испытанного в деле бывшего второго секретаря Ленинского райкома ВЛКСМ Олега Чиркунова.

— Посему предлагаю не считать крылатую формулировку Алексея Антонова образца одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года метафорой или гиперболой. Мы привели всего лишь один, казалось бы, локальный пример, но он — в геометрической прогрессии — распространился на всю страну! У этого уравнения больше нет неизвестных, поскольку икс, игрек и зет хорошо вписались в рыночные отношения, в бизнес-структуры и на этом основывали и основывают свой дальнейший путь и своё общественное положение...

— Наш диалог начинает походить на беседу двух неудачников и завистников, судачащих на обочине...

— Знаешь, мне сейчас вдруг вспомнилось:

> *Я — Сальери на лёгкость, с которой*
> *музыкальные губятся ели.*
> *Я бездарен в работе топорной.*
> *Я завидую. Я — Сальери...*

Это строфа из давнего моего стихотворения «Прогулка Моцарта к Сальери». Смешно, но именно оно было отпечатано мной на пишущей машинке в отделе, где сидели Тёмкин с Трутневым. Я иногда заглядывал туда под видом перепечатывания документов, поскольку в моём секторе — культурно-массовой работы — пишущей машинки на тот момент не существовало...

— Вот черти! В мои времена она там была...

— Кто знает, Лёша, может быть, перестройка в нашей стране началась с передислокации той самой машинки?.. И неизвестно ещё, кто неудачник и завистник. Вот ты лично, Антонов Алексей Васильевич, избрал иную стезю. Едва ли не противоположную. «Человек смышлёный» стал антиподом твоих вчерашних сокоридорников по комсомолу. Отчего?

Солнце для бакалейщиков

— Каждый должен делать то, для чего рождён. И мне в какой-то момент показалось, что в философии (здесь я могу ошибаться) от меня будет больше толку. Ведь в той же книге «Человек смышлёный» мне удалось сделать то, что считается попросту невозможным. Возьмём обычное индуктивное заключение: «Солнце взошло вчера. Солнце взошло сегодня. Следовательно, оно взойдёт и завтра». Можем ли мы здесь дать стопроцентную гарантию? Очевидно, нет. Даже если мы скажем, что солнце всходило миллиарды лет подряд, взошло сегодня и потому должно взойти завтра, то и в этом случае наш вывод будет просто чуть более

вероятным, но не обязательным. В этом и состоит известная всем слабость индуктивного метода. И вот является некий чудак (не будем уточнять, на какую букву) и говорит, что он нашёл условия, при которых индуктивный метод даёт не просто вероятную, а абсолютную истину. Как прикажете к этому относиться? Убеждён, что если бы я сказал, что у меня в сарае стоит машина времени рядом с работающим вечным двигателем, мне бы поверили больше. И тем не менее, книжка «Человек смышлёный» имеется в Ленинской библиотеке, и при желании каждый может убедиться в том, что это—не мыльный пузырь и не розыгрыш.

При этом мне вовсе не кажется, что «Человек смышлёный» является каким-то «антиподом», как ты выразился, «моих вчерашних сокоридорников по комсомолу». Ведь что такое смышлёность? Просто умение решать задачи с помощью догадки или хитрости. И здесь-то как раз наши «сокоридорники» дадут нам с тобой сто очков вперёд. Другое дело—в чью пользу вся эта смышлёность?

Да и в отношении того, чем раньше в комсомоле занимались мы и чем сегодня занимаются наши бывшие коллеги, я бы не стал проводить резких граней. Просто раньше организационная работа была направлена на различные, в том числе и духовные, ценности. А нынче единственной ценностью стали деньги.

—Сегодня ими пронизано всё—от интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» до посленовогоднего боксёрского турнира в Сочи «Лига ставок» на кубок телеканала «Матч! Боец».

—Процентов на семьдесят вчерашние комсомольцы были уже готовы к этому. Вот тебе реальный случай из жизни ЦК ВЛКСМ. При обсуждении сметы одного из мероприятий кто-то посетовал, что затраты просто идиотские, тогда как хватило бы и двух миллионов так называемой неучтённой налички. Понятно, что сказано это было в сердцах, поскольку и в наши дни эта операция—незаконная. Но один из инструкторов сказал, что достанет деньги. И он в самом деле принёс чемодан с наличкой. Как выяснилось, договорившись с церковью—о том, что комсомол выполнит им какие-то ремонтно-строительные работы. Тогда этого паренька пришлось уволить. А нынче он был бы в числе «эффективных менеджеров»…

—В этом смысле бальзамом стала известная ельцинская отмашка, о которой, помнится, мне рассказывал бывший пресс-секретарь Бориса Николаевича Павел Вощанов. В день рождения коменданта Московского Кремля Ельцин не то в шутку, не то всерьёз указал провиденциальной десницей за Кремлёвскую стену: мол, глядите, «какие там карманы да кошельки, а вы так и останетесь голожопниками»! Судя по всему, государева шутка удалась, ибо была воспринята с подобающей расторопной серьёзностью. Теми, у кого ушки на макушке. В этом смысле ты прав: если отталкиваться от названия твоей работы, наши вчерашние соратники по комсомолу оказались людьми весьма и весьма смышлёными. Но—опять-таки—«смышлёными» на собственный лад. Абсолютными романтиками я всё же их назвать не могу. Язык не поворачивается. Романтики—это мы с тобой, Лёша. Говорю об этом не без горькой усмешки.

Кто окружил живым кольцом Дом Советов во время августовского путча в девяносто первом? Те самые романтики. И я в их числе. Три дня и три ночи нас прикармливали бакалейщики—приносили из своих ближайших киосков кофе в термосах и сосиски. Пройдёт пара-тройка месяцев, и они—уже в ином статусе и обличье—сядут на шею защитникам «Белого дома». А те, наконец, допетрят, что, увы и ах, защищали не собственные идеалы, а вот этих бакалейщиков.

Примечательно: уже позднее, когда Чиркунов угодит в губернаторы Пермского края и придёт на встречу с коллективом редакции краевой газеты «Звезда», где к тому времени работал ваш покорный слуга, Олег Анатольевич, иногда дорастающий до ошеломительного саморазоблачения, вдруг (за язык-то его никто не тянул!) признается, что он и есть тот самый бакалейщик…

—Так прямо и сказал?

—Ага.

—Да, собственно, это и была контрреволюция бакалейщиков…

Власть поэтов

—Помнишь Велимира Хлебникова?

> *Сегодня снова я пойду—*
> *Туда, на жизнь, на торг, на рынок,*
> *И войско песен поведу*
> *С прибоем рынка в поединок…*

Хлебников—сто лет назад—предсказал нынешний «прибой рынка». И можно сколько угодно числиться блистательным сёрфингистом этого «прибоя», но даже если на твоём запястье водонепроницаемые и противоударные часы за миллион рублей, земное время каждого сёрфингиста рано или поздно заканчивается. Причём у всех одинаково. А у поэта, кроме земного времени, есть ещё шанс заступа—за время. Потому что остаётся «войско песен». Вот скажи: для тебя как философа кто главнее—«Председатель земного шара» или какой-нибудь вице-премьер федерального правительства?

—Хлебников был не от мира сего. Не назову, к сожалению, чьи это воспоминания, но в двадцатые годы прошлого века он как-то добыл мешок гороха и всюду таскал его с собой. Это был его завтрак,

обед и ужин. Горох Велимир размачивал в миске и был очень доволен тем, как он ловко решил проблему питания. Надеюсь, ты не потребуешь такого же подвижничества от наших вице-премьеров?

— Отчего же?..

— А что касается Хлебникова как «Председателя земного шара», то я бы с удовольствием поставил его выше, если бы Хлебникова так именовал хотя бы ещё кто-то.

— Вот тут ты, Лёша, попался! О мешке с рукописями или, по другой версии, подушке с рукописями кто только не писал! О мешке гороха что-то не припомню. Но пусть будет даже два мешка — с горохом и рукописями. Зато «Председателей земного шара», по замыслу Хлебникова, должно быть триста семнадцать — по магическому чередованию исторических событий. Он задумал создать «Общество Председателей земного шара» по спасению Земли и человечества. Давай загибать пальцы: кроме Хлебникова, в это общество входили поэты Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Николай Асеев, Михаил Кузмин, художник Казимир Малевич, английский фантаст Герберт Уэллс, индийский писатель Рабиндранат Тагор… Продолжать?.. Или лучше привести провидческие строки Хлебникова:

Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьётесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

Перед тобой, Лёша, человек, когда-то награждённый творцами Великих Лук орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Думаю, нет смысла объяснять, что если существует этот орден, то и Хлебникова как «Председателя земного шара» знает не «кто-то», а многие! И вообще, уже в наши дни в чём-то продолжавший линию Велимира мой друг из Чусового, погибший в Москве поэт Анатолий Култышев, кажется, ответил и на мой вопрос, да и на твою реплику:

Гораздо б лучше было для планеты,
когда бы миром правили поэты.

Что-то я не припомню, чтобы, в отличие от поэтов, нынешние министры вкупе с вице-премьерами и прочими-прочими-прочими стремились спасти Землю и человечество.

— Рад тому, что у нас, оказывается, не один «Председатель земного шара», а целых триста семнадцать. И, судя по фамилиям, все — в высшей степени достойные люди. Вот только «стремиться спасти» и «уметь спасать» — это два разных призвания. Поэтому меня не устраивают мечтания ни поэта Култышева, ни даже философа Платона, который тоже считал, что миром должны править философы. Да ни в коем случае!

— Не надо умалять власть поэтов и вообще не считать её властью. Между прочим, вчерашний мэр Екатеринбурга, а ныне известный политик Евгений Ройзман ещё в бытность свою депутатом Госдумы так мне сказал на сей счёт: «Стихи — это очень серьёзное дело».

— Вот и пусть поэты занимаются своим делом, философы — своим, а управляют пусть недотёпы-министры вкупе с вице-премьерами. И пусть у них будут не звёздные биографии, а хорошая голова на плечах, большой опыт управленцев и, главное, чистое сердце. Впрочем, если речь идёт об эзотерическом воздействии на планету, то тогда, конечно, не исключено, что даже и триста семнадцать председателей «маловато будет»…

Сила очереди

— Ты прямо-таки к месту ввернул коронную фразу мультяшного персонажа, озвученного Садальским! Потому что, по Садальскому, «мультяшность» — признак популярности. И для меня своеобразным тестом является то, что остаётся на устах низового народа. Ты же знаешь, как до сих пор кличут наших двух «комсомольских» героев? Одного, который сейчас где-то во Франции лелеет виноградную лозу (думаю, это спецоперация прикрытия), устойчиво именуют «чириком». Наверное, это когда-то соответствовало истине? «Чирик» — десять рублей. То, с чего всё начиналось. А по поводу второго, которого наш президент направляет то на Дальний Восток, то в Арктику, могу рассказать почти что притчу. Как-то еду я в трамвае и слышу — вагоновожатый объявляет: «Следующая остановка — „Универсам“!» Подвыпивший мужичонка уточняет: «„Универсам“? Это Трутень сам!» Рифма-то какая! Вознесенский бы поаплодировал. Для тех, кто в теме, подвох тут не только звуковой, но и — материальный: если вспомнить, то владельцем ныне известной сети универсамов в Перми — на пару со своим неутомимым сменщиком — был всё тот же Юрий Трутнев. Хотя что же в том плохого, если тебя рифмуют с одним из самых респектабельных в регионе супермаркетов?

— Я думаю, всё же дела красноречивее любых слов. Вспомни всего лишь один случай. Сколько раз до Трутнева ремонтировали в Перми улицы Плеханова и Луначарского? Но только он догадался бульдозерами срыть часть Плехановской горы. А в результате — автобусы с машинами туда забираются быстрее, да и топлива при этом тратят меньше. Типичное для Трутнева нестандартное решение. Без всякой, заметь, «мафиозной» корысти.

— Ничем не погнушаешься доказательства ради. Придётся раскаяться в своей «мафиозной» комсомольской «корысти». На то была причина. Сейчас уж никто не помнит, какими искривлёнными путями к читателям пришла первая повесть прозаика Юрия Асланьяна «Сибирский верлибр». Она—о службе во внутренних войсках. Дедовщина, вышки, зэки, побеги… Тема в смысле публикаций для конца восьмидесятых всё ещё неподъёмная. Считается, что в новейшие времена её первооткрывателем стал Юрий Поляков, «пробивший» «Сто дней до приказа». Пусть так. Но повесть Асланьяна, получается, писалась параллельно, если не раньше. И я был одним из первых её читателей. И вот стою я в длинной, выходящей хвостом на улицу очереди в тот самый универсам. Наверное, ещё не трутневский. Сейчас уже забыли, что такое талоны. А тогда, как ты помнишь, самую главную на тот момент валюту—бутылку водки—можно было добыть, предъявив талон. Оглядываюсь, а за мной—бывший второй секретарь обкома ВЛКСМ Валерий Щукин, кстати, непосредственный начальник Трутнева, а потом—его силовой зам (ох уж эти рокировки!) во времена трутневского губернаторства. На момент, когда произошла наша историческая встреча в горбачёвской очереди, Валерий Александрович был вторым лицом (везёт мне на вторых!) в здешнем УКГБ. Кто-то может заметить, что такой высокий чин не мог стоять в очереди, но Щукин-то стоял! В гуще народа. Как и полагалось чекисту. И вот, пока мы двигались в сторону вожделенной и гарантированной цели, я рассказал ему (как ты знаешь, до агитпоезда я полгода был в обкоме завсектором культурно-массовой работы) о повести Асланьяна. И о том, что она лежит под спудом в Пермском книжном издательстве, а для подобных книг на тот момент требовалось едва ли не разрешение ГлавПУРа. Щукин выразил желание ознакомиться с рукописью. И вот «не прошло и полгода», как пел Владимир Семёнович,—и она увидела свет! Если это мафия, тогда я за такую мафию!..

Кумир поверженный

— Многим ужасно хочется, чтобы мы шарахались от своей истории, как это было когда-то в девяностых. Но что такое история? Как сказал ныне всеми презираемый Карл Маркс, это «деятельность преследующего свои цели человека». А люди в нашей истории преследовали настолько разные цели, что у нас любой «Николай Кровавый» запросто может стать «Николаем Святым» и наоборот.

— Сейчас как-то не принято цитировать основоположников «единственно верного учения», тем паче что бывшие инструкторы райкомов и обкомов комсомола, вчерашние замзавы и комсомольские секретари всех степеней—от первых до третьих—о Марксе давно не вспоминают, но хочется спросить: считаешь ли ты Маркса великим философом и остаёшься ли сам марксистом?

— Ты знаешь, отношение философа к философу всегда имеет две стороны: субъективную и объективную. Если иметь в виду субъективную сторону, то к Марксу я отношусь по-лермонтовски: «Кумир поверженный—всё бог!» Если же говорить об объективном отношении двух философов (конечно, здесь сравнение с Марксом выглядит просто кощунственно, но такова была суть вопроса), то для этого нужно сравнивать их философские системы. Философия марксизма—это, как ты знаешь, диалектический и исторический материализм. Нам в своё время хорошо вбили в голову, что марксизм отлит из единого куска стали, что диалектика верна и по отношению к природе, и по отношению к обществу. Фридрих Энгельс даже писал, что логический метод исследования «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей».

Однако впоследствии многие пришли к выводу, что диалектика не лучшим образом подходит для истории. Я же стал первым…

— Ого!..

—…так получилось, первым, кто заметил, что диалектика не просто не годится для этого, но является даже антиисторической. Ведь в той дедукции, которой пользуется диалектика, «всеобщее» всегда предшествует «общему». Тогда как в реальной человеческой истории «всеобщее», будучи обобщением всех «общих», просто не смогло бы возникнуть раньше этих последних. А значит, единственно верным методом для истории может быть только метод индуктивный. Вот почему если говорить о сравнении философских систем, то меня следует отнести к историческим материалистам, но не к марксистам. Марксов исторический материализм с его диалектикой дал философам только логику истории. Тогда как действительный, а не погребённый диалектическим методом исторический материализм смог предложить философам также и историю самой логики. Книжка «Человек смышлёный» (о ней ты не раз уже говорил сегодня) как раз и представляет собой историю индуктивной логики, с которой когда-то начиналось человеческое мышление. Собственно, эта книга и раскрывает моё реальное отношение к Марксу.

Заимствованный пар

— Честно говоря, я запутался в логике истории или в истории логики. Зато понял, что передо мной воистину «человек смышлёный». Тогда, может быть, он подскажет, где лежат пути спасения

России, которая задыхается между бьющей в глаза роскошью и безысходной нищетой?

— Они и без меня известны. Раньше, во времена СССР, у нас был госкапитализм, который думал о себе, что он — социализм. А надо, чтобы был социализм. И пусть этот социализм думает о себе всё что угодно. И это никакая не утопия. Россия просто должна достичь экономического процветания. Вспомни, например, как быстро после войны поднялись Германия с Японией. А ведь они были не просто разрушены. Страны-победители вывезли оттуда даже то, что ещё осталось. Не хочется говорить об этом, но до двухтысячных годов «сердцем» ТЭЦ-6, которая снабжала теплом весь Свердловский район нашего с тобой города Перми, был паровой котёл, снятый по репарации с какого-то немецкого парохода…

Так почему же Германия с Японией так быстро восстановились? Если сказать, что из-за плана Маршалла (который, кстати, распространялся и на Азию), то это будет лишь половина правды. Главное же заключалось в том, что немецкая и японская промышленности сразу вышли на высший для того времени уровень техники и технологии. Этот же рывок, благодаря «стараниям» чубайсов с гайдарами, вынуждены будем, увы, совершить и мы. Бедный Егор Тимурович: если бы он знал, что каждый уничтоженный им завод или отрасль — это гарантия наших будущих побед, — думаю, он удавился бы с тоски.

Конечно, плана Маршалла для нас не будет. И особенность России заключается в том, что формально, будучи капиталистической страной, мы к победе идём вовсе не капиталистическим путём. Не благодаря золотому дождю кредитов, а с помощью допотопного самофинансирования. Потому что для абсолютного большинства наших предприятий взять кредит — значит, гарантированно разориться. Карабкаться таким вот образом, чтобы попасть на высший уровень развития техники и технологии, — это путь долгий, мучительный и едва заметный. Однако действие экономических законов таково, что даже если государство у нас так и не проснётся, российская промышленность всё равно, в конце концов, обойдёт своих конкурентов. Вот только произойдёт это, как мне кажется, едва ли раньше начала сороковых годов двадцать первого века.

— Показательно, что наш «домашний узник» Николай Платошкин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета и, между прочим, лидер движения «За новый социализм», поздравил с Новым годом россиян на «Ютюбе» в духе президентской стилистики (алое полотнище над Кремлём и гимн СССР) и выразил уверенность, что «со следующего года начнётся эпоха доброго социалистического демократического рассвета нашей с вами страны»! Слова, конечно, Лёша, не без приснопамятного для нас ещё со времён агитпоезда пафоса, но не могу не согласиться: а вдруг агитпоезд преспокойно стоит себе «на запасном пути», если перефразировать текст одной советской песни?

— Боюсь, что «со следующего года», то есть — с наступившего, мы ничего не почувствуем. Как говорил римский философ Сенека, «всё истинно великое совершается медленным, незаметным ростом».

Слушай рельсы

— И всё же поделюсь одним своим наблюдением, тянущим, чего доброго, на открытие. Не заметил? Все нынешние поезда РЖД мимикрируют под агитпоезд «Ленинский комсомол»! У них — такой же красно-серый окрас. Как будто разработчики их единого дизайна взяли за основу колер агитпоезда…

— Наверное, потому, что это — победная окраска. Но, честно говоря, я не столько ощущаю связь с агитпоездом, сколько в целом с железной дорогой. И вот здесь всё, что я сказал перед этим о самофинансировании, вызывает у меня самые грустные мысли. Ведь РЖД с Якутией за счёт самофинансирования еле-еле за двадцать лет дотянули железную дорогу до Якутска. Да и то между Якутском и железнодорожной станцией до сих пор действует паромная переправа, так как денег на мост, само собой, не хватило. Понятно, что с помощью всего лишь самофинансирования вопрос с железными дорогами в России не решить. В число национальных проектов железная дорога не попала. Зэки железных дорог теперь не строят. Ждать, что в железные дороги начнёт вкладываться частный капитал, — самоубийственная глупость. Короче, требуется какое-то нестандартное решение.

И мне кажется, что одним из вариантов могло бы стать создание стратегических железнодорожных войск. У них была бы всего лишь одна задача — обеспечить реальную целостность страны. Москва — Петропавловск-Камчатский, Москва — Норильск, Москва — Сахалин (слава Богу, что вопрос с мостом там наконец-то решили). Не забыть и про обеспечение Северного морского пути: построить путь от Магадана до Сабетты, в конце концов, такой нужный для Перми Белкомур (Пермь — Архангельск). Мне представляется, что масштабировать железнодорожные войска, которые уже и без того есть в составе Вооружённых сил, всё равно проще, чем создавать какую-то новую структуру. Дорожные материалы — местные, и для нужд дороги — бесплатно. Разбить все линии на участки, и пусть себе копаются навстречу друг другу, хоть по десять километров в год. Конечно, бакалейщики завопят, что эти дороги

ведут в никуда! Но вспомни, что то же самое они вопили и про БАМ. Что гады-коммунисты нарочно придумали его, чтобы закопать народные деньги. А нынче пропускную способность БАМа не успевают увеличивать…

— Вот ты признался, зачем пошёл на агитпоезд: чтобы сделать наброски к своему будущему философскому труду «Человек смышлёный». А я скажу, почему я ушёл с агитпоезда. Тогда некоторые крутили пальцем у виска: ведь все мы, работавшие там в основном составе (были ещё лекторы, актрисы, военачальники, барды, танцоры, солисты ВИА, сменявшиеся каждые двадцать дней), считались номенклатурой ЦК ВЛКСМ, и путь из номенклатуры был один — наверх, как у Саши Пономарёва, поставленного чьей-то волосатой рукой в командиры агитпоезда чуть ли не из диск-жокеев, а потом оттуда — в столпы центрального телевидения… А я в восемьдесят четвёртом году взял и вышел из номенклатуры. Добровольно. Меня всё больше тяготили те помпезность и пафосность нашего положения, с которыми в Новый год обратился к соотечественникам Николай Платошкин. В доказательство извлекаю из своего архива тогда же — в восемьдесят четвёртом году — подступившее ко мне стихотворение:

Я был счастлив — меня презирали:
пионеры на брянском вокзале —
каждым горном своим;
на Урале —
лесорубы — клещами в паху;
новгородцы — Софийским собором;
север — оловом;
прошлое — «Словом
о полку».

Он прошёл сквозь Отчизну навылет,
поезд
(окна однажды разбили!),
так чужбину минуют в ночи,
но при этом легло на страницы:
«Ты — не перст из небесной десницы.
Если хочешь приблизить зарницы,
за железо схватись — и молчи».

Ну так что же, окрестные тучи,
я всё крепче хватаюсь на круче
за железное время своё,
и чем ниже сполохи, чем ближе,
тем яснее Отчизну я вижу
и — казнимый! — молюсь за неё.

— Юра, по отношению к тебе я вряд ли гожусь на роль объективного критика. Но, видит Бог, ты не зря поездил по России.

— А сегодня, Лёша, меня часто посещает видение, как этот самый наш агитпоезд выползает с «запасного пути» — или пусть для кого-то исторического железнодорожного тупика — и возвращается на те станции и полустанки, почти не изменившиеся за промелькнувшие сорок лет. И агитпоезд встречают как раньше — с хлебом-солью, с духовыми оркестрами, с одной лишь разницей: этот хлеб душистей и слаще, соль — солонее, а оркестры — духовитее… И я вижу, как народ с этих станций и полустанков, невзирая на слабые протесты проводников, заполняет его вагоны и уже взбирается на крыши вагонов — насколько это возможно, и агитпоезд трогается с места и отбывает — куда? не важно, — и на борту его крупными буквами выведено: «Учимся коммунизму — строим коммунизм!»

— Есть одна известная притча о Шартрском соборе. Три мужика катят вагонетки с камнями. Тяжёлая, грязная работа. Первого спрашивают: «Ты что делаешь?» — «Камни ворочаю, будь они неладны». Второго спрашивают: «А ты что делаешь?» — «Я зарабатываю деньги для моей семьи». И только третий из них ответил: «Я строю Шартрский собор». Мне ближе третий, потому что собор в душе у него уже есть. И заметь: то же самое было ведь и со строительством коммунизма…

Лира Абдуллина

Про доброе тебе наворожу

* * *

Пока ты спишь, пока метели дуют,
Я над тобою тихо поколдую,
Горячий лоб ладонью остужу,
Про доброе тебе наворожу.

Чтобы тебе не плакаться, а праздновать,
Чтобы тебя, пригожего, не сглазили,
Доверчивого чтобы не обидели,
Чтоб други или недруги не выдали.

Пока ты спишь, усталый и измученный,
Пока снега колышутся позёмками,
Я отведу печали неминучие
Руками неумелыми и тонкими,

Чтобы тебя морока не морочила,
Напраслина людская не порочила,
Чтоб маетою маетной не маялся,
Перед судом неправедным не каялся.

Я поколдую над тобой украдкою,
Пока метель лютует беспросветная.
Все горести твои да будут сладкими,
Да будет грусть высокою и светлою.

* * *

Что там с тобой творится без меня?
Как дышится тебе и как живётся?
Чьё отраженье в зеркале смеётся,
Когда ты без меня?

Какие сны ты видишь без меня,
Когда скользит рассвет по синим стёклам?
Склоняешься ты к чьим ладоням тёплым,
Когда ты без меня?

Легко ли тебе, милый, без меня?
Наедине с любимыми, с другими
Уж не моё ли повторяешь имя,
Когда ты без меня?

И если ты сумеешь без меня,
Хочу тебе удачи неизменчивой:
Пусть это будет лучшая из женщин,
Когда ты без меня…

* * *

Отшумели белые метели—
Нынче ночью лебеди летели,
Нынче ночью лебеди кричали
Высоко, протяжно и печально.

Нынче ночью маялись олени
От глухого, смутного боленья,
Головами пьяными качая
Над лиловым всплеском иван-чая.

Нынче ночью вздрагивали камни,
Будто кто-то трогал их руками,
Будто рыбы белые на суше,
Будто кто им дал живую душу.

Ночь проходит, я смеюсь и плачу
Оттого, что чуда не отсрочить.
Можно было всё переиначить
Нам с тобой, но только нынче ночью.

* * *

Я проснусь морозным утром,
Когда сны твои легки,
Погоню оленью упряжь
Вдоль заснеженной реки.

У меня оленья шуба,
Да оленьи торбаза,
Да обветренные губы,
Да зелёные глаза.

А олени, словно тени,
И послушны, и легки,
Понесутся по веленью
Неуверенной руки.

Я уеду к синю морю,
Где студёная вода,
Где и горюшко—не горе,
Где и горе—не беда.

Не ищи меня по следу
Вдоль заснеженной реки.
Ранним утром я уеду,
Когда сны твои легки.

• • •

Бал состоялся. Башмачок потерян.
Но где же принц? И, топнув каблучком,
Вбегаю я, растерянная, в терем,
Раскинув руки, падаю ничком.

Ах, дура-дурочка из переулочка!
В толкучке рыночной принц-дурачок
На расписную глиняную дудочку
Меняет мой непарный башмачок.

• • •

Сын рисует синие машины,
Сын рисует синие маслины,
Сын рисует город голубой,
Синий дым над синею трубой.

И повсюду—синее сиянье,
Синие смеются марсиане,
На листке тетрадном синий цвет—
Как в снегу весеннем синий след.

Говорю я: «Так же не бывает».
Сын глазами синими моргает:
«Нет, бывает».
Может, и бывает,
Взрослые об этом забывают.

• • •

А в Дудинке ветры дуют,
Словно в дудочку дудят.
Буду думать, думать, думать,
Как уехать от тебя.

Дудочка-Дудиночка,
Голубая льдиночка.

Град портовый, град фартовый,
По снегам твоим хожу,
В замороженные окна
Завороженно гляжу.

Сердце сжалося от боли:
Ах, разлука нелегка!
Полюбить в Дудинке, что ли,
Молодого рыбака?

Чтоб любил меня роскошно,
Непонятную пока,
Чтоб к глазам моим раскосым
Долго-долго привыкал.

А в Дудинке ветры дуют,
Словно в дудочку дудят.
Буду думать, думать, думать,
Как уехать от тебя.

Дудочка-Дудиночка,
Сердца половиночка.

• • •

Приучил меня к расставаниям,
К расстояниям приучил.
О, постылое постоянство
Постиженья простых причин,

Разрывающих наши пальцы,
Двух скитальцев во тьме ночи.
Не расстаться нам, кайся не кайся.
Не сойтись нам, кричи не кричи.

Всё конверты, конверты синие,
Словно проруби на реке.
Ты всё думаешь, что я сильная,
Что могу от тебя вдалеке.

Если б знала, что только слабого
Бережёте вы от беды,
Извела бы тебя я жалобой
Чайки, стонущей у воды.

• • •

Тончайшее кружево сада,
Легчайшая эта прохлада—
Усталому сердцу отрада.
Спасибо, друг милый, я рада.

Прелестнейшая серенада
Под звуки гитарного лада—
За что мне такая награда?
А впрочем, спасибо, я рада.

Тишайшая грусть листопада.
Две тени, бредущие рядом,
И кротость нежнейшего взгляда…
О, только не это. Не надо.

• • •

С ума сойти!
Такого лета
Я не видала тыщу лет.
Сквозь путаницу влажных веток
В меня врывается рассвет.
Я рассветаю, рассветаю,
И вот уже совсем светло,
И солнце, в небе вырастая,
Дрожит оранжевым пятном.
Звенит кузнечик так отчаянно,
Как будто бы в последний раз,
Как будто бы струна нечаянно
Мучительно оборвалась.
Зелёным пламенем объяты
Грозой измятые цветы.
В безумстве лета
Виноваты
Два человека—
Я и ты.

Наталья Емельянова

Как я приходила к Астафьеву

Родилась я в Красноярске, а точное место моего рождения все вы видели. Точно говорю—видели! Ну, если хотите посмотреть ещё раз, возьмите в руки десятирублёвую бумажку. Видите на ней мост через Енисей? Справа от моста на том берегу высотное здание—бывшая гостиница «Турист». А слева—нагромождение крыш. Вот там, среди этих крыш, на берегу Енисея находится больничный городок с роддомом в центре. Правда, когда я родилась там, это были деревянные двухэтажные корпуса. Сейчас их перестроили, но место-то осталось то же самое.

Так я и жила в Красноярске до девяти лет. А потом мы переехали строить Красноярскую гэс. Отец меня и младшего братишку часто возил на стройку. Грандиозность строительства поражала! Росли мы, росла и гэс, и мы себя чувствовали сопричастными строительству этого великолепия. Вот переверните десяточку на другую сторону: правда ведь, красавица получилась?

А жили мы тогда не в самом Дивногорске, а в посёлке Молодёжном, раскинувшемся четырьмя террасами на горе, выше деревни Овсянки, растянувшейся вдоль енисейского берега.

В третий класс я ходила в старую деревянную школу-восьмилетку, стоявшую в Овсянке на самом берегу Енисея. А к четвёртому классу построили новую, кирпичную, уже в Молодёжном. Но называлась она по-прежнему: Овсянская средняя школа. В одном классе со мной учились и овсянские, и молодёжновские ребятишки. Ещё за дорогой, выше Овсянки, стоял посёлок Комсомольский, совершенно не видный с трассы. А в пятом классе к нам присоединились ещё и слизневские. Там была только начальная школа. Так в классе образовалось четыре клана. Самыми презираемыми были овсянские. Это мы, молодёжновские,—строители Красноярской гэс! А овсянские—«деревня», дальше своих огородов интересы не распространяются. И дразнилка у них была интересная: «овсянские гробовозы». Наша учительница, чтобы мы прекратили обзываться, рассказала нам старинную легенду. Что ещё в стародавние времена золотоискатели, чтобы их не ограбили по дороге, придумали перевозить золото в гробах, под видом покойников. Овсянские прознали про это и утащили гроб у остановившихся на ночлег проезжающих. Но в гробу оказался настоящий покойник—умерший в дороге атаман. С тех пор овсянских и прозвали «гробовозами».

Но мы и после этих познаний дразниться не перестали. А сами приравнивали себя к элите: ведь мы не местные, коренные, с их «картошками-моркошками», а такие, как, например, всеми нами любимая учительница географии Ирина Анатольевна. Ведь она с отличием окончила Московский университет и за это получила распределение не в какую-нибудь тьмутаракань, а на строительство Красноярской гэс, то есть в Овсянскую школу.

А это невероятное событие произошло в нашей школе осенью 1964 года. В нашем пятом «А» классе по расписанию—урок ботаники. Заходит «ботаничка» и вместо урока говорит:

— К нам приехал Виктор Петрович Астафьев—известный писатель. Он родом из Овсянки. Гостит здесь сейчас у своих родственников.

Мы были потрясены: писатель—из овсянских, из «гробовозов»? Да не может такого быть!

А учительница развернула тоненькую книжицу автора В. П. Астафьева «Дядя Кузя—куриный начальник» и вместо ботаники прочитала нам её вслух, чтобы мы имели хоть какое-то представление о творчестве этого писателя. Пятому «Б» повезло ещё больше, им «Дядю Кузю» читали вместо математики. По-видимому, эта была единственная книжка, которую нашли в библиотеке, а вся школа должна была познакомиться с творчеством великого земляка.

А после уроков наша «классная» подозвала меня и ещё одну Наталью—Павшукову и отправила нас приглашать Астафьева в школу на встречу с учениками. Наташка была местная, овсянская, и хорошо знала, где живёт тётка Виктора Петровича, у которой он остановился. А мне дали записку с текстом. Я его выучила наизусть и сейчас помню: «Уважаемый Виктор Петрович, приглашаем вас на встречу в вашу родную школу…» Слово «родная» мне в тексте не понравилось: какая же она родная, когда она—новостройка и Астафьев в ней никогда не учился? Всю дорогу мы с Наташкой спорили, говорить или не говорить это слово. Наталья меня убедила, что говорить надо. Ведь Виктор Петрович учился в Овсянской школе, но теперь

той старой школы нет. Овсянской называется эта, новая, значит, теперь она—родная.

Мы подошли к дому. Дом как дом, как и большинство в Овсянке: крепкий, ухоженный, с цветами в палисаднике. Ну и, конечно, с красивыми окнами. Любят овсянские покичиться перед соседями окошками: тут и резные наличники, и занавесочки, и цветы на подоконниках. Это ещё мой отец изрекал народную мудрость: «Изба—как баба: губы крашеные—значит, красивая».

Нас встретила пожилая хозяйка в цветастом платочке на голове, в фартуке, проводила в дальнюю комнату. Стены небольшой комнаты украшены вышивками, фотографиями. Вся многочисленная родня смотрит на нас и с больших ретушированных портретов, и с маленьких фотографий, приткнутых за рамки тех же портретов. Большое зеркало тоже утыкано по краям поздравительными открытками.

Виктор Петрович сидел за столом, застланным белой скатёркой, но, встречая нас, встал. Мы с Наташкой дружно поздоровались, и я оттарабанила заученный текст. Виктор Петрович улыбнулся, стал расспрашивать нас про новую школу.

Но в это время на входе взмыли занавески, и в комнату вихрем влетела женщина помоложе хозяйки, но так же по-деревенски повязана платочком. Она бросилась к Виктору Петровичу:
— Братец, дорогой! Наконец-то ты приехал. Мы так тебя ждали.

И они стали обниматься и целоваться. Мы с Наташкой стояли, разинув рты. Виктор Петрович, не выпуская женщину из объятий, обернулся к нам:
— Девочки, я приду, обязательно приду.

И тут до нас дошло, что это уже и неприлично—стоять вот так и глазеть на встречу родных людей.

На обратном пути меня разбирали сомнения: а вдруг Виктор Петрович не запомнил, когда прийти, куда? Может, мне надо ещё раз зайти, напомнить?

Но Виктор Петрович пришёл ровно в назначенное время. Вся школа собралась в спортзале. У нас все праздники проходили в спортзале, там и сцена была. К этой встрече на ней установили заборчик, сбитый мальчишками на трудах, перед ним—лавочку. Заборчик утыкали настоящими подсолнухами, благо осень стояла тёплая и они не успели замёрзнуть. На этой сцене старшеклассники показали какую-то сценку «из Астафьева».

Виктора Петровича усадили за малюсенький журнальный столик, рядом с учительницей литературы. Мне показалось, что ему очень неуютно за этим хлипким столиком, на виду у всей школы, ещё и как-то боком к сцене. Мы все тоже сидели боком к сцене на лавках, собранных со всех классов.

Но особенно неуютно чувствовал себя парнишка-старшеклассник. Он стоял рядом со столиком, как к доске вызванный. Зажав в руке тетрадку с текстом, он старательно рассказывал биографию Виктора Петровича. А мы все за него переживали: это же так страшно—рассказывать писателю о нём же самом. А вдруг ошибёшься, что-нибудь не так скажешь? И действительно, Виктор Петрович несколько раз останавливал оратора и поправлял его, буквально одно-два слова, но это полностью меняло смысл сказанного.

Парнишка, как видно, был хорошим учеником и умел красиво декламировать. Рассказывая о фронтовых годах Астафьева, он ушёл в высокий пафос. Виктор Петрович и тут его остановил и практически повторил, почти не изменяя, ту же самую фразу, но повторил совсем по-другому, очень просто и даже с грустью в голосе. Но всем вдруг стало ясно, что война—это не героическая эпопея, а тяжёлая солдатская работа. Мы понимали, что Астафьеву, так же как и нам, жаль этого волнующегося парня, но жизненная правда—дороже.

Потом учительница велела всем задавать вопросы писателю. Но все заданные вопросы вертелись как-то всё вокруг одного произведения «Дядя Кузя—куриный начальник».
— Так вы, наверное, кроме «Дяди Кузи», ничего и не читали?—быстренько «вычислил» нас Виктор Петрович и стал рассказывать сам, что у него есть довольно много написанных и уже изданных книг и ещё больше он собирается написать.

Рассказывал и о войне, и о своём детстве, и о своих овсянских родственниках, какие они добрые и замечательные люди. Вот тебе и «гробовозы»!

Рассказывал Виктор Петрович захватывающе интересно. И спортзал, с его болтающимися над головой баскетбольными сетками и канатами, со сваленными в углу матами, с растопырившим копыта дерматиновым «козлом», становился вдруг милым и по-домашнему уютным.

Вечер заканчивался, и я, набравшись храбрости, подошла к Виктору Петровичу и выпалила ему вторую, уже самостоятельно заученную фразу:
— Уважаемый Виктор Петрович, я приглашаю вас посмотреть на говорящую ворону.
— Да, да!—подхватили стоящие рядом учителя.— У этой девочки действительно есть говорящая ворона.

И мы пошли с присоединившимися к нам несколькими учителями к нашей мараюшке, где у нас жила самая обыкновенная ворона, случайно научившаяся говорить человеческие слова. Тут уже я волновалась: а вдруг наша Галя-Галя, так мы звали нашу ворону, не захочет говорить? Но Галя-Галя не подвела, она прокричала и своё имя, и «папка», и «кто там?», и многие другие слова своего репертуара.

Виктор Петрович посмеялся, поблагодарил и с тем ушёл. А я с тех пор ждала, когда же он напишет о нашей замечательной вороне. Но ни в одной из прочитанных после этого книг я не нашла даже

упоминания о ней. Про каких-то кур написал, а про нашу говорящую ворону — нет.

Потом я поняла: я ведь не рассказала Виктору Петровичу, какая она у нас умная, какая талантливая и про тот счастливый случай, как она у нас появилась. Ведь это отец подарил мне эту ворону на мой день рождения, на пятилетие, выменяв её ещё желторотым птенчиком у мальчишек на пару породистых голубей. Она даже сама клевать не умела. А как мама учила меня и младшего братишку заботиться о ней, объясняя нам, что ворона — живая душа, а не игрушка! А как наша умница Галя-Галя самостоятельно усвоила человеческий язык, без всякой дрессировки! И как потом удивляла разговорами наших соседей, знакомых и даже пыталась вступить с ними в беседу! Ворона к тому времени жила у нас уже седьмой год, за это время с ней случилось столько забавных приключений. Да разве всё расскажешь за одну короткую встречу? Пришлось мне про Галю-Галю написать самой.

Но та детская встреча с Виктором Петровичем, знаменитым земляком, оказалась не единственной в моей жизни. Случилось так, что наши с ним пути-дорожки не то чтобы пересеклись, а так, чуть-чуть соприкоснулись.

В то лето я окончила школу, в институт поступала. И надо сказать, что была у нас дача в Усть-Мане, мы сами её построили не в самом посёлке, а за рекой, где была всего одна улица, она так и называлась — Заманская. Никаких «картошек-моркошек» у нас на даче не росло. Отец увлекался цветоводством, одних гладиолусов было более двухсот сортов, а ещё кусты роз, пионы, тюльпаны, гиацинты и многое другое с такими названиями, что и не выговоришь сразу. Всё это цвело, благоухало.

Мы подружились со многими соседями, но особенно ко мне благоволила учительница Антонина Иннокентьевна Вычужанина. Её семья жила в небольшом домике на самом берегу Маны, над обрывом. А вспомнила я сейчас Антонину Иннокентьевну потому, что с Астафьевым они учились когда-то в одном классе Овсянской школы. А потом ещё и роднёй стали. Её родной брат женился на двоюродной сестре Виктора Петровича.

Вот подходит как-то Антонина Иннокентьевна к нашей даче и говорит:

— Наташенька, Виктор Петрович приехал, собирается на могилку к матери сходить. Цветочков бы!

Я ей тут же нарезала самых красивых цветов. Хороший получился букет, достойный.

А через несколько дней соседка снова обратилась ко мне за помощью:

— Наташа, помоги мне прибраться. Виктор Петрович приедет к нам погостить. Хочет он сбежать от своей овсянской родни.

— Разве его плохо там принимают?

— Что ты, наоборот, очень хорошо! Каждая семья считает за честь принять такого гостя, устраивает праздник, соседей созывает. А гуляют овсянские, как положено, три дня, не меньше. Погуляли у одних — милости просим к другим. А родни у Виктора Петровича в Овсянке много. Устал он уже от этого, хочет побыть в тишине, поработать. Я ему уже и комнатку побелила, занавески перестирала. Но это всё старое, уже не модное. Ты молодая, вот и подскажи, как бы всё сделать посовременней.

Я стала перебирать сложенные стопочкой на столе вышивки, кружевные белые занавесочки ришелье. Всё сделано талантливо, с любовью, хранило тепло рук мастериц.

— Антонина Иннокентьевна, давайте это всё и развесим. Виктору Петровичу это должно понравиться.

И мы с ней перегладили всю эту рукотворную красоту, развесили по местам. На пол раскатали простиранные на речке домотканые дорожки. У порога постелили такой же сплетённый из старых тряпочек кружок.

А с самим Виктором Петровичем я тогда встретилась всего два раза, и оба раза на Манском мосту. Он шёл не один, а с каким-то высоким парнем. Я не сразу узнала его в тёмных очках. Только вспомнила: да у него же глаза болят после фронтового ранения! От простого смертного знаменитого писателя отличал разве что чёрный кожаный пиджак.

Я вежливо поздоровалась, он коротко ответил:

— Здравствуйте.

Вот, собственно, и всё.

Но с тех пор книги Астафьева я читала с особенным трепетом. Особенно «Последний поклон». Ведь все описанные им места были мне знакомы, я ходила по тем же лесным тропинкам, на тех же полянках собирала землянику. На месте бывшей дедушкиной заимки переходила Ману по запани. Отец меня и брата водил на скалу выше Слизневского спуска, откуда открывается великолепный вид на Енисей и вся Овсянка как на ладони. А как возмущался отец, когда там развернули строительство смотровой площадки: «Нельзя портить природную красоту!»

Первый отзыв о книгах Астафьева я услышала от родственницы, приехавшей нас навестить из Красноярска:

— А ваш овсянский Астафьев далеко пойдёт, сильно пишет.

Но мой отец вспылил, заспорил:

— Мало ли чего на войне было? Зачем всю грязь наружу выворачивать? Нет, так писать нельзя!

Отец сам фронтовик, но о своей армейской службе рассказывал неохотно, больше отшучивался и вспоминал разве что забавные случаи из фронтовой жизни. Я думаю, плакат «Не болтай!» крепко сидел в его мозгу. Он хорошо помнил

те времена, когда за лишнее слово можно было крепко поплатиться.

Потом для меня настали студенческие времена, и теперь я понимаю, что главное моё образование происходило не на лекциях и семинарах, а тогда, когда мы с подружками-студентками ходили на концерты и спектакли, смотрели фильмы и выставки. А потом, постигая истину, спорили до полуночи и о фильмах, и о прочитанных книгах.

Особенно нас потряс спектакль Красноярского тюза «Кража» по книге Астафьева. Чтобы докопаться до сути, пришлось всем ещё на раз перечитать книгу, сравнить со спектаклем.

Вспоминается ещё один случай, связанный с творчеством В. П. Астафьева. Я возвращалась из командировки в Красноярск. Из всех поездок старалась привезти сыну подарки — книжки или игрушки. На этот раз мне посчастливилось приобрести прекрасно изданную книжицу «Васюткино озеро». До Канска на поезде — больше четырёх часов. Я достала эту книжку с великолепными картинками. А соседями в общем вагоне оказалась бригада шабашников. Я не очень поняла даже, какой они национальности, таких, помнится, скопом называли «чуреками». Им тоже скучно было молча ехать длинную дорогу. Они стали расспрашивать, что за книжку я читаю, интересная ли. А потом попросили:

— Почитайте нам вслух.

Я стала читать и когда дошла до места, где небольшой мальчик Васютка уже который день блуждает по лесу, заметила, как эти бывалые мужики вытирают кулаками слёзы с небритых щёк.

— Он погибнет в лесу, этот мальчик?

— Да что вы! Это же наш сибирский мальчик, он знает, как выжить в тайге.

Я вспомнила, как в детстве отец меня и братишку учил в лесу разжигать костёр с одной спички, в любое время года искать в тайге съедобное, находить нужную дорогу.

Сейчас в Молодёжном или Овсянке (по сути — это один посёлок) у меня из родных никто не живёт. И сама я там давно не живу, так уж жизнь сложилась.

Когда умер мой отец, на старом овсянском кладбище уже никого не хоронили. Зажатое между скалой и проложенной железной дорогой, это кладбище уже не могло никого принять. Отца похоронили на новом, ещё совсем небольшом кладбище, обустроенном на красивой поляне, на горе, сразу за Молодёжным. В старые времена это была, скорей всего, пашня кого-то из овсянских. В самой Овсянке земли мало, только на небольшие огороды. Вскоре после отца на том же кладбище похоронили и мою тётушку, отцову сестру. Мне не к кому стало приезжать в Молодёжный.

А на кладбище у отца и тётушки я бываю редко, к своему стыду.

В один из приездов убралась на могилке отца, потом пошла наводить порядок у тёти. Пока шла, столько знакомых имён на табличках прочитала! А я-то их числила среди живых. Крашу тётушкину оградку и наблюдаю, как к какой-то могиле рядом, буквально через дорогу, постоянно подходят люди. Мне из-за берёз была видна только чугунная узорчатая ограда. Я решила полюбопытствовать, подхожу и вижу: среди берёз и молодых сосенок стоят два чёрных памятника. На одном снизу изображены стопка книг и росчерк подписи, на другом — только одно имя: «Ирина».

— Да это же Астафьев, — ахнула я.

А рядом — его так рано ушедшая из жизни дочь. Так вот к кому идут люди, к кому несут цветы, стоят в молчании или тихонько что-то объясняют своим детям.

Возвращаюсь обратно к тётушке закончить уборку. И в это время к кладбищенским воротам подъезжает чёрный джип, сверкая оскалом металлического намордника и оглашая округу дикой музыкой. Из джипа вывалилась компания весёлых ребят в шортиках, в шлёпанцах на босу ногу, в руках по бутылке пива.

— Вам-то сюда зачем?

Оказалось, тоже к Астафьеву. Под пьяный гогот, в обнимочку, прихлёбывая пивко, пофоткались «на фоне Астафьева». И, довольные собой, подались восвояси. Вот такой культпоход.

Хотелось спросить: «Да читали ли вы Астафьева?»

Ведь тот, кто читал Астафьева, проникся его словом, перестрадал его страданиями, почувствовал вкус его горькой правды, тот пойдёт по жизненным ориентирам, как по «затесям», и вряд ли свернёт на «кривую дорожку».

А я с тех пор, когда навещаю похороненных на овсянском кладбище родных: отца, тётю, — то обязательно прихожу и к Астафьеву Виктору Петровичу.

Борис Витальев

Принцесса

Поезд летел сквозь пустынные дали Казахстана. В окнах мелькали до боли однообразные оранжево-саксаульные виды, за которыми маячили холмы. Лишь буранные полустанки, в два-три домика с глиняно-соломенной крышей и бегающими меж ними загорелыми до черноты ребятишками в коротких шортиках, иногда веселили глаз.

— А ты могла бы жить вот на таком полустанке? — вдруг спросил Сергей.

— Я бы смогла, не надо напоминать мне о вашем Айтматове и его манкуртах!

— Нет, нет, я лишь хотел предложить прогуляться в вагон-ресторан, там нас, возможно, накормят горячим. А Айтматов — киргизский писатель.

— Можно подумать, в маленькой, сплошь горной Киргизии есть такие полустанки, как в этой степи!

— Наверное, есть, там тоже не всё горы.

Они пошли сквозь грохочущую, болтающуюся начинку поезда и наконец попали в вагон-ресторан.

Назвать это рестораном, даже с натяжкой, было сложновато. Шесть столиков, по три у каждого оконного ряда, потёртая ковровая дорожка. Сергей увидел, что над средним столиком по левому ряду имеется розетка, — значит, можно подзарядить почти сдохшие телефоны. Он чуть отодвинул стул:

— Садись сюда, Валюша.

Валентина грациозно присела на краешек стула. Её янтарные азиатские глазки вдруг засветились озорным блеском. Она смотрела в окно и улыбалась.

— Что тебя развеселило? — спросил Сергей.

— А ты посмотри, что творит! — с усмешкой она указала на окно.

Поезд остановился на очередном буранном полустанке. В окно было видно, как наглая и жирная ворона донимала, видимо от скуки, серого чумазого кота-«железнодорожника». Она подкрадывалась сзади и клевала его в кончик хвоста, видимо чувствительно. Кот разворачивался и шипел на неё, но наглая ворона, чуть взлетев, подкрадывалась с другого бока.

Нарисовался официант, молодой казах, в белой, однако не идеально чистой курточке.

— Вот меню, пожалуйста, — произнёс без акцента официант.

— Что заказать, принцесса? — спросил Сергей, открывая меню.

— Для восстановления мне в первую очередь нужны белки и углеводы.

— О Господи, откуда ты слова-то такие знаешь? — удивился Сергей.

— Я их не знаю, я их произношу, — улыбнулась Валя.

— Ладно, тогда тебе заказываем каурдак и зелёный чай, а я обойдусь солянкой. Знаешь, солянка — символ всех поездов, и я всегда сравниваю.

— Знаю, — улыбнулась Валя, — только не спрашивай откуда.

Официант расставил блюда, поставил чайничек, пожелал приятного аппетита.

Только начали кушать, как тот же официант прибежал с испуганным лицом:

— Извините, пожалуйста, вам надо пересесть за другой столик! За этим обедает начальник поезда!

Поезд уже набирал скорость, вагоны покачивались.

— Послушай, брат, так дела не делаются. Поставили бы вы табличку, что столик забронирован, мы бы и не сели за него. А теперь люди уже, понимаешь, кушают, а ты что предлагаешь?

Официант побежал к ближнему к барной стойке столику, где дружной компанией обедали мужчины и женщины в железнодорожной форме с погонами со странными четырёхконечными звёздами.

— Сейчас опять прибежит, с ультиматумом, — подытожил Сергей.

Валя смачно разжёвывала баранью почку, происходящее её явно веселило.

— Вас очень настоятельно просят! — уж совсем трагично произнёс бедолага-официант.

Сергей глянул на Валю. Та предложила ему попробовать кусок баранины с вилки. Он вздохнул и жестом попросил официанта наклониться, чтобы можно было шепнуть.

— Слушай меня. Я полковник российской полиции, начальник транспортной полиции Барнаула мой ученик и друг. Сколько ваш поезд стоит в Барнауле — минут сорок? Может, хотите проблем в следующем рейсе?

Официант со скоростью торпеды метнулся к начальственному столику, поездное начальство с интересом глянуло на них, после того как он им передал послание.

Через минуту он был у их столика.
— Приятного времяпровождения! Вам прислали вот это,—он поставил на стол казахстанский коньяк.
— Валя, ты уже сыта?
— Да, Серёжа, спасибо!
— Счёт, пожалуйста.
— Пожалуйста!—официант выложил на стол явно завышенный счёт.

Валя прихлёбывала чай, весело глядя на нагрудный карман Сергея, из которого медленно выползли радужные бумажки тенге, отпечатанные на французском монетном дворе. Портмоне со счётом само собой открылось, и бумажки аккуратно в него улеглись, а одна купюрочка коварно прокралась в карман официанта.

Они встали и пошли из вагона-ресторана. Начальственный столик поезда хранил тишину, официант стоял с открытым ртом. На выходе из вагона им повстречался поездной попрошайка, который смотрел на пару с восхищением и аплодировал, его волосы были всклокочены, рожа как у кочегара. Проходя мимо, Валентина, не глядя и не касаясь, провела ладонью над его головой—моментально на мужике образовалась модная дорогая причёска, лицо сияло чистотой.

Ночью поезд остановился. Валя сонно мотнула головой:
— Это что, станция?
— Да, Актогай, стоянка двадцать минут. Хочешь размяться?
— Да, Серёжа, пошли.

На станции было лёгкое столпотворение, продавцы ходили вдоль вагонов с огромными копчёными рыбинами, из торговых рядов доносился запах жареной рыбы.
— Ой, Серёжа! Здесь настоящее рыбье царство! Какие большие! Откуда? Здесь же голая степь!
— Валя, ты тут не права. Рядом находится очень большое озеро, Балхаш.
— Прямо уж такое большое?
— Да, Валюша, я уж точно не помню, но километров триста-четыреста в длину есть.
— Хочу балхашской рыбки, вон той!—Валя указала на продавщицу, державшую огромного, в полроста человека, развёрнутого копчёного сазана.
— Валя, мы такого не съедим, он провоняет всё купе, так что спать невозможно будет. К тому же это опасно.
— Ты мне об опасности говоришь?—Валя топнула ножкой.—Я две тысячи лет не ела рыбы, купи мне хоть маленькую, жареную!

Они подошли к рядам с жареной рыбой. Валя с наслаждением повела носиком.
— Это что у вас?
— Сазан, очень вкусный!
— Нет, нам сазан не подходит!
— А вам хищников? Вот жерех, вот сом.
— Давайте вон тот кусочек сома.

В купе Валя уплетала жареного сома:
— Вкусно, балхашский сом, вкусно!

Сергей с нежностью смотрел на неё и думал: «Надо же, как мало надо человеку после двухтысячелетнего плена, даже если он—легендарная принцесса».

Через пару часов у Вали начался жар, она металась в поту и бормотала что-то на непонятном языке. Сергей метнулся к проводнице.
— Что, рыбки жареной поели?—умудрённая железнодорожным опытом миловидная полноватая проводница потянулась и искоса глянула на Сергея.—Вот вроде опытный мужчина, по документам урождённый казахстанец, а накормил свою принцессу чем попало.
— Откуда вы знаете, что она принцесса?
— Да ладно, только принцессам мужики не в силах отказать в кусочке вкусненького, даже если они понимают, что это смертельно опасно,—ухмыльнулась проводница.

В купе она осмотрела мечущуюся в поту Валю.
— Что ели?
— Сома.
— Понятно. Подсунули вам, скорее всего, сазана, а в нём всякой гадости предостаточно. Я вколю сейчас вашей принцессе сильнейший антибиотик и снотворное. Если к утру жар не спадёт, стучитесь, будем скорую вызывать, мы как раз к шести в Алма-Ате будем. И укол, конечно, не бесплатно.
— Сколько?
— Пять тысяч тенге.
— Конечно, спасибо вам!
— Да ладно, если что—заходи,—подмигнула проводница.

Сергей вышел в тамбур и закурил, носом шмыгает, чуть не плачет. Проводница выглянула, хотело было прикрикнуть, что, мол, курить запрещено, да рукой махнула: ночь, да и переживает мужик, да и Бог с ним.

А Сергей думал: «Вот ведь, на пенсию уже засобирался, а тут такое задание—сопровождать принцессу на Азиатские исторические игры аж в Алма-Ату. А вдруг она совсем отравилась этим треклятым жареным куском рыбы? Тогда и без пенсии могут под зад пинка дать, у нас это запросто! Да и принцессу жалко, хорошая девчонка, весёлая».

Вот тут читателю резонно и вопрос задать: что это за принцесса такая в двадцать первом веке, и почему почтенный, уже без пяти минут пенсионер, её куда-то сопровождает и зачем?

А началось всё ещё в конце прошлого века, по «вине» археологов, нашедших в 1993 году древнее захоронение знатной женщины на плато Укок в Республике Алтай. Благодаря вечной мерзлоте она оказалась в ледяной капсуле, что способствовало уникальной сохранности находки. Ясное дело, что

простолюдинку бы, с шестью лошадьми, кучей утвари, в дорогих шёлковых одеждах с украшениями и со сложной причёской высотой почти метр, не упокоили бы. Вот и назвали её принцессой Укока.

Что тут началось! Судебные тяжбы: нашли-то новосибирские археологи, а где? А в Республике Алтай. Даром что страна одна, а наше нам верни! Алтайцы-то народ немногочисленный, но уж больно упорный, шаманов уважает, хотя смартфонами и компьютерами с Интернетом как атрибутами двадцать первого века отнюдь не брезгуют. И всё это под бубны шаманские, митинги, журналистские расследования с документальными фильмами. Даже природные стихии вроде как масла в огонь подливали. В Горном Алтае с тех пор чего только не было: и землетрясение жуткое, даже Новосиб слегка шатнуло, и наводнение, и град с куриное яйцо,— и всё под бубны шаманов: дескать, получите за святотатство, принцесса вам ещё не то покажет.

В Горно-Алтайске специально выстроили музей, практически дворец, со специальным пристройкой с дорогим оборудованием для поддержания нужной температуры и влажности—такой редко в каком городе-миллионнике имеется, не то что в городке с населением меньше шестидесяти тысяч,—и перевезли-таки мумию из Новосибирска. Так вам там её ещё и не покажут, ежели вы не важная персона.

Короче, получилось сплошное беспокойство, траты и социальный геморрой регионального масштаба. Москва, вручив премии археологам и получив неожиданную проблему на границе с Китаем, Казахстаном и Монголией, во всём этом видела только один плюс: она тайно надеялась, что хоть про Ленина забудут.

С тех пор прошло уже много лет, принцесс и принцев в ледяных капсулах нашли уже несколько (сколько—информация секретная). Но прогресс на месте не стоит. В том числе и генетика. Теперь эти капсулы не вскрывались, из них при помощи специальной иглы брался генетический материал, из которого потом всех этих принцесс просто клонировали. Жили они в закрытых территориях. Но вот беда: побочным эффектом этой технологии было то, что девушки и юноши получались ну совсем современные. Каким-то неведомым образом они в кратчайший срок овладевали современным языком той страны, где их нашли, и элементарными знаниями в объёме средней школы. Им объясняли, кто они такие, но вспомнить о своём прошлом они не могли; историки и археологи лишь разводили руками, учёные всех мастей бились над этой загадкой. Косвенные сведения получались лишь из иногда необычного поведения клонированных принцесс и их склонности, как бы это назвать, к чудесам, что ли. Это опять же было загадкой, но и настораживающим фактом, заставлявшим их держать на закрытой территории под строжайшей охраной. Так, одна из принцесс лет пять назад учудила следующее: погладила по животу беременную сотрудницу центра, причём беременности-то ещё и не видно было, срок был слишком мал. А ребёнок, родившись, сразу заговорил на древнегреческом, арамейском, аккадском, коптском, а когда ему показали фотографии страниц Книги мёртвых, написанной, как известно, на древнеегипетском, двухлетний малыш так серьёзно задумался, что взрослым сделалась жутковато. Ну ладно, у того малыша мама с папой—научные сотрудники, они теперь на троих с пятилетним малышом какую-то невиданную докторскую кропают и меньше чем на Нобелевскую премию не рассчитывают—в общем, вполне счастливы. А выпусти такую в свет? Представьте, что вы, к примеру, медсестра, а муж у вас, скажем, постовой полицейский, и у вас родилось такое чудо: что вы будете с ним делать?

Впрочем, ничего зловредного клонированные принцессы не делали, нрав имели весёлый и кроткий, и сотрудники их любили.

Но учёные есть учёные: как говорится, сколь ботанику не нравься, а всё равно ты для него—объект исследования. Вот и родилась у одного гениальная идея—отправить одну из принцесс на Азиатские исторические игры, которые впервые решили открыть в городе Алма-Ате, где-то на Медео, на чистом горном воздухе. Рекламировались они похлеще Олимпийских. И кого там только не должно было быть: китайцы, монголы, индийцы, непальцы, вьетнамцы, лаосцы, корейцы, японцы, узбеки, таджики, киргизы, хозяева, естественно, ну и как же без России—она же ведь тоже Азия. И соревнования должны быть необычными: чем там древние развлекались? А вдруг принцесса посмотрит и вспомнит: вот, мол, так мои предки делали? Всё какая-то информация.

Непосредственным сопровождающим решили отправить грамотного фээсбэшника. Вот и нашли Сергея Багрова, который мало того что когда-то истфак заканчивал, так ещё и родом с Алма-Аты. Понятное дело, следом отправились учёные под видом простых наблюдателей, а происхождение принцессы решили не афишировать, тоже пусть будет просто любопытствующая. Тем более существовала международная конвенция о запрете клонирования людей, которую, получается, русские учёные обошли.

Так и попал Сергей под этот «замес». Стоял теперь в тамбуре и дрожал, что́ станет с принцессой, которую почему-то назвали Валей; впрочем, ей и самой это имя нравилось. И ещё он думал, почему его не остановили, когда он купил эту злосчастную рыбу, ведь наверняка же есть ещё кто-то в поезде из этой экспериментальной делегации. А может, и специально не остановили, строчат сейчас свои

доклады, наблюдают: выживет, не выживет. «Всё-таки сволочи эти учёные,—вздохнул Сергей.—На ржавых поездах ездим, самолёты падают, а такие эксперименты проводим. Меня ещё припахали, когда я уже рапорт на пенсию приготовил, мало что я там двадцать пять лет назад истфак закончил, одну только дату Куликовской битвы-то и помню».

Всю ночь она металась в жару и бредила на непонятном языке. К утру притихла. Сергей испугался, метнулся прощупать пульс, но она вдруг открыла глаза, сверкнув в предрассветной мгле их янтарно-зелёным светом.

— Что тебе надо, Серёжа?—насторожённо спросила она.

— Господи, ничего мне от тебя не надо!—Сергея аж в пот бросило от раздражения, чего она там себе удумала.—Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, съела бы чего-нибудь. Надо было два кусочка рыбки вчера купить.

— Да уж,—вздохнул Сергей.—Армейским сухпаем обойдёшься. Вот консервированное мясо, вот галеты и чай, кипяток я сейчас принесу.

Проводница выглянула из своего купе:

— Ну что? Как ваша принцесса?

— Да лучше меня, завтрак требует!

— Да-а, странная вы парочка. Ну, дай Бог ей здоровья! Через полчаса Капчагай начнётся, покажи ей, что ли, если не видела.

— Спасибо, покажу.

Они стояли у окна и наблюдали, как среди рыжей, выжженной солнцем степи с оранжевыми обрывами осыпающих скал, словно мираж, появлялось и расширялось режущее глаз синее пространство воды.

— Это Балхаш?—радостно спросила Валя.

— Нет, это Капчагайское водохранилище. Его сделали люди, перегородив реку Или, которая течёт из Китая.

— Красиво: степь, даже деревьев нет, а тут такое… А оно как Балхаш?

— Нет, конечно, меньше. Но здесь, говорят, можно поймать рыбу длиной с человеческий рост.

Поезд начал замедлять ход, поскрипывая железными суставами, «Странно, он никогда здесь не останавливался»,—подумал Сергей. Поезд, дрогнув всем своим длинным телом, остановился.

В вагон вошла группа военных в чёрной форме, с американскими м-16, в шлемах с противопесочными очками.

— They are here!—сказал, видимо, главный, и к ним в купе громко постучались.

Они обернулись.

— Что вам угодно, господа?—спросил Сергей.

Тот, что говорил по-английски, без акцента по-русски произнёс:

— Принцесса Валентина и её сопровождающий, подполковник ФСБ России Сергей Багров, представляющийся полковником полиции, просим пройти с нами. Уверяем вас, вам ничего не угрожает, ваше руководство в курсе.

Валя глянула на Сергея своими изумительными глазками и просто спросила:

— Ты можешь их всех убить?

Это вызвало ухмылку чернокомбезников.

— Нет, не могу, нам придётся поехать.

Вдоль побережья Капчагая на джипах, в сопровождении двух БМП, они с завязанными глазами проехали до непонятного лагеря, где их определили во вполне приличный номер с кондиционером, душем и телевизором. Кровати было две, так что минимум приличий был соблюдён.

— Что от нас хотят?—спросила принцесса, уплетая гамбургер.

— Не увлекайся американской едой, фигуру потеряешь.

— Тебе нравится моя фигура?

— Так, давай в сторону эту тему. Мы в неопределённости, опасной. И их интересую не я, а ты и твои неординарные способности, причём в экстремальных условиях.

— Это как?

— А вот завтра и увидим.

Назавтра к ним вошли два вооружённых мечами и щитами воина, изображающих вежливость. Сергей и Валя прошли с ними по бесчисленным коридорам и попали в помещение, похожее на склад средневекового оружия.

— Вам предстоит сражение с хорошим бойцом, вам дана привилегия выбрать оружие. Принцессе разрешено помочь вам.

— Попасть на гладиаторский бой в двадцать первом веке?! Я даже в компьютерные игры подобные не играл!

— Не ной, не люблю этого в мужчинах. Выпала судьба биться—бейся, слушая меня!—неожиданно жёстко сказала Валя.

— Как я тебя буду слушать?

— Сердцем! Не бери этот шлем, он слишком тяжёл для тебя, голову повернуть не сможешь. Вот, держи,—она дала монгольский кожаный шлем с вшитыми в него железными пластинами.—Вот этот меч и… вот этот щит.

— А доспехи?

— Какие тебе доспехи? Ты и с этим будешь еле двигаться. Выйдешь в спортивном костюме и кроссовках своих старых, любимых. Поверь, никакой доспех не спасёт тебя от правильного удара. А так ты хоть в скорости передвижения будешь иметь преимущество. Ну вот, Серёжа, вперёд, ничего бойся!

Валя поцеловала его почему-то в плечо.

Арена была огромной, усыпанной мелким песком. Из противоположного конца вышел огромный воин, просто гора мышц; меч, который он держал в руках, Сергей, наверное, и не смог бы поднять. Они сблизились, противник взмахнул своим ужасающим мечом.

— Быстро вправо, корпус лицом к нему, глаз не закрывай!

Меч взрыл песок.

— Бей его по предплечью и отскакивай!

Сергей полоснул противника по руке, защищённой доспехом.

— Слабо! Ты не достал его, но разозлил, это хорошо. Осторожно!

Монстр лихо развернулся и вновь взмахнул мечом.

— Щит! — услышал Сергей и в следующий момент получил оглушающий мощный удар по щиту, который сбил его с ног.

Второй удар по щиту он получил уже лёжа, ему казалось, что сейчас его вколотят в песок вместе со щитом.

— Не вставай! Третий удар он сделает не по щиту, а по ногам! Разворачивайся лёжа и бей его мечом выше пяток, это твой последний шанс!

Сергей крутанулся, как угорь на сковородке, и изо всех сил врезал гиганту по ахиллесовым сухожилиям. Тот подмялся в коленях, рухнул на моментально впитывающий в себя кровь песок, треск разрываемых сухожилий услышала вся публика.

Гул публики стих, а в мегафон раздался голос.

— Наш русский друг проявил изобретательность и бойцовские качества, но мы подозреваем, что не последнюю очередь сыграла его невольная подружка, которую в закрытых кругах именуют принцессой Укок. Поэтому мы приглашаем на эту кровавую сцену легендарную принцессу Укок!

Она выехала на кровавый песок на белом жеребце с тонкими сухими ногами и чёрным пятном в виде звезды на лбу, в спортивном костюме, выгодно облегающем её тело, с луком с какими-то костяными накладками и полным колчаном стрел за спиной. Она то и дело что-то шептала коню в трепещущее ухо, отчего тот быстро перебирал ногами и крутился на месте.

— Вот она, тайная страсть российской науки! Прошу встретить её аплодисментами, она же прекрасна! — надрывался комментатор.

Валя неуловимым движением выхватила из колчана стрелу, с лёгким скрипом натянулась тетива, стрела, жужжа, разрезала воздух и, невероятным образом прошив пуленепробиваемое стекло колпака комментаторского места, вонзилась в рот комментатора. Публика ахнула. Из противоположного входа арены выскочили солдаты с автоматами, начали безостановочно палить в прекрасную всадницу. Конь вместе с всадницей бешено вертелся и нарезал круги по арене, пули летели в зрителей с противоположной стороны трибуны и влипали в пуленепробиваемое стекло, зрители с ужасом пригибались, их уже не устраивала рулетка в Капчагайской игровой зоне, они хотели чего-то сверхъестественного за свои деньги и теперь получали что хотели.

В VIP-кабинке с мягкими кожаными диванчиками и напитками с фруктами на столиках сидели важные мужчины в дорогих белых костюмах.

— Всё идет не так, как задумывалось, мы не предполагали, что будут жертвы! — с волнением оправдывающегося произнёс один.

— Я удовлетворён. То, что я вижу, стоит тех денег, которые вы вытянули с меня за это представление, — ответил сидевший в центре, которого, судя по одеянию и осанке, вполне можно было бы назвать арабским шейхом.

— Я не могу понять: как можно не попасть хотя бы в коня с такого расстояния из автоматического оружия? — произнёс третий, сидевший по правую руку «шейха», — возможно, «принц».

— Вы хотели чудес — вы их видите! — ответил первый.

— Как русские управляются с этими «принцессами»? Они опасны и непредсказуемы, — размышлял «шейх».

— Нежностью и лаской. Они же не выставляют их на гладиаторские бои. Мой источник из их секретного центра докладывал, что там чуть ли не семейная обстановка.

— Хочешь такую в гарем? — спросил «шейх» у предполагаемого «принца».

Тот лишь сделал защитное движение руками, что вызвало смех у обоих собеседников.

— Послушайте, уберите солдат, я не собираюсь выплачивать ещё и компенсацию за их здоровье.

На сцене действительно продолжали твориться чудеса. Неуязвимая принцесса безостановочно, с невероятной скоростью, продолжала поливать стрелами безуспешно стрелявших в неё солдат. Стрелы, опять же с необъяснимой лёгкостью, пробивали бронежилеты, но не убивали, а лишь ранили. Солдаты один за другим роняли на песок автоматы и тихо оседали на него же.

Когда принцесса осталась одна на сцене, зрителей тоже вывели вслед за солдатами. «Шейх» спросил у местного организатора:

— Отсюда можно с ней говорить?

— Конечно, сейчас я включу внешнюю связь.

— Кто ты, невероятная женщина? — несколько напыщенно спросил «шейх».

— Кто ты, трусливый мужчина? — ответила всадница.

Её взгляд был направлен прямо на сидевших в VIP-кабинке, хотя бронебойное стекло скрывало их от взглядов посторонних.

— Как ты можешь так говорить?! — гневно вскричал «шейх».

— Так выйди сюда и поговори со мной лицом к лицу, я отвечу на твои вопросы, а ты, несомненно, на мои.

Милая любительница жареной рыбки вела себя совершенно по-королевски, даже тон речи, характер выражений изменились.

Сидевший в «оружейке» рядом с выходом со сценой Сергей через звон в голове услышал собственную—да нет, чью-то чужую мысль: «Да, вопросы крови—самые сложные вопросы в мире!»

Мужчины в VIP-кабинке переглянулись.

В колчане принцессы видны были оперения ещё трёх стрел, а на поясе у неё болтался изрядной величины ножичек в ножнах, просто акинак какой-то. Что-то ни у кого не возникало сомнений, что она умеет им пользоваться. Порывавшийся было выйти на арену «шейх» охладел и, с трудом сдерживая раздражение, спросил:

—Что ты хочешь, женщина?

Всадница звонко рассмеялась:

—От вас я ничего не хотела и не хочу! Зато вы получили представление, которого не заслуживаете! Вы должны немедленно отпустить меня и моего спутника.

—Иначе что?

—Иначе последствия вашей страсти к необычному могут оказаться для вас столь же необычно страшными.

—Ты угрожаешь нам?

—Воспринимайте это как хотите!

Всадница вынула из колчана стрелу, вложила её в лук, и выпустила в сторону VIP-кабинки. Стрела с хищным свистом, вращаясь, словно буравчик (что вообще-то нехарактерно для полёта стрел), вонзилась в бронебойное стекло кабинки и, продолжая медленно его буравить, «прогрызла» его и, вырвавшись на свободу, врезалась в верхушку дивана, на котором сидел «шейх». Все трое важных мужчин уже сидели под столиками.

—Это невозможно!—кричал организатор.—Это стекло выдерживает прямое попадание из авиационной пушки самого крупного калибра!

—Быстро сажайте их в вертолёт—и к границе с Россией. Пусть русские сами разбираются с этой головной болью!—орал, в свою очередь, «шейх».—Ангар снести, все следы уничтожить, нам—билеты на самолёт вчерашним числом! Мой самолёт отогнать на Бали, пусть по всем документам он там стоит уже неделю!

Их высадили где-то на окраине пограничного посёлка Аул. Выложили все вещи и быстренько убрались восвояси.

—Что теперь, Серёжа?

Сергей был просто поражён: после того, что он лицезрел, перед ним была вновь милая, даже слегка растерянная девушка, слегка чумазая, в запачканном спортивном костюме и запылённых кроссовках, с грустными, чуть раскосыми зелёными глазами.

—Да ничего, мне вернули мобильный, в нём маячок. Скоро нас найдут.

—А потом что?

—Думаю, ты поедешь домой, к своим сёстрам и нянькам.

—А ты?

—А я тоже поеду домой, а там меня, возможно, отправят на пенсию.

—И мы больше никогда не увидимся?

—Думаю, да. Скоро будем прощаться.

Из глазок Вали полились слёзы, оставляя грязные полосы на щеках.

—Ну ты что? Перестань!—Сергей, как и большинство мужчин, терялся от вида женских слёз.

Вдруг у него родилась идея.

—Мы же в конце станции, пойдём, тебе что-то покажу!

—А как же нас найдут?

—Не бойся, нас теперь по-любому найдут.

Она доверчиво вложила свою ладошку в его ладонь, и они пошли вдоль перрона. «Ну прямо как брат и заплаканная сестра»,—усмехнулся Сергей, подавая Вале носовой платок. Они подошли к продавцу мороженого.

—Пломбир у вас есть?

—Конечно, есть. Почему у тебя девочка такая грустная? После моего пломбира развеселится, а?

—Ты просроченный только не сунь!

—Обижаешь, дорогой, только вчера делали!

—Ой, не свисти, из Барнаула, поди, мороженое возите.

Продавец обиженно надул губы:

—Между прочим, там лучший мороженный комбинат.

—Это я знаю.

Он дал Вале эскимо на палочке, развернув сверху фольгу.

—Ты лижи его, не кусай, а то зубкам будет больно.

—Вкусно,—муркнула Валя, облизывая эскимо.

—Ай, молодец, девочка!—не удержался продавец.

—А ты помалкивал бы уже. За товаром смотри!

—Ой, какой злой!—продавец опять надул губы.

—Сергей Багров и Валентина Постникова?

Он обернулся и увидел людей в тёмных костюмах, с выдержанными молодёжными причёсками, знакомые лица среди них.

—Ну вот, Валя, нас, наконец, нашли.

К нему подошёл его знакомый из управления города Н.

—Ой, Багров, схлопочешь же ты!

—За что?

—Тебе же сказали: никаких контактов!

—Да я ей просто мороженого купил, она его никогда не пробовала!

—Да, да! Хоть в стаканчике бы купил—нет, эскимо.

—Да оставь ты свои пошлые намёки!

—Ладно, ладно. Постникова пойдёт с нами, а тебе вот деньги на билет. Документы сохранил? Молодец. Вон станция, вперёд и с песней. Завтра в своём управлении отчитаешься.

—Прощай, Валентина!

Валя обернула заплаканное лицо:

—А ты будешь меня навещать?

— Конечно!
— Мороженое будешь привозить?
— Конечно!

Начальник управления закончил читать рапорт. Подпёр кулаком щёку и весело посмотрел на Багрова.
— Да, Багров, давно я не читал такого увлекательного рапорта. Я, знаешь, ещё на старших курсах института фантастику перестал читать, а, видимо, зря!
— Товарищ полковник, тут чистая правда — как говорится, червонное злато, ни капли примеси!
— Да верю, мы знаем, что задание у тебя было необычное. Молодец, что бойню в поезде не стал устраивать, а то с этой принцессой неизвестно что бы вышло. Кстати, приглянулся ты ей, всю дорогу, говорят, спрашивала. Смотрю вот на тебя: чего в тебе такого, что на тебя принцессы западают?

Багров ухмыльнулся:
— Вы во множественном числе не говорите, а то скажут, что я сопровождающий принцесс, типа «паж».
— Ха-ха, смешно!
— А всё-таки я ей обещал мороженого привезти.

Полковник вмиг сделался серьёзным:
— А вот об этом забудь. Где сейчас она, даже я не знаю и не знал, кстати. Их центр после ваших приключений, скорее всего, передислоцировался. А в России, сам знаешь, есть место, где спрятаться.
— А подписку о неразглашении что же не берёте?
— А на кой она? Ты хоть в кабаке пьяным языком плети, хоть книжку пиши — кто ж тебе поверит? Кстати, скоро на пенсию, вот и пиши книжку. Может, фантастом станешь, я у тебя автографы брать буду.
— А с чего вы взяли, что я вам автограф дам?
— Но-но, Багров, ты смотри мне!

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Камила Сакаева (11 лет)

На краю земли

Суровый край… край земли… Именно так хочу начать я своё сочинение об Эвенкии — части большой России, которая находится в географическом центре страны. В Эвенкии я недавно, год, не больше; несмотря на это, я успела многое узнать об этом крае: о людях, природе, о жизни в этом удивительном месте на земле.

Прилетели мы в край далёкий прошлой зимой: зимняя сказка лесов, бодрящий сибирский мороз нас встретили ледяными кристаллами звёзд. В настоящее время я живу и учусь в посёлке Кислокан — деревушка маленькая, здесь живут в основном эвенки, есть русские и другие народы. У эвенков широко распространён обычай гостеприимства. Нас тоже очень приветливо встретили на этой земле: угощали разной рыбой, мясом — сохатиной и олениной. Что удивило меня в первый день? Что воду для питья нам привезли с реки: она была кристально чистая и прозрачная.

Здорово можно провести здесь свободное время: сходить в лес, на речку. Особенно красиво в моём селе летним вечером, когда заходит солнце. Солнышко медленно опускается, и яркие краски расплываются по небу. А как здесь прекрасно весной! Кажется, ты попадаешь в другой мир. Ранней весной и летом я люблю наблюдать восход и закат солнца. Представьте себе: весна, кругом лес, тайга, аромат хвои манит своим запахом. А солнце, садясь, обходит нашу реку Тунгуску. Последние его лучи окрашивают в красно-жёлтые цвета и воду, и траву, и лесок.

Как хорошо здесь дышится! Воздух чист! На улицу уже спустились густые сумерки. Село затихло. Поднимаю глаза к небу, а оно, как всегда, прекрасно. Нигде в мире нет такого неба: доброе, бездонное, только луна своим светом освещает путь.

Я знаю, что куда бы ни забросила меня судьба, воспоминания о Кислокане будут всегда со мной; думаю, что люди, которые хотя бы раз побывали в наших местах, не забудут их никогда. Не забудут наши леса, нашу Тунгуску и наших прекрасных людей.

Денис Макурин

Хасей

Идущий на край Земли

Когда звёздное небо радовало Землю день и ночь, а снега обнимали тундру от края до края, у одной ненецкой семьи родился малыш. Родители назвали мальчика Хасей. Точнее, так его назвал раздосадованный тадибей[1]. В тот час, когда шаман взял новорождённого на руки, чтобы произнести заклинание от злых духов, Хасей пустил ему ручеёк в рукав малицы.

— О-о-эй! И-ё-эй!—хриплым голосом простонал тадибей.—За твои проделки идти тебе до того места, где встречается Солнце с Землёй!

Вот это послание в будущее и означало имя Хасей. Хасей—идущий на край Земли. Но родители прежде не слышали такого имени и думали, что раз похожее имя Хаса—это добрый, хороший, красивый, то и Хасей означает то же самое. Муж и жена согласились с именем, отдали шаману в уплату трёх оленей и попрощались с вредным стариком.

Хасей рос непоседливым ребёнком. Сидя в гнезде из оленьих шкур, он тащил в рот и то, и это, и всякое, и овакое—одним словом, всё, что лежало под рукой или само к нему приползало. Когда Хасей встал на четвереньки, мать Нябинэ забивала колышек и привязывала шалуна за ножку, чтобы он не выползал из чума и не дотягивался до огня. Отец Собируй за шалости пощунял Хасея. Бабушка Илне тоже бранилась на внука, а в особых случаях и поколачивала его вицей. И только дядя Тетако, живший в чуме по соседству, никогда не ругал своего племянника. Он с удовольствием выстрагивал Хасею олешков, песцов или моржей, каждый раз повторяя при этом:

— Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей.

Первые шаги

Когда Хасей научился твёрдо стоять на ногах и начал делать первые шаги, он вышел из чума. Тут же белая лайка по кличке Нарэй бросилась к маленькому человеку в объятья. Она подскочила к Хасею, облизала ему лицо и начала кружиться вокруг. Хасей поморщился и скривил лицо: язык собаки не был похож на поцелуи матери.

— У-у-у!—сказал Хасей, это означало: «Уходи».

Но Нарэй не поняла маленького хозяина, ей не терпелось отправиться на охоту, она схватила своего человека за подол малицы и потащила в тундру. Хасей не знал, что такое охота, и заревел. Нарэй снова облизала лицо малышу. Он обиделся на собаку ещё больше и попытался убежать от неё.

Десять маленьких шагов отделяли Хасея от чума. Он успел сделать три, споткнулся о лежащий во мху хорей[2] и, падая, ударился о нарты. Большая красная шишка выросла на лбу у малыша. От боли, обиды и несправедливости он залился слезами.

Вечером в гости пришёл дядя Тетако. Нябинэ поставила низенький стол и налила горячего чаю из ароматных трав. Хасей возился с игрушкой тюленя. Мужчины сели за стол.

— Хасей, я принёс тебе новую игрушку,—сказал Тетако и выудил из-за пазухи деревянного ошкуя.

Хасей подполз на четвереньках, забрал белого мишку и уполз обратно на постель.

— Хасей вчера ходил. Целую неделю ходил. Зачем снова разучился?—удивился Тетако.

— Надоело, наверное,—ответил отец Собируй.

— Нет!—возразила бабушка Илне.—Ягель у тебя в голове, Собируй! Упал твой сын! Лбом стукнулся. Испугался. Теперь боится снова ходить.

— Бедный,—сказала Нябинэ не то про сына Хасея, не то про глупого мужа.

Тетако повернулся к племяннику, взял его на руки и начал жалеть:

— Охо! Я сегодня же отгоню все нарты за стойбище. Дам тебе свою большую малицу[3], малыш, и падать будет совсем не больно.

— Его надо снова привязывать, чтобы он не выходил из чума!—выругался Собируй.

— Оставь!—сказала бабушка Илне.—У ребёнка должно быть право на игру. Оберегая его от боли, ты не даёшь ему жить.

Через пару недель Хасей снова делал свои первые шаги, а лайка Нарэй лежала возле чума, прислушивалась к каждому шороху, повизгивала и с нетерпением ждала своего маленького охотника.

1. Тадибей—самоедский кудесник, шаман.
2. Хорей—шест, которым погоняют оленей при езде.
3. Малица—у народов Крайнего Севера длинная верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь, с капюшоном и рукавицами мехом наружу.

Священные кости

Пришёл как-то Собируй к тадибею жаловаться. Шаман, закатив глаза, бил заячьей лапой по бубну. «Бум-бурум! Бурум!» — звенел бубен.

— О-о-эй! И-ё-эй! — плясал шаман вокруг обновки. — Я самый хитрый тадибей! Малицу у простака на сушёный лопух выменял. Завтра пимы[4] возьму, кашель бубном полечу…

— Много лет жизни вам, светлейший тадибей! — сказал Собируй.

— Много лет жизни! — ответил недовольный шаман.

— Горе у меня… — продолжал Собируй.

— Олешки заболели, или опять жена суп пересолила?!

— Не-е-ет! Хуже! У Хасея любопытство растёт. Умствует безразмерно. Говорит, что хочет учиться! Помоги.

— Знаю! — ответил шаман. — Ладно. Своих детей у меня нет, возьму вашего. Нового шамана воспитаю.

В тот же день отец с матерью привели сына в чум к шаману и напутствовали.

— Вот твой новый чум, Хасей. Слушайся тадибея, — сказал Собируй.

— Ладно, — ответил Хасей. — Посмотрим.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про Хасея-ученика, не то про шамана-учителя и тяжело вздохнула.

Все оленеводы каслают[5] каждую неделю. Ягель заканчивается, олешкам нечего есть, приходится перегонять стадо. Вот и Собируй с женой Нябинэ, матерью Илне, братом Тетако свернули свои чумы, уложили на грузовые нарты свои дома и перекочевали на другое место. Хасей остался с шаманом.

В первый же день тадибей приказал Хасею вымести чум, а сам поехал обирать старого оленевода. Шаман нарвал лопухов и отправился в соседнее стойбище лечить старика от кашля.

— Чум вымети, золу из кострища выгреби, шкуры выхлопай, хворосту собери, чай свари… — наказывал шаман.

— Ладно, — отвечал Хасей. — Посмотрим.

Тадибей сел на нарты и, погоняя тяжёлым хореем четвёрку оленей, уехал. Ученик наломал вереска, старательно подмёл в чуме, выгреб золу, выхлопал шкуры. Под вечер подозвал свою любимую лайку Нарэй и других собак, запряг их в легковые нарты и привёз целый ворох хворосту. За службу Хасей бросил собакам кусок вяленого мяса и все кости, что нашёл в чуме.

— Ешь, Нарэй, заслужила! — гладил он свою любимую собаку.

Тадибей вернулся поздно вечером. Разложив новые пимы на столе, шаман начал произносить одно из своих заклинаний, приносящих ему богатства. Чтобы удача не отвернулась от шамана, ему понадобились обрядовые кости. Обыскав весь чум, он закричал:

— Хасей, где все костяшки?!

— Собаки съели.

Тадибей пришёл в ярость:

— Ты скормил священные кости, за это будешь сам голодать! Болеть твоему животу! И не спать тебе семь дней! Вон из чума!

— Ладно, — ответил Хасей и вышел из нового дома.

На следующий день от сварливого шамана убежали олени. Вдобавок у него разболелись зубы, а колдовство и новые пимы, как бы он их ни прикладывал к больной щеке, не помогали.

— О-о-эй! И-ё-эй! — страдал тадибей. — Попадись на глаза мне пройдоха Хасей! О-о-эй! И-ё-эй!!! За проделки твои напущу я ужей!

Собаки тем временем отвели маленького человека в тундру, где вызрело много черники и морошки. «Собака, однако, а помнит, кто её кормит», — подумал Хасей.

Через неделю родители пригнали стадо, и Хасей вернулся домой.

Каменная жаба

Однажды Хасей поймал кузнечика, зашёл в чум и начал его всем показывать.

— Отпусти, — велел отец Собируй.

— Нет! — заупрямился Хасей.

— Отпусти животное! — рассердился отец.

— Нет! — не уступал Хасей.

«Цок!» — крикнул кузнечик, но он был очень маленький, и его никто не услышал.

«Цвирк-цвирк!» — попытался он ещё раз.

— Бедный, — качая головой, сказала мать Хасея не то про кузнечика, не то про мужа и подлила всем чаю.

— От характер! — всплеснула руками бабушка Илне. — Пожалуй, охотником будет.

После бабушкиных слов Хасей ещё больше загордился своей добычей.

— Хочу ружьё.

— Нет, — ответил Собируй.

— Хасей будет самым лучшим охотником! — сказал Хасей.

— Нет, — отрезал отец.

— Да! — нахмурился Хасей. — Я мужик!

— Нет, — фыркнул горячим чаем Собируй. — Ребёнок.

— Да! — топнул ножкой мужик-ребёнок.

— Бедный, — подкинув хворост в костёр, сказала Нябинэ не то про Хасея-охотника, не то про его отца Собируя.

— Ладно, — щурясь от едкого дыма, ответил отец. — Будь по-твоему. Схожу за шаманом.

4. Пимы — обувь оленеводов Севера, высотой до бедра и с завязками.
5. Каслание — кочевье оленьего стада с погонщиками (оленеводами).

Хасей отпустил кузнечика, а Собируй обошёл стойбище и нашёл шамана. Тадибей окуривал новые нарты вереском.
— Бегайте, нарты, быстрее ветра! По снегу, по траве привозите богатства мне…—колдовал шаман.
— Много лет жизни вам, светлейший тадибей!—сказал Собируй.
— Много лет жизни!—ответил шаман.
— Сын вырос, однако! Первую добычу в чум принёс, охотником хочет стать. Наколдуй ему удачу.
— Кого же он добыл: гуся, зайца или ондатру?
— Нет, совсем маленькое животное. Таракана.
— Будет так!—рассмеялся тадибей.—Три оленя и один песец в уплату.

К обеду шаман был в чуме у Собируя.
— А не мал ли ты для охоты?—стуча в бубен, дразнил тадибей Хасея.
— Нет!—сердился Хасей.—Стоит мне только захотеть, я могу голым животом спать на снегу, ездить верхом на рыбе, бегать на равных с олешками и побороть ошкуя!

Конечно, Хасей не мог спать голым животом на снегу и бегать наравне с оленями, он только так говорил. Но очень уж ему хотелось поскорее стать взрослым и отправиться на охоту.
— Ладно,—сказал тадибей и ухмыльнулся.

Наконец-то сбывалась его давняя мечта избавиться от непоседы Хасея. «Будет тебе, шилохвост!—смекал шаман.—Отправлю по дороге без края и конца». А вслух продолжал:
— Как знаешь, Хасей. Но, чтобы стать настоящим охотником, тебе нужно отыскать каменную жабу. Раз уж ты таракана добыл, то под стать ему и божество твоё. Для начала отправляйся через всю тундру на родину Нгер Нумгы—великой Полярной звезды. Когда придёшь на край Земли, переправься через горловину Белого моря на Кольский. Оставив дрейфующие льды за спиной, ступай на Мурман. Ну а на Мурмане всякий знает, где искать каменную жабу. Поклонись идолу, оставь подношение и возвращайся.

Три дня и три луны Хасей не находил себе места. Он очень не хотел уходить далеко и надолго. Не хотел расставаться с родителями. Хасей любил лечь и кататься бочком, приминая ягель. Ему нравилось трогать влажные носы у собак, плеваться в лужи, а быть одному не нравилось. Ещё Хасей очень любил, когда перед сном бабушка Илне рассказывала сказки. Но вот уже который вечер егозливость характера не давала ему уснуть. Он всё представлял, как отправится к каменной жабе, отыщет её, поклонится и станет настоящим охотником.

Когда застенчивые сумерки опустились на тундру в четвёртый раз, Хасей сунул в мешок вяленого мяса, надел малицу, пимы и отправился на Мурман искать каменную жабу.

Украдкой он вышел из дома. Стараясь не будить собак и оленей, маленький охотник обошёл чум. Лайка Нарэй радостно выбежала навстречу. Наконец-то они отправятся на настоящую охоту, думала Нарэй. Хасей замахал руками, чтобы собака уходила, но лайка лишь помахала хвостом в ответ.

Через несколько минут Хасей и Нарэй дошли до конца стойбища и остановились. Прямо перед ними, в небольшой луже, сидела гладкопузая лягушка. Лягушка ловила сонных комаров и ничего не подозревала. Хасей взял её, осмотрел. Лягушка замерла от страха. Хасею тоже было холодно и страшно.

«Вот она, моя каменная жаба!—подумал маленький охотник.—Нашёл на самом краю Земли, как и рассказывал шаман». Правда, как поклоняться божеству, он не знал.

Хасей покрутил божество, у лягушки закружилась голова, и, кажется, она булькнула: «Ква-тит!» В сказках бабушки Илне жених целовал заколдованную невесту, но Хасей не хотел жениться, поэтому он легонько лизнул её и отпустил обратно на ягель. Лайка Нарэй, глядя на хозяина, тоже лизнула лягушку. Лягушка не обиделась, она гулко квакнула: «Ква-рашо-то квак, а ведь чуть не съели!»—бултыхнулась в маленькую лужицу и уже оттуда наблюдала выпученными глазами.

«Свершилось!»—обрадовался Хасей и побежал обратно. «Ква-кая гадость!»—думала лягушка, провожая взглядом маленького человека и собаку. «И это всё!—расстроилась лайка Нарэй.—А как же охота? Как же медведи, дикие олени и гуси?!»

Хасей забежал в чум, разулся, скинул малицу и нырнул под оленьи шкуры. «Какая она холодная и солёная, моя каменная жаба,—засыпая, подумал новый охотник.—На вкус как обычный гранит».

На следующий день Хасей взял с собой отцовские петли, любимую лайку Нарэй и отправился в тундру. «И не так уж далеко этот край Земли,—размышлял он.—Надо будет у шамана ещё о чём-нибудь расспросить». К обеду Хасей и Нарэй добыли трёх куропаток и вернулись в стойбище, а Нябинэ сварила жирную похлёбку.

Вода и камни

Хасей рос очень любопытным ребёнком, и все об этом знали, и многие страдали, а всё потому, что не всегда находили ответы.
— Кто в кипящем котле булькает? Почему вода не горит? Откуда берётся ветер? Зачем собаке сырой нос?—спрашивал Хасей, когда научился толком спрашивать.

Каждый день он выбегал из чума и разглядывал то небо, то землю, любовался тем, как уютно луне в облаках и каким ослепительным бывает солнце. Часами засматривался маленький охотник на ягоды и грибы, играл с камнями и ветками. Очень скоро Хасей заметил, что олень быстрый, зайцы и лемминги трусливые, гуси и утки несут яйца,

а земля простирается без края и конца в любом направлении до горизонта. Хасею непременно хотелось знать, чему служит всякая вещь и чем полезна она человеку, поэтому он никогда не переставал задавать вопросы.

Уже не первая зима минула с того времени, как Хасей появился на свет. И когда вешние воды окончательно проснулись и заговорили на все лады, когда понеслось со всех сторон журчанье, шёпот и плеск, тадибей пришёл в гости к Нябинэ.

— Садись пить чай,— пригласила Нябинэ, заливая лечебные травки кипятком.

— Много лет жизни, хозяйка чума!— поблагодарил шаман.

— И ты, Хасей, сядь и ешь за столом! Ненцы не олешки, чтобы жевать на ходу,— одёрнула Нябинэ сына и придвинула низенький столик к гостю.

Хасей тут же подогнул ноги и присел напротив шамана.

— Зачем на меня смотришь?— насторожиться шаман.— Чего хочешь?

— Скажи ответ!— попросил Хасей.

— Ладно!

— Песец хитрый. Он уже никогда не исправится? Почему он такой?

— Действительно так. Мышь очень умная, песцу приходится быть умнее, иначе он умрёт с голоду,— ответил шаман.

— Я слышал, как ты грызёшься и лаешься с людьми. Ты волк или собака?— не унимался Хасей.

— Волк!

— Волк огня боится, как тадибей работы,— рассмеялась Нябинэ.— Значит, правда волк.

Хасей дожевал кусок строганины и снова спросил шамана:

— Что лучше: съесть поганку или чтоб змея укусила?

Тадибей обрадовался такому вопросу: как бы он ни ответил, всё будет во вред надоедливому мальчишке.

— Надо подумать!— сказал тадибей, напуская важности и тумана, чтобы ещё больше заинтересовать малыша.

— Шт!— шикнула на шамана бабушка Илне, которая только что вошла и слышала вопрос Хасея.— Пустая твоя голова! Чему поучаешь?! Когда человек хочет пить, дай воды, а не камни!

— Змея!— буркнул шаман не то про бабушку Илне, не то отвечая Хасею и тут же выскочил из чума.

Вслед за быстрой и шумной весной пришло весёлое, всё пронизанное солнцем лето. Тут же по тундре рассыпались морошка и черника, и как только ягоды налились соком, оленьи люди принялись их собирать.

В один из дней бабушка Илне и Хасей проснулись до того, как солнце заглянуло в макодан[6]. Они попили крепкого чая, накинули одежды и, откинув полог, шагнули из чума.

— Пусть тундра подарит нам добрую ягоду и не слишком злого комара!— сказала бабушка Илне, и они отправились собирать ягоды.

— Первую горсть всегда оставляй Ямине и благодари Мать-Природу за богатый урожай,— учила бабушка Илне.

Собирая и закидывая морошку в рот, Хасей неожиданно увидел спящего ужа. Маленькая змейка свернулась клубком на большой и старой сыроежке. Хасей очень обрадовался находке и тут же схватил змея.

— Бабушка, я поймал змею! Пусть она меня укусит!— закричал Хасей.

— Нга тебя попутал!— выругалась бабушка Илне.— Люби землю, на которой живёшь, отпусти змея!

— Нет! Моя добыча!— заупрямился Хасей и стал убегать от бабушки.

Юный охотник ещё никогда не ловил змей и не разглядывал их так близко. Но бабушка Илне выломала вицу и, грозно размахивая ею, погналась за непослушным внуком.

— Проказливый ребёнок!— ругалась она.— Беспутный комар!

В то время, пока бабушка Илне гоняла Хасея по тундре, из-за холма показалась оленья упряжка. На нартах сидел шаман. Олешки, боясь удара хореем, бежали сломя голову. Хасей тут же смекнул, что можно запрыгнуть на нарты и умчаться от бабушки вместе с тадибеем. Он выбежал на тропу и уже почти дождался упряжки, когда змей выскочил из рук охотника и поскользил по ягелю навстречу к оленям. Олени, завидев ужа, испугались и шарахнулись в сторону. В тот же миг шаман вылетел с нарт и шлёпнулся в лужу. Извалявшись в грязи, он так громко закричал, что во всей округе попрятались даже лягушки.

— Нет избавления от этого беса!— причитал шаман, отряхивая тину с промокшей малицы.— Всю кровь выпил! Все нервы измотал!

— В другой раз дай воды, а не камни!— заступилась за «беспутного комара» подбежавшая бабушка Илне.

Берёзовая ветка

Когда пришла новая зима и снег накрыл землю пушистой шалью, Хасей принялся ловить песца. У него это так ловко получалось, что за месяц он добыл десяток добротных шкурок. Слава об удачливом охотнике разлетелась на многие стойбища.

Каждый день с восходом солнца Хасей складывал в мешок капканы, надевал широкие лыжи, подбитые шкурой оленя, и отправлялся в тундру на промысел. На белоснежной равнине он отыскивал одинокие кусты с лёжками зайца или куропаток. Хасей рассматривал их, затем привязывал

6. Макодан — отверстие вверху чума, через которое выходит дым.

к кустам капканы, присыпал их снегом, оставлял немного приманки и, заметая свои следы, уходил дальше в тундру.

Отец Собируй часто наставлял Хасея:
— Важно, чтоб охотник знал, куда летит сова. По науке наших дедов и отцов, капканы надо ставить по её следам.
— Ладно,— отвечал Хасей.

И на самом деле он часто замечал: где зависает и охотится полярная сова, потом крутится и песец.

Однажды над тундрой зажглись яркие, спелые звёзды, а сквозь прозрачный морозный воздух до стойбища донеслись пыхтение и какое-то хлопанье.

«Да,— уже засыпая, размышлял Хасей.— Это пыхтит сова. Её старания. Мышь промышляет. А за ней и песец придёт, он тоже мышь любит. Надо утром на север идти, следы искать, капкан ставить».

Проснувшись, Хасей попил горячего чая. Бабушка Илне вышивала рисунок в виде мозаики на его малице.
— Что это значит?— спросил Хасей, рассматривая узор.
— Берёзовая ветка,— ответила бабушка.
— Хороший знак,— улыбнулся Хасей.— На охоту пойду. Ночью сову слышал, она укажет, где песец мышкует.
— Пусть зверь не окажется умнее тебя,— ответила Илне и подала внуку малицу.
— Да будет так!— согласился Хасей.

Пока он одевался, бабушка Илне украдкой кольнула большой палец иглой, стряхнула капельку крови в огонь и прошептала:
— Яминя Мать-Природа, прими в дар жертвенную кровь. Услышь меня и пошли удачу моему внуку...

Хасей вышел в тундру и уже через полчаса нашёл длинную вереницу следов. Это был свежий след песца, и обрывался он возле карликовой берёзки. «Эта берёзка принесёт мне удачу»,— думал Хасей, присыпая снегом туго взведённый капкан.

Той же ночью, когда тёмная пелена опрокинулась на тундру, а из-за горизонта показалось сонное лунное око, тадибей отправился прятать свои богатства. Он вышел из чума, отошёл две версты на север, нашёл своё заветное деревце и принялся откапывать схрон.

Всякий раз, когда солнце скрывалось на востоке, лишь одна мысль жгла тадибея, словно огонь. Оглядываясь, он удалялся в глубь тундры. Стараясь не шуметь, шаман раскидывал рыхлый снег, пока не упирался в деревянную крышку. Озираясь по сторонам, он открывал небольшой ледник, наполненный до отказа ножами, кубками, бусами, искусно вырезанными фигурками из мамонтовой кости, песцовыми и норковыми шкурками. Каждую ночь тадибей пересчитывал своё богатство. Он тщательно перетряхивал и перекладывал его, потом снова закрывал крышку, закидывал снегом, переметал свои следы, а вместо них оставлял путаные следы животных, тяпая сушёной лапой песца или зайца.

Но в этот раз шаман не успел откинуть и охапку снега, как на его руке захлопнулся капкан. Он вскочил и, крича самые грозные заклинания, побежал обратно в стойбище.
— Что за глупый человек поставил здесь капкан?! Будь ты трижды проклят!— чертыхался тадибей.

Он бежал, падал и выл от боли. Разум шамана помутился, и колдун взывал к нечистой силе:
— Приди, дядюшка паук! Приползи, бабушка змея! Запорхни в чум, тётушка летучая мышь! Ужальте злодея, бока его охладите, за пятки укусите! Это, верно, Хасей... Он с рождения меня хочет сгубить! Со свету сжить! Мой чум и олешков отобрать! Мои богатства захватить!

На крики шамана из жилищ повыбегали заспанные оленеводы.
— Я нарезал руку, и теперь это не чинится!— выл тадибей.
— Бывает,— сказал Собируй, как будто ничего необычного не произошло.
— Бедный,— сказала Нябинэ не то про шамана, не то про спрятавшегося за чум сына Хасея.
— Я сильно прохудился, продырявился,— причитал тадибей.— Без своей любимой руки мясо есть не смогу. Чай буду мимо рта проливать. Я умру...
— Поделом!— ругалась бабушка Илне.— Зачем потревожил Нижний мир?! Ты землю рыл, вот дьявол Нга что есть худшего с тобой и сотворил: правую руку укусил.
— Эа-а-а!— ревел всклоченный шаман.

Разобравшись, чей капкан, ненцы стали шутить и светлеть лицами.
— Молодец, Хасей! Медведя добыл,— сказал Тетако и осмотрел руку шамана.
— Бабушка вышьет тебе новый рисунок— лапу медведя,— смеялся Собируй.
— Ничего,— подбадривал шамана дядя Хасея, и его узкие глаза сделались ещё у́же.— У меня есть мазь. Я своих олешков много лечу, у них, бывает, рога болезнуют. И тебя вылечим.

В конце концов Тетако осмотрел рану и обмазал её жиром чёрной утки. После этого он примотал к руке тадибея деревянную дощечку и напоил его горячим иван-чаем. Через неделю кисть у шамана зажила. Тадибей, как и прежде, проснувшись утром, потягивался, садился в постели и почёсывал свои пятки. А пока шаман шёл на поправку, Хасей научился отличать живые следы от ложных. Он стал лучше понимать их и теперь читал отпечатки животных, будто буквы в книжках.

Совесть

Хасей выучил много слов. Он понимал, что значит для ненца мать, отец, вода, огонь и олени. Но всё же мальчик мало знал, как устроен мир, и плохо отличал добрые дела от злых.

— Совести у тебя нет! — частенько выговаривала бабушка Илне Хасею. — Видно, Нум обделил.

И вот, когда весенний и очень ясный свет расплескался по заснеженной тундре, Хасей подошёл к шаману.

— Ну, чего? — неприветливо спросил тадибей.

— Слово есть, — сказал Хасей.

— Ладно. Говори!

— Где мне найти совесть? — спросил Хасей.

Тадибей долго молчал, думал, как схитрить и спровадить мальчишку со стойбища навсегда.

— Сначала поймай свою тень, тогда и будет ответ, — ответил шаман.

Он очень обрадовался своей мысли и тому, куда она его заводит.

— Днём твоя тень очень быстрая, как олень, но ночью она прячется там, куда человеку умом не добраться. Видишь линию горизонта? — указывая на бескрайнюю тундру, продолжал тадибей.

— Вижу! — ответил Хасей.

— Отправляйся к ней, — сказал шаман. — Только там, на границе двух миров, ты сможешь поймать свою тень. Принеси её мне, и я обменяю твою тень на совесть у Нума.

Радостный Хасей вбежал в чум и, не раздеваясь, начал собирать мешок.

— Куда ты, сын? — удивилась мать.

— За горизонт. Хочу поймать свою тень, — ответил Хасей.

— Зачем она тебе?

— Хочу обрести совесть!

В это время в чум зашёл Собируй. Он откинул полог, нырнул в жилище и начал сбивать налипший к чуням снег. После недолгого отряхивания глава семейства стянул малицу и сел возле огня. Нябинэ тут же поставила перед мужем низенький стол и начала раскладывать горячий обед.

— Сын за горизонт уходит! — пожаловалась Нябинэ мужу.

— Не ходи! Один раз мать родила — раз и погибнуть, — запретил отец.

— Воля ребёнка хотеть за горизонт — отпусти, — заступилась за внука бабушка Илне. — Хочет махалку — дай! Пусть учится ловить рыбу. Мечтает заарканить самого сильного хора[7] — не мешай! Сплети ему тынзей[8] и научи метать. Всегда дай урок, но никогда не запрещай! Хасей упрямый, как растущая берёза, если не отпустить — будет хуже.

— Ладно! — сказал Собируй не то бабушке Илне, не то сыну Хасею.

Пока Собируй думал и подбирал слова, Хасей собрался в путь.

— Думай быстрее, муж, у тебя на плечах голова, а не кочка, — ругалась Нябинэ.

Но Собируй не знал подходящего урока и решил просто не мешать сыну.

— Пусть зрение будет острым, слух — тонким, терпение — бесконечным, — напутствовал отец.

Затем он достал кресало и кремень, протянул их сыну и попрощался.

— Я так думаю, наверное, он найдёт ответ, — смирилась Нябинэ.

Не успел Хасей покинуть стойбище, а шаман уже каркал, словно ворон, размахивал рукавами малицы и напевал свою шаманскую песню.

— О-о-эй! И-ё-эй! — хрипел тадибей. — Хасей, за три моря уходи, возвращаться не моги!

Хасей шёл весь вечер и всю ночь, луна освещала ему путь, а непослушная тень всё время плыла по земле, опережая хозяина на несколько шагов. Когда мальчик устал мерить тундру шагами и окончательно выбился из сил, ему показалось, что он дошёл до горизонта. Хасей спустился в овраг и начал разводить огонь.

Конечно, Хасей считал себя мужчиной, но всё-таки страшно было остаться одному, и он попросил о помощи:

— Яминя Мать-Природа, ты даёшь человеку Землю, Жизнь и Любовь. Скажи мне, что я хочу знать! Где моя тень?! — крикнул Хасей.

«…я… тень…» — отозвалось эхо.

— Что это значит?! — снова крикнул Хасей и прислушался.

«…то… и значит», — ответило эхо.

— Мне нужна совесть! — попросил Хасей.

«…на… совесть», — откликнулось эхо.

Хасей смотрел по сторонам и слушал, но ничего не происходило. «Странная она, Мать-Природа, — думал Хасей. — Когда молчу — молчит, когда кричу — кричит в ответ, а самой нигде не видно».

— Где же совесть? Уже внутри?! — уточнил Хасей.

«…внутри…» — подтвердило эхо.

И Хасей ещё о чём-то поговорил с Яминей, пока не поднялся шквалистый ветер. Мальчик потушил огонь и пошёл обратно, ступая по своим следам. Луна всё так же освещала ему путь, а непутёвая тень с трудом поспевала за хозяином, всякий раз отставая на несколько шагов.

Рано утром лай собак оповестил о возвращении Хасея в стойбище, оленьи люди вышли встречать маленького человека.

— Зачем вернулся? Ты уже поймал свою тень?! — первое, что спросил тадибей.

— Настоящую совесть надо искать в себе, — сказал Хасей.

— Кто надоумил?! — крикнул шаман.

— Мать-Природа, — ответил Хасей.

— Почему я её никогда не слышал?! — взревел тадибей.

— Чтобы слышать, нужно ухо в сердце иметь, — заступилась бабушка Илне. — Когда-нибудь и ты, тадибей, найдёшь совесть в себе.

7. Хор — взрослый самец-олень.

8. Тынзей — аркан для ловли оленей.

— Твоё слово — правда, — согласилась Нябинэ и обняла сына.

Особенный день

Когда дождь смыл остатки снега, а терпкий запах тундры, вешних вод и сырой земли вскружил головы оленям, шаман приготовился встречать уважаемого гостя.

Как только в макодан проскользнули первые лучи восходящего солнца, он принялся хлопотать по дому. Тадибей вымел чум, вынес на улицу оленьи шкуры и повесил огромный котёл на очаг. Потом он выбрал самый лучший кусок мяса с косточкой, нарубил его и опустил в холодную воду.

— Хороший будет евей, — помешивая бульон и снимая с него пену, радовался тадибей.

Ему не терпелось встретить шамана из дальнего стойбища. Он уже всё приготовил и даже запряг оленью упряжку, чтобы выехать навстречу гостю, но нужно было доваривать суп. В это же самое время Хасей готовился на последний лёд, чтобы порыбачить.

— Сиг ловится, однако, — сказал он отцу с матерью, складывая махалки[9] в рюкзак.

— Не ходи! Лёд старый. Провалишься, — возразил отец.

— Нет! Я лёгкий, — начал спорить Хасей. — Сига нельзя упускать. Сам на лёд бросается. С зимой прощается.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про сига, не то про Хасея.

Когда тадибей услышал спор, то решил схитрить.

— Не ходи, Хасей! Южный ветер шептался с тундрой, и я слышал, что лёд пропал. Даже мышь провалилась, — скорбно поведал шаман.

— Ладно, — расстроился Хасей.

— Не горюй. Сегодня особенный день, — одобрительно сказал тадибей. — Я добрый. Я разрешу тебе помогать.

С этими словами тадибей завёл Хасея в свой чум.

— Вот суп. Доведи до кипения и вари ещё столько же, — наказал он.

— Куда потом? — спросил Хасей.

— Ставь куда хочешь! — буркнул шаман и выскользнул из чума.

— Ладно, — ответил Хасей.

Через час по стойбищу плыл божественный аромат, а на костре бурлил густой суп.

— Сытный евей, однако, — радовался Хасей, снимая пробу большой деревянной ложкой.

Когда похлёбка была готова, Хасей потушил очаг и перенёс котёл в свой чум.

— Ешь, отец! Ешь, дядя! У тадибея сегодня особый день, он всех угощает, — выкладывая мясо, приглашал Хасей за стол.

— Ӈарка вада[10] нашему тадибею, — нахваливал суп дядя Тетако.

— Ешь, мама! Ешь, бабушка Илне! — угощал Хасей женщин.

— Правда, — соглашалась бабушка Илне. — Настоящий бульон!

— Долгих лет жизни нашему шаману! — нахваливал Хасей тадибея, угощая собак.

После сытного обеда Хасей нарвал прошлогодней травы и вымыл котёл до блеска.

Когда опустились сумерки и вот-вот должна была взойти луна, упряжка шамана въехала в стойбище.

— Ань дорова![11] — поздоровался гость с оленеводами.

— Много лет жизни! — поприветствовали оленьи люди.

— Прошу за стол, — поспешил пригласить гостя в свой чум шаман.

Увидев пустой блестящий котёл, тадибей удивился:

— Хасей, где мой суп?

— Люди съели, — ответил Хасей. — Тадибей сказал: «Сегодня особенный день. Ставь куда хочешь!»

— Ах ты, глупый ненец! — закричал тадибей. — Ставь куда хочешь в моём чуме, а не людям!

— И собственный язык голодным может оставить! — громче всех смеялась бабушка Илне.

Следы на луне

Спустя несколько летних равноденствий от рождения Хасея, когда осенний дождь лил с печального неба целую неделю, а на восьмой день ветер прогнал тучи за горизонт, выглянуло необычайно большое лунное лико. Радость и тоска овладели Хасеем.

— Месяц листопада ушёл, хора пришёл. Звери сменили летний наряд на зимний, — сказал отец.

— Хочу на луну… — печально выдохнул маленький Хасей.

— Нет! — возразил Собируй. — Нум запретил. И всем сказал.

— Я Нума попрошу, он пустит… — канючил Хасей.

— Нет! — отрезал отец. — Нум дарует человеку и счастье, и благо, и оленей, и лисиц, и всякого богатства, а луну не дарил. Луна для духов и шаманов.

— Собируй, попроси нашего тадибея, пусть уступит своё место на луне, — заступился дядя Тетако.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про мужа, не то про сына Хасея, не то про шамана.

— Ладно, — ответил Собируй. — Посмотрим.

В это самое время тадибей камлал[12], освящая своё новое жилище. Шаман с силой ударил

9. Махалка — короткая деревянная удочка для подлёдного лова.
10. Ӈарка вада — спасибо.
11. Ань дорова — здравствуйте.
12. Камлание — обряд, который совершает шаман.

ладонью в бубен, станцевал на одной ноге, встал на четвереньки и пополз вокруг чума.

— О-о-эй! И-ё-эй!—кряхтел под нос тадибей.— Помогли мне духи, которых я знаю, и глупость людей! Отобрал новый чум за щепотку сушёной травы! Через год заберу всё стадо, женюсь, припеваючи жить начну…

Когда шаман обползал в седьмой раз, к нему подошёл отец Хасея.

— Много лет жизни вам, светлейший тадибей!— сказал Собируй.

— Много лет жизни!—вставая и отряхивая малицу от сора, ответил шаман.

— Я достаточно чувствую, что Хасею надо на луну и обратно. Уступи ему своё место, пусть идёт,— попросил Собируй.

— Он луну сгубит,—ответил тадибей.—Только шаманы попадают на небо, а непослушный Хасей— в подземное царство.

— Я принесу в жертву самое дорогое, что у меня есть,—попросил Собируй.—Белого олешка.

— Ладно,—согласился шаман; его вдруг осенило, что он может отправить Хасея в такие края, откуда ещё никто не возвращался.—И не забудь трёх оленей в уплату.

— Спасибо!—улыбнулся Собируй, и они отправились к Хасею.

В чуме Собируя все ели мясо, и только Хасей сидел в стороне от родни. Он смотрел в макодан и сквозь ускользающий дым любовался луной.

— Много лет жизни!—приветствовал шаман и, ударив в бубен, подошёл к Хасею.

— Много лет жизни, светлейший!—ответили ему.

— Нум добр, всемогущ, всевидящ, но управлять миром предоставил нам, шаманам. Я разрешаю тебе на луну, Хасей, хотя сам хотел отправиться туда,—и тадибей снова ударил в бубен.—Но я останусь здесь, посередине—между Верхним и Нижним миром. А ты ступай, пока не дойдёшь до замёрзшего Ямала. Там перейди Ледяное море и отыщи Северную землю. На Северной земле тебя ждёт самая высокая гора Вселенной, оттуда ты попадёшь на луну.

— Ладно,—согласился Хасей.

Он сунул кусок варёного мяса в мешок, накинул малицу, натянул пимы, со всеми попрощался и вышел из чума.

Перед уходом бабушка Илне напутствовала внука:

— Ничего не бойся. В какую бы беду ни попал— голову не вешай, ум не теряй. Если будет невмочь, попроси Яминю Мать-Природу, она всегда рядом.

Жёлтая луна, как большой шаманский бубен, висела над осенней тундрой. Яркие звёзды, усыпавшие небо, освещали стойбище. Остроконечные чумы тянулись к Млечному Пути, с трудом дотягиваясь до него струйками белого дыма. Когда Хасей спустился в низину, а лай собак утих и остался далеко позади, ему стало страшно.

— Яминь Мать-Природа, разреши шагать по луне,—прошептал Хасей.

В тот же миг луна подмигнула Хасею и поплыла, отражаясь в лужах. «Луна… Луна… Луна…»— шептала дождевая вода. «Хлюп… Хлюп… Хлюп-хлюп…»—размичканный ягель чавкал под ногами. Наконец-то исполнилась детская мечта Хасея: он ходил по луне.

Когда Хасей вернулся в стойбище, шаман отлавливал самых крупных оленей из стада Собируя.

— Зачем ты пришёл?—вскипел тадибей, и его аркан пролетел мимо шеи оленя.

— Я исполнил мечту и вернулся домой,—ответил Хасей.

— Ах ты, маленький врун и глупец!—бесновался шаман; он указал рукой на луну и спросил:—Где тогда твои следы на луне?!

— Так и рыба ходит по воде, а следов не видно,— ответил Хасей.

Сказка

— Отец, дай мне ружьё!—сказал Хасей.

— Нет!—ответил Собируй.—Ты ещё слишком мал.

— Я добываю песца капканом. Сёмгу—махалкой. Куропатку—петлёй. Дай мне ружьё, и я добуду дикого оленя. Я стану великим охотником!—настаивал Хасей.

— Великий—это хорошо,—согласился Собируй.

— Трудно быть маленьким каждый день. Обидно. Я стану больше! Я стану важным! Когда я добуду много оленей, обо мне узнают все. Я буду самый важный ненец в тундре,—начал похваляться Хасей.—Все будут слушаться только меня.

Бабушка Илне сидела возле очага и кормила огонь тонкими ветками хвороста.

— Постой!—сказала бабушка Илне.—Садись! Пей горячий чай, великий охотник. Я расскажу тебе сказку.

— Ладно!—согласился юный охотник.—Я люблю сказки.

— Когда на Земле жил древний, многовековой человек, а в тундре пахло морозным солнцем и снегом, белый медведь пришёл к ненцу,—начала свою сказку бабушка Илне.—«Плохо мне!—сказал ошкуй.—Я белый. Снег белый. Мои следы на снегу и те белые».—«Бог Нум так задумал, однако!»—ответил ненец. «Нет!—начал спорить медведь.—Надоело! Отец был белым. Дед—белым. И у деда дед. А я не буду. Раскрась меня. Я стану не такой, как все. Звери узнают обо мне. Я буду самым важным медведем. Все будут слушаться только меня». В это время головешки в костре дрались и постреливали. «Ладно!»—сказал ненец и залил огонь из котла. Когда ненец измазал медведя сажей, то ошкуй очень обрадовался чёрной раскраске. «Теперь я кажусь свирепее! Теперь обо

мне узнает весь Верхний мир!» — хвалился чёрный медведь. Но стоило ему выйти из чума, как на него налетела сорока и вырвала клок шерсти. «Хор-р-роша подстилка для гнезда!» — радуясь находке, протрещала она на всю тундру. Следом за сорокой прилетела полярная сова, а потом куропатки и полярные воробьи. Даже старый чёрный ворон отхватил от медведя приличный клок. Злой, ободранный, ошкуй пришёл к океану. Нерпа и тюлень, завидев чёрного демона, тут же уплыли. Все белые медведи отвернулись от собрата. Он портил охоту. Его было слишком хорошо видно на снегу даже слепому моржу. Чёрный медведь остался один. Он начал голодать, и более слабые волки убили его. Не задирай нос, Хасей. Не гонись за величием — не останешься один.

Будущее

Когда над тундрой нависло грозовое молчание, все оленьи люди поспешили укрыться в чуме. Ещё не успела закипеть вода в котле, а свинцовые капли дождя исхлестали озёрную гладь, да так сильно, что на ней появились большущие пузыри.

— Скоро Тетако и Сумси женятся,— сказала бабушка Илне.

Хасей улыбнулся, ему было приятно узнать такую новость. И как радуга не издаёт ни тепла, ни голоса, но радость от неё разливается по всей тундре, так сердце Хасея получало радость при одной только мысли о том, что его дядя Тетако нашёл жену и у них может родиться сын. Хасей тут же припомнил когда-то сказанное дядей: «Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей».

Хасею не терпелось подружиться с будущим братом. Вопрос был только: когда? Когда наступит это будущее?

Хасей призадумался и спросил:

— Что такое будущее? Как его увидеть?

— Оно спрятано в настоящем,— ответила бабушка Илне.— Следующей весной ненец будет ловить нельму, которая растёт уже сейчас. Летом ты будешь собирать ягоды и грибы, которые пробиваются из земли. Осенью — бить жирного гуся, которого нянчит наседка. Зимой — охотиться на дикого оленя. Семена, что ты видишь, дадут плоды. Снег превращается в вешние воды. А маленький оленёнок-пыжик, что льнёт к важенке[13], станет сильным хором. Ты тоже будущее, Хасей! Ты будешь пасти оленей, охотиться на песца и заботиться о тундре.

Хасей вышел из чума, сел на нарты и посмотрел на выглянувшее солнце. Он зажмурился от ослепительных лучей и в то же время осознал, что будущее прямо перед ним: голубое небо и бескрайняя тундра — они всегда были рядом. Хасей вдруг понял, что каждое слово бабушки Илне — счастье. Что сегодняшнее солнце и есть самое настоящее будущее. Ведь, несмотря ни на что, оно и завтра будет светить, и послезавтра, и через много-много лет.

Думай сердцем

С каждым годом Хасей становился всё более сильным и ловким, как отец; добрым и заботливым, как мать; мудрым и рассудительным, как бабушка Илне. И всё же он ещё очень многого не знал и многое у него не получалось.

— Каждого оленя знай «в лицо»,— учил отец.— Собирая оленью упряжку, думай сердцем. За дровами — отлавливай молодых. На охоту — знающих дорогу. А если в гости к соседям — аркань самых лучших.

Но у юного охотника никак не получалось закинуть тынзей на рога оленю. Хасей бегал за ними по тундре, но не мог заарканить ни одного олешка, никто не хотел вставать в упряжку и таскать за собой нарты.

— Никчёмные животные! — ругался Хасей и бросал камни в убегающих оленей.

Раздосадованный, врывался он в чум и просил чаю.

— Помни, Хасей, любовь — это не то, что ты чувствуешь, а то, что делаешь,— поучал дядя Тетако.— Люди и олени всегда жили одной жизнью, и твой поступок — ранит тех и других.

— Всегда слушай свой внутренний голос: как ты прожил сегодняшний день? Кому-нибудь от этого было хорошо? — добавляла бабушка Илне.

С приходом долгожданного месяца отёла оленьи люди стали пропадать на пастбище с утра и до позднего вечера.

Кругом ещё лежал снег, ещё дули пронизывающие ветра со снегопадами, а ночью нередко случались морозы, но каждый день стадо пополнялось новыми жизнями.

В один из таких майских дней Собируй взял с собой Хасея.

— Выбери самого слабого, возьми его в чум, Хасей,— велел отец, осматривая авкающих, подзывающих важенок телят.— Оленёнок вырастет, привыкнет к человеку и будет слушаться тебя.

Долго Хасей расхаживал вокруг стада и в конце концов заметил, что одна мать отказалась от своего телёнка. Оленёнок прял ушами, жался к матери и громко авкал, но важенка убегала от него.

Юный охотник поймал найдёныша и забрал его в чум.

— Найдёныша привёз, однако. Буду кормить и воспитывать, как отец велел,— объявил Хасей.

— Бедный,— сказала Нябинэ не то про Хасея, не то про найдёныша и покачала головой.

Дома у Хасея уже был один питомец — его любимая лайка Нарэй. И когда он угощал её мясом, она охотно дружила с ним. Правда, как только Хасей

13. Важенка — местное название самки северного оленя.

доставал из мешка свои деревянные игрушки и начинал их показывать собаке, то сильно удивлялся: почему Нарэй всякий раз старается улизнуть на охоту?

С найдёнышем всё было по-другому: он всегда бегал за Хасеем, с любопытством разглядывал и облизывал игрушки и никогда не звал на охоту. Хасей назвал оленёнка Чавка, потому что малыш всех веселил своим громким чавканьем и причмокиванием. Правда, к осени Чавка окреп, вымахав в крепкого бычка, и после перегона на новое пастбище Хасею пришлось оставить оленя в стаде.

Однажды, когда месяц большой темноты окутал тундру, Собируй сильно простыл.

— Гхэ! Гхэ! Гхэ!—кашлял без остановки Собируй; чтобы никому не мешать он накрылся с головой и продолжал громыхать под одеялом:—Грхм! Грхм!

Нябинэ заварила морошечник от кашля и сделала мужу жаропонижающую повязку.

— Сегодня ночью тебе стеречь стадо, Хасей.—шёпотом обратилась Нябинэ к сыну.—Отец слишком горд, чтобы попросить о помощи. Возьми его ружьё и ничего не бойся.

— Ладно,—согласился Хасей.

Юный охотник взял ружьё, вышел из тёплого жилища, подозвал всех оставшихся собак, запряг их в постромки[14] и отправился к оленям.

Луна уже давно покинула свой чум и гуляла по ночному небу, когда северный ветер донёс до стада вой волка. Собаки подняли лай. Олешки разволновались. Хасею со страха почудилось, будто это бог Нга выпустил дьявола из подземелья. Юный оленевод дрожал, но то и дело повторял слова отца: «Без стада человек никто!» И когда в темноте сверкнули жёлтые глаза и олени ринулись прочь, Хасей не растерялся.

— Прекрасное время для охоты!—крикнул он и выстрелил в воздух.

Волк исчез так же быстро, как и появился, но и стадо разбрелось по тайге. Всю оставшуюся ночь Хасей искал оленей, и только утром на его клич отозвался Чавка. Хасей обрадовался своему старому другу и повёл его на прежнее пастбище. Следуя стадному инстинкту, потянулись и остальные олени. И когда всё стадо вышло из тайги, Хасей с лёгкостью заарканил четвёрку молодых быков, запряг их вместо собак и отправился домой.

Топоча по насту, олени бежали к стойбищу, а юный охотник погонял их гиканьем и с улыбкой вспоминал слова бабушки: «Как ты прожил сегодняшний день? Кому-нибудь от этого было хорошо?»

Слово и ветер

Когда пришёл месяц комара и солнце окончательно перестало сходить с небес, пробудился нудный и кусачий ненянг[15]. Комаров появилось столько, что они пропитали и солнце, и воздух, и облака. Начались комариные дни и ночи. И даже дожди были из комаров. Оленям стало очень тяжело укрываться от укусов, они бегали по кругу, чесались, били копытами о землю и плакали.

В котёл с сытным бульоном или чаем тоже то и дело попадали комары. И всё же в чуме их было не так много—ненянг никогда не любил запах дыма. Оленьи люди хорошо знали это и поэтому стали устраивать для оленей специальные дымокуры.

Они сооружали из веток большой навес, а под ним разводили костёр. Дыма от такого костра было очень много, комар разлетался кто куда, и олешкам становилось полегче. Всё это время собаки помогали загонять оленей, да они и сами с удовольствием жались к дымокурам, понимали, что возле дыма меньше комаров.

Все были заняты спасением стада. Женщины заготовляли ветки для костра. Хасей следил за тем, чтобы огонь не съедал всё сразу. Мужчины прогоняли быков, чтобы и важенки с оленятам могли постоять в дыму.

Всё то время пока люди работали в тундре, ленивый тадибей расхаживал по чуму и в отсветах костра казался огромной чёрной птицей. И не те красивые и живые образы бегали по чуму, что обычно появляются при добром огне, а злые и рваные тени порхали в жилище шамана.

— О-о-эй! И-ё-эй!—со злорадством пел тадибей.— Ястреб спорит с грозой, медведь—с горами, а Хасей пусть всегда борется с комарами!

Когда выбившиеся из сил оленеводы вернулись в свой чум, Хасей спросил:

— Почему ненянг голодный и злой?

— Послушай моё слово,—сказала бабушка Илне.—Эта легенда уже несколько столетий кочует из уст в уста от предков к правнукам, от отцов к сыновьям. Много-много веков назад задумал бог Нга отнять свет у Нума, и сотворил он самое большое, холодное и безобразное, что только смог. Чудовищная льдина возвышалась до небес, и никто не мог объять её даже взглядом. Долго шагал по планете ледник, оставляя уродливые следы. Был он жесток, силён и могуч. Грозные валуны-кулаки разбрасывал он впереди себя, сокрушая и ломая всё на своём пути. Бездушная глыба с лёгкостью подминала величественные деревья, срывала плодородную землю, сдирая растительный покров, будто кожу с живого существа. Но Нум велик, он предвидел злодеяние Нга и выстроил на пути ледника высокую гору Мауру. В тот день, когда повстречались Маура с ледником, тьма окутала землю, ударил гром и сверкнули молнии, но не смог ледник одолеть Мауру. И замер ледник. Опустил

14. Постромки—прочные витые верёвки или ремни, при помощи которых передаётся тяговое усилие лошади (или другого животного).

15. Ненянг—комар.

огромные кулаки-валуны. Задремал. Забыл, куда шёл. К кому? Зачем? Узрев обезображенную землю, Яминя разожгла в своей груди огонь, и был тот огонь в семь раз жарче и сильнее солнца. И начал таять ледник, и превратился он в озеро Небесное, сравнимое по своей красоте и духу лишь с небом. А вся его сила, жизнь и гордость перешла к горе. И когда рассвет только-только забрезжил янтарём, гора вдруг стала обрастать деревьями. Молодые сосны и ели пустили ноги-корни к недрам Мауры. Вытягивая из её глубин соки, расправили деревья свои спины-стволы. И потянулись к солнечному теплу руки-ветви. А брошенные к подножью валуны стали превращаться в животных. Серые гранитные камни превратились в оленей; белый кварц и халцедон — в песцов и ошкуев; а бурая глина — в лис и росомах. Так любовь исцелила землю. Но Нга не смирился и отомстил Ямине. Он придумал самое малое, что может с лёгкостью спрятаться от неё в тундре, и наделил своё детище злостью, чтобы он кусал всё, что создала Яминя. Так появился вечно голодный ненянг. С тех пор маются наши олешки да худеют, а мы просим Яминю о помощи.

Дослушав бабушку, Хасей вдруг понял, как можно помочь оленям. Он выбежал из чума и закричал:

— Яминя Мать-Природа, пойми нашу боль — пошли нам ветер! Ненянг лёгкий, как пух, — пусть летит за горизонт.

«У-у-у!» — в то же мгновение завыл северный ветер. Он подул с такой силой, что Хасей с трудом удержался на ногах.

«Вот как бывает! — думал Хасей, возвращаясь в чум. — Если сказать слово, а не бросить его камнем, и ветер поймёт».

А северный ветер разошёлся не на шутку, он шумел, ворчал и подталкивал несметные тучи комаров в спину. И первое, что встретилось на пути звенящему рою, — это чум тадибея. Злой и голодный ненянг весь укрылся в чуме шамана, и долго ещё носились проклятия над тундрой.

— О-о-эй! И-ё-эй! — ревел, как бродячий медведь, тадибей. — Комара-пискуна, дым костра, одолей!

— Бестолковый тадибей, — ворчала бабушка Илне. — Каждый день он кому-то слеза, теперь сам же за свои слова и плачет.

Разные пути

Когда южный ветер выбился из сил и сменился на северный, а низкое серое небо обняло тундру моросящий дождём, бабушка Илне тяжело заболела. Липкая хмарь повисла над стойбищем, собаки лаялись и грызлись между собой с утра и до вечера. И пока мужчины каслали, а тадибей гостил у дальних родственников, Хасей и Нябинэ ухаживали за больной.

Многие дни Илне не вставала с постели. То и дело она теряла память, а приходя в себя, тихонько шептала:

— Помни, Хасей, оленьи люди — это хозяева земли и воды. Ненец придуман, чтобы оберегать тундру и реки от худых людей и злых духов.

— Беда, отступи! — простирая руки вперёд, просила Нябинэ. — Яминя Мать-Природа, дай ей свободно вздохнуть! Подари Илне жизнь и силу ветра.

В последний день обессиленная бабушка Илне закрыла глаза и стала молиться за счастье Хасея. Еле слышно произносила она слова, но её молитва, её тепло и любовь всё же коснулись души внука. По щекам Хасея бежали горькие слёзы.

Когда на мягких лапах лисицы в тундру прокралась ночь, а круг солнца опустился за холм и алая полоса горизонта, лишь на мгновение вспыхнув, растаяла, не оставив даже искры, бабушка Илне умерла.

Жалобно и уныло завыли собаки. Сердцу Хасея сделалось так больно, что он думал о себе как о сломанной ветке. Бабушка всегда говорила: «Ты и я — мы дети одной земли». Теперь Хасей понимал это и чувствовал себя оторванным от мира.

Бабушка Илне любила свой чум, любила своих детей и внука, любила тундру, вековой белый ягель, ветер и солнце, любила весенние рассветы и звёздные ночи, она совсем не хотела менять свою любовь на жизнь в подземном стойбище, но пришло её время.

Нябинэ положила лёгкую руку на голову Хасею и погладила сына. Она почему-то завела разговор о дожде и снеге, но Хасей не слушал её, он всё цеплялся за ускользающие видения и будто пытался навсегда оставить в памяти доброе лицо бабушки Илне, такое круглое, загорелое, с яркими тёмными глазами и улыбкой — после необычно жаркого лета.

— Прости меня, бабушка Илне! — шептал Хасей, вытирая слёзы. — Вот если бы всё повторить... Я бы вёл себя совсем по-другому. И ты бы тогда жила очень-очень долго. И мы бы никогда не расстались. Прости, что часто обижал тебя, бабушка.

Постепенно Хасей осознал, что их пути разошлись навсегда, и начал успокаиваться.

Через два дня вернулись мужчины, бабушку Илне одели в лучшую зимнюю одежду, вложили в руки шкуру бобра, закрыли глаза монетами, чтобы она нашла дорогу в загробный мир, зашили в полог её старого чума и похоронили. Рядом с могилой Илне оставили перевёрнутую поломанную нарту и её любимые вещи.

— Илне умерла, но её душа зажглась на небе яркой звездой, — попрощалась Нябинэ.

— Ничто не знает конца: тундра — продолжение ветра, море — продолжение неба, дети и внуки — продолжение стариков. Илне всегда будет с нами, — сказал Собируй.

— Как камни растут без корней, так мудрость бабушки Илне будет расти в наших умах,— сказал последнее слово Тетако.

Жизнь-ручей

Ещё целых три дня Хасей не ел и не пил. Не так-то просто было осознать утрату и отпустить бабушку Илне навсегда. С большим трудом он сдерживал боль, и не мужские, бессильные слёзы подступали к его глазам.

«Нет! Мужчине нельзя показывать слабость!»— твердил Хасей сам себе.

Но невыплаканные слёзы не могли копиться слишком долго, и, подумав о вечной ночи, он всхлипнул. Плечи Хасея вздохнули, и тут же горячие капли побежали по его щекам, обжигая душу.

— Почему человек не живёт вечно?— вытирая слёзы, спросил Хасей у матери.

— Живёт!— ответила Нябине.— Не вечно сознание, а человек продолжается в детях. Я— это бабушка Илне. Ты— бабушка Илне. И в твоих детях тоже будет бабушка Илне.

Слёзы на глазах Хасея то высыхали, то вновь выступали. Он с силой закусил нижнюю губу, чтобы удержать чувства, чтобы сердце не ныло. Но вновь опухшие веки наполнились влагой, когда заговорил отец.

— Так надо, сын! Так задумано Матерью-Природой,— сказал Собируй.— Смерть не может пройти мимо, не в её это власти. Но как в месяц листопада всякое дерево радуется, скидывая листву и удобряя землю, так и старый человек радуется, удобрив нас мудростью и теплом души.

— Умирая, старые люди уносят с собой яд обид и боль сердца,— утешала Нябине,— оставляя живым радость и знание мира. Новой сильной жизнью живут в нас предки. Ушедшие в загробный мир мертвы лишь для чужих, а для нас они живы.

Дольше всех молчал дядя Тетако. «Надо найти настоящее Слово,— думал он.— Такое, чтобы Хасею сразу стало понятно».

И когда все сказали всё, что нужно было сказать, Тетако нашёл такое Слово:

— Смерть— это камень. Но жизнь— говорливый ручей! И как ни преграждай камнем поток, он всегда обойдёт препятствие. Так было и будет всегда!

Не за годы— за несколько дней повзрослел Хасей.

Равновесие

Когда по тундре полоснули арктические ветра, а холод отобрал у лета весь день без остатка, Хасей отправился искать нетронутые угодья для охоты.

— Да не покинут тебя безмятежность и спокойствие даже при встрече с медведем,— наставлял отец Собируй.

— Нум создал зайца, оленя, белку и песца. В ответ бог Нга— волка, ворону и щуку. Помни это и будь осторожен. Проси Нума и Яминю Мать-Природу о помощи. Нга не гневи,— напутствовал дядя Тетако.

— Сердце матери— в сыне, сердце сына— в тундре. Ступай, сынок,— со слезами провожала Нябинэ.

С уходом Хасея опустело и стойбище. Солнце перестало радовать оленьих людей, а луна таяла так долго, что ночи тянулись бесконечно. Затосковал и шаман. В прежние времена тадибей ссорился с Хасеем каждый день для того, чтобы мириться, и всякий раз мирился для того, чтобы снова поссориться. И как мрачный тадибей вносил с собой тьму, так весёлый и добрый Хасей развеивал её светом. Чёрный шаман и светлый Хасей дополняли друг друга, но с уходом юного охотника равновесие пошатнулось, всё стало серым и безрадостным. Шаман перестал выходить из чума и превратился в подобие уснувшего филина. Ничто его не радовало, не волновало— старик затухал.

Так прошла осень, а за ней и зима. Но в один из дней Нябинэ увидела, как тадибей валяется в снегу с собаками.

— Собаки ластятся, значит, весна идёт. Так мой ум ходит— тёплая погода будет,— сказал довольный шаман.

— Ослаб твой ум, тадибей! До весны ещё месяц,— ответила Нябинэ.

На следующий день показалось ослепительное солнце, а с ним и первые вестники весны— тундровые воробьи. «Правда, пуночки прилетели. Вот и поди с ним!— подумала Нябинэ.— Старый глупый заяц, а погоду знает».

Через неделю вернулся и Хасей. Разом оживились стойбище и тундра. Под палящим солнцем забеспокоились ручьи. Оленеводы начали ремонтировать нарты и готовиться к кочёвке.

— О-о-эй! И-ё-эй!— камлал радостный тадибей.— Весна-весна, наступай поскорей! Гуси, летите, заяц, линяй, рыба, ловись, олень, не хромай!

Суровое дыхание покидало тундру. Месяц тихого снега уступал место месяцу во́рона. Шумливые речки и озёра наполнялись, подпирая лёд упругими спинами. Калейдоскопом разливались жёлтые, зелёные, синие цвета на прогалинах. И только Хасей посреди этой бурной жизни увядал.

Смысл жизни

Хасею было и спокойно, и тревожно. Впервые задумался он над тем, как кончается день и сменяет звёздную ночь новый день. Каждый вечер Хасей засыпал с надеждой и страхом, что мечты не сбудутся. Он будто постигал какую-то неведомую истину, разгадывал тайну земного бытия и в то же время ничего не понимал, мысль ускользала. Он чувствовал только счастье и жжение в груди. Его влекло к девушке из дальнего стойбища по имени Нетке.

Кочуя по тундре в поисках охотничьих земель, Хасей оказался так далеко, как прежде не бывал ни один из его родственников. Остановившись для

отдыха у незнакомых людей, Хасей познакомился с девушкой. Когда они встретились взглядом, на сердце у него что-то стронулось, будто чем-то кольнуло, но не больно, а приятно. Юноша разволновался, обрадовался и немного растерялся. Нетке Хасей тоже понравился.
— Ты будешь моей женой! — сказал ей Хасей.
— Ладно! — опустив глаза, ответила Нетке, и её щёки вспыхнули спелой брусникой.

Глава семейства Вындерко был очень рад такому гостю. «Наконец-то дочь Нетке выйдет замуж, а я получу калым», — думал он.
— Видишь эту палку? — спросил Вындерко у жениха.
— Вижу, — кивнул Хасей.

Отец Нетке достал нож и начал делать зарубки.
— Приведёшь мне столько оленей, сколько зарубок поместится на ней, — улыбнулся Вындерко. — Когда я получу калым, Нетке твоя.

Вындерко очень старался, он не спал ночь. С восходом солнца на палке белело сто зарубок. У Хасея и его родителей не было столько оленей. Хасей забрал палку и вернулся домой.

В груди Хасея становилась тесно для сжатого в ней чувства, оно томило, испепеляло, вырывалось наружу. Каждый вечер Хасей сочинял стихи: «Добежать, долететь, добраться. В новом мире с ней оказаться…»
— Добрый дух любви, помоги моему сыну, — молилась Нябинэ.

Тадибей стоял возле чума Хасея и подслушивал.
— Тяжелы страдания. В одном Хасее тысяча жизней горит, — бурчал Тадибей. — Только бы от тоски не умер. Тогда всё пропадёт. Погибнет стойбище. Олешки погибнут. Жизни не будет…

Однажды, пока не растаял снег, тадибей запряг четырёх оленей и отправился сватать Хасея. Две недели пробивался шаман к Нетке. И в месяц, что даёт жизнь всей тундре, он отыскал стойбище Вындерко.
— Нум велик! — приветствовал шаман семью Нетке.
— Пусть бог будет к тебе благосклонен! — ответил глава семейства Вындерко.
— Я нужное дело к вам имею, — сказал тадибей. — Осенью срок свадьбы Хасея и Нетке.
— Хасей ещё лишь хасава ңацекы[16], — возразил Вындерко. — У него нет калыма! Он глупый мальчик.
— Хасей — мужчина! А ты попадёшь в преисподнюю и сгинешь в вечных муках, Вындерко, — ответил тадибей отцу невесты. — Что ты хочешь?
— Ветром сыт не будешь! Нужно сто олешков. Новый аркан мне и моему сыну. Малицу и пимы моему деду. Оленьи ягушки[17] жене, сестре и матери. Хочу нож и легковые нарты. Достань всё, и через год сыграем свадьбу, — закончил Вындерко.

Целую ночь шаман не спал, ворочаясь в постели, он думал думу, как помочь Хасею. «На что все мои богатства? — размышлял тадибей. — Мне, старому ворону, ни на что не годно. Детей и внуков — нет. Жены — нет. Только Хасей как сын».

Перед отъездом тадибей зашёл в чум к Вындерко.
— Этой осенью Нетке станет женой Хасея! Слышал? Я сказал всё! — крикнул шаман. — Это моё последнее слово!
— Ладно! — ответил Вындерко. — Посмотрим.

Когда шаман вернулся на родное стойбище, то никого не застал. Оленеводы, спасая стадо от мошки, перегнали его на побережье Ямала. Не раздумывая и не теряя время зря, тадибей отыскал свой тайник. Целый день у шамана ушёл на то, чтобы перегрузить весь свой смысл жизни на нарты. Перевязав покрепче сокровища, он отправился к соседям покупать олешков. День и ночь тадибей объезжал соседние стойбища, пока не выменял нажитые богатства на сто оленей.

В месяц гнездования птиц тадибей привёз выкуп за Нетке. На легковых нартах возвышались перевязанные тюки из отборных песцовых шкурок, пёстрых оленьих ягушек и малиц. Следом подходило стадо из ста оленей. Навстречу шаману вышел Вындерко и его семья.
— Возьми моё всё! — сказал тадибей и протянул руку. — Это калым за твою дочь Нетке.
— Да будет так! — пожал руку Вындерко.

В месяц малой темноты, когда все стада перекочевали и олени, отдыхая после долгого пути, без труда добывали ягель под рыхлым снегом, Хасей женился на Нетке.

Он забрал её от родителей и привёл в новый чум. Когда Нетке развела огонь в своём новом доме, по тундре разлетелось камлание шамана.
— О-о-эй! И-ё-эй! — пел, приплясывая на одной ноге, тадибей. — Богиня любви, дай Хасею и Нетке много детей!

16. Хасава ңацекы — мальчик.

17. Ягушка (паница) — женская верхняя зимняя одежда. В отличие от мужской малицы, имеет разрез спереди.

Владимир Шемшученко

Ночь ещё пахнет снегом…

День корюшки

Ветер вытряхнул город из шубы песцовой—
Пофорсил, и довольно… Пора возвращать…
Светофор, обоняя лосьон «Огурцовый»,
Всё не может никак красный свет проморгать.

Не рычит автохлам на случайных прохожих,
Нахлебавшись по самые крыши воды.
Воют автохозяйки—ни кожи, ни рожи—
На зарёванных лицах глаза из слюды.

Чуть поодаль буксирчик буравит стремнину,
И трубою дымит, и надсадно ревёт,—
Расползлись по всем швам на речушках плотины…
И чего только нынче в Неве не плывёт!

Ах, какая весна! Бог сегодня в ударе!
Своеволье воды и нашествие льда!
И на небо глядят возомнившие твари,
Моментально забыв, что они—господа.

Марине

1.

Скрипит под ногами ледок.
Чирикает воробьишка.
Меняет и наш городок
На плащик худое пальтишко.
Любимая, вот и весна—
Снега уползают в овраги…
Вот брякну в сердцах: «Не до сна!»—
И двину из греков в варяги,
Минуя распутный Париж,
В котором полно чернокожих,
Где снежные хищники с крыш
Не прыгают на прохожих,
Где каждый случайный сугроб
Сметанен—и даже творожен—
И всякий любовный микроб
Опознан и уничтожен,
И веник у них не цветёт,
А наш—посмотри!—расцветает…
Любимая, я—идиот:
Европа стихи не читает!
Не смейся, родная, прошу,
И пусть непростительно трушу,
Я лучше *тебя* напишу—
Слушай…

2.

…Локоны в лунном свете
С пальцев текут, как шёлк.
Спи—это тёплый ветер,
Просто он стал—большой.
Плавают тучки-скитальцы
В синих глазах тишины.
С глупой улыбкой на пальцы
Дую—обожжены…

● ● ●

Ночь ещё пахнет снегом…
Выпьем же за весну
С Муркиным наглым побегом
Из форточки—на сосну!

И по второй—за морзянку
Улиц, танцующих крыш!
Это—душа наизнанку!
Разве за ней углядишь?!

Это—сердцебиенье,
Артериальная кровь!
Это—неповторенье,
Это—не в глаз, а в бровь,

Выгнутую рассветом—
Ну, вон у той, с зонтом…
Кабы я был поэтом,
Я бы за ней—хвостом…

Март—не словесный рынок
И не сезонный грим.
Где мой второй ботинок?!
После договорим…

● ● ●

Слово было в начале.
Страшным будет конец.
Зачеркнёт одичанье
Милосердный свинец.

Я весёлый и грубый,
И в репьях голова.
Потому—прямо в губы!—
Я целую слова.

Амирам Григоров

Печаль оливковых аллей

● ● ●

Сарай, свой в доску, голубиный рай,
Сухой помёт пружинит, что перина,
И этот вечер душен, хоть ныряй
В морские воды цвета керосина.

Застыли пальмы у кафе «Чичак»,
Что волосаты на манер куделей.
«Пускай же не погаснет твой очаг,
Пусть винный погреб твой не оскудеет.

Чтоб в этот дом не пробралась беда,
Я первый встану, я твой брат, бакинец».
Отговорив, усатый тамада
Тебя обнимет, рюмку опрокинет.

Он через год вернётся, выбив дверь
(В те времена такое не осудят),
И в занавесь, сорвав её с петель,
Он будет паковать твою посуду.

А ты уже сбежишь через Сохну́т
С женой-еврейкой, бросив эти блюдца.
А голуби тревожные вспорхнут
И больше не вернутся. Не вернутся.

● ● ●

Речник постарел, и судьба решена—
Он долгой чахоткой измучен.
Сгустилась ручная его тишина
До самого скрипа уключин.

И ждёт он которой по счёту зари,
И, смертную чуя зевоту,
Он смотрит, как тучи уходят за Рим,
Незнамо который по счёту,

И скоро пройдёт под раскатистый гром
Путём, что досель не разведан,
Туда, где Харон рассекает багром
Багровое пламя рассвета.

И мёртвые рыбы шагают по дну,
И сохнет осока худая.
Все реки на свете впадают в одну,
А та никуда не впадает.

● ● ●

Приходится жить, Мустафа, на небесном режиме.
О мире моём подзабытом, прошу, расскажи мне.
Растут ли платаны, поют ли речные истоки?
И что там с цветами под небом моих каппадокий?

Тебе не понять, Мустафа, что для Бога мы—рыбы.
У самого синего понта, смиряя порывы,
Кончается ветер, кончается ветер. Не сникли
Там горькие травы? Остался ли запах мастики?

Ты тоже моим обвалившимся башням—наследник.
Ты тоже живёшь с этих статуй, с мозаик последних.
Что делают в мраморном храме, творят ли молитву?
Кто в маленьком греческом доме, с кольцом на калитке?

Чем дольше живёшь, Мустафа, тем сильней умираешь,—
Закон этот древен. Увидишь—у самого краеш-
ка света протянуты сети, протянуты сети,
Когда тебе будет, как мне, тридцать восемь столетий.

● ● ●

На снос Монтинского[1] кладбища

«Вагаршапат Погосян, бакинский лётчик, лети в небо».
Лапидарная надпись

Вагаршапат, субботний листопад.
Могильный холод почитай с досок.
От тьмы до тьмы недолгий наш бросок,
Где наливают стопку, и стопа
Застряла в камне, и она почти
Короче жизни. Холод мой прочти.

Бакинский лётчик, Б-г тебя храни,
Когда ты мрамор и когда гранит,
Забудь, кто вычтен, вычитан до дна,
Теперь земля, и лишь она одна,
Ведёт ряды на каменный парад.
Вагаршапат, солёный виноград.

Бакинский лётчик покупает лёд.
От тьмы до тьмы—подземный переход.
Не снег идёт, не ливень снизу льёт.
Ты дважды умер, нет теперь забот.
И горько думать о земле о той,
В которой—полночь в голове пустой,

В которой—холод в каменной дыре.
Вагаршапат, такой-то год, тире.

1. Первое христианское кладбище города Баку.

● ● ●

Обойдёшь турецкий магазин,
Где смешенье лиц, смешенье вех.
О чужом взывает муэдзин,
И чужой язык — один на всех.

И пока закат не отблистал,
Помолчи, пусть схлынет жар дневной.
«Небо Илиады и Христа —
Это небо над твоей землёй».

Что тебе торговля, ты реши,
Разложив гранаты и айву.
Ведь у турка точно нет души.
Отчего так вышло, не пойму.

Уезжай отсюда, чорпачи,
На повозке, с кошельком в руке,
А Константинополь промолчит
На твоём забытом языке.

Только корольки все лады
Пропоют тебе осанну вслед.
Будто отзвучавшая латынь —
Над Софией небывалый свет.

● ● ●

— Теперь армянскую давай! —
Поднявшись, крикнул дядя Яша,
И затянули «Ара уай»,
И вот уже ползала пляшет.

Тотчас, толкаясь, в круг бегут
Простых два горца, с виду — братья,
И чьи-то тётки из Баку,
В расшитых зеркалами платьях,

Не растерявшие корней,
Лезгинку показать готовы,
И задыхается кларнет,
Гудя, как ветер на Торговой.

А я вдруг вижу: огоньки
В осеннем воздухе повисли
Над чайханою «Пюррянги»,
Увитой виноградом кислым,

Печаль оливковых аллей,
Которой поделиться не с кем,
И первой девочки моей
Дом на углу Красноармейской,

И море пенное, с кормы,
И сень с побегами паслёна
Там, где соседские холмы
На русском кладбище снесённом.

«Не стыдно, слушай, ай киши?»
На языке бакинских урок
Мне говорят: иди пляши, —
А я заплакал, как придурок.

● ● ●

Химическим светом над морем горят арабески,
И блики на солнечных стенах немыслимо резки,
И ласточки плачут, и не завершается лето,
Где зелен был Киров и был комиссар Фиолетов.

И помнят твои рядовые, мучитель мой нежный,
Как слабой рукою подвязывал галстуки Брежнев,
Куски облаков над беспечной моей головою
И как перейти через поле твоё силовое,

Где были объятья твоих небольших расстояний,
Когда насовсем из тебя исчезали армяне.
О чём же теперь красноводский паром завывает?
Теперь не отмоют от смерти ночные трамваи.

Не нужно ковров и чеканок твоих по латуни,
Пусть только твой шарик блескучий уходит к лагуне,
Над мёртвым фонтаном, аптекой и книжным пассажем,
Над старым бульваром, где жёлтый касатик посажен.

● ● ●

Архимедова слабость — подсчёт неразгаданных сил,
Про ходьбу по воде он не знал, просто жил слишком рано.
Если веришь — люби, а родился в рубашке — носи,
И стучит о ворота бревно с головою барана.

Это так возвращается в кровь, на слонах, на китах,
Междуреченский мир, под единственной функцией веры,
И рождаются ангелы, что на прозрачных крылах
Над округлой лепёшкой земли понесут полусферы.

Уходи, уравненье твоё не имеет корней,
До земных облаков долетает другая молитва,
И останутся лишь для турецких овец и коней
Серебрённые мятликом склоны пустого Олимпа.

А над ним Орион, и кометы плетутся в хвосте,
Омикрон, ро, омега, пи, ипсилон, каппа и бета,
И у космоса, в необозримой его пустоте, —
Только свет Прометея, летящий со скоростью света.

● ● ●

Памяти жертв погромов в городе Баку

Ты скажешь «мугам», а слышно «погром, погром».
Не ешь и не пей, а шепчи на своём арго:
«Не прячь ничего, не надо пустых затей,
А вещи переживают своих людей».

Ты любишь пожить, такая у нас любовь,
И полные пальцы ветра, и рот — зубов.
Страна приучила помнить, когда бежать.
Запомни своих соседей лишь по ножам.

Теперь становись незрим, от мороза млей,
Ведь ты остаёшься вечным в своей земле,
Как от сверчка остаётся его шесток
И от сапожника — имя и молоток.

Николай Ерёмин

Исповедь миражиста

● ● ●

Воспринимать себя в посмертном свете
Я не хочу позволить
Никому…
Вот и живу,
За ночи-дни в ответе,
Подаренные мне лишь одному…
Как хорошо,
Прогнав ночную тень,
Открыть окно —
И встретить новый день!

● ● ●

То вдруг Жар-птицей полыхнёт Россия,
То птицей Феникс…
Ах, не потушить!

То возродится в красоте и в силе,
Чтоб — до пожаров — снова
Жить да жить…

Капитан сказал

Капитан сказал:
— Не обману…
Наш корабль,
Увы,
Идёт
Ко дну…
В этом усомнитесь вы едва ли —
Даже крысы
С борта убежали…
И плывут —
Упрёк, пример ли вам? —
Кто к материкам, кто к островам…
Ну а тех, кто: «Быть или не быть?» —
Шепчет,
Должен я предупредить:
Вопрошая снова и опять,
Каждый Гамлет
Может опоздать…
Гляньте:
Ватерлиния в воде!
Это значит — быть… Но быть — беде…
Так что — наяву или во сне —
До свиданья!
Встретимся на дне!

Бульварный сонет

Как хорошо быть изданным поэтом!
И, получив за книжку гонорар,
Друзей неизданных оповестить об этом
И пригласить в кафе «Тверской бульвар»…
Не позабыть случайно ни о ком…
И напоить всех кофе с коньяком…
И комплиментов всем наговорить…
И книжку всем на память подарить…
Потом зайти толпой в Литинститут…
Как хорошо, что я учился тут!
Что встретились мне здесь, в конце концов, —
Рождественский, и Кедров, и Рубцов…
И ощутить на сердце благодать…
И Герцена, обняв, расцеловать…

● ● ●

Я захотел всех юных поэтесс
Собрать когда-то под одной обложкой…
Но ни одна из них не захотела
Материально сборнику помочь.
Все ждали, что придёт какой-то спонсор
И вдруг — за так — отвалит кучу денег —
И книга их стихов увидит свет.
Но спонсоры никак не находились,
Хотя вокруг — вино лилось рекою
И строились гигантские коттеджи
На берегах хмельных сибирских рек…
А поэтессы воспевали принцев
И рыцарей, спешащих к ним в объятья…
И замуж выходили, и бросали
Стихи о ждущих принца сочинять…
Так и хранится коллективный сборник
В одном машинописном экземпляре —
Неизданный и никому не нужный…
На нижней полке у меня в столе…
А если бы… А если бы… А если б
Тогда изданью «бы» не помешало,
Прославились бы разом поэтессы
И написали б вечные стихи —
И стали бы счастливыми, быть может…
А то, кого из них сейчас ни встречу,
Все жалуются на судьбу и мужа —
Не-рыцаря, не-спонсора, не-принца —
И говорят, что им не до стихов…

Из книги «Диалоги с Монаховым»

Вл. Монахов:
— Нещастие случилось, брат, со мной—
Поэзия ушла на выходной!

Ник. Ерёмин:
— Ну что ж, пускай немножко отдохнёт…
Сил наберётся—и опять начнёт!

Пароход современности

Я с парохода
Никого не сбрасывал—
Спокойно проходил среди кают…
И видел, как
«Хорошие и разные»
Со мною вместе рядышком плывут…
Куда хотят
И с кем хотят—
Свободные,
Счастливо
И несчастно
Безработные…
И так держался,
Гонор их ценя,
Чтобы они не сбросили меня!

Безумие

Безумие
Охватывает всех,
Кто сочетает славу и успех,
Кто не боится на большой эстраде,
Танцуя, петь
Безумных денег ради…
Чтоб умереть
От передозировки
На фоне равнодушной подтанцовки…
Где громыхает,
Новым жертвам рада,
Больная разноцветная эстрада…

Художник Янов

Семь лет назад с меня художник Янов
Под Новый год
Нарисовал портрет…
Мы выпили…
И вот—я снова пьяный,
А Янова со мною рядом нет…
Он—альпинистом стал
И—вольный жест—
Решил пешком взойти на Эверест…
Семь лет—с тех пор…
А он от всех забот
К вершине всё идёт, идёт, идёт…
И смотрит вдохновенно сверху вниз…
И мой портрет кричит ему:
— Вернись!

Друг

Друг
Мечтал о цианистом калии—
Как бы в шутку и как бы всерьёз…
И однажды
Собрал все регалии
И на рынок барыге отнёс.
И, представив счастливый финал,
Не торгуясь,
На яд обменял…
Принял дозу—
И тут же уснул…
Но барыга его обманул!
И мой друг,
Не достигнув небес,
Сам себе удивившись, воскрес…
И сказал мне:
— Какой я чудак…
Жизнь прекрасна! Ну разве не так?

Последняя любовь

…не отдавай последнюю рубаху…
Вера Чижевская

Я отдал ей последнюю рубаху—
И сочинил влюблённо-нежный стих…
И голову на грудь к ней,
Как на плаху,
Склонил—мечта плюс память,
Старый псих…
Настало утро вешнее,
Увы…
Она—в рубашке…
Я—без головы…

В России

В России—горе не беда:
Невроз, некроз,
Некрофилия…
В бутылках—мёртвая вода…
В Бутырках—
Псы сторожевые…
Деревни—
С вервием на вые…
И города полуживые…
И—убеждённый в правоте—
Христос,
Распятый на кресте…

Всё наоборот

— Ах, как надоело—ё-моё!—
Телевизионное
Враньё…—
Неспроста на улице народ
Говорит,
Но всё—наоборот!

Олег Ващаев

Портрет и копии

● ● ●

От «Просвета» до Лахты—стена грозовая.
Коломяги дрожат, напряглась «Беговая».
«Васька» шикнул—и юркнул меж ладожских струй,
потому как накроет, а там—не балуй.
Понимает, бывалый: опасные игры.
И, зажмурясь, не видит, как падают искры.
Он привык «по-кошачьи» смиренно свернуться,
потому что иначе здесь можно свихнуться.
Это—Питер. Терпимо для здешних широт.
Но готовиться к худшему—здравый подход.
Зонт с собой—это норма у Невки, на Мойке,
в историческом центре трёхсотлетней застройки.
Там и с ног не собьёт, и не вырвет из рук.
Там гроза вызывает лишь страстный испуг.
На окраинах зонт ни к чему: под ногами—
котлованы, карьеры воды. Сапогами
запасись. Про модельную обувь забудь.
Тут не кожа нужна и не замша. Моргнуть
не успеешь—резина, которой стыдишься,
незаметно прикроет. И не разоришься.
Покупать на сезон—точно не комильфо.
Это—Питер. И главное здесь—естество.
Даже в дождь потихоньку от «Стрелки» дойду,
вдоль Невы, на свидание в Летнем саду.

Портрет и копии

Как в масле—с тёмного,
на белом—
с лица положено начать.
Писать—как чувствовать—
всецело,
и в теле—душу ощущать.
У жизни веские причины.
Она сама себя творит.
А смерть—лишь рамка для картины
под исходящий колорит.
У жизни масса переходов,
борцовский нрав, горящий взор.
А смерть сулит разбор полётов
и заземлённый кругозор.
Контачим и перегораем.
Спешим на мойку и в ремонт.
Под Богом ходим и не знаем,
когда свернём за горизонт.

● ● ●

Получив нагоняй от жены,
с лёгким чувством вины
уйди в «автономку»,
смени обстановку.
Дней на восемь. А дольше—ни-ни.
Меньше тоже не сто́ит. Шагни
в неизвестность, найдёшь Незнакомку.
Ну, проваливай и принимай.
Не волнуйся. Чего не бывает?
Разомнёшься и скажешь: «Бай-бай».
А жена… пусть немного оттает.
Пусть она от тебя отдохнёт.
Вероятно, помиритесь вскоре.
Расставанье бодрит, словно мёд
с молоком или лёд в кока-коле.
Не ханжа, не сквалыга? Дерзай!
За охотой приходит желание.
Не настаивай. И не бросай.
И ещё пригласи на свидание.

● ● ●

Десять лет под Балтийским морем—
совсем не «кум королю».
Застрял, как патрон в затворе.
Не рыпаюсь, не скулю.
Наготове, и силюсь рьяно,
хоть Петровы оковы жмут.
Передёрни затвор, охрана,
конвоируй на Божий суд.
Не сержусь на земную участь.
Прицепился, но перерос.
Не привёл до Суоми случай,
до Эстонии не донёс.
Что же, с юности в заграницу
до беспамятства был влюблён.
Но за всякую небылицу
платишь верой, а не рублём.
Конвертируй, не жмись, охрана!
Всё одно по пути ларёк.
Да какая, к чертям, нирвана?!
Не юродствуй. Спускай курок.

• • •

А русские… да что и говорить…
А. С. Пушкин. Борис Годунов

Чернигов пал, стрельцы «смутились».
Расстрига сел на царский трон.
Венчались в мае, причастились
в Успенском. Шуйский был взбешён!
Нашлось ружьё, и выстрел грянул,
а после, в шапке шутовской,
был «заглумлён» и смят толпой
поверженный. Наглядно канул:
летел из пушки прах «царя»;
гроза—под ним, над ним—заря.
Красавица и самозванец.
Лжедмитрий и Марина Мнишек.
Сама над картами, страдалец
лежит на кладбище для нищих.
Мятеж и кризис, заваруха,
ума и сердца непокой.
А в двух словах, одной строкой—
в обеспокоенности духа
двадцатилетия минута
на размышление.
Кому-то
и вздохи слышались снаружи,
как будто «был да вышел весь».
Так сущность вытеснила душу,
и самозванец снова здесь.
Лжедмитрий «тушинский», второй,
просил руки и ждал достойно.
Марина за него—горой
и сердце отдала спокойно.
Вдруг—«литургический» припадок.
Поход отложен, вор казнён.
И горечь выпала в осадок,
затмив рассудок и закон.
Родился сын. Его сгубили
Романовы в начале лет.
Кто знает, как бы дальше жили,
когда бы не менталитет.
Аж до двадцатого колена
род проклинала роковой
царица, в башне, за портретом.
Но—вниз вороньей головой.
Оцепенели: Николай,
и принц Георг, и самурай-
городовой, поднявший меч.
Буддисту нечего беречь.
Век в искажённом предсказании—
расплывчатый калейдоскоп.
Кто виноват в истолковании?
Увы, английский гороскоп.
Пока «кровавый» миротворец
на Серафимушку пенял,
в придворной своре—вор на воре,
и что ни заговор—скандал.

• • •

Прометей, Прометей,
зажигай, жми на «Play»,
чтоб вокруг зазвенело, запело!
Задышало, раскрылось, как горний Орфей.
Будет песня, а значит, и дело.
Будем живы, а значит, поближе к огню.
Он утешит идущих за нами.
А пока на плаву, я волну не гоню,
но упрямо стою под пара́ми.
Что в эфире? Затишье. Орфей не парит.
Замолчал, ищет новую пару.
Эвридика? Конечно. Но тихо сидит,
дышит ровно, а он—с пылу с жару.
Если дело—табак, то суметь разрешить
это могут как минимум двое.
Зажигай, Прометей, и давай прикурить.
Но смотри не задень за живое.

• • •

Автовокзал и кладбище рядом.
Не торопитесь, уедем все.
Перво-наперво—автострада.
После тащимся по шоссе.
Вечно-сезонное оборзение.
Прут «истребители» на кордон.
У «испытателей» вдохновение.
А дальнобойщикам не резон.
Жмутся любители, шпарят профи,
бьются блондинки и пацаны.
«В теме» каршеринг и «Кэмел-трофи».
В тренде страховка за полцены.
Жизнь обесценилась и упростилась.
«Авторитеты» не при делах.
Так, как хотелось, не получилось.
То, что имеем,—выхлоп и прах.

• • •

Копия Мартин Иден.
Скрытен и беспредметен.
Тот, кто насквозь виден,—
практически незаметен.
Пушкинская Татьяна—
вылитая Лолита.
Около океана
сглаженнее палитра,
прибыльнее разводы,
соуснее, мяснее…
Жаждущие свободы
знают, что жизнь—важнее.
Знают, что жизнь—дороже
гонора и породы.
Хуже следов на коже—
только новые годы.

● ● ●

Между лекарством и ядом разница только в дозе,
там, где подъём и спад, бездна и Млечный Путь.
Хочешь всю жизнь пастись и плестись в обозе?
Бойся поторопиться и затянуть.
Бойся данайцев, безбожно вырванных из контекста.
Вездесущей рекламы, даже о Судном дне.
Бойся не одиночества и соседства,
а того, что обычно случается на волне
кризиса, когда Дерипаска — пешка,
потому что иные фигуры имеют власть.
Когда встаёт на «ребро», но «орёл» и «решка»
уже никому не в радость, да и не «в масть».

● ● ●

По Суворовскому на Староневский
выхожу, на первой Советской —
кофе двойной, с собой, на вынос.
Посидеть нельзя, потому что — вирус.
Карантин становится всё заметней.
Очередь и дистанция. «Кто последний?»
Пандемисты пробуждают инстинктивное поведение,
провоцируют нравственное радение.
Храмы — по Интернету.
Под запретом цирюльни и бани.
Привилегии — надзирателям и охране.
Пуганые ломанулись ещё в апреле.
Пугливые тоже смекнули, но не успели.
Накрылись заработки, отложились премьеры.
Важные люди теперь — курьеры!
Выросли аппетиты у адвокатских.
Действительность гаже, чем у Стругацких.

Бессребреник Серебряного века

Виктору Владимировичу Хлебникову

«Викторианское» эхо.
На досках Судьбы наброски.
А говорили — потеха…
Эпоха! Мы — отголоски.
Он — математик от Бога.
Разин словесного цеха.
Слово светилось, как Око.
А говорили — для смеха…
«Викторианская» веха.
Космос! Мы — атмосфера.
Феникс двадцатого века,
«Викторианская» эра.
А говорили — погрешность…
Проводы были недолги.
В нём — роковая безбрежность!
С нами — пыль и осколки.

● ● ●

Хочешь увидеть город — иди на гору.
Когда солнце ныряет за горизонт,
скажи спасибо Бендеру-командору
за его мечтательно-томный понт.
Фавелы преображаются до рассвета.
Ночь, которая ярче дня,
мчит под звёздами, как комета
в объятия воздуха, из огня.
Что я этим хочу сказать? У Рио
нет аналогов на земле.
В Рио чисто, не то что в Риме.
Пляж вообще пятьдесят кэмэ!
Не Париж, а никто не спорит.
Но оттуда — salut, Paris! —
сам Христос над уровнем моря,
улыбаясь, глядит с горы.
Есть сомнения? Поднимайся
и с вершины не упади.
Мало гаджета и девайса.
Нужно видеть и — обрести.
Нужен выход и зримый фокус.
Даже если висит туман,
с Корковадо — поближе космос.
Командор у нас — капитан.
Управдома и эмигранта
не изведана им судьба.
Бендер-бей и его команда
доказали, что жизнь — борьба.
Загорает Копакабана,
созерцает свои права.
Тает Рио у океана,
чисто Сахарная Голова.

● ● ●

Какие-то мы чужие…
Какие же мы свои…
Дикие и ручные,
совы и соловьи.
Ярые протестанты,
хилые хипари.
Яркие бриллианты,
тусклые фонари.
Тупо забились в норы.
Только б не замели.
Рокеры и «мажоры»,
«голые короли».
Примы концертных залов,
клубов и площадей.
Эхо былых скандалов
стало ещё смешней.

Александр Орлов

Юродивые дни

Девичья краса

— На нашем берегу ночь стояла дремучая, такой густой тьмы я никогда в жизни не видела. На подходе к реке было так много милиции, что протиснуться к пристани было невозможно. На правый берег переправлялись на паромах, катерах, лодках. Призывников встречали военные и сразу отправляли на станцию. Мама моя с кумой хотели перебираться вплавь, но Волга так разволновалась, так расчувствовалась, словно знала, что в последний путь провожает, и женщины наши плыть не решились. Они долго шли по берегу, наткнулись на удильщика, он и перевёз преданную двоицу на берег расставаний. Несколько километров до станции шли пешком, а там мама у самого эшелона папу и отыскала. Уже из вагона папа крикнул: «Ириша, только Томочке косы не стриги!»

А в конце лета, в праздник Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, мы получили единственное письмо от папы. Он воевал под городом Великие Луки. Как папа наказал, продали всё: свиней, козу, кур, всю его одежду,—только образ Богородицы берегли.

Помню, я маленькая совсем, а папа несёт меня на руках в громадный собор, что красовался на крутом волжском берегу. Я такой красоты, как наш пятиглавый Покровский собор, не забуду никогда. Пять вызолоченных куполов в солнечный день были видимы на пятнадцать-двадцать вёрст окрест. Рядом с царственным храмом красовались церковь Живоначальной Троицы и колокольня. Эту нашу городскую нарядность испоганили, маковки сорвали, иконы пожгли, а сосуды богослужебные, кресты, оклады иконные—всё на переплавку пустили, одежды священников, покровы напрестольные на половики и тряпки изодрали, мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло! Прости, Господи! Помню запах тех костров, странный он был, ладан напоминал, а дымовая завеса возносилась в небо и пахла смирной. Папа выменял у солдат икону Владимирской Божьей Матери, вот эту,—и бабушка показала на образ, который висит над моей кроватью с рождения.

— В тот год осени почти не было, студёная зима подоспела рано. Около дома мы выкопали траншеи, женщины лопатами работали, а мы вёдрами таскали вымерзшую землю. За городом вначале копали окопы все, кто у церковного клироса[1] собирался, а потом и вся улица Пушкина пришла, а за ней и Урицкого, и Володарского. Мама с подругами кирками и ломиками раскалывали землю, а мы вручную выкидывали обмёрзлые земляные глыбы. Озябли, есть хотелось, а я всё мнила, что окоп мой папе достанется. А потом налетели «лаптёжники» и давай бомбить, вой от «юнкерсов» ярый исходил, я от страха коченела. Рвануло рядом с блиндажом, в укрытие никто не успел. Маму отшвырнуло взрывной волной, а меня покорёжило, осколки попали в грудь, шею и голову, а самый большой в косах запутался. Очнулась, а вокруг меня соседские ребятишки лежали и родители вперемешку. Алый снег перемешался с грязью, и всё это каменело на глазах. Потом в госпитале меня подлечили, только ранение в грудь давало о себе знать, от попавшей слякоти сильнейшее нагноение образовалось, вылечить не могли. Раз в три дня мама сажала меня на санки и тащила на перевязку через обледеневшую Волгу на правый берег.

Госпиталь на нашем берегу «лаптёжники» разбомбили сразу, как мама меня увезла домой. От врачебного дома остались только дымок и кирпично-чёрная россыпь.

На мой день рождения, после Рождества, похоронка пришла. Папа пропал без вести. Только маму знать надо было. Её ни война, ни холод, ни голод остановить не могли. Мама молилась, писала, ходила, просила, но о муже своём знать хотела всё: где? когда? Веровала, что недоразумение, надеялась, что папа ранен или контужен. Мама большая постница была, всё, как положено уставом церковным, соблюдала. Таких-то, как мама, Богородица завсегда услышит. Как блокаду Ленинграда прорвали, так мы ответ и получили. Папа утонул в Ладожском озере. В декабре сорок первого. Он возглавлял продовольственный обоз, который прорывался к блокадникам. Сидел за рулём первой полуторки, в ней и ушёл под лёд во время налёта смертоносной стаи. Размашистая

1. В православной церкви место, где во время богослужения находятся певчие и чтецы.

могила у папы, «Дорогой жизни» он одним из первых шёл.

Она замолчала. Глядя на неё, я стыдливо косился на подарочную коробку, приготовленную для моего крестника, на которой было написано: «*Предлагаем Вам один из легендарных самолётов Второй мировой войны, грозный истребитель танков „Юнкерс Ju-87G2“*[2]*, который стоял на вооружении фашистских оккупационных войск! Этот истребитель долгое время был настоящей грозой неба, наносящей ощутимый урон нашим боевым танковым частям. Он был одним из массовых летательных аппаратов, созданных немецкими конструкторами из конструкторского бюро „Юнкерс“. Вооружён он был мощными пулемётами и длинноствольной 37 мм пушкой. У него изящные, хищные линии, за которыми скрываются огневая мощь того времени и высокая манёвренность. Конечно, таких машин сохранилось со времён войны очень мало, но Вы сможете Вашего малыша приобщить к этому историческому раритету. В нём воплотились многие прогрессивные технологии середины тридцатых и начала сороковых годов прошлого столетия. Подарите ему этот набор!*»

А бабуля продолжала:
— В крещенские морозы наша сибирская кошка запрыгнула ко мне в постель и давай тереться об меня и урчать, а потом начала вылизывать мне рану. Я сначала не давала, боялась. А потом до самого Благовеста я просыпалась каждое утро от нежного мурлыканья и ухода за незаживающей раной нашего хваткого крысолова, а на Вербохлёст хворь моя вся вышла.

Сердечная неугомонность, радость детских воспоминаний не покидали маму моей мамы, и она продолжила:

— Школа была рядом с домом, но её из-за бомбёжек закрыли. Учились дома, окна всегда завешивали одеялами или простынями. Мы все боялись: разбомбят немцы плотину, и большой Волгой нас всех смоет.

А в мае на Владимирскую к нам на постой определили трёх красноармейцев. Никогда их не забуду. Я сызмальства любила стирать. И так мне в свои одиннадцать лет стирать нравилось, всё чудилось, что папе кто-то стирает сейчас гимнастёрку, шаровары или исподнее. Навалила я в бельевую корзину грязных вещей защитного и белого цвета — и на Волгу, а со мной и соседские девчонки увязались. Пока стирали, так раздухарились, что очередную атаку самолётов не заметили. «Лаптёжник» оторвался от стального косяка, спикировал на нас под адские вопли. Взрывом меня оглушило. Я упала в воду и пошла ко дну. Слава Богу, постоялец наш увидел, как я тону, и прыгнул за мной, схватил за косы и вытянул меня, а немец всё осыпал и осыпал нас пулемётными очередями.

Рассказывая, она словно пребывала там, на волжском берегу. Бабуля была потрясающе улыбчива.

Ещё раз я посмотрел на модную цветастую коробку: маскировочный окрас, на крыльях чёрные кресты, свастика на хвосте, а на разрисованном фюзеляже скотская змеиная пасть, а под ним полыхающая Русь, Волга и моя бабушка. Я читал и не верил своим глазам: «*С помощью подробной инструкции малыш сможет подготовить всё необходимое для изготовления модели. Сможет самостоятельно или с Вашей помощью склеить модель с помощью клея, входящего в набор. И затем раскрасить самолёт в соответствии с боевой окраской техники военного времени. Процесс сборки модели способствует развитию мелкой моторики рук, усидчивости, повышенной внимательности. Пусть у Вашего малыша появится уникальное увлечение и со временем внушительная коллекция летающих моделей всего мира. Начните с этой модели создание коллекции уникальных игрушек! Рекомендуется для детей 8–12 лет и старше*».

— Через некоторое время защитники наши нас покидали, напоследок они оставили нам две банки тушёнки, куска три сахара и морковный чай. В тот день я впервые насытилась за первый мёрзлый военный год. Спаситель мой на папу был похож: высоченный, светловолосый, голубоглазый. До войны он работал плотником в Боголюбово, что под Владимиром. Он носил сильно полинявшую гимнастёрку, на которой выделялось несколько маленьких латок, на петлицах три треугольника, а на пряжке рыжего ремня сияла звезда. Грудь солдата украшала медаль на багровой колодке с красной надписью: «СССР». Помню сверкающие его начищенные сапоги и автомат с круглым диском.

2. Нем. название «Юнкерс», рус. прозвища «штука», «певун», «лаптёжник», реже «лапотник», — одномоторный двухместный пикирующий бомбардировщик и штурмовик времён Второй мировой войны. Этот с виду неказистый, угловатый пикировщик стал, по сути, самым узнаваемым самолётом люфтваффе. За неубирающиеся шасси советские солдаты прозвали его «лаптёжником» или «лапотником». Также данный самолёт получил прозвище «штука», от нем. *Sturzkampfflugzeug* — обозначения всех пикирующих бомбардировщиков. Ju-87 имел некоторое сходство с хищной птицей, а в его угловатых контурах просматривалось что-то дьявольское — радиатор пикировщика напоминал широко разинутую пасть, а неубирающиеся стойки шасси с объёмными обтекателями напоминали выпущенные когти. Все эти особенности машины производили сильный психологический эффект на тех, на кого пикирующий бомбардировщик с неумолимой точностью сбрасывал свои бомбы.

Поздней осенью пришло письмо от нашего гостя: он воевал под Волховом, был ранен во время налёта «юнкерсов», а в госпитале повстречал моего папу, который строго-настрого приказывал мне не стричь косы.

Бабушка расплела снежного цвета косы и расчёсывала их гребешком моей прабабки, который когда-то смастерил её погибший муж. Урчала трёхцветная персидская кошка, лежавшая на коленях у говорливой старушки, а вокруг образа, дарованного Вселенной евангелистом Лукой, кружила тополиная кидь.

Я вышел на лестничную площадку, открыл мусоропровод и отправил в последний путь «штуку» — это грозное оружие люфтваффе.

Плодоносный большак

Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, вся воинства Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звёзды света…

Пс. 148:1–3

Своим появлением бабуля нарушила тишину. Ещё из коридора было слышно её тяжкое пошаркивание. Прихрамывая, она вошла на кухню. Её редкие белые волосы были распущены. Бабушка облокотилась на стол и присела. Отдышалась и, астматически прокашливаясь, начала разговор.

— Сталин когда умер, мы всем городом плакали; казалось, наше многодневное рыдание может затопить всю округу. Сталин для нас главный человек на земле был! Спаситель с Богородицей всё с небес наблюдали и укрывали нас с предстоящими ангелами и угодниками, а он здесь был определён. Мы каждое Божье утро дома молились, а в школу придём — читают нам писанину бесовскую. Ужасались мы по-детски от всех этих ненавистников рода человеческого: Ярославского, Румянцева, Кандидова[3]. Только вождь своре этой лютой с их ревущей ересью и музеями сатанинскими языки в тугой узел закрутил. От него и народу православному после войны послабление пришло. Мы же тогда ничего, ничего не знали.

Перед самым концом войны домой прибежала заплаканная и ликующая мама, в руках она держала икону преподобного Сергия Радонежского. Мама увидела, как вынесли несколько икон из дома умершей старушки напротив, милиция передала образá работникам городского НКВД. Мама отправилась за чекистами. Напросилась к оперативнику, а когда вошла в кабинет, увидела икону преподобного Сергия, которая лежала на столе, перемаранная чернилами, вся в окурках. Мама зарыдала и схватила икону со стола, оперативник на неё стал орать, выхватил икону и остолбенел: горючие мамины слёзы размыли чернила и пепел. Офицер быстро пришёл в себя, отдал маме икону, фыркнул и выставил за дверь.

В морозный сочельник сорок пятого мама рассказала мне о явлении преподобного Сергия императору Франции Наполеону на звоннице Ивана Великого, после чего с французским завоевателем случилось помешательство. Историю эту маме пересказала сестра прабабушки, которая была насельницей Спасо-Бородинской обители.

После войны я окончила пятилетку. Наше это слово — «пятилетка»! Страну поднимали, отрабатывая пятилетку в четыре года, да и военное пятилетие в четыре года улеглось, вот и первую послевоенную пятилетку тоже в четыре года отпахали. Важный седьмой класс я окончила уже в вечерней школе, была круглой отличницей, потом ремесленное училище. Вот тогда-то мне и повезло в первый раз. В учении первый помощник — преподобный и богоносный отче Сергий, игумен Радонежский, все успехи мои — его благодать. А когда нам путёвку выделили — одну на город — и её при всём честном народе на собрании вручили мне, я от счастья плакала! Всю ночь Спасителя, Богородицу, Николая Угодника и преподобного Сергия благодарила. В поезд села, а в купе до самого Чёрного моря ехала с Любовью Орловой. Если бы ты только знал, какой чертог счастья в сердце моём просиял. Всю дорогу лучшая актриса страны мне, словно Пресвятая Дева Мария, улыбалась, я слова вымолвить не могла, стеснялась… все мы такие были. На обратном пути из Евпатории я купила на сэкономленные деньги мешок семечек, а мама их продавала по стаканчику. Так у нас появились деньги, и я купила первую пластинку. Как я любила песни! Танцы! Танго, фокстрот! Сердечный Леонид Утёсов, Изабелла Юрьева, Лидочка Русланова — разве забудешь их голоса? Только во время Великого поста мама не разрешала даже подходить к патефону.

А после войны как о нас страна заботилась! Голод шатался повальный, а нам за городом участок выделили. Не забыли!

Она развела руками и еле слышно добавила:

3. Антирелигиозной политикой в СССР руководил Ярославский (Губельман) — профессиональный революционер, деятель Коммунистической партии, идеолог антирелигиозной политики, председатель «Союза воинствующих безбожников». Активными деятелями являлись Румянцев (Шнайдер) — автор ряда работ по истории христианства, принимавший активное участие в работе общества «Атеист» и в «Союзе воинствующих безбожников»; Кандидов (Фридман) — один из организаторов Центрального антирелигиозного музея, в своих публикациях разоблачал реакционную деятельность РПЦ в годы революции и Гражданской войны; Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович и многие другие.

— Вот нам и стало где картошку сажать. Что там возле дома вырастишь — помидоры, огурчики, петрушку, лук, укроп? А здесь — надел, и свой! На луговину мы с мамой ходили пешком — от города полтора километра. Целина — так земля, выделенная страной, по-учёному называлась. Целина заросла травой — правда, невысокой, ну так, по локоть, копать её тяжело. Бывало, надавишь на лопату, вытащишь ком и долбишь.

Она поправила белоснежную прядь, и я заметил, как после болезни изменились её ухоженные руки. Костлявые ладони были обтянуты кожей, подаренное моей прабабушкой кольцо еле держалось на пальце, только аккуратные ногти напоминали о былой красоте рук.

— А счастье в наш дом подоспело с землёй! После ремесленного меня на обувную фабрику взяли работать. Я уже тогда рабочий стаж имела. В ремесленном как учили: день работаешь — день учишься, так что с производством я была знакома. Поначалу клапана́ строчила, потом посадили на ремешки, но у меня всё так спорилось, что когда земля пришла, у меня уже высший девятый разряд был, я союзки строчила и в передовиках числилась. По весне на нашу фабрику земельные участки выделили. По городу все бегали и кричали: «Земля пришла! Земля пришла!» У меня насчитали двести пятьдесят трудодней! Ни у кого столько не было! Я сама выбирать любой участок могла. Самая хорошая земля была у кладбища, вот там истинное плодоносье, но я покойников боялась. Поэтому и выбрала участок у большака. Все в городе недоумевали. Ведь у большака что за участок? Сплошной песок. Ладно бы песок — весь надел загажен был: раньше на этом месте конюшня располагалась, которую после революции пожгли, потом скотный двор (его перед самой войной в техстанцию преобразовали). А в войну МТС разбомбили вчистую, на этой выжженной земле образовалась свалка, да ещё и под уклоном. Эту помойную яму мы с мамой и вычищали. Многому я в то время научилась: выкапывала обломки бомб, выгребала стекольные осколки, строгала и пилила тёс, ямки вручную копала, а в июльскую сушь за водой на Волгу ходила. Ведра три завсегда притаскивала, вот грыжа у меня и образовалась. Потом за помётом лошадиным и коровьим на другой конец города ходила. Мешками на себе волокла. Мешки нетяжёлые были, я брала килограмм по восемь или двенадцать. Это ведь самое что ни на есть удобрение. Разводили всё это духовитое снадобье в бочке — и всё кругом плодоносило. С конца весны в пять часов каждый день вставала, до работы поливала и водой, и раствором. Маме моей уже не по силам помогать мне стало, она вставала на колени в сердцевине сада и шёпотом напевала: *«Боже, Боже мой, к Тебе утренюю: возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, в земли пусте и непроходне и безводне…»*

Бабушка встала ко мне вполоборота, я ещё раз посмотрел на её грыжу, похожую на детский регбийный мяч, которая выпирала из ночной рубашки.
— Ты чего засуетилась, бабуль?
— Воды хочу попить.
— Да сиди, я тебе сейчас налью.
— Нет. Сама хочу. Трудиться с детства люблю. Как без этого? — тяжело передвигаясь, отвечала упрямица.

Бабуля утолила жажду, присела, сложила руки, положила на них голову и продолжила:
— И зацвёл у нас сад! Всё у нас росло! Ни птичьи налёты не помешали, ни каменистые места, ни кочки, ни сорняки, ни заморозки, ни ливни, ни засуха — всходило всё, даже упавшее при дороге прорастало. Наперебой участок у нас купить хотели! Но продать я могла только своим, фабричным. Пятнадцать яблонь разных сортов: антоновка, анис, штрифель, розмарин, папировка, грушовка, китайка… А груши какие! А сливы! Только одного крыжовника двенадцать кустов наросло, ягоды были трёх сортов и знатные — величиной со сливу, смородина красная и чёрная, клубника, малина, земляника, черноплодка, которая от давления помогает.

Глаза её были закрыты, мне показалось, что она заснула. Неожиданно словно в забытьи она вымолвила:
— А когда похорошели посаженные тюльпаны, гвоздики, розы, маргаритки, незабудки, нарциссы и благоуханный запах вместе с маминой псалмодией мимолётный суховей разносил во все стороны большака, удивлению людскому конца и края не было. Мама сказывала, что сад наш — земная хвала Господу!

Юродивые дни

Только здесь, на Красной площади, оборотившись взглядом к куполам храма Василия Блаженного, и есть у нас время задуматься, кто мы такие, откуда и зачем. И что, задумываемся? Лично я — москвитянин, а кривичи — мои древние предки, но кем именно стали мы за последние века? Россия, несомненно, — Евразия, и словно в подтверждение моих мыслей из-за великолепия собора Покрова Пресвятой Богородицы выглянуло обжигающее азиатское солнце. Оно сияло так, словно хотело превратить меня во второго Ивана Барму, выжечь мои глаза.

Поодаль, где во время Вербного воскресенья происходил крестный ход с «шествием на осляти» патриарха, худенький старец кормил хлебными крошками голубей.

Я вспомнил о доме и бабушке, ожидающей меня.

В родном жилище я находил хлеб везде. Белый и чёрный, чёрствый и мягкий, с плесенью и мошкарой. Подобное хлебное скопидомство моей бабушки Тамары Фёдоровны изрядно раздражало меня. У неё были две сумки и три пакета, в которых она с завидным постоянством скрывала хлеб. Наша квартира становилась похожей на амбар. Вскоре она добралась и до холодильника.

Утром бабушка съедала кусок белого хлеба с маслом и головку чеснока, запивала всё это кофе. Утолив голод, она отправлялась за хлебом.

— Как мне надоели твои закрома! Когда всё это кончится? — выкрикнул я.

— А что здесь такого? Ты чего орать-то взялся? Сегодня Пятидесятница, День Святой Троицы, — изумлённо таращилась на меня она. — Бабушка моя Аксинья имела семь человек детей, а повезло только маме моей. Прокормить-то всех Аксинья не могла, мужа убили, вот она маму ради спасения в работницы барину и отдала. А так умерла бы мама моя, — еле слышно произнесла бабушка.

— После какой это войны? Японской? Первой мировой? Гражданской? — я начал торопливо расспрашивать её.

Ответ был краток:

— После той, которая была.

Она продолжала:

— Мама в работницах у хозяина долго жила, а когда сын хозяина вернулся из Москвы, сразу маму приметил. Хозяин выбору сына рад был. Свадьбу сыграли в октябре, в погожий день прославления мучеников Адриана и Наталии. Так они и прожили до самой войны. Летом, в день кончины Блаженного Василия, папа привёз меня в Москву, на Красную площадь, к Иерусалимскому собору. Я как сень резную над ракой московского чудотворца увидела, так и обомлела. Пол там чугунными плитами покрыт. Деисус[4] в сводах какой! А евангелисты в парусах![5] А вериги![6] На всю жизнь запомнила! Папа у нас в городе хлебный завод строил сам, своими руками, из красного кирпича, — до сих пор стоит. Ему директором предлагали стать, а он отказался, так и работал пекарем. Всё мне пирожки, ватрушки, крендельки, пряники выпекал. Я всегда папины подарки утром под подушкой находила. Началась война. Папа сразу ушёл на фронт. Всю ночь перед отъездом он носил маму на руках, а я ела всякую печёную вкуснятину. В войну мама работала на хлебозаводе. В сентябре сорок второго, в день чествования просветителя Армении преподобного Григория, охранника подменил дядя Вася, он папу хорошо знал и разрешил маме в нижнем белье пронести хлебные корки. Сидим мы с мамой напротив и друг другу эти корочки двигаем. Я всё говорила, что ей надо кушать, ей же на работу, а она не ела. Если не выйдешь, сослать могли или ещё чего хуже. Мама один раз вынесла голодным солдатам в ведре полбуханки хлеба, её поймали и могли осудить на пять лет, но директор завода — папин друг — вступился, настоял, что мама отдала свой неизрасходованный паёк. Той ночью так до рассвета мы и просидели. Потом мы тырганцы научились печь, — она улыбнулась.

— А что такое тырганцы? — спросил я.

— Это лепёшки из крапивы, ботвы, ну а если сильно повезёт, то из свекольных листьев. Я с мамой за крахмалом за двадцать километров пёхом по железной дороге в ночи хаживала, поездов только боялись. За дальней деревней колхозные амбары в полях стояли, а в них сгнивший картофель. Вонища — за километр учуешь. Вот из гнили этой картофельной и выгребали крахмал вручную. А ещё у мамы везение было на ягодные места: всё знала, где черника, где клюква, где брусника, где гонобобель. По каким только лесам и топям вдвоём не хаживали, по две бельевые корзины насобирать могли. А мыла… мыла-то вообще не было, был каустик, вот им и стирали. Он едкий, правда, но в воду положишь — и ничего. А вшей сколько! Вши были повсюду. Господь миловал, тиф стороной обошёл.

Она замолчала, задумалась и продолжила:

— Как вспомню только: мы на ту сторону Волги за пятнадцать километров в леса ночами шастали, — коченею, как в те военные зимы. Мороз был пятьдесят градусов, мама мне платком пуховым всё лицо заматывала, только глаза открытыми оставались. В этой лютой мерзлоте я всё о шубе лисьей мыслила, которую Василию Нагому боярин пожаловал, так и согревалась. Бывало, соберёмся всей улицей человек по десять-пятнадцать, у всех топоры и санки, и идём на промысел. Все идём — и взрослые, и дети. Лес вырубать запрещалось. Хорошо, если лесник добрый попадётся, разрешит, подскажет, где можно срубать сучки; а если строгий, то и санки, и топоры отбирали. Я с мамой попадалась не раз, а дядя Вася нам взамен изломанных санок новые мастерил. Привезённого

4. Деисус — икона или группа икон, имеющая в центре изображение Христа, а справа и слева от него соответственно Богоматерь и Иоанн Креститель, представленные в традиционном жесте молитвенного заступничества.
5. Парус — часть свода, элемент купольной конструкции, посредством которого осуществляется переход от прямоугольного основания к купольному перекрытию или его барабану. Парус имеет форму сферического треугольника, вершина которого обращена вниз и заполняет пространство между подпружными арками, соединяющими соседние столпы подкупольного квадрата.
6. Вериги — разного вида железные цепи, полосы, кольца, носимые христианскими аскетами на голом теле для смирения плоти.

запаса дров на неделю хватало, а потом всё сызнова. Водку, джин покупали в Москве. Джин-то вообще на ура шёл, как-никак сорок пять градусов. Потом в город к нам это пойло все везли, прятались под шконкой вагонной, ну а там—на рынок. Продавали. Мне тогда уже одиннадцать стукнуло, я же ранняя, январская. Я запросто одна могла целый вещевой мешок притащить на себе.

Она так мягко заглянула мне в глаза и продолжила:

—В сорок втором, в ноябре, завьюжило на Варлаама Хутынского. Вечером меня директор Елисеевского изловил. Вдруг дядя Вася навстречу. Что уж он там говорил, не знаю, только, слава Богу, отпустили меня. Да и через два года, зимой, в метель, под самый Николин день, на станции у меня лямки разорвались на мешке, и он рухнул с таким грохотом, что все вокруг обернулись. Как я тогда плакала, причитала, как безголовая, Богородицу на помощь звала; милиционер рядом стоял, метрах в трёх, и опять дядя Вася рядом оказался, взял меня за руку и увёл. Знать, до самой Богородицы докричалась. Мама мне рассказала, что избавитель наш в раннем возрасте подвизался на монашеской ниве, был направлен на остров Свирь в Свято-Троицкую обитель, откуда бежал после осквернения монастыря,—так в нашем городке объявился беглый инок. Дядя Вася высоченный был и худющий: он мне всегда орясину[7] напоминал. Жил монах уединённо, в землянке на самой окраине.

Она смотрела на меня, на всё вокруг с небесной радостью то ли от воспоминаний, то ли от моего неожиданного интереса и никак не унималась.

—А в школе как учились… углём писали, под свет керосиновой лампы. В одежде ели и спали. На звук каждый из нас мог отличить пролетающий бомбардировщик от истребителя, да и всегда угадывали, куда летит: нас бомбить или на Москву.

Она чудаковато сощурилась и говорит:

—Вот ты только послушай, что я скажу. Мы с мамой всё думали: закончится война, сядем вдвоём и хлеба наедимся вдоволь, вот так, чтобы один хлеб есть нескончаемо. Как мы радовались, когда нам объявили, что войне конец, смеялись и плакали, по городу бегали, кричали, не верилось. Время шло, карточки не отменяли, за хлебом по-прежнему вставали затемно, занимали очередь. И вот как-то осенним утром, в день празднования Иоанна Милостивого, я заприметила отощалого человека, кормящего голубей, узнала в нём моего спасителя, подошла, а дядя Вася поправил каптырь[8] и говорит с улыбкой: «Ступай, чадо, в хлебный дом, да поскорее…» Так я пришла второпях в магазин, протягиваю карточки, а мне продавщица и говорит: «Девочка, а карточки больше не нужны». Думала, шутит, наверное, ещё раз спрашиваю, а она в ответ засмеялась: «Белого или чёрного?» Я так и онемела, а потом говорю ей: «Всего». Она смотрит и спрашивает: «А ещё унесёшь?»—«А дадите?»—я ей в ответ. Она с хохотом: «Дам!» Я сколько могла домой хлеба дотащить, столько и дотащила. Мама с работы пришла, и мы стали пировать. Хлеб был чёрный и «рублёвый»—так мы его называли, он был не совсем белый, а сероватый, не такой, как сейчас, но зато хлеб был настоящий.

Я дослушал её, встал и привычно стал собирать весь её непригодный хлебный запас, переложил его в пакет, предназначенный для птиц. Посмотрел на неё перед уходом, а она смотрела в окно и бормотала сама себе:

—За всё я Спасителю, Пресвятой Деве Марии, Николаю Угоднику, Блаженному Василию Христа ради юродивому благодарна, жизнь у меня счастливая.

Монголоидный круг становился всё менее ярким, его карминные пряди оплетали маковки церквей собора Василия Блаженного и терялись где-то в подклети. Исчез худенький старец, и только высохшие крошки оставались нетронутыми на брусчатке.

7. Орясина—жердь, оглобля, верста, долговязый парень, шест, кол, дубина, хворостина.
8. Каптырь—полукруглая шапочка, надеваемая монахами вместо клобука (она византийского происхождения и весьма уважается раскольниками), а также мешок на голову для защиты от комаров и мошкары.

Александр Герасимов

Письма в минувшее

Акварели

Балтика. Январь. Ни неба, ни горизонтов. Только белёсая пелена. Дождики. Мокро. Нудно.

Всё! Хочу лютый холод и литой могучий лёд на Амуре. Сейчас напишу настоящий снежный пейзаж.

…Самые трескучие морозы — утренники. Пред рассветом на стылых деревьях накипает опока — косматая изморозь. От неслышных ветерков лёгкие кудельки тихо опадают, их нежные охапочки белее белых снегов.

К полудню небо ярко-синее, порою фиалковое, солнце в иголочках зимней радуги. Девчонки варежки к щёчкам прикладывают, озябшие пальчики дыханием греют. Вокруг румяных лиц на пушистых шалях и шапках каждая ворсинка в инее. И на тяжёлых ресницах иней: ах, какими сказочными бриллиантами лучится сквозь них зима…

Но отчего я о зиме? Почему не о лете?

…Уж поверьте, только на моём Амуре бывает летом такое глубокое небо.

Уйти в прибрежную степь и навзничь лечь. Зажать в зубах твёрдую травинку. Смотреть в непостижимую синеву, очаровываясь тихим движением клубящихся облаков. Слушать тонкие трели невидимых птиц, стрекот кузнечиков, звон цикад, громкий шорох крыльев стрекоз, тёплые порывы ветра, доносящие далёкий гвалт речных чаек. Вдыхать волшебные запахи диких цветов…

Импрессии. Есть такая техника в живописи — акварелью по мокрому, пейзажи ею делаются лёгкими прикосновениями тонкой кисти.

Ностальгия

За северным фасадом, взирающим на старый немецкий пруд, в тени нашего дома сугробы ещё сахарные, чуть оплавленные. На самом пруду и его округлых берегах февральские дожди снег растворили: лёд стал мраморным, гладким, с медовыми прожилками заплывших трещин, а на почернелой земле и над ворохами жухлых прошлогодних листьев распласталась зелёная до изумрудности трава. Никак не могу привыкнуть к этому густо-зелёному ковру, беззаботно являющемуся из-под стаявшего снега. На моей родине в Приамурье сейчас безысходная зима: земля в глубоких рваных трещинах, стылая до звонкости, донельзя, лихие заверти гоняют, хлещут жёсткую снежную крупку, и сил нет как отчаяние берёт ждать прихода далёкой весны.

Зато весна на Амуре, начавшись несмелыми проталинками и робкими хрустальными сосульками, — безудержная, бесшабашная. Солнца у нас вволюшку. Притихшие чистые снега истончаются, становятся скандальными мутными ручьями, а те, демонстрируя оптимизм грядущих перемен, миллионами осколков разбитых зеркал разбрасывают по миру резвых и неуловимых солнечных зайчиков. Но и это только начало, ещё прелюдия, чёрно-белое кино, в котором звонкие ерошенные воробьи вместе с солнцем купаются в сверкающих лужах. Следом зазвучат цветные аккорды весенней картины мира, вот-вот прольются.

На покатых склонах амурских сопок, на невзрачных кустиках с крохотными тёмно-глянцевыми вечнозелёными листиками чуть набухшие почки приоткрылись яркими клювиками бутончиков рододендрона. Как бабочка, выходящая из тесного кокона, цветок с трепетом расправляет смятые крылышки: неосторожно-длинные, восторженно изогнутые розовые стеклянные ресницы тычинок и пестика в ювелирном обрамлении пяти восково-прозрачных лепестков. Немыслимо передать словами дивные оттенки этих нежнейших, почти воздушных лепестков. Есть в них радость розового утреннего неба, нега малинового заката, печаль фиолетовых сумерек; это — цвет грациозной божественной японской сакуры, только более чудный, девственный, первозданный и отчаянный. До видимых горизонтов и далеко-далеко за ними сопки светятся сплошным малиново-розовым покрывалом — чарующая цветомузыка заполняет всю весеннюю вселенную.

Кажется, бабочки цветов на кустики только чуть присели: вот-вот встрепенутся и полетят все разом меж стволов тёмных сосен и светлых берёз, над рыжим маньчжурским дубняком, не сбросившим крепкий прошлогодний лист. А потом в потоках холодного, ещё морозного воздуха поднимутся выше, заполнят небо, покружатся и улетят к солнцу, в сказочную страну детства, где все беззаботны и счастливы: и люди, и бабочки, и цветы.

Далее приходит пора амурских подснежников: фиолетовых, синих, тёмно-красных мохнатых колокольчиков. На солнечных косогорах и в тени распадков, в лесах и на берегах — чохом, гурьбой явиться могут всюду, даже на одичалых газонах и в истоптанных городских парках. По-детски застенчивые, стоят они на крепких с сизой серебристой опушкой стебельках, поднимая и клоня из растрёпанных розеток-воротничков головки милых сердцу цветов[1].

Над подснежниками запорхали, кружатся настоящие мотыльки: красно-бурые с голубыми пятнышками в белых с чёрным подзором окружьях. Но благостное отишие нарушают гулкий рокот и гуд. Откуда ж взяться грому без грозы?

С берегов Амура летят раскаты, трещит лёд на великой реке — апогей весенней симфонии, время её следующей — эпической части. Это ещё не ледоход, а его предтеча. В прибрежных домах стёкла тренькают и тонко поскуливают от речных набатов. Вот уже и ветра́ разбудил Амур: задули, загремели, засвистали, шквалами и дикими сквозняками понеслись вдоль реки. И — охнул лёд, сдался. Сдвинул Амур ледяной панцирь, потащил, скрежеща в берегах. Лопается, ломается лёд, дыбится громадами заторов. Но герою нет преград, и чёрт ему не брат! Звон, грохот, уханье ледохода сливаются в оглушительный гул, как под колоколом.

…Как-то по весне приехали ко мне в Благовещенск приятели из Иркутска, вывел их на набережную — Амур-батюшку показать. Встали мы на самом краю у чёрных литых столбов с провисшими тяжёлыми цепями. А был, должно, конец апреля — самая вершина ледохода, и грохот стоял такой, что кричать приходилось, чтобы услышали. Неслись по реке огромные льдины, бились, топорщились, набережную цепляли, и вдруг одна, как исполинский кашалот, вынырнула, бросилась к нам — чудом успели отскочить, — а та зацепила массивные чугунные кнехты ограждения, в ярости вырвала из бетона и, прихватив вместе с коваными цепями, легко утащила в пучину. Мои сибиряки только ахнули: и у себя дома видели они великие реки, и сам Иркутск стоит на берегу немаленькой Ангары, но такой мятежной силищи ещё не встречали.

…Много дней тянет лёд по Амуру, пока верховья его самых северных притоков не освободятся. И уже плещет, смеётся бликами тёмная вода, разудалые волны резвятся в стремнинах, уже в затонах мальчишки купаются-визжат, а по берегам всё ещё лежат и томятся выброшенные и забытые Амуром могучие речные айсберги: позванивают, шелестят, осыпаясь высокими иглами-кристаллами.

Земля ещё толком не оттаяла, по утрам нередки ледяные глазури, и вечерами зябко тянет холодом, но днём солнце жаркое, жгучее. Наконец-таки распускаются почки деревьев, раскрывают ребячливые листики, вкрадчивыми щепотками пробиваются травинки, радостные одуванчики зацветают, а следом — фарфоровые яблоньки, жемчужные вишенки, мраморно-белые груши, а уже за ними — кипенные черёмухи. А как сорвут, завьюжат горячие ветра черёмуховый снег, то уже лето наступит.

Финал весенней симфонии. Потом польются песни лета. Песни тёплых гроз, лугов, сплошь цветущих золотыми лилиями-саранами, белых придорожных маков на беззащитно-тоненьких ворсистых гнутых ножках…

Эко куда я мыслями улетел. На Амур, за семь тысяч километров. И вовсе не весна сейчас там, размечтался…

А меж тем стал падать снег. Опускается густо отвесно огромными, как перья, хлопьями. Уже и другого берега старого пруда не видать. И так тихо-тихо стало, что даже дыхание в груди таится, и только слышно, как сердце гулко стучит. И всё стало белёхоньким, а нежные пёрышки всё падают и падают.

Страна дождей

Непогодой назвал бы нашу летнюю жару.

Знойно гнетуще. Жухнут травы, рабски никают листья, в морном выцветшем небе плавится бесформенное светило. Ни продохнуть. Ни спрятаться. И мглистыми ночами душно, не отпускает.

Но приходит август. Месяц гроз.

Перед рожденьем первой грозы мир обомлевает, цепенеет, как пред погибельным пределом. Надсада, растерянность, опустошённость. На деревах листик не шелохнётся. Птицы не летают, голосов не подают. Время останавливается. Пыльные окрестья недвижны. Даже сердце замирает, раздумывает — стучать ли…

Дневная тягучесть перерастает в ночную. Где-то за горизонтами беззвучно проблёскивают, круговертят, но никак не приблизятся грозы.

И только за полночь, под самое утро, когда и не надеешься уже, вдруг сверкнёт рядом совсем! Разорвёт, треском ошеломит тишину! Ударят хлёсткие капли. И как обрушатся лавины негаснущие молний и каскады несмолкаемые громов! И как хлынут потоки вод! Сначала полосами, окатно. Вослед густо, огрузно.

Отрадно, тревожно, жутко. А люди улыбаются, засыпая блаженно под высверки, сияния и грохот.

Потом приходит рассвет.

1. В Европейской России «подснежниками» называют совсем другие, чаще — белые, цветы. В Красной книге наш амурский первоцвет величают «прострел Турчанинова», назван именем знаменитого ботаника — красноярского (енисейского) губернатора Николая Степановича Турчанинова: ещё во времена А. С. Пушкина собрал он лучшую в России коллекцию гербариев, написал книгу «Байкало-даурская флора», ценимую учёными и в наши дни. — *Прим. автора.*

Наступает утро упокоения и чистоты.

Умиротворённость и благоуханность — дольный мир после грозы.

Благорастворение воздухов.

А как милы сердцу слепые грибные дожди! Они из детства. Солнышко даже за облака не прячется, щурится, жмурится. Серебряные дождики сквозь лучи моросят. И зонты люди не раскрывают. А промокнув, не огорчаются. Но главное, ручаюсь, обязательно случаются радуги. Можете проверить.

Вёснами и летом бывают и самые обыкновенные дожди. Вдруг явятся из ниоткуда, пошумят, а потом растворятся в синеве неба и просохнут в зелени травы. Тоже хорошие дождики.

Обложные дожди, когда всё небо плотно беспросветно затянуто. Могут идти многими днями и ночами напролёт. И кажется, уже конца им никогда не будет, что во всём мире так.

В такие дожди хорошо думать, ничто не отвлекает. И в этом своя прелесть.

Лихие от напора ветров дожди-косохлёсты. В пути застанут — сухим не выбраться. Зато так хорошо после них греться у дымного костра, у натопленного камина или у раскалённой печи, — приключения, о которых рассказываете, посмеиваясь.

Дожди с градом, горохом-разбойником, иногда в мандарин величиною и ледяною формой. Они жестоки, беспощадны, но и в этой безумной стихии есть чарование.

Дожди со снегом. Они могут пойти и в августе. Люди любят фотографировать в такую погоду цветы, считают их необычно красивыми в снежных шапках и сугробах.

Осенние дожди. Спокойные, затишные. Сквозь них не надо торопиться. Они наполнены мудростью, надеждами и думами о вечном.

Проливаются, моросят, низвергаются, тарабанят, шелестят и грохочут ливни, дождики и грозы. В России они особенные. Приносят печали, томления и радости, преисполняют сердца вселенской любовью.

Кукушкины слёзки

Под утро, чуть свет, приснился мне цветок — венерин башмачок. Глаза не открывая, боясь спугнуть наваждение, стал о нём думать. Этот цветок мама называла «кукушкины слёзки». Дивное прозвание на нашем Амуре. Цветок и впрямь похож на дутую обманную каплю — слёзонька кукушки по подброшенному кукушонку.

Амурский венерин башмачок — таёжная орхидея. Встречал разных видов и окраски. Есть с россыпью бисерных крапинок на пухлом зеве цветка. Бывает нежно-золотистый. А ещё светло-лиловый. Ещё и малиново-розовый, похожий на капризно надутые губочки с трепетно проступающими яркими капиллярами.

Часто венерин башмачок видел рядом с ландышами, должно быть оттого, что зацветают в одно время — конец мая и начало июня. У белого ландыша дерзкий радостный запах, рядом с ним аромат орхидеи неуловим. Но на таёжных полянах, у опушек рощ и лесочков являлись мне и одинокие венерины башмачки, а порою семейки. Даже в горной тундре на съёмках фильма о северном заповеднике встретился: крохотный, обдуваемый ветрами. Помню, директор заповедника опустился перед едва приметным цветиком на колени, восторженно, затаив дыхание, со всех сторон щёлкал затвором фотоаппарата, сказал, что ещё никто никогда в мире не встречал орхидею, растущую в таких условиях.

Венерин башмачок занесён в Красную книгу России, охраняется законом.

И о запахе амурской орхидеи. Оказался он тонким и нежным, трогательным, волнующим. Как-то в Таиланде был на экскурсии в великолепном Саду орхидей, в королевстве тысяч фантастически красивых цветов, но что удивительно: совсем не помню их запахов. А прозрачный аромат моих таёжных кукушкиных слёзок, кажется, не забываю. Не от этого ли вспоминания я улыбался, просыпаясь?

Июнь

Ромашки. Боже мой! деревенские барышни на выданье — рыженькие в беленьких сарафанчиках. Вот она — красота первозданная!

А на васильки гляньте: ясноглазые красавцы, в городах такие не родятся. Васильки какого цвета? Василькового! Небесного! Такого цвета глубокое небо, промытое первыми грозами. Время васильков — июнь. Цветут они на лугах и вдоль полевых дорог. А ещё во ржи их всегда увидите, посей рожь — васильки сами вырастут.

В безоблачном небе долгая-долгая трель жаворонка. Голову запрокинешь, прикрываешь ладонью солнце, щуришься лучам, а восторженного певца не разглядеть, как же высоко он взлетел.

Лотосы моей родины

Архаринский район Амурской области, где я родился, уникальнейший во всей нашей необъятной России: когда-то от Великого оледенения уголок этот защитил Большой Хинган — вулканический горный хребет. Оттого сохранились на реликтовых озёрах дивные тропические лотосы.

Не рискну сказать, какого цвета мои царственные водяные лилии, да и невозможно это. Лотос

в течение дня постоянно, во времени почти неприметно как, меняется.

Цветок Солнца. Огромные лилии всегда обращены к солнцу, движут гордые головы вслед за светилом. Ночью лотос спит, с закатными лучами складывается в тугой бутон, с рассветом расправляется.

Утром лотосы самые яркие, с матово-восковым отливом. Розовые, чуть малиновые.

Но и рассветные лотосы неравномерны цветом. У кончиков лепестков окрас насыщенный, в центре—мягкий. Дорожки светлого от сердцевины лучиками тянутся и растворяются.

Сердце цветка—глянцевый золотой конус, семенная коробочка с изящным, каким-то космическим контуром, а ещё она похожа на аккуратное рыльце садовой леечки, даже дырочки в ней просматриваются, обрамлена множеством тычинок с густой жёлтой пыльцой. Запах лотоса плотный, сладкий и терпкий, нравится пчёлам, их часто увидишь пирующими. Всю жизнь мечтаю попробовать на вкус лотосовый мёд. Родом из мест, где лотосы тысячи лет цветут на древних озёрах, оттого что-то и воображаю себе.

Днём лотосы бледнеют, порою белеют, заполняются солнечным светом. Цветы могут почти лежать на воде, но чаще—гордо подняты над нею упругими высокими стеблями.

Лепестки лотоса всегда чистые и сухие.

Удивительно, даже сорванными, поставленные в воду, лотосы продолжают сжимать и раскрывать лопасти лепестков, в течение дня меняют окраску—столько в них великой силы и желания жить. Это мне рассказали, сорвать самому—не смел и подумать.

Цветок похож на многокрылую бабочку, грациозно взъерошенную, взметнувшую ярусы огромных чуть заострённых крыльев.

Размерами лотос ошеломляет, в садах таких цветов не встретите, диаметром лилия сантиметров в тридцать. А зелёные округлые листья—до полуметра: кажется, что по ним ступать можно. Листья, как и цветы, никогда не намокают, только очень ранним утром видел на них редкие перламутровые шарики тёмной росы.

Цветок мудрого Будды, в нём—очищение, просветление, вечность…

Стараниями и заботой добрых людей сейчас лотос бережно расселяют по озёрам Приамурья, охраняют, его изображения становятся брендовыми. Лотос, он тоже цветок России.

Где грибы—там и мы!

Солёные грузди

На камбузе и на кухне отец мог только картошку варить, картошины в его кастрюле были многогранниками. Но как умел засолить рыбу в пряном тузлуке! Как солил грузди!

Из всех навигаций привозил дубовую бочку груздей. А если работал в низовьях Амура, ещё и солёную горбушу. Куда нам столько,—мама раздавала по соседям, денег не брала, хотя рыбу отец не ловил, покупал у нанайцев, но грибы собирал сам.

О чудесных хрустящих груздочках расскажу. Как в детстве у отца увидел, так и солю, только не в бочке, не те масштабы.

Убеждён, заготовка груздей—занятие сугубо мужское.

Грузди ещё надо суметь найти, всегда прячутся под слоем опавшей листвы. Я их присутствие по запаху чую. А как увижу взрыхлённые бугорочки и срежу первый груздок—всё по кругу прочешу, по одному не растут. И бежать дальше не тороплюсь, в том же ярусе леса обязательно найдутся и другие семейки. Хорошо искать грузди на взгорочках и по сопкам: идёшь снизу-вверх зигзагами и видишь, как выглядывают, подсматривают за тобой.

Я беру сырой груздь. Шляпки у него с ямочками в центре, а краешки с мохнатой бахромой, у молодых плотно загнуты к ножке. Молоденькие—тугие сизовато-беленькие, а подросшие—в лёгких рябушках-рыжинках. По срезанной ножке с выступившим млечным соком видна свежесть гриба, шибко проточенные червячками брать не стоит.

Принесённые из лесу надо очистить от прилипших листочков и хвоинок. Большие шляпы разрезать на половинки и четвертушки. Промыть проточной водой.

Потом вымачивание. Сок грибов горький. В Германии и большинстве европейских стран грузди считают несъедобными и ядовитыми. Не отсюда ли пословица: что русскому хорошо, то немцу—смерть? Много они понимают, ха-ха, попробовали бы под русские грузди свой шнапс. Нет, лучше холодные солёненькие—под заиндевелый лафитник нашей!

Для вымачивания укладываем грузди вниз шляпками, заливаем чистой водой, сверху плоскую тарелку с гнётом. Часов через шесть вода помутнеет, меняем на свежую, и потом вновь. Продолжается это два-три дня. Как-то видел у таёжного пасечника: сетки с груздями, прикрытые ветками маньчжурского дуба, полоскались в чистейших струях холодного родника—идеальный вариант!

Приступаем к засолке. Достаём грибы по одному, осматриваем, соскабливаем непонравившиеся пятнышки. Выкладываем слоем в посудину. Посыпаем крупной солью. Поверх выстилаем листья чёрной смородины, молодые дубовые, лопухи хрена, спелые зонтики укропа, зубчики чеснока. Вновь слой грибов, на него те же ароматные приправы… загружаем ёмкость доверху. Не бойтесь придавливать, грузди после вымачивания становятся эластичными, не раскрошатся. Сверху

два-три слоя листьев хрена, смородины и гнёт потяжелее. Если грибов маловато, можно подложить вымоченных из следующего сбора. Грузди солятся долго—сорок дней.

Первые дни идёт брожение—желательно деревянной шпажкой по краешкам давать выйти пузырькам газа. Когда процесс успокоится, грибы можно переложить в банки, поплотнее, чтобы не было воздушных пустот, иначе окислятся и почернеют. Все слои груздей перестелить теми же приправами, под укупорную крышку—побольше, чтобы грибы не высовывались.

Пишем на банке дату засолки, ставим в холодильник и набираемся терпения. Напоминаю: сорок дней!

А уж как откроете готовые…

Какие грибы лучшие?

В наших лесах—белые. Всегда к ним с трепетом отношусь, а собрав, не спешу отправить на сковородку, жалко,—лучше высушить впрок. Как чудесны грибные супчики зимою! Размочив, сушёные белые можно и пожарить. Но супы таки лучше: горсточка грибов, а аромат на весь дом, даже соседи по лестничной площадке завидуют. Рецептов супов из белых не счесть, потому что всегда импровизирую. Не поверите, даже в борщ их кладу.

А вот что заметил: лесные белки белым и другим грибам предпочитают маслята. Возможно, оттого, что эти грибы растут в сосняках, где часто и обитают белки. Основная их еда—семена сосновых шишек. Небось, видели под кронами сосен шишки, ободранные до кочерыжек? Это белочки потрудились, откушали маслянистых зёрнышек, но большей частью где-то припрятали. Должно, вкусные. А вы знаете, что сибирские и дальневосточные кедровые орешки—не совсем кедровые? У нас растёт кедровая сосна, а кедр—в субтропиках да в краях, где зим не бывает. Но это я отвлёкся. Об орехах как-нибудь в другой раз. Про маслята речь завёл. Не раз видел эти грибочки наколотыми на веточки, встречал и на пеньках разложенные. Это всё белочки. Высушивают про запас, почти как я, чтобы зимою насладиться. Что-то в закрома потом снесут, а могут и на сучках оставить. Выскочит белка в морозный день из гнёздышка-дупла, снимет сушёный маслёнок, в лапках-ручках зажмёт и грызёт, жмурясь от удовольствия. Так что маслята—грибы не второсортные, белка толк знает.

Как-то собираю маслята в сосновом лесочке, ползаю на коленях по опавшей хвое, и вдруг по голове меня что-то тукнуло; глянул—крепенький такой маслёнок. Глаза поднимаю: белогрудая белка надо мною, смотрит обиженно—её добыча у меня в руках оказалась. Осторожно, чтобы не спугнуть, нанизал грибок на сухую ветку повыше. А потом шёл и лыбился, как дуралей, и маслята из лукошка по сучкам развешивал. Если хотите видеть белок в лесах, не жадничайте, делитесь с ними. Так можно и городских белочек подкармливать, когда грибы из лесу привезёте.

А ещё приметил: белки любят подберёзовики. Я их тоже люблю—поджаренными до румяности.

О солёных уже рассказал, сейчас—о жареных грибочках. Ну, держитесь.

Грибы жарим!

Огорчаюсь, когда кто-то неправильно жарит грибы, и получаются они варёными, расползающимися. Послушайте бывалого грибника.

Свежие грибы нельзя мыть и замачивать. Конечно, есть виды, которые из-за горечи и непривлекательного запаха советуют предварительно отваривать, но не о них речь. Благородные лесные грибы—белые, боровички, лисички, подосиновики, подберёзовики и шампиньоны (в том числе из магазина)—промывать нельзя! Иначе наполнятся излишней влагой и поплывут на сковороде. От соринок грибы достаточно очистить острым ножом.

Потом режем на ломти одной толщины. Размерами грибы разные, а так они и приготовятся одновременно, и, поверьте, реально станут вкуснее.

По поводу репчатого лука в грибах даже не спорьте. Тонкую грибную ароматность жареный лук не перебьёт, сделает изысканнее—оттенит своею сладковатостью. Первым делом на среднем огне поджариваем колечки лука до красивой золотистости.

Потом сковороду с карамельным луком раскаляем на высоком огне и, секунды не медля, выкладываем грибы. Чуть прихватились—лопаточкой нежно-ласково переворачиваем на другой бочок, потом снова… ломтики должны со всех сторон зарумяниться соблазнительной корочкой, она сохранит грибные соки. Сами наши грибочки станут поджаристыми, уменьшатся размерами раза в два. Это уже момент готовности.

Солим только сейчас, раньше нельзя—вытечет сок. Снимаем сковороду с огня.

От сумасшедшего запаха голова кружится. А мы ещё посыпаем грибочки свежим душистым укропчиком-м-м-м…

Всё! Пробуйте.

А я что говорил?!

Хотите в сметане? Легко! На горячую сковороду—в уже поджаренные грибы—положите две ложки жирной сметаны, доведите до кипения, грибы пропитаются нежной сливочной кислинкой. Но в сметане лучше не жарить, а запекать в духовке.

Ну а к вкуснейшим жареным грибам гарнира лучше молодой отварной картошки человечество пока ничего не придумало. Однокалиберную некрупную картошечку отварите, слейте воду, дайте минуту подсохнуть, чтобы беленьким забархатилась, потом на неё сметану—щедро так, а поверху

опять-таки укропом рубленым и ещё веточками для украшения…

Ивовое лукошко

Много лет бродил с ним неспешно и торопко в погоды ясные и дожди ненастные по тайге, лесам и перелескам.

Попадались грибы и когда без лукошка был. В Комсомольске-на-Амуре видел на газоне подосиновики. Город в тайге строили, сохранились грибницы. А уж по северным дальневосточным городкам и посёлкам красноголовики — привычные уличные грибы. Встречал их в Тынде, Бомнаке, большом эвенкийском селе Ивановское. Экологически чистые места. Местные у подосиновиков берут только тугие маленькие шляпки; меня как-то угостили банкой маринованных, не счесть сколько их там было.

У калитки моего дома в Калининграде шампиньоны время от времени появляются, а чуть в сторонке под деревьями — моховики. Не срезаю, в большом городе не стоит, хотя очень соблазнительны. А вот в Благовещенске городские грибы доводилось собирать. В Первомайском парке, где Зея впадает в Амур, ещё ребёнком с мамой набирали пригоршни подберёзовиков. Парк тихий, чёрные и белоствольные берёзы от сохранённого лесного уголка. И за моим телецентром рядом с набережной, в запущенном сквере имени Сорокалетия ВЛКСМ, подберёзовики собирал, хотя там деревья не от леса, комсомольцы в 1958-м посадили. А во дворе самой телестудии под соснами ребята-операторы каждое лето маслят резали, потом, не в силах утерпеть, в своих закутках жарили на электроплитке — вкусные запахи щекотали в эфире ноздри ведущим и гостям телевизионных программ.

…Ещё поброжу с моим лукошком, о повадках и тайностях грибов расскажу — истории охоты за ними всегда полны приключениями и открытиями.

О головокружительных ароматах, превосходностях вкусовых ноток и оттенков наших грибов надо писать не кулинарные книги, а художественные рассказы, доверяя это только самым виртуозным мастерам слова. Попытался как смог. А что оранжевые лисички пахнут абрикосами — не успел рассказать… и как янтарные рыжики наивкуснейшими хрусткими-ядрёными засолить… Да, не вздумайте рыжики вымачивать!

Сладкие яблочки

Собирал яблоки. Старался аккуратно с куста снимать, чтобы не упали, но несколько всё-таки стукнулись оземь. Отдельно и их в пакет положил, жалко. Я же дальневосточник — яблоками не избалован. А упавшие полежали дома пару часов и потемнели подмятыми боками. И вспомнил из детства. Мама мне и брату в зиму покупала ящик яблок. Выдавала каждый день по одному-два — жили небогато. Мы с братом Серёжей, ещё дошколята, конечно, знали, что яблоки хранятся в подполье, где и картошка. Когда одни дома оставались, открывали в полу тяжёлую крышку и потаскивали. Не нагло, понемножку. Мама о наших проказах знала, делала вид, что не замечает. Яблоки были китайские — твёрдые и кислые. Но если их хорошенько постучать друг о дружку, полежат, мягкими и сладкими становятся. И решили мы сладкими сделать все яблоки. Побили, помяли остававшиеся в ящике. И притихли, как мышата. Думали, мама может похвалить за сообразительность. Наши яблоки стали темнеть, а потом и портиться. Мама это увидела, расстроилась. Вы, сказала, медвежата, это они так поступают, чтобы яблоки засластились.

А ещё отец из лесу, по морозам уже, приносил домой веточки яблочек-дичек. Рясные-рясные, пунцовые и почти прозрачные — чёрненькие семечки просвечивались, а уж какие сладкие! Сегодня кажется — ничего слаще в жизни не ел.

Стрекоза

Июль, палящий зной, зыбко слоится воздух. Потоки солнца обжигают, прохожие идут чуть тенистым краешком вдоль сникших деревьев.

Увидел её на тротуарной плитке — прозрачные крылья безжизненно опущены. Наклонился, поднял. Занесло же бедолагу в хаос городской суеты. Ладно бы в парк улетела или на полянки городских клумб — в этом районе последние травинки пожухли.

Красивая: голубые дымчатые полушария фасеточных глаз, грудка зелёного нефрита, брюшко синее, перламутровое. Лапки недвижны, скрючены. Осторожно трогаю пальцем эти лапочки. Живая! Ухватилась цепкими коготками. И куда мне её? Поменял я маршрут, отнёс стрекозку на пруд у моего дома, устроил в тени камышей.

Вот как-нибудь приду на берег с удочкой, и моя стрекоза прилетит, сядет на поплавок и будет его раскачивать. Да ладно, скажу ей, сдались мне те караси, веселись, красавица!

У стрекозы любимая забава — на поплавке рыбака танцевать.

А как она охотится на комаров! Вспомните, вы видели: ловит на лету в стремительном рывке, зажимает в лапках, первым делом отгрызает крылышки, а пока те тихо падают, зависает в воздухе, со всех сторон обжёвывает комарика, заглатывает, тут же — броском в сторону — хватает следующего, опять крылышки опадают… Места охоты стрекозы усыпаны комариными крыльями. Чтобы приметить это — надо вернуться в детство.

Воробушки

В детстве я слышал, как просыпаются воробьи. Их гнездо было за верхним наличником окна.

Воробушки чувствовали приближение рассвета: копошились, сонно чивкали. На восходе, даже раньше, боясь пропустить первые лучи, выпархивали из тесного укрытия на край наличника и, шумно встрепенувшись, чистили пёрышки. А как только из горизонтов чуточку пробивалось солнце, начинали скакать, громко чирикать. Вот всем бы просыпаться с воробьиным восторгом!

Под окном рос куст черёмухи, посаженный мамой. Воробьи всего двора слетались на него, прыгали по веткам, задирались, ссорились, разлетались, тут же возвращались. Мне казалось, что они нас развлекают, это у них понарошку. На самом деле очень дружны: если воробушек увидит угощение—хлебные крошки, зёрнышки—подлетит, бочком-бочком подскочит, клюнет разочек и тут же сорвётся за товарищами,—уже в шумной компании приступит к трапезе. Конечно, когда гоняется за порхающей капустницей, подмогу не зовёт. Но и не себе он ловит, а птенчикам. Бабочек, червячков, гусениц воробьи выискивают исключительно для своих детишек-воробьишек. А кормить ещё голеньких начинают зелёной сладкой тлёй: с листьев собирают её в липкие пучочки и к гнёздам спешат. Только и успевают от зари и до зари без продыхов и остановок крутиться взад-вперёд туда-сюда: голодных желторотиков в гнезде бывает с десяток. И как только сил не лишаются да на крыльях держатся? Мы бы от изнурения умотались, упали наземь и лапки отбросили.

При неустанной колготне-заботе растут воробьята быстро. Уже через две недели покидают гнёзда для первых полётов. Короткокрылые, почти бесхвостые птенцы перелетают на ветки, потом на землю. Прыгают рядом со старшими, но не самостоятельны: клювики восковые и всё ещё жёлтые,—мамы с папами продолжают потчевать своих взъерошенных чад, а те размерами кажутся больше родителей.

Если присмотреться, различать птичек несложно. Птенцы посветлее: пушистые, без пёстреньких перьев. У взрослой воробьихи серые голова и шейка, над глазом бледно-жёлтая полоска. А у воробья на горлышке и груди большое чёрное пятно, темя тёмное.

Хлопотливые и удивительно смелые создания. Не раз видел, как стайкой и в одиночку отважно защищают своих деток от нападения сорок и ворон. Не думая о себе, в безрассудном отчаянии набрасываются даже на свирепеющих в охоте кошек.

Спросите, к чему мой незатейливый рассказ? Так ли необходимо отличать воробья от воробьихи? Вы при случае о том малышам расскажите, уверяю, им занятно будет. Да и не только малым занимательно.

Давайте найдём часок, присядем на лавочку, покрошим перед собою из батона. Не важно, в какое время года. Солнечно будет или хмарно, затишно или ветрено—прилетят воробушки. Впорхнут, подскочат бочком, в глаза глянут: с добрым ли намереньем? Ухватят кусочек, отпрыгнут, отлетят в сторонку. Потом вновь вернутся, уже и поближе к нашим ногам. Они недоверчивы, жизнью тёртые, но хорошего человека распознают, могут и с ладони поклевать. Рискнём, проверим себя. Только, если не случится, на воробушков не будем обижаться, лучше задумаемся, что в нас не так.

Воробьи, воробушки... Всегда рядом с нами:
за наличником окна маминого дома...
у пасхальных куличей на погосте...

Шутник

В деревне пастух был. Звали его Полтора-Ивана. Здоровенный такой дядька, но глуховатый. Осенью погнал он коров через убранное кукурузное поле, и тут волк ему на спину запрыгнул. Вцепился мёртвой хваткой в брезентовый капюшон плаща, рычит, мордой крутит. А Полтора-Ивана на ухо тугой, рыка волчьего не слышит. Подумал, что кто-то из деревенских с ним пошутил, на спину запрыгнул, покататься захотел. Бригадир колхозный любил так порезвиться.

—Да ладно,—говорит Полтора-Ивана,—пошутил и слазь. Не буду я тебя катать.

Шутник не слезает, ещё и дёргается на спине.

—Что за дурак?—говорит пастух.

А тут вниз глянул и увидел, что между ног серый хвост болтается.

—Что за ерунда?—нагнулся, схватил за хвост и дёрнул хорошенько.

Батюшки! Так это же волк!

Полтора-Ивана, не выпуская хвоста из рук, раскрутил хищника над головой и со всей дури в ствол дерева запустил. Волк после стремительного полёта над полем и жёсткого контакта с придорожным тополем сдох сразу, даже не визгнул. Крупный волчара оказался, всех коров распугал. Пришлось до вечера стадо собирать.

А в деревне над пастухом потом долго смеялись.

Конфуз

Борода у деда во-о-от такая, до пояса. Сам он—мужчина крупный и очень старый. И собака у него тоже большая и старая, очень лохматая. Они вместе любят сидеть на завалинке, греться на солнце. Дед всегда в шапке и валенках. Собака сама как старый тулуп в серых валенках. Иногда дед один сидит. А иногда собака без деда.

Соседка Бабаня, баба Аня Бабанина, старушка подслеповатая, мимо идёт, кланяется:

—Здравствуйте, дедушка.

Пёс в ответ: «Гав! Гав!»

—Тьфу, нечистая! Прости Господи!

В другой раз сам дед на завалинке. Бабаня вновь идёт, кланяется:

— Здравствуйте! Вы собачка или дедушка?
— Дедушка!
— Слава Богу, прости Господи!

А ещё дед рыбалку любит. На деревенское озеро ходит с правнуками Сёмкой и Васькой. Штаны снимут — и давай руками карасей ловить. Дед свою длинную рубаху в поясе верёвкой подвяжет и рыбу за пазуху прячет. А собака на берегу ждёт.

Вот раз увлёкся дед рыбалкой. Правнуков эта затея утомила, стали они нырять и плескаться. Дед ловит и ловит, а пойманные караси разгулялись в пузыре рубахи и давай его в воду тянуть. Дед к берегу хочет вылезть, а рыба в глубину тащит. Дед кричит:
— Сёмка и Васька сиротами осталися! Внучата сиротами осталися!

Главное дело, не на помощь зовёт, а причитает по внукам-правнукам. Людям и невдомёк, что тонет.

Только пёс все понял, бросился в воду и стал за ворот деда тянуть. А тот пузырь рубахи руками держит, чтобы караси не разбежались. Здесь и народ подоспел — помогли вытащить.

Счастье

Реанимация. Белые ширмы. Сосед, весь в проводах и трубочках, улыбается в потолок:
— Сорок пятый. Весна. Уссурийск. Мне четыре года. Жили в угловой комнате казармы. Вбегает отец, очень возбуждённый: «Дежурный! Открывай пирамиду!» Прибегает сержант — дневальный по казарме, открывает замок комнаты, где в пирамидах составлено оружие. «Давай пулемёт! — отец хватает пулемёт. — Коробку патронов — и за мной!» Отец вылетает на улицу, за ним с большой железной коробкой гремит сапогами дежурный. Солнечный день. Я бегу следом. И отец меня не прогоняет. Он зовёт меня. Я понимаю: сейчас будет война. Отец будет стрелять по немцам-фашистам, и я ему нужен. И страх, и восторг. Отец устанавливает пулемёт на забор. Сержант подаёт металлическую ленту с жёлтыми патронами. «Ура-а-а! — кричит отец и длинной, очень длинной очередью веером выпускает пули в весеннее небо. — Ура-а-а! Победа-а-а!» Откуда-то выскакивают люди с оружием. Все стреляют и кричат. Мне становится страшно, я убегаю и прячусь. Мама находит меня в темноте под кроватью, на руках выносит в ясный день. Мама плачет и целует меня: «Победа, сынок. Победа…»

Письма в минувшее

Брата похоронили за кованой оградкой рядом с мамой. Когда-то он целую зиму выковывал ту оградку, устанавливал её, показал, где будет и его могила.

Серёжа был учителем. Жил в учительском доме во дворе школы. Уже и не работал по болезни, а к нему стучались в любое время днём и ночью, если случались аварии: отключалось электричество, забивало канализацию, — шёл, ладил, ремонтировал, спасал. Мужик. Всё умел делать.

Он писал картины по памяти: приамурские пейзажи, трогательные натюрморты цветов. Вырезал из дерева таёжных изюбрей, лосей, глухарей. Всё это было развешано по стенам школы от гардероба до самых дальних её уголков. И ни один ученик не осмеливался что-то повредить, все знали, чьи это работы.

Когда перестал вставать, звал жену читать и перечитывать мои рассказы. Слушал. Просил передать, чтобы вспомнил я и написал о том, как в детстве мы ехали с мамою в тёмную ночь на попутке-полуторке где-то очень далеко за городом, куда-то к отцу ехали, и заглох мотор, стало темно, машину окружили волки… Я пытаюсь вспомнить ту историю, но никак не могу. А ведь я на три года старше.

Не успел расспросить. И не выведать уже ни в разговорах, ни в письмах.

Олег Лузин

Пятнадцать минут

На вид мы все не такие, как на самом деле.
Оскар Уайльд

Мне нравится музыкальный фонтан в центре нашего города. При звучании мелодий он переливается радугой, и его водяные струи бьют высоко вверх. Тёплый летний ветер разносит мелкие капли далеко от источника. Дети восторженно кричат и с удовольствием подставляют себя под моросящие дождинки. Я сижу вдалеке на лавочке, но холодные брызги долетают и до меня. Я закрываю глаза. Всё тело напрягается от нежданной прохлады. Я смеюсь и решаю подойти ближе к фонтану. Сажусь с ногами на чашу и провожу пальцами по чистой воде. Моё внимание привлекает что-то блестящее. Приглядываюсь и вижу маленькую рыбку, неуверенно двигающуюся по дну фонтана. Обыкновенный речной карась с чуть желтеющими чешуйками на спине медленно плывёт по кругу. Рядом со мной мальчишки, перекинувшись животами через бордюр, внимательно наблюдают за рыбой.

— Ваша работа? — спрашиваю их.

— Да мы так, посмотреть. Потом выловим, — отвечают сорванцы.

— Это вам не аквариум, — говорю им, улыбаясь.

— Думаете, не выживет? — спрашивают мальчишки.

— Когда я был ребёнком, в этом фонтане плавали золотые рыбки. Мы часто кормили их крошками… — говорю я ребятам и осекаюсь.

Мой голос сбивается. Я замолкаю и словно перестаю дышать.

«Ерунда какая-та. Разве было такое?»

Детские воспоминания всегда туманны и потёрты ластиком времени. Они будто не существуют вовсе, но достаточно мелочи, чтобы их возродить, потянуть, точно за ниточку, и вытащить целый клубок забытой вселенной. Карась, выпущенный мальчишками в фонтан, неожиданно стал той нитью в исчезнувшее прошлое.

— Дядь, с вами всё в порядке? — пугаются за меня пацаны.

— Всё нормально, не беспокойтесь, — отвечаю я детям. — Так, вспомнилось кое-что странное из детства.

В голове неожиданно оживают давно забытые запахи, звуки, ощущения…

Жаркое лето, друзья, играющие во дворе нашего оранжевого пятиэтажного дома. Мне лет десять, не больше. Я выхожу из тёмного прохладного подъезда — яркое солнце ласково греет лицо, зелёные тополя шелестят листьями, чирикают, как будто сходят с ума, воробьи. В теньке уличных каркасов сидят взрослые и наблюдают за играми своих чад. Шумно и весело вокруг…

— Серёга, иди в «банку» играть! — зовут меня дворовые друзья и машут, приветствуя, руками.

Я улыбаюсь и машу им в ответ. Забыв про всё на свете, несусь радостно навстречу новому дню.

Мы самозабвенно играем, спорим, толкаемся, громко кричим, в пылу переходим на личности, обзываемся и тут же слышим окрики взрослых.

— А ну цыц, шпана! Разорались! — шипит мамаша уснувшего в коляске ребёнка.

Мы замолкаем и начинаем говорить шёпотом, но через минуту теряем контроль и снова шумим, получая последнее предупреждение от женщины.

Ребёнок в коляске плачет, ёрзает и даёт чётко понять, что ему мешают. Невыспавшийся младенец — для матери беда.

Грозная тётя, укачав дитя, двигается к нам с угрожающим видом, желая действиями дать понять, чтобы мы играли тише. Наши уши чешутся и пылают, предчувствуя безжалостные пальцы жестоких рук. Мы пускаемся врассыпную, побросав палки, которыми сбивали банку.

— Шухер! Встречаемся за домом! — командует громко Димка, и ветер радостно шумит, раздувая наши выцветшие на солнце футболки.

Через мгновение мы в назначенном месте.

— Как будто двор весь её! — обиженно бурчит Вовка.

— Купила его, что ли?! — вторю я сочувственно.

— Чем займёмся?

— Может, «секретики» позакапываем? — предлагает Костя.

— Ты ещё в «резиночку» с девчонками попрыгай, — говорит пренебрежительно Димка.

Все звонко смеются. Костя обиженно дуется.

— Сам-то не прыгал с ними, что ли?! Думаешь, я забыл?! — отвечает он обидчику.

— Я с сестрой играл, мать попросила, — бурчит недовольно Димка.

— И с подругами её. И, похоже, тебе нравилось.

Становится жарко, но не от солнца.
— Сейчас по зубам получишь! — Димка сжимает кулаки и двигается на Костю.
— Спорим, что не подерётесь? — подзуживает долговязый Колька.

До неминуемой драки остаётся один шаг, когда к нашей компании подходит Сашка. Он старше на два года, выше и сильнее.
— Что за шум, а драки нету? — весело говорит Сашка и двумя руками легко разводит «бойцов» в разные стороны.
— Да зачем ты, Саня? Пусть подерутся и успокоятся, — досадует Коля.
— Ну давай с тобой подерёмся, если драки любишь, — предлагает Сашка.
— Ага, ровню нашёл, что ли? Иди вон со старшеками померься силами.
— Ну, тогда и затухни. Понял! А то сейчас ровесника для тебя найду. Вон с Серёгой махаться будешь?

Моё сердце ёкает. Участвовать в кулачных боях мне совсем не хочется. Да и Колька посильнее меня будет.
— Мне-то с ним какая причина драться? — возражаю я.

Коля соглашается.
— Скажите, что оба зассали, — подковыривает нас Сашка.
— Я на потеху не дерусь, — отвечаю я гордо и отворачиваюсь.
— Да я пошутил, пацаны, — говорит Сашка. — Не обижайтесь. Глядите лучше, что у меня есть.

Он вытягивает руку и показывает нам часы. Мы окружаем его и начинаем с интересом разглядывать «тикалки».

Часы старые. Циферблат огромный, выцветший, пожелтевший, с загадочными римскими цифрами, обозначающими время. Стекло затёртое и чуть разбитое с краю. Тонкая секундная красная стрелка нервно дёргается и огибает поспешно круг, минутная стальная висит неподвижно, изредка подпрыгивая на одно деление. Часовой стрелки нет совсем. Мы глядим на Сашку в недоумении.
— Отломалась, — поясняет он. — Часы отцу мой дед подарил. С войны их принёс. Трофейные! Стрелки на них уже тогда не было. Дед обещал починить, да руки всё не доходили. Вот они и провалялись в буфете около сорока лет, а до сих пор работают.
— Ну и на фига ты их нацепил? Время же по таким не определишь, — спрашивает Вовка.
— Эти часы не для того, чтобы время смотреть. Они в другое место переносят, — отвечает Сашка.
— Это как? — удивляюсь я.
— Просто. Отводишь стрелку на несколько минут назад и оказываешься в другом мире.
— Они что, волшебные? — спрашивает Костя.
— Не знаю, волшебные или нет, но непростые.
— Свистишь, поди? — недоверчиво хмыкает Колька.
— Хотите, проверим? — спокойно говорит Сашка.
— Давай!

Мы в нетерпении переступаем с ноги на ногу.
— В общем, берёмся за руки, — объясняет Сашка. — Я отвожу стрелку. У нас будет ровно пятнадцать минут. Делайте что хотите, всё равно в том мире нас никто не знает.
— Круто! — соглашаемся мы и крепко сжимаем руки друг друга, точно боимся потеряться в неведомом измерении.

Сашка уверенным движением вытаскивает механизм завода, отводит стрелку на пятнадцать минут назад и щёлкает ремонтуаром обратно, фиксируя время. Секундная стрелка оживает и начинает свой механический бег.
— Всё, — говорит Сашка. — Мы в другом мире.

Все осторожно оглядываются. Ничего вокруг не меняется. Те же дома и деревья, но как-то тихо и безлюдно стало на улице.

Мы недоверчиво смотрим на Сашку.
— Всё такое же, — разочарованно говорит Вовка.
— А ты чего ожидал? Другой планеты, что ли? Это параллельный мир-близнец. Воздух, растительность, государство — практически не отличаются.
— Классную игру ты придумал, — скептически замечает Димка.

Сашка по-дружески подмигивает нам, словно призывая верить ему.
— Время ограничено, — говорит он. — Давайте его впустую не тратить и изучать этот мир.
— А как изучать? — спрашиваю я.
— Да как хотите, — отвечает Сашка. — Бегайте, ищите что-нибудь интересное. Через пятнадцать минут вас просто выбросит обратно домой.
— Давайте поделимся на пары, чтобы большую площадь охватить, — предлагает Вовка. — Чур, я с Саней!
— А почему ты с ним? Может, я хочу быть вместе с Саней, — возражает долговязый Колька.
— Чтобы вы не спорили, я один буду, — говорит Сашка. — А вы на группы бейтесь. Ты, — обращается он к Диме, — с Колей и Вовкой, а Сергей с Костей.

Решение принято. Я и Костя бежим в одну сторону, а наши друзья в другую. Сашка остаётся стоять на месте. Он немного смотрит нам вслед и идёт за дом, точно торопится по каким-то важным, никому не ведомым делам.

Поначалу мы с Костей пытаемся найти что-нибудь необычное. Бегаем, хватаем разные камни с дороги, суём их в карманы, собираем разноцветные стёкла от бутылок.
— А вдруг волшебными окажутся, — предполагает Костя.

Но мир в точности как наш. Вещи в нём такие же, только люди попадаются редко и почему-то исключительно взрослые, как будто всех детей

разом уложили спать после обеда. Мы быстро начинаем скучать. Наших друзей по близости не видно.
— Гляди,— говорю я Косте.— Мороженое с лотка продают. Может, купим «инопланетного», полакомимся?
— Давай. А деньги есть?
— Двадцать копеек. А у тебя?
— Три.
— На одно мороженое и стакан газировки хватит.

Мы весело бежим за сладостями.
— Один пломбир,— говорю я продавщице и протягиваю монету.

Женщина внимательно разглядывает мои двадцать копеек, словно раньше никогда таких не видела. Покачивает их на ладошке, точно проверяя на вес. Недоверчиво хмыкает и, дав мне одну копейку сдачи, протягивает мороженое.

Я, следуя примеру лотошницы, рассматриваю свою сдачу, пробую её, словно золотую, на зуб. Потом смеюсь, кладу монету на большой палец, ловко щёлкаю. Копейка высоко взлетает в воздух. Все следят за её полётом. Я, будто герой из вестернов, ловко ловлю монету на лету одной рукой и засовываю в карман шорт.
— Тяжёленькая,— говорю я Косте, подмигивая.— У нас легче будут.

Мы смеёмся. Нам нравится игра.
— Зато пломбир столько же стоит и такой же вкусный,— отвечает Костя, откусывая от моего мороженого.
— Согласен,— подтверждаю я, кусая, со своей стороны.

Когда с пломбиром покончено, нам хочется пить.

Помыв общую тару под краном, Костя гордо скидывает три копейки в монетоприёмник автомата газированной воды. Железный ящик долго думает, пыхтит, потом чихает холостым, выплёскивая в стакан еле желтоватую, шипящую пузырьками жидкость. Газировка была чуть сладкая.
— Вот блин!— досадует мой друг.— Сироп в автомате закончился.

Мы без удовольствия делаем несколько глотков и выливаем остатки содержимого на траву.

К автомату газводы подходят мальчик с девочкой одного с нами возраста. Это первые дети, которых мы видим после «перемещения». Они тоже собираются попить лимонада.
— Не стоит тратить деньги,— говорю я им.— Там сиропа нет.
— Спасибо, что предупредили,— благодарит девочка.— Придётся идти до следующего.
— Хотите, мы вас проводим?— предлагает Костя, а сам говорит мне шёпотом на ухо:— Надо знакомиться с местными аборигенами.

Я заговорщицки улыбаюсь.
— Проводите, а то нас одних папа со двора не отпускает. Беспокоится. Да и в компании веселее,— соглашается девочка.
— Вы с какого дома?— спрашивает нас мальчик.
— Вот с этого, с «домхлебовского»,— я указываю пальцем на ближайшую пятиэтажку.
— Соседи почти. Мы с «Юности»,— отвечает мальчик.

Ребята нам не знакомы, но это не удивляет. В каждом многоквартирном доме проживает около пятидесяти мальчишек и девчонок разного возраста. В моём только классе с одного двора учатся восемнадцать одногодков. Своих друзей хватает, поэтому мы редко играем с детьми из соседних домов и плохо их знаем. Да и родители запрещают нам шастать по чужим дворам. Ведь могут и побить «за нарушение границ».
— Меня Жанна звать, а моего брата Витя,— знакомится девочка.
— Сергей, а его— Костя,— отвечаю я.
— В какой школе учитесь?
— В шестой, а вы?
— И мы там же. Странно, что раньше не встречались.
— А мы из другого мира,— говорит весело Костя.— И ненадолго здесь.
— Как интересно!— восхищается девочка. Её голубые наивные глаза с восторгом смотрят в нашу сторону.— А я вижу, вы какие-то необычные.
— Чем это?
— Чужие мальчишки уже давно бы попытались у нас деньги отобрать и брата побить, а вы, наоборот, проводить нас вызвались.

Мне становится стыдно. Ведь поступок наш был неискренен, мы всего лишь играли в добряков.
— Мы же не хулиганы,— говорит напыщенно Костя.— Мы— пионеры!
— Витя тоже пионер, а меня на следующий год обещали принять,— хвастается девочка.
— Удивительно, что в другом мире тоже есть пионерская организация,— недоверчиво произносит Витя.
— А почему бы ей не быть?— весело отвечаю я.— Добро везде побеждает!
— Не факт,— возражает Витя.

Он почему-то не очень нравится мне. Хмурый какой-то, неулыбчивый, как будто взрослый.
— Приведи пример,— требует Костя.
— Наша мама год назад умерла от рака. Она боролась долгое время, верила, что поправится…— Витя, не договорив, глубоко вздыхает и отворачивает лицо, пряча от нас свои эмоции.
— Бабушка сказала, что она теперь на небе живёт и ей там хорошо, только нам её не хватает,— говорит печально Жанна.

Мне становится их жалко. Жить без мамы— всё равно что жить без солнца. Никто тебя не пожалеет

и не согреет. Костя тоже замолкает и задумывается. Видно, что наши мысли совпадают.

Так молча мы доходим до следующего автомата с газированной водой. На этот раз лимонад оказывается сладким. Брат с сестрой выпивают по полному стакану.

— А вы почему не пьёте?—спрашивает нас Витя.

— У нас денег нет,—отвечает Костя.

Витя, не задумываясь, протягивает нам два трояка.

— Да не надо, мы уже пили,—начинаю я отказываться.

Тогда Витя сам берёт стакан и наполняет его лимонадом.

— Пейте,—говорит он строго,—а то вылью.

Мы с удовольствием выпиваем газировку и благодарим новых друзей.

— Айда на фонтан,—предлагает Костя.

Идея нравится всем, и мы весело бежим в центр города.

Площадь не такая, как сейчас. Фонтан простой, не музыкальный. Вокруг несколько клумб с простенькими цветами и старые, облупившиеся на солнце зелёные лавочки. Мозаика фиолетово-голубой чаши фонтана обшарпана и отваливается во многих местах. Зато в воде плавают огромные золотые рыбки! Чтобы горожане могли приобщиться к природе, их на лето выпускают из аквариума дети городской станции юннатов. Поэтому людям нравится приходить сюда. Они наслаждаются прохладой, идущей от воды, и кормят ленивых толстых рыб.

Мы кидаем золотым рыбкам крошки от батона, купленного по дороге в киоске. Перекормленные декоративные караси вяло подплывают к корму.

— Не хотят они есть,—говорит Костя.—Толку на этих жирюг топливо тратить, их тут каждый кормит. Давайте лучше сами поедим, а то есть чего-то охота.

Витя разломил булку на четыре куска. Мы быстро расправились с остатками хлеба.

— Я знаю, где можно сладких фруктов достать,—говорит Жанна.—Пойдёмте покажу.

Мы радостно идём в сторону городского парка, посвящённого погибшим героям Гражданской войны.

— Сколько времени?—спрашиваю я тихо у Кости.

— Я тебе по солнцу определю, что ли? Откуда я знаю?—отвечает друг, показывая руку без часов.

— По любому больше пятнадцати минут прошло.

— Может, здесь время течёт медленнее?

— Или Саня нас наколол, и мы никуда не перемещались.

— Что скорее всего,—Костя улыбается.

Мы заходим в парк. Жанна ловко заныривает в высокие кусты желтеющей акации. Мы без колебаний следуем за ней.

— Вот,—говорит девочка,—ешьте.

Жанна указывает рукой на невысокий куст, едва доходящий нам до груди. На дереве практически нет листьев, поэтому хорошо видны чёрные высохшие плоды грушевидной формы, похожие на сухофрукты, приготовленные для компота.

— А это можно есть?—сомневаюсь я.

— Ещё как можно,—отвечает Витя.

Он и его сестра рвут несколько плодов с куста и жадно их поглощают, засовывая целиком в рот и смачно пережёвывая. Мы осторожно следуем примеру новых знакомых. Вкус плодов не похож на известные мне фрукты. Высохшие чёрные груши сладкие, внутри очень сочные, в них чувствуется большое содержание йода.

— М-м-м, вкусно,—стонет от удовольствия Костя.—Что это за фрукты?

— Мы зовём их дикие груши, а как на самом деле, не знаем.

— Никогда не встречал такие в нашем городе,—говорит Костя с набитым ртом.

— Так вы и не в своём городе, а в нашем,—отвечает, смеясь, Жанна.—Сами же говорили, что из другого мира.

Мы ошалело переглядываемся. На лице Кости я вижу испуг. Наверное, и на моей физиономии читается нечто подобное.

— Чего-то мы задержались в гостях,—говорю я с плохо скрываемой тревогой.—Кажется, нам пора.

— Ага, пора,—подтверждает Костя.

— Может, завтра ещё встретимся?—предлагает Витя.

— Давай,—соглашаюсь я.—Приходите в наш двор, или мы к вам.

— Идёт!—говорит Витя.—Ну, тогда до завтра.

— Пока,—отвечаем мы и пожимаем Вите руку.

Жанне киваем головой. Она отвечает нам улыбкой.

— Побежали скорее,—кричу я Косте, и мы летим со всех ног в свой двор.

Наш родной дворик встречает знакомой радостной суетой. Здесь всё по-старому. Привычный шумный гомон и знакомые лица. Наши друзья играют в пионербол, перебрасывая мяч через дворовую бельевую сушилку. Увидев нас, они прекращают играть и ждут, когда мы подойдём.

— Куда пропали?—спрашивает нас Димка.

— Тебя мама искала,—говорит Колька Косте, не выслушав ответ на первый вопрос.—По ходу, тебе каюк, что со двора без разрешения надолго ушёл.

Костя нервно топчется на месте, готовый то ли бежать без оглядки домой, то ли, наоборот, скрыться от гнева родителей за старыми дворовыми постройками.

— А сколько времени?—спрашиваю я у мальчишек.

— Да откуда мы знаем? Но вас долго не было, больше часа, наверное. Куда ушли-то?

— Туда же, куда и вы,—в другую вселенную!

Вовка презрительно хмыкает:

— Ага, в три других вселенных. Мы побродили чуток, зашли в соседний двор, там до нас Витька-стрела бухой докопался, еле ноги унесли. Он капец как был похож на представителя другого мира.
— Сюда пришли, а Санёк сидит здесь и над нами угорает,— продолжает рассказ Димка.— Мы ему: наврал, значит? А он типа: каждый сам решает, наврал или нет,— и улыбу мерзкую давит.
— А у вас как дело было?— спрашивает без особого интереса Колька.
— Погуляли чуть, мороженое поели, с нормальными людьми из соседнего двора познакомились, на фонтан и в парк сходили,— отвечает Костя.
— Кстати, в сквере около центра города необычные плоды на кустах растут. Они похожи на высохшие груши, сладкие такие. Можно есть иногда, когда голодный. Только как называются — не знаем,— рассказываю я.
— Инжир,— отвечает, не задумываясь, Димка.— Мне мать говорила, что какой-то дед-ветеран от друга саженцы привёз из Таджикистана и посадил их в нашем сквере. Никто не верил, что в Сибири расти будут. Надо как-нибудь сгонять туда, посмотреть.
— Фу ты! А мы уже с Костей подумали, что и правда перенеслись в другое место.

Все весело смеются.

— Айда в «казаков-разбойников» играть!— предлагает Вовка.
— Давай,— соглашаемся мы.— Бьёмся на команды.
— Чур, я с Костей,— говорю я.

Наши игры хаотично сменяются, обрываются незаконченными, начинаются вновь и длятся до позднего вечера.

На следующий день я встречаю Сашку и прошу его вновь показать мне часы.

— Батя забрал их у меня,— бурчит он недовольно.
— Жалко,— отвечаю я.— Было весело играть…

Все эти воспоминания проносятся в моей голове как один миг, и мне становится не по себе. Я зачерпываю воду ладонью из фонтана и мочу лицо, чтобы привести себя в чувство. Я хорошо помню своих дворовых друзей детства, но вот игру с часами припоминаю с трудом, не говоря уже обо всём остальном. В моей памяти совершенно не сохранились воспоминания: о Вите и Жанне, о золотых рыбках в старом городском фонтане, о странных плодах в полузаброшенном городском парке. Я вспомнил обо всём этом только сегодня, спустя десятки лет.

Ладно забыл случайных знакомых. Их много было в детстве. Ничего в этом необычного нет. Могу допустить, что и рыбок в фонтан когда-то выпускали юннаты. А вот фрукты, похожие на высохшие груши, не выходят у меня из головы! Их насыщенный йодом вкус я ощущаю во рту до сих пор.

Дело в том, что сейчас, в отличие от детских лет, я очень хорошо знаю, как выглядит инжир. Фиговое дерево высокое и не похоже на куст с опавшими листьями из прошлого. Соплодия инжира напоминают тёмно-фиолетовую луковицу, со сладкой сиреневой начинкой и мелкими коричневыми косточками внутри. Есть, конечно, и другие разновидности, но ничего общего с теми фруктами из забытого детства. Можно ли найти чёрные грушевидные плоды в природе? Я очень в этом сомневаюсь. Тогда откуда эти фрукты взялись в моих воспоминаниях?

Чёрт возьми! Что со мною не так?

Мать попросила Сашку занять дворовую малышню делом, чтобы не галдела под окнами.

— Придумай для них что-нибудь тихое, и лучше, чтобы они хотя бы на время умотали со двора, хоть подремлю немного перед ночной сменой,— сказала она сыну.

Сашка отложил в сторону сборник рассказов «Фантастика-83» и задумался на минуту. Потом взял старые отцовские часы из буфета и вышел во двор.

Новая игра созрела в голове быстро. Он знал: ему поверят. Мальчишки действительно увлеклись и убежали со двора.

Сашка сел в тенёк под козырьком подъезда и стал разглядывать наручные часы. Прошло минут десять. Друзья скоро должны были вернуться. Внезапно минутная стрелка трофейных часов замерла. Сашка потряс старые часы и прислонил их к уху. Покрутил заводной головкой. Стрелка не двигалась.

— Ну всё, капец! Накрылся механизм,— сказал обречённо мальчик.— Отец узнает, что сломал его часы,— прибьёт…

Валентина Рузавина

Девочка на горке

Mon ami

1.

Поздняя осень, ноябрь. Жутко депрессивное время. Варвара уже второй месяц сидела дома со сложным переломом ноги. Первый месяц рядом был Петюня — её гражданский муж, а сейчас он улетел на вахту. На Север.

Варя выходила на улицу на костылях, и то редко. Окном в большой мир стал Интернет. Мелькнула красивая заставка, выскочили закладки. Перешла к почте. Было два сообщения. Одно — от давнего друга Игоря, переселившегося в Израиль, а второе — от неизвестного автора на иностранном языке. Первым порывом было удалить письмо как спам, но женское любопытство взяло верх.

Воспользовавшись переводом, Варвара прочитала: «Привет! Как дела? Меня зовут Джузеппе. Вы красивая женщина».

Варвара усмехнулась: красавицей она себя не считала, но знала, что нравилась мужчинам. В основном их привлекал её пышный бюст. Письмо как письмо, ничего особенного, можно и ответить. Варвара увеличила фотографию. На неё смотрел типичный итальянец лет сорока пяти. Щупленький, невзрачный. Лицо ничего не выражало. Может, фотография с какого-то документа. Совсем не её типаж!

У Вари было тайное-претайное желание — выйти замуж за иностранца. Её подруга Ленка Демидова вышла за австралийца и уже лет пять живёт в Сиднее. Правда, первого австралийского мужа она уже бросила, но год назад нашла другого. А Варвара, не мелочась, сразу мечтала познакомиться с французом или итальянцем.

Через день-другой от Джузеппе снова пришло письмо: «Привет! Как дела? Мне грустно и одиноко».

Варвара отвечала: «На улице пасмурно, идёт снег. Грусть в природе — тоска на душе».

«Сейчас принимаю душ, пью кофе и иду на работу», — писал Джузеппе на следующий день.

Для неё он был как инопланетянин. Варвара плохо представляла себе его квартиру в Милане, его самого: неопределённого возраста, совсем невыразительного. Не представляла, чем занимается итальянский мужчина после работы. От ответов о работе и личной жизни Джузеппе уходил.

Просто молчал два-три дня, а потом писал: «Ciao! Come stai?» («Привет! Как ты?»)

Варвара почитала его анкету. Половина ответов на итальянском. Кто бы сомневался. А ведь привыкла к его sms-кам уже и ждала их. В её душе начинал тлеть давно потухший уголёк какого-то чувства: не то сострадания к одинокому человеку, не то чего-то ещё.

Петюня практически не звонил. А если и звонил, то не знал, о чём говорить.

— Ну как ты там? Как нога? — спрашивал он Варю.

Не дослушав, спрашивал то же самое. Когда-то они познакомились в аэропорту. Так получилось, что летели с отдыха, а рейс задержали. Он был один, а Варя — в поиске. И тогда показалось, что Пётр общительный и обходительный. Видимо, весь свой запас общительности он и выложил при знакомстве, пытаясь понравиться.

Был он высокий, не худой — короче, в её вкусе. От скуки сходили в бар, у Петра ещё были деньги. А она, как всегда, возвращалась домой на нулях. Когда прилетели, обменялись телефонами. Через некоторое время стали жить вместе.

Но очень что-то быстро всё ушло. Видимо, чувства-то и не было. Из Петра муж быстро превратился в Петюню.

Интересы у Петюни были — пожрать и поспать. А если появлялись деньги, то ещё и в загул мог уйти.

2.

Наступил декабрь.

«Уезжаю в горы, а Интернет там не берёт, и несколько дней писем не будет», — писал Джузеппе.

Варваре уже его не хватало. Она каждый день заходила в интернет и проверяла переписку.

«Твоя работа связана с горами?» — спросила Варя.

«Да. Я работаю на горнолыжном курорте Червиния, тренером, — ответил Джузеппе, — три часа езды от Милана».

«Доброе утро, Джузеппе! Очень тоскливо. У нас зима, идёт снег», — писала Варвара.

Вся беда была в том, что Варвара ещё не работала и всё свободное время проводила в Интернете. С утра она отвечала на письма друзей и в глубине

души, конечно, ждала писем от Джузеппе. Писать ему пространные письма она как-то стеснялась.

Со временем Джузеппе стал писать более подробные письма. Несколько раз промелькнуло обращение «mon ami».

«Вы из вежливости отвечаете мне, Джузеппе?» — спросила она.

«Что Вы, я вас много люблю! Я посылаю Вам свою фотографию, но хочу вашей», — ответил он.

Варваре ударило в голову. На неё вообще сильно действовали слова — как плохие, так и хорошие. Тем более что она уже не помнила, когда мужчины признавались ей в любви.

Тем временем Джузеппе сбросил свою фотографию. Он стоял на вершине горы, внизу виднелись домики. В руках у него были лыжи. Лицо Джузеппе было немного в тени. Но это был уже совсем другой человек. Длинные волосы, нос с горбинкой. Высокий и стройный. Просто молодой Тото Кутуньо! Варвара уже совсем по-другому стала относиться к своему другу по переписке.

Когда она выслала свою фотографию трёхлетней давности, Джузеппе написал ей: «У Вас прекрасное тело, мои поздравления!»

Варвара долго смеялась, получив это послание. Наверное, он хотел написать — «фигура». Действительно, это платье её стройнило, да и ноги ещё ничего!

«Я хочу видеть тебя, — писал Джузеппе спустя несколько дней, — напиши логин свой Skype!»

У Варвары не было скайпа, она как-то не планировала устанавливать его в ближайшее время. Хотя ноутбук был, камера имелась — почему нет?.. Джузеппе же был настойчив.

«Я хочу видеть тебя, разговаривать тебе», — писал он.

Примерно через неделю молодой небритый программист — или это бороды такие сейчас у них? — осчастливил её установкой долгожданной программы. За умеренную плату. Обновления посоветовал не включать, а то мало ли что.

А перед Новым годом заявился Петюня. Три дня он отсыпался, отъедался дома, а потом решил поехать к матери в деревню.

— Поедешь со мной к старикам? Новый год — праздник семейный, — произнёс Пётр большую речь.

— Куда я на костылях? Тем более там удобства на улице и баня не для меня, — ответила Варя.

Муж особо не огорчился. Взял денег, сколько хотел, и к вечеру уехал на вокзал.

Варя в этот раз восприняла его отъезд даже с радостью, ведь у неё была тайна. А со скайпом границы её общения значительно расширились.

На днях она поговорила с племянницей из Прибалтики, с которой не виделась больше десяти лет.

Поговорила с Ленкой Демидовой. Та носила по дому ноутбук и показывала свои хоромы: гостиная, две спальни, две ванных комнаты, зал, гардеробная, кабинет мужа. Потом вышла в сад, показала бассейн и диковинные цветы. Для Вари всё это было за пределами реальности.

На другой день её вызвал по скайпу Игорь Филькенштейн. У него было всё немного скромнее, зато свой дом он приобрёл сам.

— Игорь, скажи, а ведь не сразу у тебя всё получилось, правда? Ты мне даже не звонил первые годы, — спросила Варя.

— А как звонить? У меня тогда не то что денег — даже телефона не было. Не поверишь, даже ночевал на пляже, было как-то. Всё не так просто. А сейчас вот... ностальгия мучает, — вздохнул Игорь.

3.

«Ciao! Come stai? (Привет! Как ты?) Я уезжаю в горы. Много работы в праздники. Поздравляю тебя с Новым годом! Хочу видеть тебя, говорить тебе», — написал Джузеппе.

«Привет! С Новым годом! Я тоже очень хочу видеть тебя. Приедешь, поговорим по скайпу», — ответила Варя.

Праздники закончились, Джузеппе молчал. Пётр тоже загостился у родителей.

Вдруг звонок.

— Ну и что ты там себе думаешь? Не приехала к нам — брезгуешь? — кричала свекровь.

— Успокойтесь. У меня перелом ноги, делали операцию. Я на костылях. Куда я поеду? — пыталась объяснить Варя.

Та будто и не слышала.

— Да ты постоянно то болеешь, то книжки свои читаешь. Петя с вахты прилетает, не можешь его толком накормить. Мужика салатиками кормишь вместо мяса. Собери его вещи, найдём ему молодую, здоровую девку, — закончила мать Петра.

И всё. Тишина. Может, давно пора разбежаться?

В этот вечер она красиво уложила свои пепельные волосы. Надела бирюзовую блузку под цвет своих зеленоватых глаз. Долго разглядывала новогодние фотографии друзей, родни. Время перевалило за полночь. Прилегла на диван, оставив включённый скайп. Если разница между Миланом и Новосибирском часов пять-шесть, то скоро он будет дома.

И вот побежал вызов: Джузеппе вызывает Варвару. Ей показалось, что живой человек заглянул в её окно на девятом этаже! На фото Джузеппе был похож лишь отдалённо. Для эмоциональной Варвары он был как пришелец из другого мира. Гладко зачёсанные назад чёрные волосы с лёгкой проседью, нос с сильной горбинкой и очень выразительные большие глаза. Одет Джузеппе в оранжевую рубашку, на шее широкая золотая цепочка. К сожалению, пропал звук. Варя кричала, жестикулировала, что-то крутила — всё напрасно.

«Ciao! Come stai? Jo ti vedo» («Привет! Как Вы? Я вижу Вы»), — написал Джузеппе.

В этот момент нарушилось интернет-соединение.

Варя уснула в эту ночь под утро. Она как будто воочию повидалась с итальянцем. Несколько дней ходила влюблённая, уже мечтала о дальнейших отношениях. Джузеппе почему-то на связь не выходил. Возможно, он по фотографии представлял её совсем другой. Возможно, она не похожа была на его женщину.

4.

Приехал Петюня, собрал свой рюкзак и улетел на вахту.

— Остальные вещи на обратном пути заберу,— только и сказал.

— Скатертью дорога,— ответила Варя.

Прошёл почти месяц, Варя уже ходила с тросточкой. Вышла на работу в свою редакцию. Приближался отпуск в апреле, и ею овладела безумная мечта — побывать в Италии. Она заказала загранпаспорт, узнала, сколько стоят авиабилеты и путёвка на горнолыжный курорт Червиния. Прикинула свои денежные ресурсы: маловато. Но можно занять у родителей или у Лерки. Лучшая подруга работала психиатром в частной клинике.

— Да я уже собиралась тебя отматерить! В какую Италию ты собралась, зная три слова по-итальянски и десять слов по-немецки? Хоть бы английский знала! — кричала Валерия.

— Я надеялась, что Джузеппе меня встретит, ведь он писал, что любит меня,— всхлипнула Варя.

— А ты что у нас, заядлая лыжница? И про перелом забыла? На горнолыжный курорт с тросточкой,— ехидненько продолжала Валерия.— А про любовь они все пишут. Ещё и сына попросит родить.

Прошло две недели. Скайп молчал, Джузеппе на связь не выходил.

В субботу Варя хотела поговорить с Игорем. И вдруг смс из Италии.

«Mon ami! Где ты? Почему ты в России? Я знаю — это ты, Адриана, хоть и назвалась другим именем. Мне плохо без тебя. Возвращайся! Я так много тебя люблю!» — писал Джузеппе.

«??!!!»

— Ты всё правильно поняла, моя девочка,— ласково начала Лера.— Человек потерял жену. У него развилась болезнь, он думает, что его Адриана жива или переселилась в тебя. Бывают такие мании. Возможно, со временем пройдёт.

— Вот умеешь ты утешить, «психиатр в законе»! Можешь разговаривать нормально, я-то здорова,— ответила Варя.

— Раз уж ты собрала деньги, оформила загранпаспорт, лети на тёплое море. А где тепло в апреле, не считая Юго-Востока? В Израиле! Ты Игоря сколько лет знаешь? — неожиданно спросила Лера.

— Да лет пятнадцать-семнадцать. Ещё подростками были, когда познакомились. Они наши соседи по даче были. Он до сих пор про свои яблоньки спрашивает, а я ж на даче не бываю. Его родители переехали и дачу продали.

— Даже если он не влюблён в тебя, всё равно поможет устроиться, снять домик на море. Тебе сейчас надо плавать минимум по четыре часа в день. Сначала здоровье, потом любовь,— бодро закончила Валерия.

Месяц Варвара переживала расставание со своей виртуальной любовью. Звенели ручьи, набухали почки. На балкон прилетали незнакомые птицы с красной спинкой. В Сибири бушевала весна! А Варя собирала чемодан с купальниками и парео.

«Чёрный лесоруб» Иван Захарович

Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?

Э. М. Ремарк

1.

После тёплого и даже жаркого лета август пришёл прохладный.

Иван Захарович стоял на автобусной остановке. Уже второй раз ехал он в райцентр, чтоб выписать билет на заготовку дров. Утро выдалось ветреное.

— Захарыч, ты куда это вырядился с утра пораньше? — спросила подошедшая Мария Кирилловна.

— Ну Кирилловна: увидела, что мужик чисто оделся,— сразу «вырядился»,— отшучивался Захарыч.— В райцентр еду. Порубочный билет выписывать.

— Плохо нам теперь без лесхоза. Раньше даже я с больной ногой могла дойти за пятнадцать минут до конторы. А ты выпиши на меня билет, я деньги-то отдам. Отдам,— попросила Кирилловна.

— Да дело не в деньгах. Там такая волокита: то один в отпуске, то другая на больничном. Не знаю, повезёт в этот раз или нет.

— Вот, огурцов собрала своим девкам. Хочу с шофёром передать. Себе-то я уже насолила,— пояснила Кирилловна свой визит к автобусу.

Подошёл автобус, вернее, «газель».

— Готовьте без сдачи по двести рублей. И не надо мне мелочь совать,— распорядился водитель.

Мария Кирилловна отдала водителю рюкзачок.

— Вечером заезжай, Лёва, я тебе тоже соберу огурчиков свеженьких,— пригласила она шофёра.

Народ расселся в «газели». На остановке остались Мария Кирилловна и её соседка Наталья, провожавшая в райцентр своего сына.

— А в советские времена проезд стоил восемьдесят копеек. Да и деньги другие были,— сказала ей Кирилловна.— Вы-то маленькие были, не помните.

— Почему? Помню. Я же училась в райцентре. И бессменного водителя Ивана Михайловича помню. Такой вежливый был. Сам стоял у дверки

и в первую очередь пропускал женщин с детьми и стариков,—ответила Наталья.

Захарыч смотрел через окно автобуса на Марию Кирилловну и любовался. Её даже палочка не портила. До чего же статная женщина! Высокая, прямая в свои-то годы. Платки всегда красивые носит, хоть и волосы не сильно седые. Голубые глаза ещё не поблёкли.

С этими мыслями он и поехал в райцентр. На выезде из посёлка они обогнали лесовоз, гружённый сосной.

— Самую золотую середину берут, сволочи!—сказал Захарыч соседу Демьяну.

— А ты посмотри на диаметр сосны, вон торчат—двадцать сантиметров. Раньше был стандарт, тонкие не пилили. Я же вальщиком работал в леспромхозе, такого не было! А теперь выскребают всё подряд, близко-то заготовительного леса не осталось,—с тоской в голосе ответил Демьян.

2.

Раньше дорога была на тридцать километров короче. А как сорвало мост через Бирюсу во время ледохода, так стали ездить в объезд, через Конторку.

В райцентре начались очередные мытарства Ивана Захаровича. Из кабинета в кабинет. И везде надо было ждать, высиживать очереди. Хуже, чем в больнице. И опять не выписал порубочный билет!

Злой и голодный, Захарыч едва успел на последний рейс. Два часа трясся в «газели». Асфальт начинали укладывать ещё в советские времена. Местами он сохранился, тут ехали быстрее. А местами дорога была разбита лесовозами до безобразия. Водитель, как мог, объезжал ямы.

В шестом часу приехал Захарович домой. Накормил кошку с котятами и собаку. Налил себе рюмку водки. Подогрел картошку, достал из холодильника малосольных ельчиков. Раньше у него была постоянно рыба: щуки, подъязки, налимы. Браконьерничал помаленьку. А потом гидролизный завод всю рыбу вытравил. Так, иногда на удочку ловил мелочь.

После ужина Захарович посидел на крыльце, покурил. Погладил рукой половичок, Настасья покойная ещё ткала.

«Три года уже, уже три,—подумал.—Остался один, как сыч».

Вздохнул и пошёл к Кирилловне докладывать, что съездил напрасно.

Один за другим прошли два лесовоза.

3.

Мария Кирилловна открыла калитку и повела гостя в летнюю кухню.

— Знаешь, Захарыч, дом большой, дров много надо, чтоб его натопить. А здесь у меня плита, и себе варю, и поросёнку. Иногда и заночую здесь, на лежанке. В дом хожу только телевизор смотреть,—рассказывала Кирилловна.

Тем временем она нарезала малосольных огурчиков, сделала помидоры с репчатым луком и сметаной. Незаметно сжарила яичницу-глазунью, глазки всмятку.

— Зря ты, Кирилловна, гоношишься, я ужинал. Да и не за что меня угощать, опять не выписал билеты. Подписать бумагу некому, начальник куда-то уехал,—грустно сказал Захарович.

— Что ж, плохо, конечно, что не выписал. Но ты такой редкий гость у меня, всё равно присаживайся. Почаевничаем, поговорим,—неторопливо продолжала Кирилловна.

— Сколько лет ты уже у нас в посёлке живёшь?—спросил Захарович.

— Да уж больше пяти,—вздохнула хозяйка.—Я ведь раньше в райцентре жила, в благоустроенной квартире. А как внучка родила в восемнадцать лет парнишку, так дочь стала настаивать, чтоб я к ним переехала. Никогда себе не прощу, что такую глупость сделала. Рано было объединяться с дочерью-то.

— Да-а-а, дела. А я вот один. Тоже чего хорошего,—вздохнул Иван Захарович.

— Так я им нужна была, чтоб водиться с Егоркой. А как в садик отдали, вроде лишняя стала. Вот выпросила у дочери остатки денег от квартиры, свои смертные добавила и купила этот дом. Да ты ешь, ешь, Захарыч,—спохватилась Кирилловна,—сейчас чайку налью.

— Да-а-а, а я вот один. Дети далеко: дочка в Краснодарском крае, а сын в Москве. Разлетелись,—вздохнул Захарович.—А жену похоронил.

— Помню, помню Настасью, как же. Красавица она у тебя была,—улыбнулась Мария Кирилловна.—Что она в тебе нашла?

— Да это я сейчас стал седой, и ноги кривоваты. А в молодости был высокий, стройный, и чуб смоляной. А носом и усами, говорят, на Григория Мелехова был похож из «Тихого Дона»,—рассмеялся Захарыч.—Не одна девка по мне сохла.

— Ну не хвались. Где они теперь, эти девки?—спросила Кирилловна.

— Да кто где. Кто уехал, кто в семье живёт. А кто с Настасьей рядом, за коммунхозом,—ответил Иван Захарович.

— Да, плохо старикам в одиночестве доживать. Я ведь с мужем всего четыре года прожила, погиб. А замуж больше не выходила из-за Полины. Вот и вырастила эгоистку, а она такую же Таиску.

— Да не расстраивайся, Мария. Ты не одинока. Вот я теперь… это самое… рядом,—закашлялся Захарыч.

Мария Кирилловна сделала вид, что не поняла, куда он клонит.

— А уж Егорку вообще избаловали. Меня не любит, что строга я с ним. То фигушки под нос мне суёт,

то соли в чай насыплет. Не езжу я к ним. Здесь спокойнее. Вот только бы дров на зиму заготовить. Ой, что-то разболталась я сегодня,—спохватилась Кирилловна.

4.

Через неделю Иван Захарович снова поехал в райцентр. Вместо той секретарши, что уже примелькалась Захарычу, сидела совсем молоденькая девчонка.

— Так это устаревший бланк,—протянула девица,—надо взять новый и собрать все подписи, а уж потом к директору.

— Это опять начинать всё сначала! Обходить все кабинеты!—возмутился Захарович.

— А вы не кричите на меня тут, а то могу и охрану вызвать,—строго сказала девица.

— О, у вас и охрана есть! Конечно, организация небедная. В Китай теперь лес продаёте, многое можете себе позволить,—сдержанно сказал Иван Захарович.

И пошёл снова из кабинета в кабинет. Конечно, опять не успел оформить документы до вечерней «газели».

Вышел на крыльцо конторы и пошёл на автовокзал. А в голове вертелись строки Некрасова: «...И пошли они, солнцем палимы...»

Приехал домой мрачный. Вышел в центре посёлка. Навстречу шёл лесовоз, полный. Зашёл в магазин, купил колбасы и хлеба.

Дома накормил своё хозяйство. Тяпнул пару рюмок водки. Закусил колбасой с солёным огурцом. Покурил на крылечке.

«Прям стыдно идти к Кирилловне. Она на меня рассчитывает. А я... вот так»,—думал Захарович.

Калитка у Кирилловны была не заперта. Двери на веранду нараспашку.

— Кирилловна, ты живая? Здоро́во,—крикнул он с порога.

— Проходи сюда, Иван,—слабым голосом ответила женщина.

— Ты чего это улеглась так рано?—бодро спросил Иван Захарович.

В комнате пахло лекарствами. Кирилловна лежала в постели в платке и тёплой кофте. Накрыта одеялом, а сверху ещё полушубком.

— Да что-то приболела я, Иван Захарыч, маленько,—так же слабо ответила Кирилловна.—Врачи говорят—бронхит.

— А в доме-то холодней, чем на улице,—громко продолжал Захарович.

— Так дрова-то кончились совсем. Я уж все щепки и старые доски сожгла. Хотела сарай разбирать, да сил не хватило,—тихо рассказывала Кирилловна.

— Ну, сарай-то сжечь всегда успеешь. А дрова потом куда складывать будешь? Сейчас приду,—крякнул Иван Захарович и пошёл из избы.—Да, дела-а-а...

Через несколько минут он шёл от своего дома с вязанкой дров через плечо.

— Это чё это? Невестам теперь дрова дарят вместо колец?—ехидно спросила соседка Нюрка Рыжая.

— А иногда дрова дороже колец бывают, Нюра! Да и сопливая ты ещё надо мной подсмеиваться,—грозно ответил Захарович.

— Ой, дядя Ваня, да я же шутя, без зла,—ответила «сопливая» Нюрка, которой недавно стукнуло пятьдесят. Да и была она уже не рыжая, а седая.

В доме Иван Захарович быстро растопил печь, и стало помаленьку расползаться тепло.

— А ты хоть ела сегодня, Мария?—спросил он женщину.

— Сварить—сварила кое-как, а вот поесть что-то аппетита не было. Сходи, Иван, принеси из летней кухни борщ в зелёной кастрюльке,—сказала хозяйка.

Захарыч бодрым шагом сходил в летнюю кухню. Поставил разогревать борщ на плиту.

— Кирилловна! Я ведь снова зря съездил! Бланк у меня, видите ли, не тот. Как вроде я сам его напечатал! Вот такое зло взяло, поубивал бы всех этих чиновников! Так ведь это наши дети и внуки. Мы их сами такими вырастили,—со вздохом закончил Захарович.

— Успокойся. Сам, небось, голодный. Ставь тарелки из шкафчика, сейчас я выйду,—донеслось из комнаты.

— Да не, я закусывал,—рассмеялся Иван Захарович.—А дров я тебе привезу, Мария. Вот маленько подшаманю «Москвич». Прицеп зацеплю и поеду на деляну, откуда в Китай лес возят.

5.

Несколько дней возился Захарович со своим «москвичонком». В город, конечно, на нём ездить нельзя, а в лес можно. Кто там увидит, что техосмотр не пройден?

Выехал часов в семь утра. Лес в округе он знал хорошо. По молодости с ружьишком бегал в округе по сто километров. А потом запреты начались, да и дичь перевелась. Позже за ягодами ездил с женой. Сначала на мотоцикле, потом на «Запорожце», потом вот на этом «Москвиче». Так, в раздумьях и воспоминаниях, проехал Захарыч Мыс. А тут уже рукой подать—каких-то километров сорок. Свернул в сторону соснового бора. Проехал немного. Вышел из машины и оторопел. Где же сосновый бор?

Он увидел десятки, нет, сотни деревьев со свежими срезами. Пни были высокие, Захарычу по грудь. Они ещё не потемнели и сочились смолой, как слезами. Он подошёл к толстому пню и потрогал пальцами срез. Можно посчитать годовые кольца. Дерево ничего не скрывает, честно отвечает на вопрос о дате своего рождения. Захарычу сдавило грудь.

— Да что за люди мы такие?! Как можно так издеваться над природой? А ещё и позволять всяким… творить такое зло в моей стране?! — крикнул старик в синее осеннее небо и заплакал сухо, без слёз.

Тут же беспорядочно валялись макушки деревьев. Никакого брусничника и в помине не было. Земля была истоптана и перепахана техникой и людьми. Но лес-то, лес! Где же сосновый бор? Сосновые пни, как обрубленные руки, направлены в небо. Кое-где росли молодые сосенки. Соснового бора не было.

— Всё подчистую выпиливают, даже молодняк. Сволочи! — пробормотал старик.

Сел на бортик прицепа, закурил. Потом достал старенькую «Дружбу» и начал пилить макушку. Получилось три чурочки. Уложил их в прицеп. Распилил вторую, снова сел перекурить. Что-то тоска грызла сердце. Поработал с часок, распилил ещё несколько макушек. Достал термос, попил чаю. И только снова взялся за пилу, на дороге появился целый кортеж машин разного «калибра». Первый внедорожник быстро приближался к нему по кустам и сучьям. Остановился. Оттуда выскочили молодые парни с камерой, с фотоаппаратами. Из остальных машин тоже бежали люди.

Захарыч вытер пот со лба.

— Мать честная! За что мне такая честь? Кто вы такие? — спросил он.

— Это ты кто такой? Хотя мы знаем, вы — «чёрный лесоруб», — галдели ребята.

— Ваше удостоверение личности, — потребовал мордастый парень с пузом через ремень.

— А зачем мне документы в лесу? И какой я лесоруб, если с земли собираю макушки? Я даже ни одного пня не спилил, не то что сосны, — пытался объяснить Захарович. — Вы бы лучше следили за теми, кто так варварски лес пилит!

— Садитесь в свою машину. Мы вас вместе с вещдоками проводим до дома. В силу вашего возраста оставим вас под домашним арестом, — командовал другой, постарше, в длинном чёрном пальто.

В этот день весь посёлок только и говорил о том, что Захарыча привезли из леса в сопровождении четырёх машин. К вечеру машин стало семь.

Но больше всего возмущались сельчане, что в посёлке есть доносчик! Ну прям тридцать седьмой год! Как узнали в районе, что дед поехал напилить себе кубометр дров?

А районное начальство, обработав и приукрасив «материал», переслало его в область. И уже в ночных новостях появился сюжет о «чёрном лесорубе» Пескове Иване Захаровиче. Кто-то из посёлка посмотрел этот сюжет ночью, а сам Иван Захарович с Марией Кирилловной смотрели новости утром. Захарович поперхнулся чаем.

— Вот это я прославился, Кирилловна! Неудобно будет, если дети увидят, — крякнул он.

В областном телецентре шли утренние новости. В редакции со всех мониторов крупным планом показывали «чёрного лесоруба» Пескова Ивана Захаровича.

— А у деда фамилия-то Песков, — тихо сказала девочка-секретарша. — А я читала, что тот Песков… который у президента, отсюда откуда-то. А вдруг — отец?..

Многие застыли. Кто-то переспросил:

— О чём это она?

6.

В тот же вечер около дома Ивана Захаровича остановился КАМАЗ с дровами. Перед ним долго извинялись и пытались выгрузить дрова.

— А что вы извиняетесь, ребята? Я вас знать не знаю. Где же ваше начальство? Пусть они извиняются! Прославили на всю страну под старость лет, — вздохнул Захарыч.

— Ты что, дед, от дров отказываешься? Как мы их назад повезём? Нас же кастрируют, — хохотнул бойкий парень.

— А мне дармового не надо! Я в состоянии сам себе дров заготовить. Пусть мне порубочный билет дадут. А дрова вон там, напротив, сгрузите, там женщина-инвалид живёт. Жалко же вас, вы ж тоже… люди подневольные, — ответил Захарыч.

На перекрёстке снова показался лесовоз со свежей сосной.

Девочка на горке

— Ура, каникулы! Новый год! Дед Мороз подарки принесёт, — выкрикнула девочка Надя, ворвавшись в квартиру.

А дома никого не было, только кот Барсик испуганно метнулся в темнушку. Девочка бросила портфель, поела, что нашла в холодильнике, и стала собираться на горку. Мама сказала, что кататься можно, пока светло. Надо поторопиться. Как только загорятся лампочки на ёлке, надо топать домой.

Надя надела болоньевые штаны, домашнюю куртку и войлочные сапоги. Валенки стали малые.

Горка была очень крутая и очень длинная. Её даже поливали водой, чтоб была не простая, а ледяная.

У девочки не было ни «ватрушки», ни ледянки, поэтому она каталась на своей куртке. Просто на куртке. И кричала от восторга:

— А-а!

Девочку крутило и вертело на выбоинах, и крик получался дрожаще-дребезжащий: «А-а-а-а-а…» — и повышался по высоте.

Многие дети были с мамами и папами, которые наблюдали за ними. А с маленькими детками родители катались сами, усадив их на колени. А Надина мама на работе с восьми утра до десяти вечера. Она продавцом работает. А папа какими-то

вахтами работает. Надя его последний раз видела, когда ходила в садик. А сейчас она большая, ходит во второй класс. Мама говорит, что папа вообще остался жить на Севере с чукчами и белыми медведями.

«Счастливый! Умку увидит!»—думала девочка.

Надя весь день предоставлена сама себе. Она может и в магазин сходить за молоком, и пол подмести, и обед себе сварить: картошку или лапшу китайскую.

Скатившись несколько раз и вдоволь накричавшись, Надя подошла к ёлке.

— А вон наш кораблик висит, с красными парусами,—сказала Надя взрослой тёте, которая разглядывала игрушки.

Женщина посмотрела на Надю и снова на ёлку. Ёлка высоченная.

— Да вон, вверху! Ёлка лапой мне качнула, где кораблик висит. Мы с мамой несколько вечеров его клеили и красили. Говорили, что подарок дадут, а не дали! Мама сказала—попозже, после её получки будет,—тараторила девочка.

Корабль с красными парусами действительно красиво смотрелся в лучах заходящего солнца.

— А ты приходи ко мне в художественную школу, будешь учиться рисовать,—сказала взрослая тётя.

— Да у нас, наверное, с мамой денег на всё не хватит. Я просилась у мамы в музыкалку. Мама сказала—дорого,—рассудительно сказала девочка.

— Ну пусть мама твоя подойдёт ко мне, спросит Людмилу Ивановну. Хорошо?—сказала женщина.

— Ну, я пошла кататься, пока светло,—объявила Надя.

— Нá тебе конфету «Гулливер» вместо приза за кораблик,—сказала Людмила Ивановна.

— Вечером с мамой чаю попьём,—сказала девочка и спрятала конфету в карман.

Надя удалялась быстрым шагом. Одета она была в старую синюю куртку, две пуговицы внизу уже были оторваны.

Накатавшись досыта, девочка пошла к бабушке. Бабушка старая и больная, она не может ходить с ней на горку. Баба Поля даже по дому ходит с палочкой. Кряхтит и охает. А ещё ворчит на Надю, что промокли войлочные сапожки, варежки обледенели. Про куртку и штаны баба Поля не успевает попричитать. Надя быстро развешивает их на батарее. Баба Поля подогрела красный борщ, отрезала сала и дала Наде зубочек чеснока. Это чтобы к Наде простуда не пристала. Да Надя и так закалённая.

— Бубулька! У меня же конфета есть большая! Сейчас тебе отрежу кусочек,—вспомнила Надя.

— Да что ты! Я ж конфеты, Наденька, не ем, у меня от них все зубы выпали. С мамой съедите,—вздохнула бабушка.

Маленько пообсохнув и выпив чаю с клубничным вареньем, Надя засобиралась домой.

— Придёшь домой, куртку-то со штанами досуши. А варежки мои нá вот, надень. Я твои выстираю и зашью,—вздыхает бабушка.—А то заночевала бы? Ведь каникулы.

— Нет, мне надо маме картошки сварить хоть в мундирах. Она рыбки принесёт с работы. Мама такая голодная приходит вечером. Весь день всухомятку,—рассуждала девочка как взрослая.

— А четверть-то как закончила?—спросила баба Поля.

— Да так себе. У меня пятёрки только по пению и по физре. По чтению четыре и по рисованию, а остальные тройбаны,—крикнула Надя уже от лифта.

— Конечно, с тобой некому заниматься. Я уж ничего не помню. Димка где-то болтается, братец твой. Да лучше бы и не приезжал. Спокойнее всем,—бабушка рассуждала уже сама с собой.

— Ба! Бубулька! Поехала я,—крикнула Надя уже из лифта.

На улице совсем стемнело.

Дома Надя поставила варить картошку и замертво уснула. Хорошо, что дверь не закрыла на ключ. Кот Барсик мяукал и скрёбся в дверь. Соседка и зашла. Картошка для мамы получилась печёная.

Елена Мочалова

Путешествие из Сызрани[1] во Владивосток

Я давно задумала путешествие из Сызрани до Владивостока на поезде по Транссибу (обратно самолётом). И во время очередной поездки в Европу меня всегда глодали угрызения совести: ну вот, опять не по своей родной стране!.. А заграницу мы с мужем предпочитаем не в последнюю очередь по финансовым соображениям: обходится она дешевле! Ну и, конечно, вся тамошняя туристская инфраструктура позволяет путешествовать весьма комфортно даже при неважном знании языков. Климат опять же—более умеренный, тёплый, расслабляющий…

И всё-таки свою мечту мы осуществили! Что же послужило толчком? В прошлом году (летом 2018-го) к моей экскурсии по Сызрани присоединились туристы… из Владивостока! Трое человек: две женщины и мужчина. Они путешествовали автомобилем на юг—в Крым и Абхазию, по пути останавливаясь в понравившихся им местах. Такой пример меня подзадорил! Я стала предметнее знакомиться с будущим маршрутом, изучать цены на проезд, проживание, услуги местных экскурсоводов. Каково же было моё приятное удивление, когда узнала, что авиабилеты из Владивостока до Москвы подешевели: «Аэрофлот» их продаёт с пятидесятипроцентной скидкой, что получается 13,2 тыс. рублей на человека в один конец! Всё, надо ехать! Ведь раньше именно дороговизна перелёта была главным препятствием для реализации этого семейного туристского проекта. А тут ещё и девятидневные майские каникулы! В общем, судьба создала все условия для заманчивого путешествия, и нам не оставалось ничего другого, как поплыть в русле её течения! К тому же попалась на глаза цитата С. Ю. Витте: «Не проехав из столицы до Дальнего Востока, нельзя будет называться подлинным русским…» Что ж, как говорится, каждое лыко в строку!

…Выехали мы из Сызрани вечером тридцатого апреля, отработав последний день перед длительными праздниками. До Челябинска—первого пункта нашего маршрута—поезд Пенза—Нижневартовск вёз нас ровно сутки. В начале пути это казалось очень долго! Ведь мы привыкли ездить до Москвы. А это всего двенадцать-четырнадцать часов в зависимости от маршрута и статуса поезда. Но в последующем мы так втянулись в дорожную жизнь, что без стука колёс стало даже засыпать проблематично!..

В самом начале повествования весьма уместно сделать небольшой исторический экскурс о Транссибе. Прокладка такой магистрали стала особенно актуальной ещё в середине девятнадцатого века—после походов и открытий капитана Невельского в Приамурье и на Тихоокеанском побережье и подписания графом Н. Н. Муравьёвым в 1858 году Айгунского договора с Китаем, окончательно закрепившим российские территории на Дальнем Востоке. Генерал-губернаторы Иркутска и Приамурья неоднократно подавали записки на имя императора Александра III о необходимости строительства сибирской чугунки. Лишь в феврале 1891 года было принято решение одновременно начинать работы с противоположных концов: от Владивостока и Челябинска. И первую тачку земли отвёз на полотно будущей магистрали на самом краю Российской империи сам цесаревич Николай. Он же заложил и первый камень в здание железнодорожного вокзала во Владивостоке. На одном из заседаний Комитета Сибирской дороги, председателем которого был назначен всё тот же цесаревич, были определены принципы строительства: возводить рельсовый путь дёшево, скоро, прочно, только русскими людьми и из русских материалов, а также за счёт казны. Сибирская железная дорога объявлялась великим народным делом. Бывали годы, когда на ней работали до девяноста тысяч человек! Этот проект стал поистине локомотивом всей экономики страны. Путейцы оставляли после себя не только хозяйственные объекты, но и школы, училища, больницы, храмы. А здания вокзалов возводились в стиле праздничной архитектуры: каменные—в больших городах, деревянные—в малых, многие из них сохранились до сегодняшнего дня и по-прежнему украшают общественные пространства. Изяществом отличались красивые формы мостов и даже мастерских, депо, будок. А это, в свою очередь, вело к озеленению и облагораживанию населённых пунктов, где пролегала магистраль.

1. Город Сызрань располагается в Самарской области, на правом берегу р. Волги. Основан в 1683 году.

Окончанием великой стройки можно считать 1916 год, когда был завершён мост через Амур в Хабаровске (изображён на пятитысячной купюре) — сложнейшее инженерное сооружение. Хотя укладка пути по Амурской дороге завершилась ещё годом раньше. Таким образом, магистраль из Москвы до Владивостока составила 9288 километров. Это и сегодня самая протяжённая железная дорога в мире!

…Из истории вновь переместимся в современность. Итак, наш первый переезд — до Челябинска. Пожалуй, только на этом отрезке в вагоне не оказалось какой-нибудь детской группы. Несмотря на то, что ребятня в последующем постоянно суетилась как пчелиный рой, мы искренне радовались за детский спорт, энтузиастов-тренеров и родительскую общественность, которые сквозь все бюрократические и финансовые препятствия вывозят ребят на соревнования.

Кто же ещё наводняет составы поездов в неотпускной сезон? Вы думаете, они следуют полупустыми? Ничего подобного: заполнены под завязку! Мы перемещались, кстати, только в плацкарте: и в целях экономии, и чтобы напитаться разнообразной информацией, пообщаться с попутчиками, уловить общее настроение пассажиров. Так вот, кроме детей-спортсменов, поездами едут вахтовики. Это такой круговорот рабочей силы по всей стране! Из Центральной России молодые мужчины следуют на угольные разрезы в глубь территории, из Восточной Сибири — в Западную, с Урала — в Приморье… Кто где повыгоднее завербуется. В своих родных пенатах потолок зарплаты — двадцать пять тысяч рублей. Это в самом удачном случае. Вот и едут даже не за «длинным рублём», как это раньше называлось, а чтобы в семье свести концы с концами. Так, наш новый знакомец Алексей выложил начистоту всю свою подноготную с заработками. Сам он из Хакасии, а трудится в Николаевске-на-Амуре, Хабаровский край, на золотом прииске бульдозеристом. Вахта длится два месяца: один — работает в день по одиннадцать часов в смену, другой — столько же в ночь, без единого выходного. Зарплата — восемьдесят тысяч рублей. Помножим на два — сто шестьдесят тысяч. Затем два месяца дома, они не оплачиваются. Таким образом, двухмесячный заработок делим на четыре, получается сорок тысяч в тридцатидневку. Негусто! А вот как он добирается до места работы. Сначала восемь часов от Хакасии до Красноярска. Потом ещё четверо суток до Хабаровска. Дальше два часа самолётом — по-другому никак… Если работяги заикнутся о повышении зарплаты или о премиальных, ответ один: «Не нравится — уходите, вас здесь никто не держит, а за воротами очередь на ваши места…» Кстати, хозяина прииска никто в глаза не видел, он безвылазно проживает в Лондоне. Вахтами работают и инженеры, мы их тоже встречали. Причём молодые, здоровые (пока ещё!), со всех сторон положительные ребята. В пути не выпивали, не сквернословили. А их разговоры — о работе, семьях, школьном образовании (его ругали все попутчики: мол, дети уже со второго класса мечтают о скорейшем окончании школы!..). Зубоскалили по поводу начальства. Но беззлобно, неагрессивно. Да, терпеливый у нас народ!.. Это тебе не «жёлтые жилеты» во Франции. Другой характер…

А вот и Челябинск. Остановились у родственников, которые с удивлением, но и с интересом отнеслись к нашей затее дальневосточного турне. Просили присылать фотографии с видами городов по ходу нашего маршрута. В конечном счёте в мои группы в WhatsApp и Viber включились человек двадцать родных и близких — из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Челябинска, Сызрани. Они настолько пристрастились к виртуальному путешествию, что испытали большое сожаление по его окончании.

Познакомившись с Челябинском, у меня не получилось целостного образа города: отдельные пазлы в картинку не сложились. В чём тут дело? Подсказку дала местный экскурсовод Елена. Оказывается, Челябинск никогда не славился сильными архитекторами, застраивался хаотично — без всяких претензий на благоустроенность и красоту, оставаясь долгое время уездным городом.

Челябинский острог (от слова «острый» — частокол вокруг крепости), так же как и Миасский, Чебаркульский, был заложен в 1736 году, чтобы защищать от нападения башкир (ведь это их земли) русские обозы, следовавшие в Оренбургскую и Верхнеяицкую крепости. Затем этот уральский городок развивался как центр региональной торговли. Неслучайно на его гербе изображен верблюд: некогда через эти места проходил Великий шёлковый путь — предмет особой гордости современных жителей. А вот пришедшая сюда Самаро-Златоустовская железная дорога в 1892 году, соединившая его с Москвой, и Уральская горнозаводская в 1896-м — с Екатеринбургом, превратили Челябинск в крупный транспортный узел и торговый центр всей России. В годы первых пятилеток город становится индустриальным, а его негласное название в Великую Отечественную войну, куда было эвакуировано более шестидесяти промышленных предприятий, — Танкоград. Областным Челябинск стал лишь в 1934 году.

Вот такая история наложила отпечаток и на внешний облик этой крупной (1,2 млн. человек) столицы Южного Урала. О купеческом прошлом напоминают немногочисленные сохранившиеся особняки незамысловатой архитектуры. О советском — заводы-гиганты, скорее именно они определяют лицо мегаполиса. Город-труженик, работяга — это основная черта Челябинска. Хотя

нынешнее состояние экономики характеризуется как депрессивное. А главенствующий архитектурный стиль, пожалуй,—сталинский ампир, взятый за основу при возведении в середине тридцатых годов зданий, приличествующих областным центрам того времени. Поэтому и огромная площадь Революции, на которую взирает вождь мирового пролетариата, обрамлена двумя зданиями, где размещались облисполком (ныне здесь заседает Дума; двухэтажную дореволюционную постройку надстроили ещё двумя в советской стилистике) и обком партии. А между ними—жилой дом для высшего чиновничества, чтобы на работу могли ходить пешком.

А вот свои собственные скульпторы в Челябинске были и есть! Поэтому все памятники, за редким исключением, выполнены местными мастерами. Но прежде упомяну о композиции, посвящённой Ленину. Она стоит на Алом Поле с 1925 года. А решение о её закладке было принято ещё двадцать третьего января 1924-го—на следующий день после смерти Ильича. Это грандиозное двухэтажное сооружение из уральского гранита очень отличается от ширпотреба, который войдёт позднее в жизнь советской страны на многие десятилетия. Итак, композиция выполнена в виде мавзолея египетского стиля с элементами восточных мотивов. От центрального входа ведут две боковые лестницы на второй этаж. На балкончике, между двумя колоннами, оформлена ниша—там установлен бронзовый бюст В. И. Ленина. Его изваял с посмертной гипсовой маски усопшего скульптор Ленинградской академии художеств Василий Козлов. Ходом работ руководила сама Вера Мухина—в будущем лауреат пяти Сталинских премий. В комнате на первом этаже была организована изба-читальня, полки которой украшали тома классиков марксизма-ленинизма (ныне она замурована).

Владимир Ильич смотрит прямо в глаза пионерам-героям, их барельефы стоят полукругом напротив. А рядом—памятник Орлёнку, олицетворяющему комсомол времён Гражданской войны.

И ещё несколько слов о памятниках. На набережной Миасса стоит композиция в честь погибших правоохранителей. На противоположном берегу—памятник Столыпину в память о транзитном пункте для переселенцев, направлявшихся на освоение Сибири и Дальнего Востока в ходе известной реформы начала двадцатого века. Напротив концертного зала уютно расположился Сергей Прокофьев, имя которого носит это учреждение музыкального культуры. Так же в бронзе, как и композитор-новатор, запечатлены основатели города, танкист-доброволец… И этот перечень получился отнюдь не полным!

Предыдущий мэр дал обещание: установить в Челябинске двести фонтанов! Столько не получилось. А вот с малыми архитектурными формами дело оказалось проще. Огромным количеством таких образцов украсили Кировку—пешеходную улицу в самом центре. Кого здесь только нет! И строго надзирающий за порядком городовой, и присевший на лавочку пенсионер-ветеран с орденом Красной Звезды на лацкане пиджака, и умелец Левша, колдующий над новым изделием, и отдыхающий погонщик верблюдов, и кучер, профукавший кобылу, и нищий, просящий подаяние, и половой, зазывающий отобедать в трактире, и модница, прихорашивающаяся у зеркала, и крестьянин, озадаченно смотрящий на раскрытую книгу «Закон»…

Ещё в Челябинске нам понравились парки и скверы. В Гагаринском можно отдохнуть от городской суеты у живописного пруда, по которому колоритно рассекают водную гладь уточки, постоять на горбатом мосточке, сфотографироваться у Дерева счастья—на его ограждение по местной традиции новобрачные вешают замочки, скрепляющие навечно любящие сердца… А в парке имени Пушкина (что расположился позади одноимённого драмтеатра), кроме бюста Александра Сергеевича, беседки Татьяны Лариной, имеются ещё сказочный городок «У Лукоморья» с персонажами из сказок гения русской словесности, фонтан «Золотая рыбка» и многое-многое другое. В том числе и информационные стенды, посвящённые великим россиянам, судьба которых связана со столицей Южного Урала. А неподалёку привлекает внимание ещё один симпатичный арт-объект—«Сфера любви», на фоне этой замысловатой композиции проводят фотосессии не только молодожёны, но горожане и гости всех возрастов!

В сквере у Дворца пионеров наблюдается обилие спортивных площадок, всегда находятся желающие размяться на современных тренажёрах.

И, конечно же, здесь поражает обилие уральских самоцветов: их продают повсюду в качестве сувениров или ювелирных украшений—на любой цвет, вкус и кошелёк.

Следует ещё добавить, что ровно по Челябинску проходит географическая граница между Уралом и Сибирью—пролегает она по Ленинградскому мосту.

А уже на вокзале я запечатлела двенадцатиметровый памятник «Сказ об Урале», олицетворяющий богатые природные кладовые этой горной гряды.

Что ж, после беглого знакомства с первой станцией Транссиба дорога поманила нас дальше.

Всего четыре с половиной часа отделяли нас от следующего пункта выбранного маршрута—города Екатеринбурга, столицы Уральского федерального округа и Свердловской области. Неожиданно для себя из советского прошлого мы попали в постиндустриальный город! Основанный как «железоделательный завод» в 1723 году, ныне этот

мегаполис входит в рейтинг крупнейших шестисот городов планеты, производящих шестьдесят процентов всего валового продукта мира. Екатеринбург относится к числу трёх наиболее развитых постиндустриальных агломераций страны и занимает четвёртое место в России по численности населения (1483 тыс. человек; больше только в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске). В его внешнем облике угадываются тренды современного градостроительства, что делает его похожим на мегаполисы богатых стран мира. Но при этом Екатеринбург не утратил и собственные черты! Его лицо — это залив реки Исеть, образованный плотинкой в самом центре города. Данное инженерное сооружение обеспечивало механической энергией заводские механизмы. Несмотря на обилие других знаковых мест, площадей, парков, жители считают именно плотинку с набережной сердцем Екатеринбурга. Возможно, ещё и потому, что здесь стоит сохранившийся до наших дней тот самый первый железоделательный завод. На этом же месте установлен и памятник основателям города — Василию Татищеву и Вильгельму де Геннину. Как оказалось, с местными достопримечательностями легко знакомиться самостоятельно, если идти вдоль двух полос — синей и красной, очерчивающих туристический маршрут.

В городе сохранились единичные памятники деревянного зодчества, каменная архитектура — в основном девятнадцатого века. К сожалению, нам не удалось насладиться ажурным фасадом с барочно-готическими элементами дома Севастьянова — самого красивого дворца во всей Сибири: он находится в процессе реставрации. Хотя Интернет пишет, что все работы на этом памятнике архитектуры были выполнены ещё в 2008 году. С тех пор здесь находится екатеринбургская резиденция Президента РФ. Впечатляет масштабом усадебно-парковый ансамбль Расторгуевых — Харитоновых, возведённый на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков. Говорят, в этом доме была молельня старообрядцев, которые по подземным ходам покидали здание в случае полицейской облавы… И всё-таки современная застройка своим размахом и высотностью затмевает архитектурные образцы прошлого. А местные не скрывают истории о поджогах объектов культурного наследия: так поступали нувориши, чтобы расчистить выгодные площадки для организации бизнеса…

А вот в чём, безусловно, преуспели многие поколения жителей Среднего Урала, так это в мастеровитости! Художественный музей Екатеринбурга представляет кладезь изделий местных Левшей. Прежде всего это иконописцы Невьянской школы — одной из лучших в старообрядческой среде России. Вызывает восторг коллекция каслинского литья. Чего только стоит кружевной чугунный шатёр, выполненный для российского павильона на Всемирной промышленной выставке в Париже в 1900 году! Замечательны художественные образцы оружия и посуды златоустовских мастеров. Невозможно отвести глаз от ювелирных украшений из уральских самоцветов. С моей точки зрения, перечисленные предметы прикладного искусства и являются визитной карточкой Екатеринбурга! Как и огромные узлы и механизмы разнообразных станков восемнадцатого и девятнадцатого веков, составляющих фонды музея под открытым небом. И взрослые, и ребятня с любопытством разглядывают эти предметы чудо-техники, изготовленные их искусными предками.

Мне было удивительно на свой вопрос экскурсоводу Елене, какие музеи она посоветовала бы посетить в этом городе, получить ответ: лучше выехать за его пределы… А вопрос возник потому, что их в Екатеринбурге огромное множество! Впрочем, с гидами в ходе этого путешествия, за редким исключением, нам фатально не везло! Лишь музейные экскурсоводы показали высокий класс (в Чите и Хабаровске), которые досконально знали историю края, свободно отвечали на все вопросы, обладали высоким уровнем коммуникационной и филологической культуры. В городские гиды, к сожалению, идут сегодня случайные люди, не имеющие ни системных знаний, ни кругозора, ни элементарного дара рассказчика. Удивляет и то, что такие горе-краеведы набирают в туристских соцсетях положительные, а порой и восторженные отзывы…

Но вернёмся к рассказу о Екатеринбурге. Богаты в нём и литературные традиции (Мамин-Сибиряк, Решетников, Бажов). Но, к сожалению, за полтора дня трудно познакомиться со всеми достопримечательными местами… А вот в Ельцин-центр мы не пошли намеренно: не питаем любви к человеку, вбившему последний гвоздь в гроб Советского государства.

Печально известен Екатеринбург и как место расстрела царской семьи в 1918 году. Сейчас на этом месте стоит Храм-Памятник во имя Всех святых, в земле Российской просиявших (более известный как Храм на Крови).

Следует отметить и то, что Екатеринбург — один из богатейших городов России! Здесь очень дорогое жильё, которое скупают северяне. А местный народ — деловой, энергичный, вольнолюбивый, впитавший дух старообрядчества. У всех ещё в памяти история о противодействии активистов плану постройки церкви на месте сквера, рядом с драмтеатром. И не потому, что они против храмов. Вовсе нет! Власть имущие не посоветовались с людьми. Не спросили их мнения. В очередной раз приняли за бессловесную массу. А тем временем граждане хотят лично участвовать в преобразовании своей малой родины. Чтобы купировать ситуацию, пришлось вмешаться лично президенту России!

Екатеринбург мы покидали со светлым чувством. Хорошего настроения нам добавил балет «Лебединое озеро»: его мы посмотрели на сцене областного театра. Как только опустился занавес, сразу же рванули на вокзал: до отхода поезда оставалось меньше часа.

Почти двухсуточный переезд до Красноярска скрашивала книга Дмитрия Агалакова «Самарская казачья вольница», специально взятая в дорогу. И двигались мы на поезде практически по маршруту Ермака Тимофеевича со товарищи во время Сибирского похода казаков 1581–1585 годов, послужившего началом освоения этого богатейшего края.

К большому сожалению, Новосибирск нам пришлось проехать мимо. Нельзя объять необъятное!.. Но для себя отметили особую чистоту на станциях и единый стиль всех вокзалов в этом регионе.

А вот Красноярск предстал пред нами настоящей столицей! Ещё Антон Павлович Чехов считал его самым лучшим и красивым из всех сибирских городов. И Енисей, «могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость», вдохновлял русского писателя, предпринявшего в 1890 году путешествие на остров Сахалин, больше, чем Волга, «нарядная, скромная, грустная красавица».

Красноярск и нам полюбился своей статью, хорошо сохранившейся стариной, исключительной ухоженностью, красивыми и комфортными рекреационными зонами для горожан и гостей. Просто восхитила трёхуровневая набережная Енисея для пешеходов, обустроенная арт-площадками! Как и остров-парк Татышев с беговыми и велодорожками, пляжами, спортивными площадками и детскими городками. Отдохнуть от суеты можно и на цепной качельке в скверике — прямо напротив администрации губернатора…

Здесь с любовью хранится память о великих земляках — писателе Викторе Астафьеве, художнике Василии Сурикове, оперном певце Дмитрии Хворостовском. С городом связаны имена командора Николая Резанова — начальника первой русской кругосветной экспедиции, святителя Луки Войно-Ясенецкого, работавшего здесь госпитальным хирургом в годы Великой Отечественной войны, и других выдающихся россиян.

Красноярск достаточно компактный. Основные достопримечательности находятся на трёх его главных улицах: Карла Маркса (бывшая Гостинская), Мира (Большая, Большая Воскресенская), Ленина (Благовещенская), лежащих параллельно Енисею.

Бывая в Европе, я часто ловлю себя на том, что непроизвольно улыбаюсь! От красоты, уюта, комфорта городской среды, радующих глаз природных пейзажей, доброжелательных лиц прохожих… Так вот в Красноярске было то же самое!

Любой городской ландшафт выигрывает от наличия высоких точек со смотровыми площадками. Достаточно взобраться на Караульную гору, где возвышается часовня Параскевы Пятницы, изображённая на десятирублёвой купюре, или подняться по канатной дороге на склоны Восточных Саян на противоположном берегу Енисея, чтобы увидеть город во всей красе как на ладони!

Если же у вас есть хотя бы один день в запасе, то следует посетить заповедник «Столбы», где можно погрузиться в природное естество и даже… повстречаться с медведем!.. Мы же выбрали поездку на Красноярскую ГЭС (опять отсылаю вас к десятирублёвке). Между прочим, по мощности она вторая в России, после Саяно-Шушенской, и десятая в мире. По пути остановились на набережной в Дивногорске — городе гидростроителей. Такое название для нового населённого пункта победило в конкурсе среди комсомольцев, приехавших на эту ударную стройку. Как нам рассказал гид Сергей, ГЭС возводила молодёжь, трудились ребята споро и с опережением графика. Гидроэлектростанция должна была обеспечить работу алюминиевого завода. А его-то строили зеки — ни шатко ни валко… А комсорг ГЭС на торжестве в честь пятидесятилетия пуска в эксплуатацию первых агрегатов (2017) вспоминал такую историю. Случилось, что комсомольцы побежали со стройки. Объяснение оказалось простым: девчат поначалу здесь не было. Тогда решили завербовать на важнейший народнохозяйственный объект невест из Иванова. Сагитировали несколько составов представительниц слабого пола. И тогда кадры стабилизировались. А у комсомольского лидера появилась другая проблема: где взять деньги на подарки молодожёнам? Ведь он стал свадебным генералом на каждой церемонии бракосочетания…

Про упомянутый алюминиевый завод надо рассказать особо. В годы советской власти на протяжении тридцати лет его возглавлял Герой Социалистического Труда А. Н. Кузнецов. Ну а потом начался процесс передела собственности. Никому не известный ранее учитель физкультуры Анатолий Быков, обладавший, видимо, авантюрным характером, быстро превратился в самого влиятельного человека преступного мира Красноярского края. Вскоре он стал владеть значительным пакетом акций КрАЗа. Но управа на него нашлась в лице губернатора Александра Лебедя. И уже в 2000-м предприятие вошло в состав крупнейшей в мире алюминиевой компании «РУСАЛ», управляет которой небезызвестный Олег Дерипаска. Анатолий Быков долгое время висел между свободой и неволей: ведь за ним числились многие тёмные дела времён девяностых годов. Но он сумел вырулить из этой ситуации и даже на протяжении двух десятков лет был депутатом Законодательного собрания Красноярского края. Однако введённые

в избирательное законодательство фильтры не позволили бывшему осуждённому продолжить парламентскую деятельность. Ныне предприниматель активно занимается благотворительностью. Наш экскурсовод подчеркнул, что ныне в городе практически отсутствует преступность! Потому и буккроссинг[2] на его улицах—дело вполне естественное.

На пути к Красноярской ГЭС раскинулось вдоль Енисея село Овсянка. Известно оно своим великим уроженцем—Виктором Петровичем Астафьевым. И последний земной удел он нашел неподалёку от родных пенатов. В селе есть мемориал писателя-сибиряка. А его землякам остались на память о знаменитом соотечественнике здания библиотеки и храма, построенные на деньги Астафьева. Другой сибиряк (не по рождению, а по служению), Александр Хлопонин, будучи губернатором Красноярского края, тоже не скупился личными средствами на обустройство территории. Рассказывают: Александр Геннадьевич поставил памятник астафьевской Царь-рыбе, построил на высоком берегу Енисея смотровую площадку и подходы к ней на свои сбережения. Глядя отсюда на широту сибирской реки, душа будто расправляет крылья!..

Заслуживает внимания туристов пароход-музей «Святитель Николай». Построенное ещё в 1886 году, это судно было самым быстроходным на Енисее. На нём цесаревич Николай в 1891-м переправлялся на противоположный берег, возвращаясь в Санкт-Петербург из своего продолжительного восточного турне. Мост через реку построили гораздо позже—в 1961 году. А в 1897-м Владимир Ульянов последовал на этом же «Святителе Николае» в свою сибирскую ссылку. Разговорились с сотрудницей музея Любовью Владимировной. И очень обрадовались тому, что она бывала в наших краях: и в Куйбышеве (ныне Самара), и в Сызрани. Заезжала на Среднюю Волгу, когда училась на курсах повышения квалификации в Москве (она преподавала в политехническом институте, а выйдя на пенсию, устроилась в музей). Удивляюсь: мол, от Москвы до Сызрани—тысяча километров! Моя собеседница рассмеялась: «Для нас, сибиряков, две-три тысячи вёрст—не расстоянье!»

Не могу удержаться, чтобы не воспроизвести ещё одну местную историю. Несколько лет назад на самом высоком уровне было приняло решение о строительстве в Красноярске ферросплавного завода, как известно, весьма экологически небезопасного. И даже были получены иностранные инвестиции под этот международный проект. Но граждане не согласились подвергать свой сибирский край загрязнению. Солидарные протесты возымели действие: проект закрыли. Однако одновременно экология резко ухудшилась. Причина не найдена до сих пор. Для анализа ситуации привлечены эксперты из-за рубежа. Поговаривают: не применено ли здесь климатическое оружие в отместку за принципиальность сибиряков?..

В последний вечер, прогуливаясь по улицам предпраздничного города, мы стали свидетелями репетиции Парада Победы. Но что поразило больше всего—на каких красивых и комфортабельных автобусах, проследовавших мимо зрителей ровными колоннами, развозили по казармам участников мероприятия! Мы увидели в этом факте высокий уровень местной управленческой культуры и добрые, уважительные взаимоотношения власти и общества.

Красноярцы самодостаточны, весьма доброжелательны, напрочь лишены агрессии. Думается, сибирская природа, суровый климат, отдалённость от центра наложили отпечаток на характер этих людей. Они привыкли к самоуправлению, полагаются только на себя и чувствуют локоть друг друга. Ведь взаимовыручка и взаимопомощь—непременное условие физической выживаемости в Сибири.

Добавим, что Красноярский край занимает огромное пространство—от Северного Ледовитого океана и почти до Монголии (с ней граничит Тува)—и составляет около четырнадцати процентов всей территории РФ! И всего лишь одиннадцать государств мира превосходят этот край по площади. А вот количество жителей не дотягивает и до трёх миллионов человек. Приспособленных для проживания мест здесь не так много…

А мы продолжаем вгрызаться в глубинные территории страны! Переезд до Иркутска огорчил нас лесными пожарами, дело доходило даже до открытого огня, стелющегося по посадкам вдоль железнодорожного полотна. И в самом городе стоял тяжёлый смог с запахом гари. Буквально в двух-трёх метрах уже не было видно ни зги. Ночной дождь улучшил состояние атмосферы, а арктический циклон принёс резкое похолодание. Праздничный день Девятое мая выдался необычайно пасмурным, с ледяным ветром с Ангары, температура воздуха едва доходила до пяти градусов. А назавтра, когда мы посещали Байкал, она опустилась ниже нуля, и всю дорогу нас сопровождал снег. Тогда как Сызрань в это же время страдала от тридцатиградусного зноя. Вот такая огромная наша страна: на одном её конце может быть зима, на другом—лето!

Иркутский (поначалу Яндашский) острог был срублен казаками в 1661 году. Такие небольшие крепостицы ставились для сбора ясака. Ратные люди обороняли территорию от набегов как из приграничных государств, так и местных племён. Вскоре вокруг стал разрастаться посад. Поначалу жители занимались в основном пушным

2. Буккроссинг—процесс обмена книгами между незнакомыми людьми, а также специальное место, оборудованное полкой, для совершения этого обмена.

промыслом. После урегулирования российско-китайских отношений Нерчинским договором с 1689 года через Иркутск потянулись торговые караваны в Китай. Из Сибири везли камчатских и обских бобров, морских котиков, соболей, лисиц, белок, горностаев, песцов, а из Поднебесной—чай, сахар и ткани. Иркутск развивается как купеческий городок. А вот в середине девятнадцатого века он становится столицей ленского золота. С 1822 года это уже губернский центр. Страшный пожар 1879 года снёс с лица земли восемьдесят кварталов!.. Восстановление длилось тяжело и долго—более десяти лет. А помощь, как водится, шла со всей России. В возрождении столицы Восточно-Сибирского генерал-губернаторства участвовали и петербургские архитекторы. После чего Иркутск начинают называть «Восточным Парижем», «Сибирским Петербургом», «Сибирскими Афинами». Чехову он показался «интеллигентным городом». А местные считают свой край Серединой земли.

На что же прежде всего обращаешь внимание, знакомясь со столицей Приангарья? Это красивейшие храмы восемнадцатого века! Спасская церковь—старейшая во всей Сибири—стала возводиться в 1706 году. Она богата украшена не только изнутри. Великолепны и росписи фасада! К примеру, на восточном размещены три многофигурные композиции: левая из них показывает обряд крещения бурятов, центральная раскрывает сюжет крещения Иисуса Христа в реке Иордан, а правая изображает церемонию приобщения к лику святых первого иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого).

Рядом стоит изумительный по красоте Богоявленский кафедральный собор, начало строительства которого относится к 1717 году. Изящность и выразительность храма достигнута сочетанием древнерусского декора, элементов барокко и мотивов, заимствованных у коренных сибирских народов. В украшении фасада использовались изразцовые плитки в анималистическом и орнаментальном стилях. Храм уцелел и в том страшном пожаре 1879 года: бушующее пламя чудесным образом остановилось у его ворот.

Уникальна декоративной пластикой фасадов и Крестовоздвиженская церковь (1747–1760 годы). Богатые орнаменты, в которых угадывается влияние прикладного искусства местных народностей, занимают всё пространство внешних стен. Это единственный храм в Сибири, в котором полностью сохранились интерьеры восемнадцатого века. Говорят также, что именно сюда перенесли все ценности из уничтоженного при советской власти Казанского собора, на фундаменте которого стоит ныне здание областной администрации.

Ну и, конечно же, Знаменский женский монастырь конца семнадцатого века. Это святыня всего сибирского края! Обитель стоит при впадении реки Ушаковки в Ангару. При подходе к главным воротам обращает на себя внимание памятник Колчаку, взгляд которого упирается в фигуры двух братьев—красноармейца и белого офицера. А поставлен он прямо у монастырских стен, на месте расстрела Верховного правителя России в ночь с шестого на седьмое февраля 1920 года. Вместе с ним погиб и председатель Совета министров Пепеляев. Их трупы были сброшены в Ушаковку. Эта скульптурная композиция, естественно, вызывает споры как среди местных жителей, так и среди гостей города: стоило ли увековечивать память руководителя Белого движения? Однако скульптор, народный художник России Вячеслав Клыков, на церемонии открытия в 2004 году объяснил смысл памятника так: это назидание потомкам, их предостережение о недопустимости подобных событий впредь. Кстати, в 2018-м отмечалось столетие Иркутского университета, распахнувшего свои двери перед молодёжью при Колчаке. Интересно, было ли упомянуто его имя на юбилейных торжествах?..

В Знаменской церкви покоятся мощи святителя Иннокентия (Кульчицкого). А на территории монастыря расположен некрополь, где похоронены декабристы Григорий Шелихов и Николай Панов, епископ Иннокентий (Нерунович), княгиня Трубецкая и дети Трубецких: София, Владимир и Никита. В 2015 году после отпевания в Знаменской церкви у её южной стены нашёл упокоение и русский писатель Валентин Распутин.

В Иркутске невозможно не восхититься шедеврами деревянного зодчества. Прежде всего это «кружевной» дом Шастина, украшенный изящной резьбой особняк мецената Сукачёва, стильные усадьбы семей декабристов Трубецких и Волконских. Имеются во множестве и обыкновенные жилые дома с замысловатым узорочьем или орнаментами попроще, родом они из девятнадцатого века.

Иркутяне ревностно хранят память о декабристах. В усадьбах уже упомянутых фамилий устроены музеи. Начинены они не только раритетами, но и интерактивом, что особенно важно для привлечения в них юного поколения. Неподалёку поставлен памятник жёнам декабристов в честь одиннадцати мужественных и любящих сердец, разделивших драматическую судьбу своих отчаянных мужей.

Не будем забывать и о том, что в Иркутске—один из самых старых краеведческих музеев в России. Удивительно, но факт: он был открыт ещё в восемнадцатом веке—в 1782 году—по инициативе тогдашнего губернатора Франца Клички. К сожалению, его фонды существенно пострадали в уже упомянутом выше пожаре. В 1883 году для музея построили новое здание в редком для Сибири

мавританском стиле. Для него характерны разнообразные формы арок, декоративное украшение карнизов и сводов, купола, богатейшая лепная и резная отделка фасада. Интересно, что на фризе здания начертаны имена учёных-исследователей восточных окраин России. Оставлены и пустые места — для будущих изыскателей.

Победный день Девятое мая иркутяне вместе со всей страной отмечали торжественно, массово, с размахом. В многотысячном шествии Бессмертного полка рука об руку шли и стар и млад. А чтобы лучше видеть парадный строй, наиболее смышлёные принесли с собой стремянки. Мне тоже разрешили воспользоваться лесенкой, чтобы сделать красивый снимок колонны. На берегу Ангары, несмотря на непогоду, юные пары показали самый популярный танец той поры — вальс. В сквере имени Кирова с утра всех желающих угощали солдатской кашей и горячим чаем. Рядом мальчишки и их отцы с увлечением занимались сборкой и разборкой автоматов под наблюдением курсантов. С многочисленных эстрадных площадок весь день звучали фронтовые песни. Причём своё музыкальное творчество вынесли на суд зрителей представители практически всех силовых структур, расквартированных в Иркутске. В военизированной форме разных расцветок ходили стайками ребятишки — участники военно-патриотических объединений. А к десяти вечера на набережную вышел, казалось, весь город! С баржи в середине Ангары взмывали в чёрное небо ракеты, которые, разрываясь, исторгали из своего чрева неописуемую красоту в виде мириад разноцветных причудливых огоньков! А по реке потекли тысячи зажжённых свечей, олицетворяющих души погибших на войне солдат — защитников своего Отечества…

Для многих путь на Байкал — самое крупное пресноводное и глубоководное в мире озеро (1642 м) — начинается именно из Иркутска. «Славное море, священный Байкал» показало нам свой норов. Температура воздуха в день его посещения, десятого мая, была минус два градуса. А густой, словно рисовая каша, туман, мокрый снег, а потом и неприятная морось не позволили получить эстетическое удовольствие от созерцания этого уникального природного объекта. Когда мы взобрались на смотровую площадку возле так называемого Камня Черского[3], тёмные тучи заволокли всё небо. Ледяной ветер в буквальном смысле сбивал с ног. Я уже отчаялась сделать панорамный снимок Байкала… «Что ж, не всё коту масленица», — подумалось мне. И всё-таки на мгновение луч солнца пробил брешь в тревожной черноте, позволив мне запечатлеть величественную картину, в которой угадывались и Шаман-камень, и исток Ангары, и прибрежный посёлок Листвянка. Поблагодарив Бога за преподнесённый подарок, приступаем к спуску. В Листвянке посещаем Байкальский музей, совершаем в нём прогулку на виртуальном батискафе на самое дно озера, попутно получая много интересных сведений о его флоре и фауне. Не обошлось без визита на рыбный рынок, где бойкие торговцы наперебой предлагали местные деликатесы: копчёные омуль, сиг, пелядь… После снятия пробы выяснили, что наша волжская рыба никак не хуже байкальской! А может быть, и даст фору озёрной…

Подошли на берегу к самой воде. Штормило. Создавалось полное ощущение, что перед нами настоящее море со стальным характером, сильным духом, мощной энергетикой!.. Омыли руки, освежили лицо бодрящей «священной» водицей. К единственному сохранившемуся на Земле озеру ледникового периода туристы едут за природной уникальностью, первозданностью и экологической чистотой. А многие посетители этого места хотят ещё познакомиться с культурой и бытом бурятов, их сказаниями, легендами, языческими обрядами. В благоприятную погоду обязательна для туристов поездка на остров Ольхон, считающийся сакральным центром северного шаманского мира.

Вездесущие китайцы вознамерились построить на берегах Байкала завод по производству воды и уже приступили к осуществлению своего проекта. Но массовые протесты местных жителей приостановили этот процесс. Хочется надеяться, навсегда…

В Иркутске, на берегу Ангары, возвышается памятник Александру III, поставленный в 1908 году (восстановлен в 2003-м) благодарными жителями за решение провести Транссиб через их город, хотя первоначальный проект имел другой маршрут. Была построена и Кругобайкальская железная дорога. Однако её сооружение стало весьма непростой задачей из-за сложности рельефа, и процесс растянулся на шесть лет. А чтобы перевозить составы через озеро, пути к которому уже подвели с двух сторон, заказали в Великобритании два ледокола — «Байкал» и «Ангара». Так вот второй из них сохранился до наших дней, это одно из самых старых судов в мире такого типа. И в нём организовали музей. Мы побывали на «Ангаре» и присоединились к группе иностранных туристов — европейцев. Мне показалось, что они, как и мы, тоже прониклись рассказом о работе ледокола в годы Великой Отечественной войны, тогда он перевозил баржи с рыбой. Из шестидесяти членов экипажа мужчина был лишь один — капитан. Экскурсовод очень эмоционально и проникновенно повествовала о самоотверженном труде женщин: и в машинном

3. Иван Дементьевич (Ян Доминикович) Черский — исследователь Сибири, географ, геоморфолог, геолог, палеонтолог. Был сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года.

отделении при шестидесятиградусной жаре, и в качестве матросов на палубе при минус сорока, и как приходилось им, представительницам слабого пола, таскать тонны угля для топки!.. Пусть знают, какими жертвами далась нам Великая Победа!

Красноречивая фотосъёмка в Иркутске постоянно возвращает меня в этот исторически ёмкий серединный город России…

Следующая наша остановка была в Чите. Этот солнечный город лежит в низине между сопками, при впадении одноимённой речки (город назван по гидрониму) в Ингоду. На подъезде к Чите раскинулось озеро Кенон — местная природная достопримечательность. Погожих дней в столице Забайкальского края столько же, сколько в Сочи. Может быть, поэтому его жители весьма позитивны, даже несмотря на депрессивную экономику. Предприятий здесь практически нет. А народ работает либо в бюджетной сфере, в том числе в многочисленных воинских частях, либо занимается «барыжничеством» — так охарактеризовал предпринимательство местных жителей подвозящий нас до апартаментов таксист. И если поначалу, как только мы вышли из поезда, здание железнодорожного вокзала, мозаика на нём со страницами исторических событий, освежающий фонтан, красавец-собор в честь Казанской иконы Божией Матери составляли благоприятное впечатление о городе, то вскоре в глаза стали бросаться лишь вывески с рекламой «купи-продай», скрывавшие практически полностью фасады домов! Кругом лежала печать неустроенности, запущенности, заброшенности…

Экскурсия по центру немного улучшила представление об этом старинном городе, возникшем тоже как острог в далёком 1653 году. Пушнина — это был основной промысел пришедших казаков и коренных жителей, пока не обнаружили серебро и золото, что нашло отражение и в гербе: голова буйвола (традиционное занятие коренных народов скотоводством) с серебряными глазами и языком на золотом поле.

Особая веха в истории Читинского острога — отбывание каторги восьмьюдесятью двумя декабристами в 1827–1830 годах, потом их перевели в Петровский завод. Жили они «товариществом» — все вместе: так распорядился император Николай I, дабы не распространяли революционную заразу среди населения. Изучение источников показывает, что содержание декабристов в неволе было весьма либеральным. О тех временах в Чите напоминает церковь Михаила Архангела, где венчались со своими суженными сосланные сюда Завалишин и Анненков. В семье последнего в браке с француженкой Полиной Гёбль родилось семнадцать детей, выжило лишь восемь из них. Ныне в храме организован музей декабристов.

Чита стала центром Забайкальской области в 1851 году, тогда в ней числилось всего шестьсот жителей. Во время Первой русской революции власть в городе взял комитет РСДРП(б), провозгласив Читинскую республику. Она просуществовала с ноября 1905-го по январь 1906 года. А четверых её организаторов после подавления мятежа расстреляли. Звёздный час Читы приходится на период с 1920-го по 1922 год, когда она превратилась в столицу Дальневосточной республики — буферного государства между Советской Россией и Японией. Но и сегодня её жители не теряют надежды на то, что именно их город станет административным центром Дальневосточного федерального округа (до декабря 2018 года это был Хабаровск, ныне — Владивосток). На мой вопрос, каковы же основания для такой надежды, экскурсовод Наталья Юрьевна ответила: «Так Чита же старше городов, лежащих восточнее неё, на двести лет! Наша территория стала плацдармом для дальнейшего освоения Забайкалья, Приамурья, Дальнего Востока!» Что ж, такие аргументы следует донести до высшего руководства страны…

Приятно радуют глаз памятники деревянной и каменной архитектуры. Их совсем немного. А самое красивое сооружение — дворец золотопромышленников Шумовых на улице Ленина (бывшей Большой). За этот проект архитектор Мосашвили в 1912 году получил гран-при на Всемирной Парижской выставке. Построен дом в стиле эклектики с элементами барокко и позднего классицизма. Фасад трёхэтажного каменного дворца изобилует украшениями: карнизы, лепнина цветочных мотивов, ажурные балконы. Изящества облику добавляет полукруглый эркер, напоминающий по форме башню старинного замка. Крышу венчают два ребристо-чешуйчатых купола со шпилями, которые задают лёгкую устремлённость ввысь. Семья богачей расположилась лишь в комнатах эркера, а остальные помещения Шумовы предоставили городу под общественное собрание.

Не менее роскошным дворец был и внутри. На потолках и лестничных маршах — лепка: растительные орнаменты, прекрасные лики античных богинь, весёлые купидоны и диковинные звери. На стенах, потолках коридоров и комнат — роспись. Решётчатые ограждения парадных лестниц украшены коваными металлическими букетиками цветов. Как вы думаете, что же располагается ныне в этом восхитительном особняке? Ни за что не угадаете! Контора краевого ФСБ…

Поражает своими масштабами здание Дома офицеров (ДО), занимающее целый квартал! Возводить его начали ещё до войны. На территории города многие десятилетия располагался штаб Забайкальского (позднее Сибирского) военного округа — вплоть до реформы 2010 года. А воинские части дислоцируются здесь и в округе до сих пор. Поэтому ДО никогда не пустовал. Ныне на его базе организован Центр патриотического воспитания

детей и молодёжи. А за зданием, в старинном парке, выставлена военная техника — времён Великой Отечественной войны и более современная.

Между прочим, Читинская область в 1957 году была награждена орденом Ленина за освоение целинных и залежных земель, а её столица в 1972-м — орденом Октябрьской Революции.

Рассказывая о Чите, невозможно не упомянуть о дацане — буддийском монастырском комплексе, где царит атмосфера покоя и умиротворения, а красота архитектурных форм вызывает радость и неподдельный восторг. Абсолютная чистота и благолепие отличают обитель от остальной городской среды. По территории неспешно прогуливался молодой служитель; подхожу к нему и прошу разрешения сфотографировать его на фоне храма. Тот неожиданно для меня соглашается. Лама Баир — так звали моего визави — поинтересовался, откуда мы приехали и каково наше впечатление о городе. Не хотелось огорчать собеседника, но и кривить душой тоже. Поэтому ответила: «Ваш уголок самый ухоженный и приятный! Хорошо бы таковой стать и всей Чите. Пока же она находится в сильно запущенном состоянии...» Молодой человек выразил уверенность в том, что жители обязательно приведут свою малую родину в порядок. И тут меня осенила догадка: позитивный характер читинцев, видимо, объясняется философией буддизма, имеющей распространение среди бурятов. А их в этих краях немало.

Яркое полуденное солнце радостно провожало нас в дальнейший путь по Транссибу. А мы помахали рукой Титовской сопке, хранящей в себе многочисленные палеонтологические, петрографические, геологические памятники...

Двое суток пути отделяли нас от Хабаровска. И здесь опять уместно процитировать Антона Павловича Чехова: «Проплыл я по Амуру больше тысячи вёрст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожа на нашу. Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего... Я в Амур влюблён... И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России... Выкупаться в Амуре, беседовать и обедать с золотыми контрабандистами — это ли не интересно?»

Наше знакомство с Хабаровском началось со знаменитого моста через Амур, которым, как я упомянула в начале этих путевых заметок, закончилось возведение Транссиба в 1916 году. И наш состав, естественно, проследовал по нему. Позже мы поехали искать смотровую площадку, с которой открывается тот самый вид на пятитысячной купюре. Не нашли. Её попросту нет. А есть заброшенная стройка, свалка, непроходимые заросли... Еле-еле нашли местечко, чтобы кое-как запечатлеть историческое инженерное сооружение. Проехав на северную окраину Хабаровска, мы были удручены состоянием его благоустройства. Кроме слова «захолустье», на ум так ничего и не пришло! Как же так? Ведь Хабаровск, образованный в 1858 году, является важнейшим форпостом России в Приамурье! Предпринятая на следующий день экскурсия показала, что в прекрасном состоянии лишь две улицы, прибрежный парк и набережная Амура. Обидно! Историческую, географическую, современную значимость этой столицы одноимённого края трудно переоценить! Кстати, этих мест Ерофей Хабаров (памятник ему стоит на привокзальной площади) — русский землепроходец — достиг ещё в 1649 году. Результатом его похода стало принятие приамурским населением русского подданства. Однако позднее маньчжурские войска отвоевали эту территорию. Ситуация изменилась лишь в середине девятнадцатого века. А её модератором стал генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв, получивший именной титул графа Амурского. Памятник этому человеку, сыгравшему ключевую роль в освоении Дальнего Востока, был открыт в Хабаровске в 1891 году в присутствии цесаревича Николая.

Именно благодаря Муравьёву был заключён в 1858 году Айгунский договор с Китаем, укрепивший и расширивший границы Российской империи. В этом же году на Амуре основали пост Хабаровка. А двумя годами позже Муравьёв, огибая залив Петра Великого, обнаружил весьма удобную бухту, напомнившую ему Золотой Рог в Стамбуле (бывшем Константинополе), где заложили пост Владивосток.

Как водится, у великих людей всегда много завистников. Вот и Муравьёв-Амурский вскоре был отозван в Центральную Россию. Обидевшись, он вместе с француженкой-женой выехал на её родину. В 1891 году — спустя десятилетие после кончины Николая Николаевича на чужбине — благодарные жители Хабаровска поставили ему памятник в исполнении знаменитого скульптора Опекушина. После революции поклоняться «графьям» не пристало, и монумент снесли. Оригинал пока не обнаружен. А в восьмидесятые годы двадцатого века свободолюбивые харабовчане вознамерились памятник своему великому предку восстановить. Но не тут-то было! Чтобы не поощрять вольнодумства, все архивные документы засекретили и для пущей конспирации из Москвы перевезли в ленинградский Эрмитаж. Настойчивые дальневосточники своего всё-таки добились! Доступ к архиву был открыт. А документы в нём оказались подробнейшими, вплоть до формулы материала, из которого отливали статую. Однако потребовался скульптор

для восстановления памятника. Объявили конкурс, который проигнорировали маститые авторы, опасаясь за свою творческую карьеру. Поэтому появился шанс у молодёжи. Выиграл никому не известный начинающий скульптор Леонид Аристов. Как отмечают специалисты, с задачей он справился на «отлично»: копия практически не отличалась от оригинала! Планировалось организовать церемонию к столетию со дня первого открытия монументальной композиции. Но наступили «лихие» девяностые... Собранные народные средства в одночасье обесценились. Тогдашний губернатор Ишаев проявил недюжинную волю, и в 1992 году памятник всё-таки открыли! С тех пор граф Муравьёв-Амурский с высокого пьедестала по-прежнему взирает на свой любимый край.

Застраивался Хабаровск военными людьми. А на жительство сюда ехали переселенцы со всей России. Им давали хорошие подъёмные, помогали в обустройстве жилища, на несколько лет освобождали от налогов. И работящие хозяева быстро поднимались. Начинали с землепашества, затем разрабатывали золотые прииски, прирастали капиталами. В Хабаровске учредили специальный банк, в подвалах которого удачливые предприниматели хранили золотые слитки, привезённые сюда из Николаевска-на-Амуре.

Военные строители, бывая в отпуске, привозили из Санкт-Петербурга журнал «Зодчий» и предлагали своим заказчикам разнообразные проекты, в том числе и европейских архитекторов. И без зазрения совести их копировали, добавляя какие-то элементы по желанию клиентов. Появился и собственный «хабаровский» стиль. Его основу составляло сочетание кирпичей различных оттенков, а серый служил в качестве отделки. Потребители услуг были людьми весьма состоятельными, потому и усадьбы их отличались богатым декором. Особенно много таких домов на главной улице — Муравьёва-Амурского.

Военные на собственные средства строили для своих детей здания учебных заведений — гимназий, реального училища. Они вынуждены были перевезти сюда семьи, так как прежде из полугодового отпуска, дававшегося раз в трёхлетку, четыре месяца уходило только на дорогу. Сбросились они и на пышное сооружение офицерского собрания, ныне в этих стенах разместился художественный музей. Кстати, Чехов с ужасом вспоминал, что здесь открыто обсуждают то, о чём в Центральной России боятся даже подумать. А такое вольнолюбие исходило от потомков декабристов, пустивших корни в этих окраинных местах империи, а также объяснялось удалённостью территории от центра страны. Позже и советскую власть встретили дальневосточники недружелюбно — жилось им здесь вольготно, окончательно она установилась в этих краях лишь в самом конце 1922 года.

Приведём ещё исторические факты, связанные с Хабаровском. В городском парке стоит памятник маршалу Василевскому. Этот полководец второго сентября 1945 года доложил Сталину по телефону именно из этого города о разгроме Квантунской армии. Так закончилась Вторая мировая война. Мы специально искали этот монумент, чтобы сфотографировать на память. И неожиданно для себя попали на торжественное мероприятие. У подножия памятника строились колонны подростков в кадетской форме. А дальше им вручили медали участников недавно прошедшего Парада Победы.

В одном из корпусов Дома офицеров проходил третий — Хабаровский — трибунал (1949) над преступными деяниями японской военщины в создании и применении бактериологического оружия во Второй мировой войне.

Выше мы уже упомянули, что столицу Дальневосточного федерального округа (кстати, этот округ включает в себя сорок процентов всей территории России!) недавно перенесли во Владивосток. Но в Хабаровске остаются штаб Восточного военного округа и министерство РФ по развитию Дальнего Востока. Поэтому остаётся надежда, что город будет благоустраиваться повсеместно, а не только в самом его центре.

И, наконец, конечная цель нашего маршрута: Владивосток — «владеть Востоком»! Этот город населяют люди с душой моряков — активные, деятельные, со стрункой авантюризма, стремящиеся узнать, что там — за горизонтом! Они во многом отличаются от нас, живущих в Центральной России. Их характер формирует океан — эта мощная природная стихия! Они отличные дипломаты, потому что им приходится «договариваться» с этой стихией: свысока нельзя к ней относиться — отомстит!.. Они умеют дружить с соседями, извлекая для себя пользу из этих отношений. А потому считают, что центр российской дипломатии должен переместиться на Дальний Восток.

С Владивостоком мы знакомились три дня. И всё это время видели вокруг себя энергичных весёлых горожан, несмотря на то что погода не баловала: густой туман и промозглая морось лишь на полдня уступили место солнышку, что дало нам возможность сделать панорамный снимок с сопки (и одноимённой смотровой площадки) Орлиное Гнездо. Вот перед нами извилистая бухта Золотой Рог, берега которой соединяет Золотой мост. С запада город омывает Амурский залив, с востока — Уссурийский. Впереди в дымке чуть виднеются ванты моста Русского на одноимённый остров через пролив Босфор Восточный. Дух захватывает от масштаба, раздолья, величия окраины Российского государства!.. На смотровой площадке, как и в других знаковых местах дальневосточной столицы, скопище китайских туристов. Когда в Поднебесной ввели институт

пенсий, все работавшие на нашей территории, а это в основном челноки, которые разбогатели за счёт россиян и сейчас уже наладили свой бизнес на родине, уехали восвояси. И теперь едут к нам в качестве туристов. Гид Елена, хорошо знающая китайский, поделилась с нами, что обсуждают между собой наши соседи на таких экскурсиях. Приезжают они сюда, чтобы познакомиться с местами, где когда-то жили их предки, а в будущем прийти сюда хозяевами. Напомним, что до Айгунского соглашения данная территория использовалась представителями разных государств. А затем она отошла исключительно к России. Поначалу во Владивостоке проживало огромное количество китайцев. Но постепенно их вытеснили в район так называемой Миллионки. А в 1936 году вообще выдворили за пределы нашей страны. Экзотическая Миллионка сохранилась до наших дней. Многие здания здесь реконструированы и преобразованы в элитные рестораны, фешенебельные отели, развлекательные клубы. Вот и заглядываются современные китайцы на лакомые куски нашей территории.

Лицом Владивостока являются тихоокеанские заливы, уже упомянутые красавцы-мосты, современный флот—военный и гражданский, а также памятники истории, связанные с защитой самых восточных рубежей России. Здесь есть разнообразные форты и береговые батареи; корабли-музеи «Красный вымпел» и «Подводная лодка С-56», музей Тихоокеанского флота; памятник морякам, погибшим в Русско-японскую войну; мемориал, посвящённый торговым судам и их экипажам, потонувшим от обстрелов во Вторую мировую; памятник Геннадию Ивановичу Невельскому—выдающемуся исследователю Дальнего Востока, мореплавателю-первооткрывателю (он первым доказал, что Сахалин—это остров), сподвижнику Н. Н. Муравьёва-Амурского. Историю во Владивостоке чтут, на неё опираются как на фундамент сегодняшнего строительства Отечества.

На острове Русском буквально в считанные годы (к саммиту АТЭС 2012 года) был построен кампус Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Собственно, до этого россияне и слова-то такого—«кампус»—не знали. Потому что в реальной жизни этой институции у нас в стране не существовало. А фактически—это целый студенческий город со всей необходимой инфраструктурой. В ДВФУ имеются административный и учебные корпуса, общежития гостиничного типа, в которых комфорт для студентов создают горничные, научные лаборатории, оснащённые новейшим оборудованием, спортивные и развлекательные комплексы. И даже своя собственная набережная! На такой территории можно находиться месяцами, не выезжая за её пределы!

Украсила Владивосток во всех смыслах (архитектурном, культурологическом и проч.) Приморская сцена Мариинки[4]. По техническому оснащению этот театр является лучшим в России, в чём мы убедились сами, получив огромное эстетическое удовольствие от балета «Корсар».

Проложили дорожку в этот тихоокеанский регион и знаковые российские писатели. В дни нашего пребывания во Владивостоке развернулся литературный фестиваль федерального уровня. На его площадках самое активное участие принимали Юрий Поляков, Павел Басинский, Захар Прилепин, Сергей Лукьяненко и другие крупные словесники современной России.

Столица ДВФО динамично развивается. Сюда вкладываются государственные средства, частные инвестиции, включая иностранные. И это правильно! Местные предприниматели полагают, что сюда надо переселить ещё два-три миллиона человек, и тогда уж никто не станет засматриваться на эти российские территории! Но чтобы люди сюда поехали, необходимо обустраивать во многом нетронутые пространства.

К сожалению, пока переселенческая политика далека даже от царской—полуторавековой давности. Одна наша попутчица—Татьяна—ехала из Барнаула в Хабаровск, чтобы посмотреть на свой бесплатный гектар земли. Договор на него она заключила с администрацией края, так сказать, заочно и вслепую. Чиновники обещали подбросить её до одной из деревень. А дальше… ни дорог, ни коммуникаций, ни электроэнергии, ни источников воды—нетронутая целина… Только отчаянные люди способны на такую авантюру. Наше современное государство в который раз хочет разобраться со сложнейшими проблемами за счёт рядовых граждан.

У некоторой части населения в этом регионе пока ещё сохраняется психология временщиков. Мол, приехали сюда не навсегда. Одни бежали от несчастной любви или же, наоборот, за новыми отношениями. Вторые скрывались от долгов и других неразрешимых проблем. Третьи стремились за удачей на новом месте. Есть и просто авантюристические натуры, которых постоянно манит дорога. Тем не менее всё больше появляется людей, готовых пустить здесь корни и остаться в этом уголке России навечно.

Как новый день в России начинается на Дальнем Востоке, так и экономическое и общественное развитие идёт с этого региона!

Какая же всё-таки необъятная и красивая наша страна! В своём путешествии мы это прочувствовали всей душой, до кома в горле. И нашим «партнёрам-недоброжелателям» хочется искренне пожелать: прежде чем поднимать руку на Россию

4. Государственный академический Мариинский театр (Санкт-Петербург) открыл Приморскую сцену в 2016 году.

в самых разных формах, попробуйте проехать её от края и до края и воочию убедитесь в её величии — территории, духа граждан, природных и прочих ресурсов. Охота покуситься на неё отпадет сама собой.

И некоторым нашим умникам, полагающим, что Россия рано или поздно скукожится до великокняжеского ядра Московии, рекомендую свои прогнозы сдать в утиль. Не дождётесь! Не для того многие поколения наших предков через неимоверные тернии, шаг за шагом, осваивали и приспосабливали для жизни сибирские и дальневосточные пространства. Россия есть и будет от Калининграда на западе до Владивостока, Камчатки, Сахалина и Курил на востоке. Такова наша судьба!

ДиН ревю

Самородок

Альманах Доосов и Миражистов

Красноярск: «Литера-принт», 2021

Константин Кедров

● ● ●

Сквозь негатив всю жизнь я проявлялся
И вдруг увидел позитив — пустой
Я долго плакал плакал и смеялся
Я мученик но вовсе не святой

Признаться я не очень удивился
Что мнгое осталось на потом
Пусть в этом мире я не проявился
Зато я проявился в мире том

Проявленный отьявленый отпетый
Всем правилам житейским вопреки
Я был поэтом и умру поэтом
И может быть вернусь в конце строки

● ● ●

Приобщаясь к нездешнему миру
Я забросил в созвездия лиру
Пусть нежнее любого клавира
Всем играет созвездие Лира

Подчиняясь небесному зову
Я доверился русскому слову
Оказалось что русское слово
В бесконечности вечно и ново

У поэзии русской всемирной
Голос вечности звёздный и лирный
Пусть играет всемирная лира
Оглашая окрестности мира

Евгений Степанов

По бездорожью

Я иду по бездорожью,
А куда иду — не знаю.
Знаю: ложь не станет рожью.
Знаю: волк не бросит стаю.

Знаю, что по всем приметам
Непроста моя дорога.
Знаю: темень станет светом,
Если подождать немного.

Если подождать немного,
Станет былью небылица
И счастливая эклога
В голове моей родится.

Юношеский опыт

Если я поел от пуза,
Значит, выдался денёк.
Если прилетела муза,
Значит, я не одинок.

Если брезжит свет во мраке,
Значит, не всесильна смерть.
Если не убили в драке,
Значит, можно песню спеть.

Алексей Иванов

В тишине ночных аллей

Повеса-ветер

Фонарь Луны
под мутным
матовым стеклом
Повеса-ветер,
развлекаясь,
не качает.
Он даже в мыслях
высоко так
не витает —
Он весь земной,
и мысли тоже
о земном.

Колючий снег, шутя,
швырнёт за воротник,
Подставит ножку
или сдвинет набок
шапку,
А то сгребёт,
смеясь, красавицу
в охапку,
И поцелуй потом предательски
горит.

То пробежится
в тишине ночных аллей,
Прознает тайны,
чьи-то планы
и секреты,
Дружкам своим,
по моде уличной
одетым,
Растреплет знойным днём
под сенью тополей.

И разнесётся ветром
по свету
молва,
Людским фантазиям
большой простор
давая,
В себя пикантные
подробности
вбирая,
От искушённых
и не жадных
на слова.

Бродяга-ветер,
ты, пожалуйста,
уймись,
Великовозрастный
резвящийся
повеса.
Все наговоры злые
не имеют
веса.
Я зубы стисну
и скажу себе:
«Держись!»

Бесконечность

Смерть не страшна,
когда придёт
От мук тяжёлых
избавленьем,
Когда отчалит
жизни плот,
Развеяв страхи
и сомненья,
Вниз по теченью
понесёт
В последний скорбный
путь астральный,
Где обнулится
жизни счёт
И зазвучит напев
хоральный.

Смерть не страшна,
когда придёт
Земным делам всем
завершеньем,
Не торопя
души исход,
Дав надышаться
на мгновенье
Мгновеньем
Вечности земной
Пред той, что где-то
ожидает,
Что в Бесконечности
иной
И, как земная,
не растает.

Дождливое лето

Туман и дождик снова над рекой…
Десятый день пошёл—просвет не видно.
Тоскливо, и печально, и обидно:
Испорчен безнадёжно отпуск мой.

Палатка вся трепещет на ветру,
Украдкой ночью, словно дама, плачет
О том, что вышло так, а не иначе,
Не зная, как унять свою хандру.

А мне хотелось солнца и тепла,
Весёлых брызг, всей радугой искрящих,
Эмоций неподдельных, настоящих,
Чтоб радостная речь ручьём текла.

…Свинец небес шлёт дождик проливной,
Как будто слёзы изгнанных из рая,
В речном свинце бесследно исчезая,
Они мечты уносят за собой.

Мои мечты уносят за собой…

Осень

Смыло дождём вчера выпавший снег—
Осень с зимой начинает сраженье.
Я, как разумный—ведь я человек,—
Знаю, кому предстоит пораженье.

Жалко мне осень—бедняжка она,
Что-то тоскливо всё плачет и плачет.
В долгих раздумьях пытаюсь понять:
Что её слёзы горючие значат?

Может, какая утрата в судьбе
Сделала жизнь беспросветной и серой?
Или в стараньях пустых, в маете
В свет и добро вдруг утратила веру?

Может, предчувствие гложет её
И ожидание близкой кончины,
Страх перед тем, что грядёт забытьё?
Может быть, всё-таки в этом причина?

Спрячу волненье,
ей слёзы утру.
Тщетно.
Утешить бедняжку желая,
С верой осознанной
ей прошепчу:
«Ты возродишься…
сейчас
умирая».

Предзимье

Природа,
в страхе от зимы,
Затихла,
стужу ожидая.
Кружит потерянно—
как мы—
В полёте сбившаяся
стая.

Неведом путь,
и он далёк—
К теплу
на самом крае света,
Где задержалось
и живёт,
Забыв про нас
беспечно, лето.

Ему—
где розовая даль—
Комфортно,
солнечно и славно.
У нас—
лишь помнит календарь,
Что лето было
так недавно.

Ненастье,
сумрачная хмарь—
Картина
о прошедшем лете.
Закрыв тепло,
легла вуаль
Налётом серым
на сюжете.

Художник
краски так смешал.
И что теперь
пенять на это?
Надеждой теплится
душа
В полоске
солнечного света.

Тамара Тинникова

Мы горели, согревали, верили

● ● ●

Рассыпаюсь, как хрупкое время в песочных часах,
Разлетаюсь бессмысленным звуком в затёртых словах,
Распадаюсь на части, но снова из пепла встаю,—
Собираю в единое целое сущность свою.
По осколкам, по нотам, по каплям, по бликам огня,
Как картину из пазлов и рун, собираю себя.
        Обрести,
        Пронести,
        Донести.
Проживать каждый вздох как последний отпущенный миг,
Пить взахлёб эту жизнь, этот зубы сводящий родник,
Каждой жилкой вбирать свет луны, озаряющей ночь,
Быть свободнее ветра, несущего прошлое прочь,
Ярче солнца гореть, океаном безбрежным бурлить—
Каждой клеточкой чувствовать жизнь, каждой клеточкой жить
        В радости,
        В горести,
        В пропасти.
Пусть извилист и труден, но радостен будет мой путь,
Ты меня не покинь и в последнюю ночь не забудь,
Когда бренное тело устало попросит земли,
Ты с небес через край руку твёрдую мне протяни.
Надышавшись заветного неба до боли в груди,
Я в любви растворюсь, только ты мою жизнь не суди.
        Ты прости,
        Отпусти
        К вечности.

● ● ●

Мне отмерен растрёпанной жизни земной век
Среди сотни безмолвных домов и до боли чужих лиц,
Я карабкаюсь к солнцу по влажной траве вверх,
Только камнем Сизифа отчаянно падаю вниз.

Ни к чему мне Твой, Боже, седой и слепой рай,
Помнят рваные крылья свистящую грозную плеть,
Но испить непомерную чашу до дна дай,
До последней слезы сохраняя желание петь.

Мне оставь полнолунье надежд на судьбу выть,
Разверни надо мной непроглядную звёздную грусть.
Даже с камнем на шее я буду мечтой жить,
Что когда-нибудь в небо, как гордая птица, ворвусь.

* * *

Среди бетонных рёбер и стальных останков,
Среди мышиной суеты и торжества
Живу волшебницей, мечтательной и странной,
Творящей мир чудес и волшебства.

Особый мир, восторженный и настоящий,
Пропитанный любовью, светом и теплом,
Аквамариновыми звёздами манящий,
Зовущий ввысь сапфировым крылом;

Бескрайний мир мечты, в котором всё возможно,
Где в небе перистые ангелы летят,
Где робко фонари, согнувшись придорожно,
Глазами жёлтыми в ночную даль глядят;

Где малахитово-зелёные рассветы
Раскрашивают крыши городов,
И вечер сладостный, моим теплом согретый,
Кофейной гущей льётся из дворов;

Где даже осенью, в промозглый дождь и стужу,
Когда, нахмурившись, с небес молчит Творец,
Осколки солнц рассыпаны по лужам
Горящим золотом берёзовых сердец.

Прекрасный мир, святой, животворящий,
Он в каждом сердце есть и каждому открыт,
Но я лечу одна над городом шумящим,
А подо мной поток людских голов бежит.

* * *

Я петь хочу, я чувствовать хочу,
Звенеть раскатами над спящими горами
И ощущать, как в небесах лечу,
А песня звонко льётся над мирами.

Пусть голос мой поёт дождём в листве,
Журчит в ручьях и трелью на рассвете
И каждому, кто сердцем видит свет,
Даёт надежду, веру и ответы.

Пусть песнь моя звучит в кромешной тьме,
Там, где потеряны пути и нет спасенья,
Как звёзды, что сияют в вышине,
Дарует свет моё словогоренье.

И в высших сферах агнцев и творцов
Пускай звучит чуть слышно, разливая
Мелодию небесных бубенцов,
Собою мир прекрасный украшая.

Пусть каждый звук, что льётся из груди,
Несёт любовь и истину прозренья,
Как слово-молния, что в небесах летит,
Как голос-гром, что вторит озаренью.

* * *

Не пытайся меня понять,
Осознать, перечерпать мерой.
Ты почувствуй меня как стать,
Как безмерную суть, как веру.

Не пытайся измерить даль,
Высоту разложить по полкам.
Ты почувствуй меня как сталь,
Пронзающую плоть иголкой.

Не пытайся меня равнять
С теми, кто по земле влачится.
Полнолунием глаз рыдать
Может только душа волчицы.

Положи мне на грудь ладонь,
Чувствуй каждым кончиком пальца,
Как в душе моей дикий огонь
Выжигает мелодию вальса.

Полной грудью меня вдохни,
Пей души неземную звучность.
Видишь, там, в облаках, летит
Моя инфернальная сущность—

Растворённостью неба стать,
Распахнуться в пространство дверцей.
Не пытайся меня понять,
Чувствуй каждой клеточкой сердца.

* * *

Если я вдруг собьюсь с пути
И не сможет никто спасти,
Дай мне, Бог, из последних сил
В темноте продолжать идти.

Если время потерь придёт,
Если слабость вдруг верх возьмёт,
Дай опору и крепость жил
Встать с колен и пойти вперёд.

Если крылья сломает плеть,
Если я перестану петь,
Дай мне пламенной веры свет
До последней звезды гореть.

А когда разрастётся мгла,
Когда рухнут столпы добра,
Стойкость духа мне дай, чтоб мир
На плечах удержать могла.

И любовь, что горит внутри,
Продолжала б, светясь, расти,
Чтоб во имя грядущих дней
Крест свой верно могла нести.

● ● ●

Словно рухнули цепи, звеня кандалами,
Отпустив на свободу мой страждущий дух,
Стен высоких последний обрушился камень,
Разжигая огонь, что когда-то потух.

Разорвав все путы безнадёжных страданий,
Полной грудью вдохну высоту перемен,
Я свободной от боли и воспоминаний
В полный рост поднимаюсь с дрожащих колен.

Безоковной душой, терпко пахнущей пылью,
Беспокойно ворвусь в гладь небесной волны,
Тонко чувствуя ветер в размашистых крыльях,
Грозной мощью поднявшихся из-за спины.

Разрезая стрелой голубые просторы,
Окунусь в предрассветную ясную ширь,
Ощущая, как дышит под крыльями город,
Как ликует безбрежная лёгкость души.

А когда надышусь синевой до предела
И покину бескрайнюю чистую высь,
Я пойму, что я больше, чем бренное тело,
Есть во мне что-то больше, чем вечность и жизнь.

● ● ●

На кончиках пальцев кончается жизнь,
Душа за пределами кожи не бьётся,
Не рвётся, не льётся в бескрайнюю высь,
В кромешную синь не несётся.

Клокочет в телесном сосуде душа,
Как джинн, заточённый в неволе,
Живое, живое не может дышать—
Приковано к телу до боли.

Я трогаю камня шершавую грудь,
И кожа, и пальцы мешают
Нутром ощутить, как душевная суть
В тот камень корнями врастает.

Пролиться сквозь плоть невесомостью чувств,
Разлиться по небу дыханьем.
Пусть клетки грудной слышен яростный хруст,
Не выйти из клетки за грани.

На кончиках пальцев кончается жизнь,
Душа взведена до предела.
Мешают взлететь в безграничную высь
Границы конечного тела.

● ● ●

Благодарю тебя за эту жизнь,
За лучшую возможность быть счастливой,
За взлёты, турбулентность, виражи
И сочный вкус свободы легкокрылой.

Благодарю тебя за каждый миг,
За то, что чувствовать могу неимоверно,
За сердца неисчерпанный родник,
Что бьётся трепетно, подкожно, внутривенно,

За каждый вздох, за каждый блик души,
За радость и печаль, за веру и сомненья,
За то, что я могу любовь прожить,
Творя свой мир мечты и вдохновенья.

Благодарю тебя за путь земной,
Что вьётся к свету солнца из ненастья,
За то, что мне даровано судьбой
Познать отчаянье, прозрение и счастье.

● ● ●

Мы с тобой две крайности, два племени,
Два великих сына двух миров,
Ты—в драконьей коже и вне времени,
Я—крылатый вестник облаков.

Мы с тобой два космоса, две вечности,
Две звезды галактики одной,
Я—смятенный вихрь зыбкой млечности,
Ты—горящий светоч и покой.

Мы вдвоём и боль, и хлеб делили поровну,
На двоих один удел, одна война,
Мы едины, как одной монеты стороны,
У которых суть всегда одна.

Мы горели, согревали, верили,
Предавали, проливая кровь,
Но всегда единой мерой мерили,
И была для всех она—любовь.

Мы взлетали, падали под бременем,
Поднимались, рвались из оков,
Я—в драконьей коже и вне времени,
Ты—крылатый вестник облаков.

Алексей Музалёв

Судьбы моей земная колыбель

* * *

От ног шарахаться листве—пора…
Прохожие являются некстати:
Входящих-уходящих номера
Подошв—на листьях штампы да печати
Повсюду. На промозглой черноте,
Под грифом моросящего надземья—
Готовиться к сезонной мерзлоте!—
Приметы и небесные знаменья.
Берётся ветерочком в оборот
Бальмонтовской брусники благовонье…
И лишь воображение цветёт.
Воображенью близко межсезонье.
Когда же изойдёшь воображать,
Листва тебя заполнит без остатка,
То прежде, чем приступишь зимовать,—
По Гоголю—в «Корзину» эту «Папку»…

* * *

Мы сходимся с лесом. Вхожу я в него.
И лес тоже входит в меня
травинкой, листочком… На вдохи его
мой выдох ползёт, как змея.
И с первого шага творенья венец
готов растворяться в Творце…
И вот я на тропке его, наконец,
не зная, что будет в конце.
И скрипом, и треском, и шорохом лес
крутиться велит голове.
И каждой оглядкой с корнями небес
встречаться невольно ноге,
и в пятки ушедшему вдруг замереть,
забиться… И выдохнуть: фух…
Так дебрями манит бесплотная смерть
в плоть вжившийся напрочь дух.
И в небе расплавленный меркнет свинец
знаменьем о скором конце.
И с тысячным шагом творенья венец
вконец растворился в Творце…
И с медью листвы, обречённой на слом,
плетусь, собираясь с собой,
чтоб сдать эту осень, как металлолом,
душе безнадёжно сквозной…

* * *

Взмычит трава—и прорастёт корова…
Молчат слова. И тишина готова
Сказать о том, о чём слова безмолвны,
Всплеснуть о тех, о ком не смогут волны,
Открыться в том, в чём невозможно Фету,
Сквознуть туда, куда не время ветру,
Шепнуть о том, о чём бессильны кущи.
Так жажда тишины
                    воды словесной пуще!

* * *

Я голос.
И не чей-то.
И не свой, я—
как капельки надрезанной алоэ,
разбившейся о белый подойник,
что облакам отсвечивает бель,—
короткий звук—для уха рядового,
протяжный звук—для слуха внеземного,
летящего сквозь вдумчивую ель…
И—звук струи, разбившейся о дойник,—
судьбы моей земная колыбель.

Бабье лето

Мы перечитываем осень каждый год.
И налицо—зачитанность сюжета.
Но раз от раза—разный эпизод
цепляет, отдаляя нас от лета.
Но раз за разом—каждый этот год
цепляют нити тонкие сюжета,
когда в былое лето эпизод
нас переносит—бабье, бабье лето…

* * *

Небо зубьями дождя
пилит лёд.
Вот ещё один прошёл
Новый год.
Вот ещё одна пришла
весна.
Вот и ночь—ещё одна—
без сна.

● ● ●

Ещё паутинок сентябрьских не сломлен хребет,
Ещё раздувает костёр, приостывший чуть, ветер.
Летящий под горку бестопливный, блёкнущий свет
Листва желтизной окрыляет на каждом рассвете.
Закаты слабы, но ещё, закатав рукава,
Цепляются той же листвой, несусветно багряной…
Ещё не совсем поопали — в безвестность — слова,
И крона души шелестит красотой несказанной.

● ● ●

Отцу

Пятое лето безрыбьем сквозит,
булькнуло пятое лето…
Будто сошла вон на нет, из орбит
вырвавшись, смылась планета.
Но позабыла и пуп свой, и ось
в осиротевшей квартире.
(Нынче вхожу в неё, будто бы гость
в непредсказуемом мире.)
Так же, как раньше, друзья-рыбаки
возле подъезда часами
байками чешут свои языки,
сети плетут словесами.
Так же, как раньше, балкон приоткрыт —
главный из снастехранилищ,
где, как и раньше, над дверью висит
битый десяток удилищ.
Так же, как раньше, Шишкеевский пруд
полон вовсю карасями…
Только тебя нет поблизости, тут,
возле и рядышком с нами…
Как там — и рак на безрыбье сазан? —
мы в безуловье пророним…
Только вот как же так, папка, пахан?..
Этот проклятый омоним,
словно клешнёю, вцепился, подлец,
в горло смертельною хваткой!..
Как же так, Господи Боже, отец?!
Как же так, папка?!
…Видимо, там, выше, чем мкс
(точно, никак не иначе!),
дальше и выше нам зримых небес,
ты, как и раньше, рыбачишь…
Так же — но нынче близ райских прудов —
занятый карповой снедью…
Хоть рассказал бы разок про улов —
я б похвалился соседям.

Константин Корнеев

Навстречу огню, сотворённому мной

• • •

Незнакомка к мосту подходит, перчатки мнёт.
Я придумал её, иной ей уже не быть…

Как, споткнувшись о стрелку, в прошлое повернёт
равнодушное время, судьбы усмиряя прыть,—
в безвоздушном пространстве кровь превратится в лёд,
чтоб рубиновой крошкой во тьме первородной плыть.

И, за долю секунды переступив черту,
устремляясь к далёким книжным своим мирам,
я пойму: человеку, познавшему пустоту,
всё едино в душе—христианство, буддизм, ислам.

Но молчит Незнакомка, идущая по мосту,
И не видит меня, не смотрит по сторонам.

Мотылёк

Оставив навечно за серой бетонной стеной
густой листопад, все его голоса и секреты,—
ты рухнешь навстречу огню, сотворённому мной
из горького воздуха, спички и сигареты.

И сразу сгоришь, возвращая свой облик тому,
кто в голые стены без принуждения заперт;
и лампа, качнувшись в горячем табачном дыму,
зальёт керосином бумажную мятую скатерть.

• • •

Тишина разбавлена кровью улиц…
Неприметную ткань на разрыв кроя́,
Это первые дети во сне проснулись,
Это жизнь уже отсекла края,

За которыми будет горяч и краток
Разговор, как яростный взмах ножа.
Распинай друг друга, как брат за брата,
Расходись, разнуздывай, размножай,

Но прими: безверие дарит постриг
Даже тем, кто новую кровь постиг.

…Постранично время бросает кости,
Разделяя на хрупкие «до» и «после»
Наши лица—обложки книг.

• • •

Не купить сапоги на мои гроши,
Но босой—вернее держусь в седле.
Я ищу тебя во всю прыть души,
Во весь голос неба. По всей Земле

От меня расходятся города,
На поверку—каждый из них суров.
Я ищу тебя—это лучший дар!
Проходя сквозь марево городов,

Оставляю в дымке и Третий Рим,
И другие. Как завещал Орфей,
Я хочу быть голосом твоих рифм,
Я хочу быть музыкой твоих флейт,

А потом—рассыпаться в горький прах,
На исходе света, на склоне лет.
Человек, который пред Богом прав,
Пред самим собою бывает слеп.

Город

Так луч, согревающий каменный стол,
Безжалостной тенью бывает распорот…
Среди заблудившихся облачных толп
Рождается город,

Начавшись со звуков—от звона монет
До уличных проповедей пророков.
И кажется, времени попросту нет,
И слышится рокот

Речей из двунадесяти языков.
Нетронут был мир, где ещё до начала
Вошедших в учебники новых веков
Озёра качали

Неспешные воды свои—и рассвет
Струился с вершин в молодые долины,
И распускался весной горицвет,
И таял за облаком крик журавлиный.

Но первое царство родилось на свет,
И хлынуло небо в его горловину.

● ● ●

Город скулит как старый ненужный пёс
Клетки дворов раздвигая невольной дрожью
Искрами небо брызжет из-под колёс
Всех электричек бегущих по бездорожью

Облачный атлас раскрыт на странице икс
Где обозначен выход из точки «поздно»
Но не даёт проснуться ведёт в тупик
Крик фонарей через ночь приколоченный к звёздам

S.T.A.L.K.E.R.

Эти улицы, где пролегает ветер,
Изувечены язвами рытвин и ям.
За судьбу их пустую никто не в ответе,
И никто не заплатит по их векселям.

А когда-то они разбегались по городу
Беззаботно! Теперь же, натужно скрипя,
Объезжая канавы, по лютому холоду
До последней черты довезёт и тебя

Грязно-жёлтый автобус. Успев оглянуться,
Ты увидишь лишь души—их тени метут
В никуда, как осколки разбитого блюдца…
Час минует, и год, и века утекут—

Ничего в списках вечности не изменится,
Потому что и солнце ушло за предел.
Мчится без остановок автобус-мельница
Человеческих душ, человеческих тел.

● ● ●

Утекаю минутами в рыхлый снег,
Запускаю под кожу холод,
Но пока ещё цел—я целуюсь с ней,
Незнакомкой из Уайлдфелл-Холла.

Вот ещё мгновенье—она уйдёт
В неизвестность походкой звонкой.
Я останусь, и будет мне мёдом лёд,
А волчица-зима—сестрёнкой.

А потом, нырнув с головой в метель,
Я засну, обездвижив душу.
Будет месяц—нездешний, и сны не те,
И дыхание глуше и глуше…

Как проснусь—неподъёмен чугунный снег,
Тишина до земли провисла.
Почему я не ветер, а человек?
В этом теле так мало смысла.

● ● ●

где чёрного снега ложится пунктир
два слова в короткую фразу не свяжешь
и прячется день в отголосках квартир
оставшихся после пожара и сажи

и сколько угрозы в глазах не таи
всемирный пожарный не знает откуда
приходит огонь показать свою удаль
и эти пенаты уже не твои

● ● ●

Придорожный знак—переход в иную
Плоскость неба, застывшую в стороне
От платформы: прилежно его рифмую
С бесконечностью. Поезд идёт вовне,
Сумасшедший поезд-комета.

И неведом путь—на изнанке слуха
Отложился с соседями разговор:
То ли смерть—юна, то ли жизнь—старуха,
Разговор беззлобный и рядовой,
Только наша песенка спета:

Исчезают смутные строки станций,
Пассажирам безмолвную ночь суля…

…Завернёт нас неназванное пространство
[К окончанию бала]
в четыре нуля.

● ● ●

Кармическая коптильня
Над пропастью раскололась—
Растут из немого фильма
Дыхание, зрение, голос,

И горькие расставанья,
И редкие наши встречи,
Дороги и расстоянья—
Как вечные чёт и нечет.

И это не просто прихоть—
Доверить судьбу рулетке:
Быть может, отыщешь выход
Из тёплой уютной клетки,

В которой тебе и прочим
Смотреть на экран обширный,
Где прошлое наше—прочерк,
А будущее—пунктирно.

Константин Лобов

Спасибо, Боже, что даёшь дышать

● ● ●

Утро в город заходит всегда от восточных ворот,
Вперемежку с туманом, ан нет—то тогда с облаками,
Всякий раз, натыкаясь на ночь, пробирается вброд,
Будто крот, осторожно, на ощупь, слепыми шажками,

Щурит глаз и пытается каждый неясный предмет
Рассмотреть досконально, обнюхать, погладить по коже
И сравнить первородство с безродностью прошлых примет,
Только память подводит: рассвет повторить невозможно.

Импрессионистично, по-детски привстав на носки,
Отвечая урок, из-за школьной классической парты,
Свет небрежно тушует неброские с виду куски,
Сквозь туман проступают эмблемы, щиты, алебарды…

…Впечатленье дурное, всё смазано, чья-то мазня.
Но проходит мгновенье. И вот на картине вельможно
Проявляется город, законченным видом дразня.
Закавыка одна: это всё повторить невозможно.

Петербург

Но в стужу «держусь я одним Петербургом—
Концертным… зловещим, нахохленным, зимним»,
Он весь на шарнирах и в шаге упругом,
Всю ночь молодеет. Во льду тёмно-синем
Невы отражая свой блеск парусинный,
Топорщится шпилями зданий, оплывших
Под светом коптящей Луны керосинной,
Лучами немыми бессмертье суливших.

Заложен в бессрочную заводь музеев,
И сам, как в музее, в себе затаился,
И хочет сбежать от шальных ротозеев,
Стыдясь, что за годы вконец обносился.
И мучится тайнами древних фасадов,
И помнит прекрасно, как вьюги ворчали,
Когда, защищая себя от распада,
Орлов всероссийских на царство венчали.

И мне не найти в продолженье проспектов
Ни грана любви, ни границы у линий,
Проложенных по преломлениям спектра,
Сквозь только что выпавший выцветший иней.
Но в стужу «держусь я одним Петербургом»…
Бессрочно в него моё сердце зашили.
А он наплывает на ночь демиургом,
Качая флагштоками царственных шпилей.

Цикады Осипа Мандельштама

Пью ночь, как воду из бокала пьют,
И мотыльком тайком мечусь по ночи звёздной.
Мне виден свет, мне выделен приют—
Лишь поле перейти по карте пятивёрстной.

Не тороплю мгновенья высоту,
Вцепившись в воздух и держась за стремя,
Как часовой, забытый на посту,
В молчанье скорбном провожаю время.

Пью ночь, обточенную об углы локтей.
Впиваюсь в речь цикадных пилигримов,
В цитатный рой ушедших в ночь гостей,
Летящих впереди и в темноте незримых.

Калёный оттиск, втиснутый в петит,
Под правою рукой белеет, как страница,
Пространство тех, кто следом полетит.
Мне лиц не различить, меня слепит зарница…

● ● ●

В последний раз почувствуешь себя
Приставленным к ветрилу бытия
На утлой лодке, сорванной с причала
И бурей отнесённой в океан,
В котором без предела и начала
Приговорён носиться по волнам.

В ночи, распахнутой над сумрачной долиной,
Волами тучными с блестящей чешуёй
Пасутся волны, перемешивая глины
Глубин глухих. Всю ночь передо мной

Идёт страда, и ветер запрягает
Стада мычащих волн. Впродоль и в ширину
Бредут валы, как плугом, налегая
Хребтом вола на встречную волну.

Гуртовщик-ветер неустанно хлещет
Охапкой розг по спинам валунов,
Но вместо крови горькой пеной блещут
Живые скалы грозных бурунов.

Их не унять. До собственной кончины
Взрыхлят и перемелют наготу
Распаханной в глухой ночи пучины,
Посеют свет. Здесь звёзды прорастут

И отразятся в бездне чернозёма,
Заколосятся вышней тишиной.
Мне не пройти страду—в щепу изломан
Мой бедный ялик валовой волной.

Мой ангел

I.

Мой ангел, наступила осень,
И значит, нам идти в пургу
Листвы, взлетевшей с жёлтых просек,
И подчиниться языку
Листвы, в порывистом наклоне
Жёлто-зелёных сиплых сов
Вершащей, словно на иконе,
Вязь византийских вязких слов.

Нам не понять и половины,
Но узнаваемы вполне
Неповторимые картины
И письмена на полотне
От осени первоначальной,
Первоначальной немоты,
Под ветра возглас величальный,
В окружье азбучной фиты.

II.

Мой ангел, скоро ль нас поманит
К себе бездомная весна?
Нас осень много раз обманет,
К лицу ей неба рыжина.

И мы сдаёмся в плен тоскливый,
Вдыхая полной грудью медь
Листвы, тускнеющей в отливах
Заката, чтобы онеметь

От вечереющей лазури,
От нераспознанных теней
Всесокрушающей цезуры
Всё сокращающихся дней.

III.

Ты скажешь, дым костра глотая:
— Как холодно. Как даль черна.
Кружит, кружит ночная стая
Не птиц—то наши имена

В дрожащем мареве кострища
Из пепла листьев золотых
Ещё видны. Но ветер рыщет
Напрасно в небесах пустых;

Ведь, как во сне, мы невесомы,
По-птичьи, вслушиваясь в тьму,
Летим, летим, подобно совам,
Чтобы заполнить пустоту.

Елена Кириллова

Артистка

Сколько Владик себя помнил, его бабушка была артистка. Так её называла мама, она всегда говорила: «Наша бабушка-артистка». Иногда мама говорила просто: «Наша артистка». Но обычно она так говорила только в присутствии его или другой бабушки, которая была просто баба Валя. А у бабушки-артистки и имени словно не было. Папа называл её мамой, но говорил ей «ты», а мама Владика обращалась к ней «вы, мама». Маленького Владика всё это разногласие сначала смущало, но потом он привык и воспринимал его как должное.

Лишь с возрастом Владик понял, что артисткой бабушку называли потому, что она выступала перед публикой. Причём особой гордости по этому поводу никто в семье не испытывал, как раз наоборот; особенно мама относилась к этим выступлениям насмешливо.

Бабушка выступала с чтением стихов. Стихи она учила наизусть и знала их такое количество, что могла часами декламировать, ни разу не сбиваясь, не подглядывая в шпаргалку. Она читала стихи, словно рассказывала истории, словно сама была их автором. «Я читаю стихи о жизни»,—говорила бабушка о своих выступлениях.

К ним она тщательно готовилась: разыскивала где-то стихи, записывала их в свои тетрадки, потом долго разучивала и репетировала перед зеркалом,—маленький Владик сам видел, как она готовилась, читала дома свои стихи, останавливалась на полуслове, повторяла снова с другой интонацией, с другим выражением лица. Владику иногда на выходных позволяли пожить у бабушки-артистки, и ему нравилось наблюдать за ней, он даже восхищался, как она легко могла поменять интонацию, ударение, словно прощупывая, как лучше, пробовала на вкус и так, и этак. Но читала она очень просто, без театральных эффектов, без заученных жестов и гримас, не повышая голос, не делая многозначительных пауз.

Бабушка читала свои стихи везде, где могла, и Владик безумно радовался, если мог пойти с ней. Они посещали все праздники улицы или двора летом. Владик наблюдал, как внимательно слушали зрители его бабушку, как аплодировали ей, улыбались, подходили к ней и благодарили. Бабушка участвовала в концертах самодеятельности в клубе, участвовала в конкурсах чтецов. Она даже ездила на выступления в другие города в пределах их области. На заводе, где работала бабушка, все её хорошо знали с её выступлениями, ни одно мероприятие без неё не обходилось. Иногда даже, если какое-нибудь собрание было уж очень скучным, то её просили: «Кузминична, давай почитай что-нибудь».

Только мама с пренебрежением относилась к выступлениям бабушки, иногда даже смеялась над этой причудой. Про её выступления мама отзывалась: «Опять читает что-то из своего „мечтать, страдать, любить, ведь это всё и значит—жить“». Эта строчка врезалась ей в память из выступлений, или мама сама её скомпоновала и считала теперь девизом всего репертуара свекрови.

Но это было ещё не всё. Гораздо хуже в глазах мамы было то, как бабушка одевалась на свои выступления. А бабушка так же основательно готовила свои наряды. Она шила на заказ яркие старомодные платья с рюшами и воротниками, к ним находила где-то шляпки, украшенные цветами. Мама закатывала глаза от её нарядов. «Лучше бы с ребёнком стихи поучила...»—говорила мама.

Несколько раз бабушка с Владиком, по просьбе мамы, пытались учить его стихи, заданные в школе. Но ничего путного из этого не получалось. Во-первых, Владику было скучно учить стихи, ему больше нравилось смотреть, как учит и рассказывает их бабушка, её стихи были гораздо интереснее, чем задаваемые ему. Бабушка уж читала ему несколько раз его стихи, пыталась его увлечь ими. Но всё было напрасно, поскольку, во-вторых, когда Владик был у бабушки, у него не было никакого настроения что-либо учить, так как время у бабушки было праздником, каникулами, и тратить его на учение было глупо и совершенно невозможно. Два раза они выучили с бабушкой кое-как его стихи, но результат их учения был довольно плачевный, и после того, как он принёс не самые лучшие оценки за домашнее задание, мама больше не просила бабушку выучить что-нибудь с внуком.

Выйдя на пенсию, бабушка не только расширила свой репертуар (готовиться к выступлениям она могла теперь всё своё время), но также стала разнообразить свои наряды. Самой удачной находкой бабушка сочла не только цветы на шляпке,

но и яркие гирлянды из цветов, надеваемые на шею. Бабушка пошла на курсы по изготовлению цветов из ткани и делала себе гирлянды для всех случаев и настроений. Когда мама увидела бабушку с её гирляндой, она только округлила глаза, сморщилась то ли в гримасе, то ли в улыбке, сказать уже ничего не могла.

На пенсии бабушка активно занялась продвижением своего творчества. Где она только не выступала теперь!.. Она ходила в школы на выпускные и читала напутствия выходившим во взрослую жизнь:

Сегодня ты покинешь школу,
Уйдёшь в большую жизнь.
Пусть будет светлою дорога,
С добром по ней идти стремись.

От её чтения растроганы были не только выпускники, но и учителя и родители.

Бабушка ездила за свой счёт в детские лагеря и выступала на линейках. Она напрашивалась в учреждения и фирмы на праздники, особенно любила она Восьмое марта и День защитника Отечества. Бабушка просто ходила по доступным учреждениям и предлагала выступить на празднике с поздравлением. Многие руководители, придя немного в себя от её напора и неожиданности, с радостью приглашали её выступить, особенно узнав, что это бесплатно.

Да, бабушка выступала совершенно бескорыстно, материального вознаграждения она не требовала. Наградой для неё были аплодисменты и радость в глазах слушателей. А радость зрителей от её чтения была несомненна: если встречали её иногда с недоверием и усмешкой, то провожали её всегда аплодисментами, даже не хотели отпускать, просили прочесть на бис. И бабушка читала. Она могла часами читать свои стихи.

У неё даже появились заказы: иногда её приглашали в офисы поздравить кого-то из сотрудников, кому хотели сделать сюрприз на день рождения или по другому радостному случаю. Ей даже платили за такие выступления. «Хоть это и расходится с моими правилами»,—говорила бабушка. Такие поздравления требовали особой подготовки, это не входило в обычный репертуар бабушки. Но она всегда справлялась блестяще: яркой птицей приходила в офис, читала своё поздравление, а подобрано оно было с точностью до невозможности, вручала подарок или цветы расчувствовавшемуся виновнику, а остальные стояли вокруг и снимали всё это для потомков. Бабушка иногда показывала фотографии с тронутыми до слёз клиентами.

Бабушка постоянно искала контакт с публикой. Она могла разговориться с кем-то в транспорте, в очереди—и уже, глядишь, читала ему стихи.

Как-то бабушка непонятными путями попала в военную часть и выступала со своими стихами перед новобранцами. Им читать бабушке очень понравилось. «Сначала они смотрели на меня с удивлением, когда я появилась перед ними во всём моём пёстром наряде,—рассказывала бабушка.—Но когда я стала им рассказывать мои стихи, они постепенно раскрывались душой, тянулись ко мне, как цветочки к солнцу, потому что я говорила им о том, что им было важно. Я уж подобрала для них особенное: про тихих девушек, которые ждут и надеются на счастье, про большую жизнь, которая требует борьбы и риска. Они у меня слушали, как зайчики».

Бабушка и на радио выступила. Нашла она какого-то корреспондента, сама предложила ему взять у неё интервью. «Я стихи читаю, вашим слушателям будет интересно»,—заявила ему бабушка. Он рассмеялся в ответ. Но бабушка уже рассказывала ему свою историю, что она ходит к людям и читает им. Стала читать ему стихи. И он должен был признать, что такое может быть интересно радиослушателям. Он приходил к ней домой, записал интервью, сообщил потом, когда выйдет в эфир. Дело было днём, поэтому родители не слышали, а бабушка слушала; правда, интервью получилось короткое, рассказывала она потом им, стихи её тоже порезали, что и не узнаешь. Бабушке не очень понравилось.

С возрастом Владик потерял всякий интерес к выступлениям бабушки, у него была своя важная и увлекательная жизнь, бабушке не было в ней места. Он не особенно волновался, когда бабушка заболела, у него был как раз выпускной класс и забот своих хватало.

Бабушка умерла, когда Влад сдавал свою первую сессию в университете; он на кладбище не мог поехать, так как у него был экзамен. Приехал уже на поминки. И они произвели на него тяжёлое, давящее впечатление: какие-то старухи в чёрном, бывшие коллеги бабушки рассказывали что-то тихо и печально. И папу было жалко. Влад поскорее ушёл к себе в комнату.

Квартира бабушки предназначалась для Влада, когда он вырастет и заведёт семью, а до того времени её решено было сдавать. Хорошую мебель и вещи они вывозили к себе, оставляли только необходимый минимум для жильцов. Владу пришлось с родителями ехать разбирать вещи.

Мама стала раскладывать бабушкины вещи по кучкам: что—на помойку, что—отдать родным и знакомым, что—отправить в дом престарелых. Папа с каменным лицом отстранился, они с Владом только выносили тюки по назначению—на помойку или в машину.

Пока папа был на кухне, мама быстро отправила в пакет для помойки бабушкины тетради со стихами. Мама мельком заглядывала в тетради, убеждалась, что́ это, и прятала их в пакет. Выносить их на помойку было поручено Владу.

Они очистили бабушкину квартиру и сдали её. Мама нашла жильцов, сначала всё шло хорошо, но со вторыми или третьими жильцами получился конфликт: они платить не хотели и не выезжали. Мама взяла папу и Влада, чтобы выгнать жильцов. Одна она общаться с ними боялась, так как они ей нахамили, а кроме того, вместе с молодой парой, которой сдали квартиру, там находился ещё какой-то мужик.

Влад ехал в плохом настроении, он учился на последнем курсе и как раз поссорился со своей девушкой, причём основательно, он даже уже не был уверен, что они помирятся. Он ведь давно думал, что они поженятся… А она обвинила его в эгоизме, что он совершенно не считается с её мнением, и вообще, они, видимо, уже надоели друг другу…

Влад не знал, что делать. Самому звонить — не позволяла гордость. А она не звонила. Влад ехал и мрачно размышлял об их отношениях.

К счастью, квартира оказалась пустая, жильцы съехали. Они втроём ходили по квартире и считали убытки от жильцов. Жильцы оставили кучи мусора и грязи (маме чуть плохо не стало, когда она увидела ванную), увезли стул и две табуретки из кухни. Табуретки не жалко, махнула рукой мама, они были старые, их выбросить надо было. Дверцы шкафчиков на кухне все были сбиты и держались на честном слове. Шкаф в комнате тоже был в шрамах, будто его пинали.

Родители совещались на тему: стоит ли ещё сдавать квартиру, или вынести всё на помойку и начать ремонт? Папа говорил, что рано ещё делать ремонт, зачем квартира пустовать будет?

Владу было скучно от этих разговоров, он сел на подоконник в кухне, проверил телефон, не пропустил ли звонок. Стал смотреть в окно, в пасмурность весеннего денька, во двор своего детства.

Когда он выходили из квартиры, мама заметила, что надо сменить замок, ключи ей жильцы не отдали.

— Думаешь, они вернутся?— спросил папа.

— Могут. От этих можно всего ожидать.

Папа сказал, что купит замок, потом вставят. А лучше дверь вообще сменить, она старая и ненадёжная.

Родители по дороге к машине обсуждали, надо ли менять дверь и сколько это будет стоить.

Во дворе они встретили старика, он сказался бывшим сослуживцем бабушки, подошёл к ним, поздоровался. Папа его помнил, он был на похоронах. Обменивались фразами о жизни, о здоровье. Папа сказал, что проверяли квартиру после жильцов.

Старичок перевёл речь на их бабушку:

— Мама ваша была замечательным человеком. Как она стихи читала — заслушаешься. Но не просто заслушаешься — она могла поддержать человека, вернуть ему веру. Я сам знаю: она меня как-то поздравляла с днём рождения, а тогда как раз началась вся эта неразбериха, нам зарплату не выплачивали, мы не знали, что нам делать, как жить дальше. И мама ваша прочитала мне какое-то такое небольшое стихотворение, я уже не помню в рифму, но смысл был в том, что ты ведь не можешь сдаться и сломаться, потому что ты мужчина, а они идут до конца, они не могут не бороться. И так хорошо это было сказано, так правдиво и просто. Подняла она меня тогда, ваша мама. Я подумал: а я не сдамся, у меня семья, мне есть для чего жить. Сам-то ты это тоже вроде знаешь, но вот когда тебе так вот скажут в лицо, то начинаешь осознавать… Да, ваша мама, она могла… Я об одном только жалею, что не попросил у неё тогда это стихотворение, чтобы она мне его записала. Я бы его перечитывал. И с внуками бы выучил наизусть.

Влад с интересом разглядывал старичка, как он размахивал кулаком, словно стучал им по столу.

— Жаль, что нет больше вашей мамы,— добавил в заключение старик.— Ваша мама умела найти слова, которые делали человека счастливым.

Они попрощались с ним, шли дальше к машине, молчали.

— Да,— усмехнулась мама, когда они поехали,— раньше я как-то не задумывалась, а теперь я бы тоже почитала стихи твоей мамы, что там было такого особенного, что так людей задевало.

— Да,— ответил отец непонятно к чему.

— А у нас даже записей её не сохранилось. Я бы сейчас почитала её стихи,— вздохнула мама.

Влад попросил:

— Пап, останови, я выйду. Пойду погуляю. Потом на автобусе приеду.

Отец притормозил, Влад вышел, махнул маме в окне рукой. Он решил сейчас же позвонить своей девушке.

Илья Морозов

Пугало

Одуванчики

— Дед или бабка?

— Чего?

Илюша поднимает липкие глаза на дедушку и тут же морщится от яркого солнца. Так жарко и душно, как в мешке, что дед с внуком сползли со скамейки на прохладную траву и долго сидели, молча прислонившись к белёному палисаднику. Трудиться сегодня было совершенно невозможно, да и погода, Бог дал, позволила переделать всю работу наперёд. Красная ниточка ртути в термометре, как тонкая гусеница на черёмухе, тянулась к сорока. И лежать бы сегодня до вечера под тенью кустов.

— Дед или бабка?—дед Христик упрямо протягивает мальчику одуванчик.

— Ну, пусть будет дед!

Илюша недоверчиво смотрит на пушистый, как кроличья лапка, белый цветок: мол, стоит ли эта игра внимания? Весь день палит, что лишний раз и шевелиться не хочется. Вдали на объездной гравийной дороге проехала первая машина за полчаса, подняв рыжий лисий хвост пыли. Прохожих так и вовсе не было с самого утра. Тоска. Только ласточки всё так же резво пикируют к земле.

— Дуй!—дед улыбается.

Илюша весь в сомнениях: не дурачат ли его?

— Ну же!

Илюша набирает полный рот воздуха и дует на одуванчик. Дед Христик внимательно рассматривает остатки пуха на несчастном цветке.

— Кажется, бабка…

— Это ещё почему?—Илюша приподнимается на колени и тоже разглядывает цветок.

Дедушка делает вид, что не слышит.

— Ну точно! Бабка! Определённо, бабка!—подводит итог с видом опытного ботаника.

— Да почему же?—Илюша возмущённо вскакивает на ноги.

Дед смотрит на него и смеётся. Гладит по светлой голове. Вытирает щёку—Илюша где-то запачкал.

— Смотри,—дед жестом предлагает Илюше сесть обратно.—Если бы ты сдул весь пух, то получилась бы лысина, как у деда. А ты тут оставил немного, прямо на макушке, как у бабки! Понимаешь?

Илюша немного думает, затем заливается звонким смехом на всю улицу.

— Так что ж ты, деда, сразу не сказал? Я бы тогда посильнее дунул! Я если б захотел, я бы со всей поляны бы сдул одуванчики!

— Как тот волк в сказке?

— Как волк! В сказке про поросят!

Дед хохочет.

— Погоди, погоди! А хочешь фокус? Другой.

— Хочу!—голубые глаза Илюши заблестели, и он садится напротив деда; сказки и волшебство—это его любимое занятие.

Дед срывает ещё один одуванчик.

— Глаза закрой, а рот открой!—командует дед Христик в рифму.

Илюша, не думая, зажмурился и широко-широко открыл рот, показав прорехи между молочными зубами. Дед, не мешкая, сунул ему одуванчик в рот, да поглубже, и закашлял добрым стариковским смехом.

— Плохой фокус! Глупый!—Илюша выплёвывает пух и сам же улыбается своей наивности.

Дед ещё долго смеётся, и они оба ложатся на траву. Недалеко домашняя утка, переваливаясь, пасёт своих жёлтых утят, она не отходит от корытца с водой. Кошка крадётся по забору, как по канату, высматривая воробьёв на рябине. Высоко, еле видно, кружит коршун. Дед расстёгивает верхние пуговицы своей рубахи. Кожа коричневая и жёсткая на шее, а под рубашкой белая, как молоко.

— Жарко, правда, деда?

— Правда, Илюша. Июнь нынче жаркий.

— А ещё больше половины лета впереди, да, деда?

Дед щурится на Илюшу и улыбается краем губ.

— У тебя, Илюша, ещё много лет впереди. И зим, и вёсен. Много всего, Илюша. Ты только не торопись.

— А у тебя, деда? Много лет впереди?

Глаза деда тут же намокают. В последнее время его глаза часто намокают и краснеют. Он отводит взгляд и теперь наблюдает за коршуном в небе.

— Много,—сказал он еле слышно.

— Деда, а мама с папой приедут за мной?—Илюша переворачивается на живот и ждёт ответа, хотя задавал этот вопрос сегодня уже сто раз.

Дед Христик пару мгновений молчит, а затем также переворачивается на живот. Только тяжелее, со стоном. Кости его долговязого тела ломит.

— А знаешь что, Илюша, я научу тебя. Слушай. Возьми-ка себе тот одуванчик. Да, тот, покрупнее,

срывай его! Вот! Знаешь ли ты, что одуванчик—это волшебный цветок? Да-да. Закрой глаза, загадай желание и никому не говори его, а если ты сможешь сдуть все пушинки с цветка, то тогда твоё желание исполнится. Попробуешь?

Илюша улыбается, быстро кивает, набирает побольше воздуха и… замирает.

— А ты не шутишь, деда?

— Нет, Илюша, в этот раз не шучу. Разве можно?..

— Тогда возьми и ты!—Илюша срывает ещё один круглый одуванчик и протягивает его деду.—А то ты такой шутник, что опять обманешь меня как-то, а я останусь в дураках. И тоже загадывай желание!

— Хорошо, договорились!—дед Христик взял цветок двумя большими пальцами и сел на траву. На коленях остались мокрые зелёные пятна.—Начали?

— Ты загадал?

— Загадал.

— Какое?

— Так не сбудется же…

Илюша до хруста сжал стебель в маленькой ладошке, снова набрал воздуха во все лёгкие, надул щёки, раскраснелся и долго и сильно дул на свой одуванчик, пока тот не остался совсем голым.

— Смотри, деда, моё исполнится!—Илюша машет перед глазами дедушки чистым стеблем.—Моё исполнится! Исполнится! А твоё, дед? Ты весь пух сдул?

Илюша с беспокойством наклоняется к деду.

— Весь, Илюша! Весь!—дед Христик стыдливо, будто украв колосок с колхозного поля, прячет в кулаке одуванчик.

Илюша вскочил на ноги и стал бегать по поляне, гоняя в траве кузнечиков и вызывая недовольство толстой кряквы. Все его желания исполнятся! И совсем скоро! Распугал задремавших воробьёв, и кошка раздосадованно облизнулась и ушла обратно.

Дед смотрит на свои ладони. Все в мозолях и трещинах. Заусеницы на пальцах. Сколько черенков от кос перетёрлось в этих ручищах, сколько гаек было сорвано на тракторах, а сколько паскуд было оттаскано за голубые грудки кителей. Что ж, жизнь прожить—не поле перейти. И лёгкие уже совсем ослабли. Вон, даже неженка-одуванчик вышел победителем.

— Илюша, пойди сюда на минутку! Скорее, всего на минутку.

Илюша подбегает, останавливается, тяжело дыша, и дед берёт его за тонкий локоток. Он может обхватить его двумя пальцами.

— Ты же понимаешь?—дед Христик поправляет внуку воротник рубашки.—Илюша, ты не просто загадал своё желание и подул на цветок. Ты также помог многим другим людям исполнить свои желания!

— Как так?—Илюша чешет непослушный волос на затылке.

— Пух! Эти маленькие парашютики!—дед дрожащими пальцами завязывает шнурок на ботинке мальчика: заячье ушко, заячье ушко, узелок.—Это же семена! Ты дунул, и они разлетелись по всей поляне, как бабочки, нашли себе новый дом. Совсем скоро из этих семян вырастут новые одуванчики, которые сорвут другие люди и загадают свои желания, которые тоже исполнятся. Понимаешь?—почему-то деду Христику было важно, чтобы Илюша его сейчас понял.

— Кто ж их тут сорвёт? Тут никто не ходит…

— А это не важно! Может, не сейчас, может, через сто лет, а может, и через тысячу. Люди приходят и уходят, а твои одуванчики тут будут всегда. Илюша, ты делай то, что можешь. Если можешь, сделай добро. Если не можешь добра, то хотя бы не делай дурного. А то, что будут делать другие,—это ладно, это не важно. Как бы ни было вокруг, ты должен быть лучше, хотя бы чуточку лучше, Илюша! Понимаешь?

— Да, деда, я всё понял. Дед, ты себя хорошо чувствуешь?

Илюша тревожно смотрит прямо в помутневшие то ли от слёз, то ли от чего-то ещё голубые глаза.

— Что?

— Ты не заболел, дед?

— А? Нет, всё хорошо, Илюша. Всё хорошо. Ты беги в хату, пожалуй, баба уже накрыла обед. Она блины стряпала. Со сметаной или с вареньем, как хочешь! Беги. И постой! Скажи бабе, чтобы вышла ко мне. Скажи ей, что я здесь,—добавил уже шёпотом, а может, просто подумал.—Я здесь… полежу. Я полежу ещё маленько на траве. Устал что-то…

Илюша вприпрыжку побежал домой, шнурок снова развязался. А дед Христик лёг на прохладную траву и широко раскинул руки, как Христос, но не в таких мучениях. Одна из рук была в пуху от одуванчика. Парашютики прилипли к влажной ладони.

А на западе, на горизонте, собирались тучи. Небо мазалось сливовым цветом. Это значит, будет дождь.

Пугало

Эту невероятную историю рассказал мне изрядно подвыпивший пожарный в одном из тех многочисленных пабов, в которых я часто бывал в молодости. Это случилось настолько давно, что того пожарного, наверное, уже и в живых-то нет. По моим примерным подсчётам, ему теперь должно быть порядком за сто лет. Надо же, столько всего уже позабылось, а эта история мне запомнилась, въелась в память.

В правдивости рассказа пьяного пожарного можно бесконечно сомневаться, можно вовсе этому не верить, но мне кажется, что эта история вполне могла случиться. Во всяком случае, я не вижу причин, почему этого не могло бы быть.

Я зашёл в тот паб немного после полудня, чтобы освежиться кружкой пива в жаркий день. Здесь предлагали весьма сносный ирландский эль, а с ирландцами меня связывала не только любовь к пиву и кулачным боям, но и страсть к литературе. Обычно в это время в пабах никого не бывает, поэтому мне и нравилась эта обеденная пора.

Но в этот раз за стойкой уже сидел некий мужчина в кафтане серого сукна и растянутых шароварах. Рядом с собой он положил помятый медный шлем с высоким гребнем. Шлем местами подёрнуло зеленью, как это иногда бывает со старой медью. Нетрудно было узнать в этом посетителе пожарного.

Я подсел тут же за стойку, через стул от него, и заказал себе пиво. Пока ждал свою кружку, закурил папиросу. В те давние времена в пабах разрешалось курить и повсюду стояли переполненные пепельницы и плевательницы. Треск разгоравшейся спички словно разбудил пожарного, и он медленно повернулся ко мне, хотя до этого не обращал на меня совершенно никакого внимания.

На вид ему было много больше пятидесяти лет, скорее даже — ближе к шестидесяти, но, несмотря на это, спину он держал ровно, да и весь торс его был крепким, жилистым, хотя и сухим. Рукава закатаны по локоть, а на предплечьях и кистях — старые кривые, вразнобой, наколки: пожарные шлем и топор, разгорающееся пламя и полуголая девица в непотребной позе. Длинные чёрные усы были лихо закручены, а виски и затылок недавно выбриты. Он смотрел на меня бледно-голубыми глазами и слегка улыбался.

Я молча затушил спичку, выпустил струю дыма под потолок и вопросительно посмотрел на него. Признаться, мне тогда показалось, что этот мужчина перебрал пива и теперь ищет драки.

— Осторожней, не сгорите, как то Пугало, — пожарный зачем-то показал кривым пальцем на мою грудь и засмеялся.

Оказывается, уголёк с папиросы упал мне на рубашку и едва не прожёг её. Я смахнул искорку.

— Пугало? — переспросил я, будучи уверенным, что меня хотят оскорбить.

— Да, как то самое Пугало! Вы не слышали про Пугало, которое сгорело?

Бармен наконец-то подал мне мою кружку пива с толстым слоем белой пены и вытер мясистые волосатые руки о фартук.

— Не слышал я ни про какое пугало, — я с удовольствием сделал пару больших глотков.

Пожарный разочарованно покачал головой, глядя в свой стакан, потом снова улыбнулся и уже полностью развернулся ко мне.

— Похоже, вы и вправду ничего о нём не слышали.

— Ничего.

— Так я вам расскажу.

Я безразлично пожал плечами, как бы показывая, что мне неинтересно, но из вежливости готов выслушать, если это не займёт много времени.

— Жило у нас на окраине города Пугало, — прокашлявшись, начал пожарный. — Обычное Пугало. С деревянной крестовиной в основании, плотно набитое старой соломой. Носило широкую красную рубаху в клетку, какую часто носят фермеры на Западе, носило грязный драный комбинезон и нелепую дурацкую шляпу. В общем, выглядело Пугало именно так, как и положено выглядеть пугалу.

Я снисходительно улыбнулся, но не стал возражать.

— Каждое утро Пугало ходило на работу. У местного крестьянина был огород, где он выращивал кукурузу, капусту, репу и всё прочее, что в большинстве случаев выращивают здешние крестьяне. Пугало целый день гоняло по огороду ворон и сорок, которые так и норовили сесть на грядку. После того Пугало помогало крестьянину перенести мешки с урожаем или вскопать землю. За это оно получало свои скромные, но честные несколько монет и вечером, уставшее, возвращалось домой.

У Пугала и жена была. В белой блузке и красной юбке в горошек. Тоже пугало, набитое толстой золотистой соломой. И так Пугало любило свою жену, уж очень крепко, постоянно после работы зайдёт на рынок и купит ей то пряников, то голубики, то халвы, то ещё каких сладостей. На что ума хватит. Выкраивало постоянно из своих грошей, как какой-то прыщавый гимназист.

А дома прижмётся к ней и шепчет ей на ухо трепетно и нежно: «Мя, мя, мя…»

— «Мя, мя, мя»? — переспросил я.

— Да. «Мя, мя, мя», — удивился пожарный. — Так все пугала разговаривают. Неужели вы и этого не слышали? Мявкают, почти как котята. Не то чтобы жалостливо или протяжно. Как бы правильней сказать? Как глупые котята. Словно мамку ищут. Скорее, «мяв, мяв, мяв», а впрочем, что-то среднее между «мя» и «мяв». Да. Так о чём это я? Одним словом, дюже любило Пугало свою жену. Детей только вот у них не было.

— И в самом деле, как же они детей заведут, если оба пугала? — ухмыльнулся я.

Пожарный оскорблённо фыркнул.

— Вы послушайте, послушайте, молодой человек. До конца послушайте. Быть может, так окажется, что это Пугало ещё больше человек, чем я или вы, — пожарный одним глотком допил своё пиво и вытер усы. — Впрочем, жена-то от него вскоре ушла.

Причин, разумеется, никто не знает. Да ведь бывает и так, что и нет весомых причин для развода, а развод всё равно случается. А иногда наоборот: причин — что блох у дворняги, а ничего, живут вместе, не расходятся. Сложно во всём

этом разобраться. Поговаривают, что ушла жена к другому пугалу, у которого и рубашка поцелее, и дырок на шляпе меньше. Да мало ли чего говорят? На молву ведь нет суда.

Так или иначе, осталось Пугало одно в своей скромной лачуге. Печалилось оно страх как. Бывало, вернётся под вечер с огорода и сидит на табуретке молча всю ночь. Хорошо ещё, если по дороге хвороста соберёт и печку растопит, а то, бывало, и в холодной комнате всю ночь пробудет. Тут уже не до пряников, не до халвы: перекусит Пугало печёной луковицей — и сыт весь день.

Крестьянин тот, у которого Пугало работало, больно уж ушлым оказался. Под это дело часть заработка стал работнику водкой отдавать. Понял же, мерзавец, что Пугалу всё без разницы стало. В итоге Пугало и выпивать стало. Нальёт себе стакан перед сном, тогда и забывается, спит крепче. Утром поправится половинкой стакана — и снова на работу.

Пожарный попытался выжать что-нибудь ещё из своего стакана, но тот был безнадёжно пуст. Пожарный облизнул губы. Я своё пиво тоже почти допил и заказал ещё. Потом нехотя жестом показал бармену, чтобы тот и собеседнику налил за мой счёт. В конце концов, надо же было дослушать историю.

Мы выпили свежего пива, пожарный довольно крякнул и продолжил, не смахнув белой пены с усов:

— Так и шло Пугало в очередное утро на работу, с похмелья, повесив тяжёлую голову. Засветло, темно ещё было, потому как к пяти утра Пугалу уже надо быть на огороде, раньше, чем птицы просыпаются. А то какое же это дело, если птицы раньше него явятся и поклюют всё, что можно?

Может быть, Пугало здорово задумалось или даже задремало, а скорее всего, что повозка ехала с огромной скоростью. Конечно, повозка... Ведь если бы Пугало заранее увидело её, то обязательно бы уступило дорогу, таков уж был его характер. Но авария всё-таки произошла. Наехала повозка из-за угла на Пугало так, что отлетело оно на три широких шага в лужу. Даже солома повылазила из всех щелей.

Но это ещё полбеды. Пугало бы встало, отряхнулось и дальше пошло. А настоящая беда была в том, что в повозке ехал какой-то коллежский асессор. Возвращалось его высокоблагородие под утро пьяное с очередной ассамблеи, а может, от любовницы. Тут же он выскочил из повозки так, что касторовую шляпу уронил на землю, в грязь, и, не оправив костюма, кинулся к Пугалу. Схватил его за грудки, не давая подняться, и начал трясти, дыша в лицо перегаром.

«Ты что, чучело огородное, — кричит ему, — не видишь, дурак набитый, куда прёшь? Так я тебя сейчас проучу, будешь у меня в оба по сторонам смотреть!»

А Пугало только голову в плечи глубже втягивает.

«Мя, мя, мя», — испуганно бормочет, глаза прячет от страха.

Коллежский асессор схватил Пугало за шкирку и потащил к повозке.

«Смотри, — кричит, — что ты наделало!»

И показывает ему на треснувшее колесо повозки. Колесо и правда было треснувшее и покосившееся, но ведь кто ж знает, когда оно треснуло? Может быть, оно от крутого виража сломалось.

«Кто мне теперь ремонт оплатит, а? — брызгал слюной асессор. — У тебя ж, у беспорточного, только вошь в кармане! Что я с тебя возьму?»

«Мя, мя, мя», — тихо лепетало Пугало, не понимая, чего от него хотят.

То есть оно, конечно, знало, что натворило что-то ужасное, но как теперь быть, совсем не понимало.

«А вот знаешь, что я сделаю теперь? А я тебя засужу! Чтоб таким, как ты, лохмотникам неповадно было чужие повозки портить!»

А после того коллежский асессор ещё и наградил Пугало смачным пинком под зад.

Пожарный по-матерному ругнулся и от негодования даже стукнул кулаком по стойке так, что его пожарный шлем подпрыгнул.

— А дальше-то, дальше что было? — нетерпеливо спросил я, потому что пожарный надолго углубился в свои мысли.

— Что дальше? Судили Пугало, как полагается.

Тот самый асессор во всех красках описал случившееся, разумеется, перевернув всё в выгодную для себя сторону. Ещё и руку перебинтовал — якобы повредил её при столкновении. Чтоб его черти гоняли! Крестьянин от Пугала открестился, сказал, что тот никогда у него не работал и поручиться за него он никак не может. Наверное, испугался, не хотел себе коллежского асессора во враги заиметь, а может, ему и денег дали, чтобы он так сказал. Да что крестьянин? Даже бывшая жена Пугала на суд не соизволила явиться. Когда судья спросил Пугало, что оно может сказать в своё оправдание, Пугало только что-то невнятно промявкало.

«Говорите по существу», — строго предупредил судья.

«Мя, мя, мя», — повторило Пугало, но ещё тише.

Короткий был суд. В счёт поломанной повозки у Пугала отняли его хибару, да и та, наверное, не окупила всего ущерба. Само же Пугало бросили в тюрьму, потому как доктор сказал, да и судья сам это видел, что Пугало совершенно не может жить с людьми, а, пожалуй, даже и представляет угрозу для них. На том и порешили: пусть Пугало сидит в тюрьме. Я точно не знаю, сколько лет Пугало провело в тюремной камере, — сказал пожарный, отпил дарового пива и хитро улыбнулся. — Но оно всех перехитрило.

В очередной свой день заключения Пугало молча лежало на сыром полу одиночной камеры. Из зарешеченного окна было видно только кусочек голубого неба. В дождливую погоду в это окно затекала вода. Тут лязгнул засов на тяжелой двери, и в камеру заглянул розовощёкий тюремный надзиратель.

«У тебя тут всё в порядке?»—лениво спросил он.

Это был обычный ежедневный обход. Пугало вскочило на ноги и вытянулось стрункой, как на параде.

«Мя, мя, мя»,—простосердечно ответило Пугало.

«Хорошо»,—надзиратель уже собирался запереть дверь.

«Мя, мя, мя»,—громко закричало Пугало.

«Чего тебе?»

Пугало рукой постучало себя по губам.

«Есть хочешь?»

Пугало отрицательно покачало головой.

«Пить? Опять нет?»

«Мя, мя, мя»,—терпеливо объясняло Пугало.

«А чего? Курить?—надзиратель удивился.—Ты же никогда не курило!»

Пугало виновато пожало плечами и глупо улыбнулось. У тюремного надзирателя никогда не было проблем с Пугалом, оно всегда соблюдало тишину после отбоя и держало порядок в камере, поэтому он не отказал ему в маленькой просьбе. Достал папиросу из портсигара и дал Пугалу.

«Мя, мя, мя!»

«Ну чего ещё? А, прикурить?»

Тюремный надзиратель зажёг спичку, подождал, пока Пугало прикурит, и вышел из камеры дальше проводить обход.

Пожарный посмотрел на меня, и глаза его блестели.

—Тюремщики говорят, что просто это Пугало было такое глупое и неуклюжее, что уронило окурок себе за шиворот,—пожарный ощерился.—Но я лично так не считаю. Я вот как думаю. Наверное, Пугалу так опостылела его жизнь… У него ведь ничего не осталось, верно? Начиная с жены. Потом у него и дом отобрали. Какой-никакой, а это был его дом. Убогий, косой, но угол. Работу. Пугало любило свою работу, у него хорошо получалось разгонять ворон. Я даже скажу, что ни у кого в городе не получалось это лучше, чем у него. Да чего там, я готов держать пари, что за всё время ни одна ворона не посмела подлететь к той кукурузе, которую сторожило Пугало. Но самое главное—его лишили права на справедливость. Там, в суде. Ведь даже самый маленький человек должен иметь такое право. Ну хоть на какую-то справедливость. Когда котёнка в порыве гнева незаслуженно пнут, чтобы не путался под ногами, так даже и он обижается.

И главное, как у него это всё отняли! Вмиг, в одно мгновение. Не оставив ни единого шанса побороться за своё, будто уличный вор вырвал монетницу из рук старика и сбежал. Ничего из этого Пугало уже вернуть себе не могло. Но у него ещё оставалась сама его жизнь. Думается мне,—пожарный медленно и тщательно подбирал слова; он говорил уже скорее не мне, а себе,—думается, что Пугало не захотело отдать им последнее—свою жизнь. А захотело оно само распорядиться ею. Распорядиться самому. Хоть чем-то. Хоть какое-то последнее право. Это был… если угодно, это был протест.

Раскурив папиросу, Пугало расстегнуло пуговичку у себя на груди и сунуло, впихнуло, вдавило туда окурок, в самую солому. Наверное, даже прижало подбородок к груди, вытянуло губы трубочкой и дунуло на огонёк. Соломенное Пугало сгорает меньше чем за минуту,—со знанием дела отметил пожарный.—Если в тюремной камере было совсем сыро, то, возможно, за две минуты. В любом случае, когда мы подъехали на пароконном ходу с бочкой воды, пока доковыляли… В то время пожарные команды набирались ведь из инвалидов, из солдат, не способных к строевой службе, как я, например. В общем, нам оставалось только смести на лопату пепел от Пугала. Маленькая горстка пепла—вот и всё, что осталось от Пугала, от всей его жизни, от всей его любви и работы.

Мы ещё немного молча посидели, допили выдохшееся пиво. Я стал прощаться. Пожарный взял было в руки свой шлем, будто собирался надеть его, но тут же положил его на место и еле заметно кивнул мне. Уходя, мне захотелось тронуть его за плечо, но я не стал этого делать. Пожарный подкрутил усы и остался сидеть за той барной стойкой.

С тех пор, когда я вспоминаю эту невероятную историю, рассказанную мне подвыпившим пожарным, некоторые мысли не дают мне покоя. Я часто думаю: а много ли у меня есть того, что у меня в одночасье не смогут отнять? И сильно ли я отличаюсь в этом плане от того Пугала? Но самое главное: хватит ли мне смелости в нужный момент вдавить в себя окурок?

Анна Шулятицкая

Безлюдье

Китовые письма

Высоко за облака поднимался, взмахивая плавниками, точно крыльями, полосатый кит с кожаной сумкой, переброшенной через стройное тело. На его спине удобно устроились небесный почтальон Егор Денисович со своим четырнадцатилетним сыном Алёшей. Они летели над лугом, усыпанным цветами, и слышали, как замолкали птицы, а вдалеке назревала гроза, и беспокоились, что не успеют уладить свои дела к обеду.

Обоим сделалось зябко, когда полился мелкий дождь. Кит сильно перепугался воды, заревел и стал хлестать хвостом в прохладном воздухе.

Они приземлились в близлежащей деревне, и тогда Алёша раскрыл цветастый полотняный зонт. Спрятавшись под ним, они шагали вдвоём мимо кудрявых лип, засаженных по обеим сторонам тропинки, и думали о ясной спокойной вышине. Особенно и долго размышлял Егор Денисович, который всегда занимался своей работой с воодушевлением. Алёша же с досадой глядел на отца и раздражался оттого, что был пока маленький и не мог самостоятельно разносить письма. Он предавался мечтам и видел себя в них одетым в коричневый дорожный костюм, верхом на ките с гибкими усами, переполняясь светом всепоглощающего счастья. Алёша с детства любил смотреть на улыбки и слёзы радости получателей.

— Нам бы где-нибудь укрыться,— сказал Егор Денисович.— Дождь очень сильный. Смотри, там горит свет! Спросим, могут ли нас приютить ненадолго.

— Спросим.

Егор Денисович взошёл по ступеням синего дома к бледной двери и постучал. Послышался топот торопливых шагов. Кит тотчас же разместился под тенью навеса. Ни в коем случае его нельзя было видеть незнакомой живой душе, как и знать о тех, кто является необычным почтальоном.

Дверь открыла молодая черноволосая девушка с доверчивым и грустным выражением лица. Она впустила продрогших без лишних разговоров и провела их на кухню, чтобы разлить чай. Внутри хорошо убранной комнаты Алёша в раздумьях обратил внимание на фотографию бледнолицего человека в траурной рамке. Он сел на резной стульчик и спросил с любопытством:

— Кто это?

Повисло неловкое молчание. На печальную Настю нахлынули воспоминания, она подала мёд и мармелад с печеньями, поправила кружевную скатерть на столе и неохотно начала рассказывать.

— Был у меня брат Матвей, человек добрый и любящий. Когда наши родители умерли, он неустанно заботился обо мне и работал допоздна, чтобы как-нибудь прокормить нас. Я была маленькой и глупой и воспринимала его чувства как должное. Однажды брат вышел не в свою смену, так как я отказалась уехать с ним в большой город на книжную ярмарку и вместо этого отправилась на свидание. Вечер прошёл замечательно, и я на радостях хотела поскорее сообщить Матвею о том, что выхожу замуж. Непонятно почему, но к ночи в моём сердце поселилась тревога.

Здесь у Насти заблестели глаза, и она разразилась слезами. Егор Денисович постарался немного успокоить её.

— Матвей долго не отдыхал, а ведь работа на станках требует внимательности. Неизвестно, за что ему такая участь… На лесопилке ему отрезало руку, и он вскоре умер. А человек, за которого я собиралась выйти замуж, расстался со мной. Я так обвиняю себя, что не поехала с братом!— воскликнула Настя в невыразимой скорби.— Как мне перед ним извиниться? Его уже нет больше года, а я до сих пор страшно мучаюсь.

Алёша проникся сочувствием к Насте и твёрдо решил, что обязан помочь ей.

Дождь не кончался. На ночь Егор Денисович и Алёша устроились в свободной комнате. Мальчик не спал, потел, беспокойно ворочался в кровати и ощущал, как какие-то силы шептали ему двигаться вперёд. Он выскочил бесшумно из дому и как был, в пижаме, взобрался в рвении на сонного кита. Как только зверь прогнал сладкие остатки сна, они вместе устремились ввысь, где вспыхивали молнии. Кит негромко и обиженно ворчал. Но затем, невольно заражаясь энтузиазмом мальчика, он упорно и настойчиво пробивался сквозь тяжёлый ледяной ветер, стену воды и раскатистые громыхания. Алёша крепко схватился за дрожащие поводья; с ними крупно тряслась сумка. Страх охватывал его душу, но он отчаянно

боролся с ним и воображал лицо храброго отца, на которого старался быть похожим.

Через некоторое время тучи рассеялись, и Алёша с другом скоро оказались внутри прозрачного купола, полного неодинаковых китов. Умершие обретали живость, писали трогательные письма своим любимым людям и отдавали их почтальонам, чтобы те после направлялись на землю и оставляли послания адресатам.

Алёша искал Матвея и расспрашивал о нём с волнением каждого, кто попадался на пути. Когда, казалось, он потерял всякую надежду и кит его остановился, чтобы передохнуть, из-за линии горизонта показалась высокая человеческая фигура. Мальчик поспешил навстречу. Он узнал Матвея. Они поняли друг друга без слов. Матвей сожалел о том, что не связывался с сестрой и оставил её в одиночестве. Алёша забрал светлое письмо из его жилистых нервных рук.

Мальчик хлопнул ободряюще по спине кита. Они вернулись в деревню, когда наступил влажный розово-серый рассвет. Сладко пахло душистой свежестью, и Алёша вдыхал её, гордясь своей смелостью.

Егор Денисович встретил сына сердечно. Он строго отругал его за непослушание, но, заметив мятое письмо, мокрое от слёз, слегка смягчил свой резкий тон.

Перед тем как вновь пуститься в дорогу, мальчик оставил письмо Насте, незаметно положив его на тумбу в гостиной.

Егор Денисович и Алёша простились с девушкой, сели на кита и исчезли бесследно в сияющей дымке.

Настя прочла послание не сразу. Она взяла его осторожно в ладони и застыла в растерянности, а потом нежно улыбнулась. Наконец она почувствовала безмерное облегчение!

Проклятая ворона

Чердак под крышей был устроен с самым что ни на есть небрежным удобством. В дальнем углу, вперемешку с рваными одеялами, подушками и махровыми полотенцами, валялся матрац, наружу которого выбивалась вата, по центру громоздился кривой стол, уставленный посудой. Обе кровати напротив старого диванчика представляли собой зрелище не настолько печальное. Как мне потом вспоминалось, постель на них была застелена, а игрушки аккуратно разложены, не потрёпаны, отчего складывалось впечатление, что за ними ухаживали.

Внутри не было окон, лишь свеча на подставке горела тусклым светом и освещала лица нескольких людей. Одно из них было старческое, дряблое и посеревшее. Старуха по имени Лиля в затасканной ночной рубашке глядела на меня стеклянными, чуть влажными глазами и густо краснела. Моё неожиданное появление её ничуть не обрадовало.

— Как ты сюда попал?—спросила она, пряча мальчика и девочку за спиной.

Дети были настроены ко мне решительно мирно. Тонкие, точно скелеты, усыпанные родинками, веснушками, они хотели подойти ко мне поближе, но Лиля не давала.

— Через дверь,—ответил я спокойно.

— Я тебе не верю. Признавайся, что ты здесь делаешь?—спросила она громко.

— Ну, ну, спокойно, я вас не обижу. Я просто проходил мимо и услышал, как тут кто-то шепчется.

Я шагнул вперёд, и под моими ногами затрещали доски. Лиля замахнулась на меня, и мне почудилось, что её глаза сверкнули звериным блеском, а седые косы распустились в полутьме. Я перепугался и поднял руки. Она хотела было напасть, но её придержали дети и стали клянчить сырок в корзиночках.

— Не сейчас, родненькие… потом… потом…

— Ты ведь обещала!

— Да где же я их вам найду?

— С изюмом,—добавил серьёзно мальчик и насупился.

Затем он улыбнулся мне ласковой улыбкой и спросил голоском как у самого простодушного хитреца:

— А вы, случайно, не умеете печь?

— Ох, это не по моей части, к сожалению,—сказал я не без чувства неловкости.—Зато я умею помогать как детям, так и взрослым, выручать из беды.

— Как это?—спросила девочка, навострив уши.— Вы волшебник? Прямо как…

Мальчик не дал ей договорить и зашипел:

— Цыц, муха!

— В какой-то степени. Я предпочитаю звать себя хорошим человеком.

Девочке мой ответ понравился. Она протянула крохотную чумазую ладонь.

— Видишь, он нам зла не причинит. Не ругайся с ним.

Лиля всё ещё была недовольна мной, но усмирить гнев сумела и позволила нам пожать руки.

— Можно я присяду?

— Садись куда хочешь, только не мешай. Мы собирались спать,—рявкнула Лиля и, устроившись на матраце, прикрыла голову платком.

— Хорошо, как скажете.

Мальчик подмигнул мне, а дальше дети сделали вид, что уснули. Как только стемнело, скорее всего, и Лиля захрапела, они выглянули из-под одеял и, дружно захихикав, поторопились за стол. Я передвинул бесшумно кастрюлю, чтобы можно было поставить локоть, и зашептался поначалу с девочкой, так как она смотрела на меня, прежде всего, с искренним уважением, а не с любопытством.

— Почему вы живёте на чердаке? Разве это ваш дом?

— Да. Мама говорит, что мы здесь давно.

— Я подумал, что она ваша бабушка.
— Не-а, мама. Представляю, что будет, если она проснётся и увидит, что вы до сих пор не ушли.
— Но вы же заступитесь за меня?

Мальчик молча кивнул, и тут же моего ботинка коснулся чей-то хвост. Я невольно дрогнул и, вскочив со стула, разбудил Лилю, спавшую нечутким сном.

— Что ж вам неймётся-то, а?

Дети посчитали, что я из пугливых, и взорвались смехом. Из-под стола показалась крупная чёрно-белая морда кота, всего косматого, заросшего, похожего на дворового пса. Лоб его был замусолен, а усы слиплись, словно когда-то он перемазался в клее и с тех пор не умывался.

— Ну-ка, малышня, бегом по кроватям,— повелительным тоном произнесла Лиля.— А не то достану веник и кое-кому надаю. Заодно и вам, не посмотрю, что вы уже не мальчик, а юноша.

Так началась моя странная жизнь на чердаке. По ночам я просыпался в каком-то радостном предвкушении, что вот-вот Лиля поведает мне свою строгую тайну. Я ждал того дня, когда она пересилит упрямство и откроется мне, но она была настойчивее, чем я предполагал. Бóльшую часть времени она посвящала засушенным травам, раскладывала их по мешочкам да подписывала огрызком карандаша, чтобы не забыть. За то время, что я пробыл у них, она ни разу не провела уборку, молчала, будто была немой.

Как-то раз я заметил дыру в полу, а после детального осмотра отыскал ещё четыре и спросил детей, знают ли, откуда они появились. Они много воображали и намекали, что видели через них бегущего по лестнице страшного маленького человека с серебряной звёздочкой на чёрных погонах. Девочку особенно поразило то, как он твёрдо, почти цепко держал оружие и лицо его при этом выражало злое равнодушие. По её словам, он готов был выстрелить, если бы его попросили.

Я задумался. Это могло быть правдой.

— То-то же. Человек придёт ещё раз. Мы боимся. Он попытается нас убить.
— Зачем ему вас убивать?
— Потому что мы не выходим. А если бы и вышли, то он всё равно бы нас достал.
— Я не допущу, чтобы он поднялся к вам,— пообещал я детям и с тех пор прислушивался ко всякому звуку, доносящемуся снизу.

Кот казался мне чудным, так как часто вставал на задние лапы, высовывал кончик розового языка и, бывало, мяукал громко-прегромко, и в голодном, тоскливом мяуканье этом было больше человеческого, нежели животного. Я полюбил кота с первого взгляда. Он ходил за мной по пятам, но однажды пропал. (Это событие послужило поводом для многих откровений.) Я нигде не мог его отыскать и мучился от угрызений совести, что не доглядел за ним. Не без страха я обратился к Лиле, которая читала мальчику какую-то сказку. Видя, как я тревожусь, она впервые отнеслась ко мне с сочувствием и пониманием и, несмотря на постоянное напряжение, которое не ослабевало между нами, сжалилась и призналась тихо, что кота пришлось прирезать. У меня закружилась голова, меня замутило. Не было для меня в тот момент никого опаснее Лили. Я начал презирать её за жестокость, но знал, что по-другому быть не может. Я позволил ей объясниться.

— Дети голодали. Я тоже. Выслушай меня! Я понимаю, как оно выглядит со стороны, но дело в том, что мы не можем отсюда выбраться по самой любопытной причине. Вишь, всюду досками заколочено — не продраться?.. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я стала превращаться в разное зверьё. Да не смейся, правда всё! Соседские детишки прозвали меня колдуньей и просили воплощаться, но я не поддавалась на их уговоры, так как боялась взрослых. Мать плакала и молилась, чтобы я поскорее выросла и уехала из дому, отец кричал, что утопит. Прокажённая я была, ведьма, дурында. В городе меня приютила одна женщина с двумя младенцами на руках. Она приняла меня как собственную дочь, научила пользоваться магией. Я больше не была одна и могла жить полной, счастливой жизнью. Через лет пять развязалась война, и мою покровительницу, мою добрую подругу застрелили немцы. Перед тем как бежать, я забрала её детей и пообещала, что никогда их не брошу. Мы нашли здесь пристанище и кое-как сводили концы с концами. Но кто-то доложил о моих способностях. Мы сидели тихо, смирно, как мыши, не могли и вздоха сделать, когда услыхали людской беспорядочный топот. Настюшка плакала беззвучно, пока я держала её на коленях, а Влад приникал ко мне, и всё его обессиленное, тощее тело дрожало, как от мороза. Он застонал в отчаянии, и нас услышали. Прозвучал выстрел. После второй, третий. Я закрыла уши детям, дверь распахнулась, и меня как будто волной окатило. Утром я очнулась от режущей боли в сердце и подумала, что жива и невредима. Снаружи стояла тишина; казалось, не было войны. Пошла будить детей, но заметила, что дверь замурована и нельзя спуститься на этаж ниже. Мы кричали, но к нам никто не поднялся. Через день или два я обнаружила кота, спящего за шкафом для книг, и он был цел, хотя до этого мы его съели, чтобы не умереть от голода. Я предположила, что сошла с ума. По правде говоря, так оно и есть. Я сильно исхудала, почти не спала, а только тревожилась и зажигала свечу, чтобы в комнате мерцал хоть какой-то свет. Вскоре немцы пришли вновь. Мы переживали происходящие ужасы вновь и вновь, но знала о них я одна. Я не человек, но помню, что когда-то была им

и любила солнечный свет. Он озарял мою душу и дарил надежду на светлое будущее…

Без лишних слов я крепко обнял Лилю, и она заплакала на моём плече, а как только успокоилась, я принял решение и попробовал отодрать доски. Ни одна из них, к сожалению, не поддалась. Я передвинул стол, прихватил свечу и, встав повыше, осветил ею крохотное заколоченное окошечко на самом верху, докуда было трудно дотянуться.

— А что это вы делаете? — спросил Влад, заправляя кровать.

— Осторожно, не упадите, — забеспокоилась Настюшка. — Ой-ой, как высоко!

— У меня полный порядок.

Я посмотрел на Лилю, и она улыбнулась мне застенчиво и устало. Губы её слегка задрожали.

Лома, а тем более гвоздодёра на чердаке не было, а потому приходилось справляться голыми руками. Я уже посадил не одну занозу и разодрал пальцы в кровь, но превозмогал боль и не останавливался. Несчастье людей придавало мне сил и твёрдой уверенности.

Как только дело подошло к концу и комнату озарил луч золотистого света, в котором разлеталась пыль, загрохотали шаги и раздались крики. Прозвучал выстрел. В полу зияла новенькая дыра. Ещё чуть-чуть, и всё пошло бы по-старому. Я не мог допустить, чтобы Лиля и дети с котом мучились, потому что ни одно живое существо на свете не заслуживает страдать вечность.

Нацисты, как призраки, проскочили через стену, но я успел открыть окно, и они застыли на месте, перед этим опустив оружие. Позы их сделались расслабленными. Они не представляли угрозы.

— Мама! — воскликнула Настюшка, и тут её лицо заискрилось от веселья. — Мама, вот ты говорила, что он такой-сякой, а он не просто хороший человек, он такой же волшебник, как и ты!

— Облака? — спросил Влад. — Пожалуйста, давайте отправимся на улицу? Заодно корзиночки купим.

— И поскорее, — добавила Настюшка. — Что в духоте-то сидеть и без сладкого?

— Сейчас, хорошенькие, не торопимся… погодите-погодите…

— Ну мам, ты же обещала! — заныл Влад, потянув её за рукав. — А обещания надо выполнять.

Лиля засмеялась неожиданно звонко, как совсем молодая девушка, сжалась в комочек и, зависнув в воздухе, превратилась в тёмную красивую ворону. Расправив крылья, она плавно взмыла в окно. Дети испарились следом, и кот, мяукнув мне в последний раз не без неодолимой тоски, которая, казалось, преследовала всю его кошачью жизнь, пропал бесследно, теперь уже навсегда.

Свеча догорела.

Мне хотелось плакать от счастья и просто радоваться тому, что я был в этом мире, слышал звуки и чувствовал запахи.

Следующим утром я очутился в своей комнате и тут же убрал книгу, которая лежала возле меня. На ней была нарисована милая старуха с мальчиком и девочкой.

Война свирепая и циничная. Она калечит людей и забирает многих невинных… Ну а сколько ещё таких книжных героев, позабытых всеми, даже их собственными создателями, которые придумывали для них непосильные испытания, томится на страницах? Несправедливо считать, что слова остаются всего лишь словами. И люди, и птицы, и звери под обложками ничем не отличаются от наших, они стремятся к покою и любви и, как и мы, переживают за себя и родных, молятся, чтобы не было войны. Так разве я не должен использовать свой дар во благо, освобождать их от бремён, которые они несут только потому, что остаются героями? Я не могу не помогать. Это и значит быть хорошим человеком.

Безлюдье

1.

Город неизменно озаряло солнце. Не слышался шум торопливых шагов, машин, автобусов, грохот и суетливая возня. В два-три часа могильную тишину прерывал ветер. Он не поднимал пыль, по обыкновению, лишь завывал на монотонном безликом фоне. Ни света, ни воды, ни отопления в плоских многоэтажках, квартирах-сотах, ни одного существа, кроме нас двоих.

Постройка, в которой мы жили, стояла на холме, откуда можно было рассмотреть, что происходило внизу, ведь сверху не менялось ничего. Выходя на крыльцо, я вытягивала шею и глядела на мост, ведущий вдаль. Сестра замечала, что я витаю в облаках и мечтаю о том, чтобы узнать правду.

— Он бесконечный.

— Мы не проверяли.

— И не проверим, если не пойдём! — упрямо отвечала она, складывая руки. — Я хотела бы остаться здесь навсегда. Мне не важно, одни мы или нет.

С тоской в груди я изливала душу. Мне не приходило в голову, что, высказывая сомнения и опасения, я могла расстроить сестру.

— Нас должно быть больше. Кто построил город? Естественно, что не мы.

— Люди до нас, — произносила она совершенно уверенно. — Только так.

Если был кто-то до нашего времени, то куда исчез? Мысль о том, что мы окончательно не пропащие, двинула меня открыто признаться в желании оставить дом. Драка оказалась бесполезной; впрочем, уговоры тоже не подействовали.

Отправились в путь сразу, как поставили замок на дверь. В уединении страхи мешались, и мы подозревали, что у кого-то из нас был хитрый

план насчёт другой. Я не доверяла сестре, следила внимательно за каждым её взглядом, а если засыпала, то не закрывала глаза.

II.

Она шагала рядом в стоптанных туфлях и в мешковатом платье, я — босиком, расцарапывая пальцы. В этой одежде мы встретились впервые.

На самом деле нас не объединяло кровное родство. Не сумев заручиться моей дружбой, она провела менее тесную связь, обзываемую сестринской, и теперь утверждала, что была выброшена матерью на произвол судьбы. Воображение сестры рисовало картины неизведанного прошлого, в котором она воспитывалась в семье без любви и счастья. То ли фантазии, то ли реальные воспоминания, но её что-то постоянно мучило. Я не расспрашивала и не выведывала подробности, чтобы совсем не разжечь любопытство.

На лице сестры отражалась усталость, сопряжённая с унынием. Казалось, мост не закончится никогда. Кожа моя, как и её, была белой, рыхлой, а так как мы отличались смешной уродливостью и слабой памятью, то решили не придумывать имён. Всякая мелочь и всякая деталь не должна была затуманить мозг. Истощённые, мы брели бесцельно, не в силах связать и двух слов. По крайней мере, нам ничто не досаждало.

Сестра упала замертво, прижавшись щекой к горячему асфальту. Мольбы о помощи не последовало.

Я произнесла без горечи:

— Останешься на мосту, пока не вернусь.

— На нас не ложится загар, — разлепив сухие губы, сказала сестра.

— Да.

— Мы идём не меньше семи часов.

— Это моя идея.

— Проблема в том, что мы не остались.

— Отпусти! — выкрикнула я, когда она крепко уцепилась за ногу.

У сестры был жалкий вид, от которого волей-неволей во мне пробуждалось сочувствие. Волосы закрывали её тёмно-синие, полные боли глаза, непропорциональные конечности шелушились. Я испытывала к ней всё и ничего, но ранее выражала только недовольство и терпеливое снисхождение. Сестра уловила проблеск надежды, когда я изобразила натуральную улыбку.

— Пожалуйста, — позвала она мягко. — Пожалуйста, не оставляй! Меня как-то оставили, и я сильно боюсь. Очень-очень боюсь, что и ты покинешь меня однажды!

— Куда я пойду?

— Например, туда, — сестра указала на нежный свет, мерцающий впереди.

Я взяла её на руки. Виновато спохватившись, она пробормотала:

— Ты чересчур сильная для женщины.

— Может, я и сильная, — я наморщила брови и добавила необычным неравнодушным тоном: — Лучше будет, если мы не расстанемся. Не позволю тебе развести нюни.

Я брела молча, таща сестру как тяжкий и одновременно драгоценный груз. Я бы тащила и дальше, но путь перегородила невидимая стена. Сколько бы я ни билась в неё, сколько бы ни ругалась на несправедливость и дрожала, она не пропускала, а наоборот, делалась агрессивнее и после многократных попыток пройти принялась нас отталкивать, будто живая. Меня охватил безмерный страх. Сестра держалась спокойно и не перебила, когда я затараторила:

— Чёрт-те что! Ни за что! Уйду! Уйду в лес!

— Что, если эти границы… ну, повсюду?

— Вот и посмотрим!

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Ну вот нисколечко!

Два человека на свете, мы обе тревожились, сжимались в трепещущий ком, но вновь и вновь предпринимали попытки обратить боязнь неизвестности в мощный стимул, чтобы узнать причину нашего одиночества.

Я припустилась в бег. Сестра, немного передохнув, последовала за мной. Нам было не весело, а грустно и волнительно в ожидании развязки. Что поджидало за следующим поворотом? Я не сдержала жутко-радостного крика:

— Мы не одни!

Сестра повернулась ко мне с выражением, близким к ужасу.

Мост был длиннее, чем хотелось бы. Я разодрала ступни в кровь.

III.

Лес, дремучий, тёмно-жёлтый, к огорчению, также имел границы. Стена, воздвигнутая чьей-то рукой, тянулась от земли до неба, её нельзя было перескочить или перелететь. В этом мы убедились на днях, когда поставили батут и подпрыгнули так высоко, что ударились о препятствие и отскочили назад, как резиновые мячи. Сестра вдобавок получила серьёзную травму и неделю не вставала с постели. Позднее она призналась, что притворялась, чтобы я не изучала город, а осталась с ней и ухаживала как за больной.

В другой день, когда я перебирала пустые газеты, чтобы отыскать хоть одно слово, она прибежала ко мне в слезах и упала на колени. Плечи её сотрясала мелкая дрожь, а губы кривились в презрении к месту, которое она считала пристанищем.

— Пойдём скорее, прошу!

— Что опять стряслось? — спросила я будничным тоном и сразу пожалела об этом.

— Комнаты… наши комнаты!..

— Что с ними?

— Они стали цветными! — ахнула она в полнейшем изумлении.
— Может, ты и впрямь больна, а я просто не замечала?
— Убедись сама, что я не обманываю.

Сестра твёрдой походкой направилась к холму. Я осталась там же, где и была. Бумаги, книги, газеты и прочие издания оставались пустыми, словно их не успели наполнить буквами, числами и не успели сочинить истории и новости. Причём все они были разворошены, оставлены, по всей видимости, в отчаянной спешке.

Забрав несколько книг, я бросилась домой, убеждённая в том, что комнаты окажутся бежевыми, а не цветастыми. Каково же было моё удивление, когда я переступила порог и мне в глаза бросились аляповатые обои. Масло на палитре художника: красное, голубое, зелёное, оранжевое, фиолетовое, розовое!

Сестра кинулась в ванну и указала на раковину, окрашенную в густой рыжий цвет. Кухня и обе спальни являли собой редкое безобразие. У меня перехватило дыхание от увиденного. Я поддалась панике и присела в неоновой гостиной, пропахшей краской.
— Нас запугивают?!
— Вряд ли, — откликнулась сестра. — Ведь никого нет. Стена мешает.
— Возможно, что где-нибудь существует лазейка. Кто-то прячется, не хочет выходить, но подаёт знаки…
— Таким странным образом, — отметила она озабоченно и прервалась на всхлипы.
— Предлагаю переехать.

Сестра покачала головой, не веря в мою затею. Весь дом изнутри нуждался в ремонте!
— В любом случае я не останусь на холме.
— Забери! — сказала она, грозно помахивая принесёнными книгами. — Они мне не нужны. Я вымоталась.
— Тебе разве не интересно, что случилось?.. В конце концов, кто мы с тобой?
— Сёстры, — ответила она несколько неуверенно и высморкалась в платок.
— А ещё?
— Люди.
— Но когда мы поняли, что мы люди?
— В детстве, наверное.
— Но я не помню своего детства! Такое чувство, что я была рождена взрослой и взрослой остаюсь, — высказала я сожаление и пролистала книги, до которых не дотянулась сестра. — Они без содержания, без строк! Как ты это объяснишь?
— Я о подобном даже не размышляю.
— Постараешься ради меня? На досуге.

Перед тем как выйти, я кинула неосторожную фразу:
— Что, если мы ненастоящие?

IV.

Город был невзрачный и равнодушный, но даже среди запустения попадались следы заботливой человеческой натуры. Парк, разбитый неподалёку от кинотеатра, театр, сцена которого была обставлена картонными декорациями. Я сидела в пятом ряду, напевая песню. В моём представлении не участвовали артисты, и не было зрителей, оглушительно хлопающих в ладоши. Одна я видела зал, рассматривала бурые портьеры и слышала голос, собственное дыхание.

Месяцы я проводила в магазине с игрушками. Больше всего были продуманы мягкие динозавры, фигурки персонажей сериалов и фильмов, компьютерные диски.

Сестра, измученная переживаниями, вскоре проведала меня и осталась.

Мы выяснили, что есть сон. Нам снились трогательные, странные сны о высоком мальчике с прыщами. У него была чистая, нежная душа.
— Что он делал в твоём сне?
— Радовался. Он чем-то занимался и сиял от счастья. Вроде бы стучал по клавиатуре.
— А в моём плакал, — говорила сестра.
— Сильнее, чем ты?
— Сильнее, чем я.

В магазине нас согревали воспоминания, от которых бегали мурашки. Мы упивались восторгом и страдали, ударялись из крайности в крайность, не пытаясь сохранить равновесие. Мы были под охраной синих птеродактилей, пластмассовых коробок и мятых шорт.

V.

Сестру будили голоса, доносящиеся с неба. Я уже не смеялась над её подозрительностью и страхом, а привычно произносила:
— Повезло.

Когда с ней случалась истерика, я тоже рыдала, заламывая руки, и вместе мы кричали в облака:
— Кто здесь?

Нам отвечало эхо: «Кто здесь!»

Воодушевление, в котором мы пребывали, испарилось, как лёгкий, но сладкий запах духов, и сменилось апатией. Мы молча прижимались друг к другу, а когда говорили, то делали это тихо, не издавали лишних звуков. Выяснилось, что стена, которая нас не выпускала, опоясывала город. Нам некуда было бежать. Приходилось жить бессмысленно, как прежде.

Сестра однажды ушла без предлога. Она наконец-то поняла, почему я была несчастна.

И когда я оставила магазин, дарящий блаженство и боль, на меня посмотрело чужое лицо. Оно появилось в ослепительном небе. Это было квадратное лицо молодого человека. Он видел меня, а я его, и у меня не хватало слов, чтобы описать, насколько я робела и волновалась. Я была белой,

как песок, но чувствовала, что в любую секунду могу покраснеть от смущения.

Человек говорил грустно:
— Наверное, постоянная работа важнее. Я понимаю, что от меня требуется. Будь хорошим специалистом, следи за режимом, не ешь на ночь и всё такое. Но знаешь, Свечка, я иногда думаю, что могло быть всё по-другому. Вы с сестрой, наверное, не помните.

VI.

По ту сторону экрана за креслом на колёсиках действительно сидел молодой человек. Надпись на его футболке гласила: «Будь собой, пока не истекло время». После рабочего дня в душном офисе он предавался воспоминаниям и решительно не знал, что ему делать в будущем.
— Я так трудился над городом! Хоть и сейчас он выглядит ужаснее некуда. Они были правы. Всё без изюминки, всё без фантазии,—огласил он однозначный вердикт.—Всё, кроме вас и некоторых мест. Тогда, в двенадцать лет, у меня было слишком много идей и слишком мало опыта. Кто бы объяснил ребёнку, что его творчество не слабое и заслуживает внимание? Я не хочу жаловаться, потому что горем делу не поможешь… Но если бы!.. Да, если бы ты, Свечка, увидела, что я вытворяю сейчас и не показываю, потому что боюсь осуждения, то похвалила бы меня.

Человек продолжал говорить, и на него смотрели чёрные, не по-компьютерному умные глаза. Ему показалось, что моделька заморгала. Не может быть, чтобы она умела моргать! Она выглядела гордой и самое главное—счастливой. Она подозвала сестру и заговорила очень ласково с человеком:
— Мы не знали, что это игра. Я предполагала. Это ты построил мост?
— Да,—произнёс он неуверенно, обуянный смятением.

Галлюцинации?

Сердце подсказывало ему взяться за дело, которым он когда-то горел. Теперь он был достаточно взрослый, чтобы не реагировать остро на критику.
— И нас ты тоже создал?
— Это был я.
— А цветные стены?
— Какие стены?
— В доме на холме,—пояснила Свечка.
— Обычный глюк, ничего сверхъестественного.
— Неужели тебя остановили такие же любители игр? Я не верю, что есть сила, способная уничтожить момент творчества.

Сестра Свечки вступила в диалог:
— Мы не верим. Я хотела остаться на холме, но тогда бы не узнала, кем являюсь.
— Ты была создана ещё той прилипалой с печальным прошлым,—улыбнулся человек.—Извини, если что не так.
— Я благодарна тебе. Не хочу быть другой,—призналась сестра, словно испытывая неловкость.—А как меня зовут?
— Воск. Неудачное имя?
— Сгодится! Я же не какой-нибудь Фитиль и не Подсвечник, служащий дополнением к Свечке. Я Воск!—рассмеялась сестра беззаботно.
— Не забрасывай нас! Мы подождём сколько нужно. Только не забывай о своей детской мечте. В отличие от нас, ты живёшь не в коробке с невидимыми стенами, а в мире, в обществе. Пользуйся возможностями. Ведь, как и мы, ты не один,—закончила Свечка и расплакалась, так как впервые ощутила, насколько противоречив настоящий человек и сколько в нём бушует беспочвенных сомнений, неодолимых страстей, которые несравнимы с её чувствами—чувствами незаконченной героини в незаконченной компьютерной игре.

Елена Лобанова

Совпадение

Фонарик

Татьяна объективно считала себя женщиной не последней. В семье без неё сроду ничего не решалось, на работе всегда уважали, считались — как-никак четверть века завотделом. Да и теперь, на пенсии, поздравляли со всеми праздниками, даже раз помогли с путёвкой в санаторий. Впрочем, на здоровье она особо не жаловалась, а по виду её и пенсионеркой никто бы не назвал: осанка прямая, походка энергичная, взгляд ясный — это в шестьдесят-то лет! И, кстати, без дела она не сидела — подрабатывала в котельной.

К тому же вещи покупать всегда старалась качественные, за весом следила, избегала жареного и копчёного, была в курсе новостей медицины. И мужу распускаться не позволяла: никаких там компаний с пивком после работы, никаких сомнительных рыбалок по выходным — режим и здоровый образ жизни!

Немного бесило, конечно, что сын с дочкой её интересов не разделяли, вечно посмеивались над здравыми советами. Ну да что с них возьмёшь — молодые, море по колено! И её ведь когда-то смешили мамочкины страхи…

Вот эта мысль, признаться, всерьёз раздражала. Неужто пришло и её время докучать молодым? Стареть?!

Ну уж нет, стареть никак не хотелось! А хотелось, как пишут в открытках, долгих лет счастливой жизни.

Только вот последнее время с этим были какие-то проблемы. То есть жизнь-то была, но такая… монотонная, что ли. Ну, переделаешь домашние дела, выйдешь на полезный моцион. Посмотришь вокруг — всё знакомо до тошноты: старые дома, редкие косенькие скамейки у подъездов да старухи-сплетницы. Ну, ещё молодёжь в наушниках, с непременным телефоном в руках. Вонючие мусорные баки. Мокрое бельё на балконах.

Может, и раньше всё было так же, только в глаза не бросалось? Смотреть-то по сторонам некогда было, вечно в делах, в хлопотах. Однако случались же и радости, и подарки судьбы: поездки на море, и премии, и компании друзей, и всякие там огоньки-праздники!

А теперь? Вместо весёлой компании — сборище ворчливых стариков и старух, все речи о болячках. Радость — это когда давление нормальное. Главный праздник — день пенсии.

Нет, понятное дело, здоровье прежде всего. И материальный интерес тоже никто не отменял. Но ведь и чего-то новенького хочется! Хоть изредка, но какого-нибудь сюрприза, что ли, от судьбы!

Недавно, правда, такой сюрприз выпал, что Татьяна чуть сердечный приступ не огребла: идёт себе не спеша с работы, заодно тренируя правильное дыхание (энергичный вдох, длинный выдох), и вдруг какой-то мальчишка шасть из кустов прямо на дорогу — едва под машину не угодил! Хорошо, водитель среагировал, успел притормозить — только шины завизжали. Высунулся из окна и, прежде чем дать по газам, рявкнул на Татьяну:

— За внуком смотри, бабка! Раззявила рот!

Та только схватилась за сердце дрожащей рукой. А мальчишка с рёвом отпрыгнул ей под ноги. Кое-как перевела дух, всмотрелась: не то чтобы совсем малец, лет шести, не меньше. Неопрятный, руки-ноги в пыли.

— Ты что творишь?! Ненормальный — на дорогу выскакивать?! — накинулась на него. — Тебя ж раздавить могли, как комара!

Но тот её, похоже, не слышал. Продолжал реветь, вытирая глаза грязным кулаком.

— Да не трогай лицо! Пойди умойся сейчас же, на тебя смотреть страшно! И во дворе играй, в своём дворе, понятно тебе? К дороге не смей подходить!

Молчит, хлюпает носом. Она выпрямилась, стараясь дышать поглубже, как учили в передаче про стрессы. Ноги неприятно подрагивали.

— Ты где живёшь вообще? Тебя, может, домой отвести?

Машинально наклонилась отряхнуть ему джинсы, но мальчишка увернулся, всё продолжая всхлипывать. Наконец выдавил:

— Фона… фонарик… потерялся! Я тут везде искал, и на дороге… нигде нету!

И зарыдал с новой силой.

Татьяна, уже придя в себя, ещё раз осмотрела страдальца.

— Фонарик? Тьфу ты… Ну ладно, успокойся уже! Попросишь хорошенько, мама тебе новый купит, точно такой.

Вытащила носовой платок и быстренько стёрла грязное пятно на щеке.

Это ребёнок послушно вытерпел и, тараща красные глаза, выдохнул обессиленно:

— Такой нельзя купить… он волшебный потому что.

— А-а, вот оно что…—посочувствовала она.—Ну, раз волшебный, может, сам тебя найдёт. Только, главное, на дорогу не выскакивай!—напоследок погрозила пальцем и двинулась своей дорогой.

Хорошо, что детские трагедии недолги, рассудила успокоительно. Сейчас рыдает безутешно, но вот интересно: если не найдёт, когда забудет про своё сокровище—завтра? через три дня? через неделю?

— Женщина!—окликнула, обгоняя её, мамочка с коляской.—У вас сумка расстёгнута!

И точно, вся сумочная внутренность была как на ладони: и пудреница, и журнал «Пища как лекарство», а главное—кошелёк! Опять пришлось останавливаться, отходить в сторонку, дёргать капризную молнию. В конце концов журнал вывалился в траву. Наклонилась поднять, и тут ей бросилось в глаза что-то нежно-фиолетовое, неестественное на фоне зелени, вроде тюбика помады. Но оказалось—маленький фонарик.

Тот самый!—сразу догадалась она. Вот хозяин-то обрадуется! И, хоть на нетвёрдых ногах, всё же решилась повернуть обратно.

Однако, миновав несколько домов, обнаружила, что не помнит, где именно встретила мальчишку. Пошла помедленнее, приглядываясь к детворе во дворах. Детей по тёплому весеннему времени было полно, но все не те: попадались девчонки, мальчишки-школьники или совсем карапузы. Наконец встретился очень похожий, но теперь он—или не он?—мчался на самокате и, пролетая мимо, так завопил:

— Дорогу! Дар-рогу!!!—что Татьяна отшатнулась.

Самокат свернул за угол. И что теперь—гнаться за ним?! Она сердито качнула головой и, повернувшись, окончательно двинулась домой.

В собственном дворе Татьяна обычно старалась не смотреть по сторонам. Поскольку это давно уже был не двор, а автостоянка. Ни тебе деревьев, ни весёлого газончика, ни единой скамейки—всё машины, машины, и только у самого дома—узенькая клумба, и даже не клумба, а так, заросший травой остаток.

Но в этот раз, лавируя между капотами и багажниками, она подняла голову и даже вздрогнула: сквозь заднее стекло какой-то машины на неё смотрела плюшевая собачка. Такая беленькая, хорошенькая собачка, и так весело смотрела! И почему-то вспомнилось, как в детстве папин друг, владелец невиданного в те годы сокровища—небесно-голубой машины «Москвич»,—однажды пригасил их в выходной за город, к речке. И они сели и вдруг поехали в невиданные места—с терпким вольным запахом воды и совсем другими, чем в городе, деревьями на берегу: они и шелестели совсем по-другому! А вокруг—глазам не верилось—ни заборов, ни домов, ни людей, а только ленивая серебристая река в зелёных берегах и небо. Здесь можно было бегать сколько хочешь, ловить огромных стрекоз, подходить к самой воде, видеть шустрые стайки рыбёшек и бросать им кусочки хлеба! И обед на расстеленном одеяле—бутерброды и чай из термоса—был в сто раз вкуснее, чем дома! А взрослые разговаривали такими весёлыми, беззаботными голосами, папа всё шутил, и мама смеялась звонко, как девчонка. Но самый волшебный миг был, конечно, всё-таки первый: опуститься на упругие сиденья, захлопнуть дверцы—и тронуться прямиком в неизведанное…

А ведь сейчас это волшебство перемещения так доступно, так просто—и взрослым, и детям! И ей в том числе. Ни зять, ни сын не отказывают, возят её то на рынок, то в гипермаркет. Только вот куда пропала та давняя радость, то ощущение нового пространства? В какой глубине души притаилась? Или это привычка делает людей бесчувственными?

Будто в подтверждение, из подъезда вышли хмурые муж с женой и, не глядя по сторонам, уселись в свой белый автомобиль. Татьяне вдруг захотелось крикнуть им: «Ну вы, счастливчики! Да почувствуйте же своё счастье!» И, как будто дожидаясь ответа, она даже остановилась на секунду у подъезда. Но машина буднично заурчала и тронулась с места.

В подъезде, как всегда, лампочка горела лишь на третьем этаже. В полутьме Татьяна заметила в сумке слабый свет: горел фонарик. Оказалось, выключатель у него был проблемный, кнопка работала с третьего раза. И зачем он ей такой, спрашивается? Разве что всё-таки встретится тот мальчишка… Ладно, пускай пока валяется в сумке, решила. И, наконец достигнув квартиры, принялась готовить. На ужин была запланирована запеканка с тыквой. Она споро покрошила весёлый оранжевый тыквенный ломтик, размешала в миске творог с манкой, добавила яйцо. Включив духовку, выглянула в окно, ещё раз оглядела двор: всё как всегда, никаких таких чудес на колёсах, только беспорядочная толпа машин. И почему-то ей стало досадно, непонятно на кого.

Хотя что тут непонятного? На мужа! Которому давным-давно пора быть дома. Цех-то уже часа два как закрылся. А этого где носит, спрашивается? Впрочем, ясно где: на даче! Эта дача для него—свет в окошке. Схватил по дешёвке голый кусок земли, соблазнился! Развлечение на старости лет: после работы трястись в автобусной давке за город, да от трассы километра два, а там копать-полоть—начать да кончить! Попробовала было и она ездить с ним в выходные, понадрывалась,

пока не сообразила: этак здоровье можно запросто угробить! Дети вот не ездят и правильно делают.

И ведь ни словом не обмолвился, что поедет. Будто школьник, сбежал по-тихому! Позвонить самой? Ну уж нет, много чести. Вот вернётся, тогда и услышит что заслужил.

Но странно: собственные мысли, вроде бы такие правильные, не приносили облегчения и привычного чувства решённой задачи. В школе Татьяна неплохо решала задачки, даже подумывала пойти на математический. И хоть не пошла, но чёткость и логику всю жизнь ценила.

Запеканка вышла и душистая, и румяная, а вот есть почему-то не хотелось. Мальчишка, что ли, перебил аппетит? Включила было телевизор, поискала по каналам—ничего интересного. Намочила салфетку, прошлась по комнате, смахнула кое-где скопившуюся пыль. Заодно протёрла фонарик. Тот засиял как новенький, даже кнопка перестала заедать.

«Пойти ещё прогуляться?»—мелькнула дурацкая мысль, будто и не нагулялась сегодня до дрожи в ногах. Но эти самые ноги теперь стояли у двери, причём уже в туфлях. Что за вечер выдался?—только и оставалось ей удивиться, спускаясь по лестнице.

На улице уже темнело. Вот и фонарик кстати, вспомнила Татьяна и удовлетворённо пощёлкала кнопкой. Та работала исправно. Но света вокруг было и так достаточно: сияли неоновые вывески кафе и аптеки, светились окна парикмахерской, и магазины ещё не собирались закрываться—сплошная иллюминация! Татьяна даже заглянула в один, где поперёк витрины извещалось крупно: «Всё по 450».

— А я всё думаю: когда ж вы ко мне зайдёте?—вдруг услышала она и не сразу поняла, к кому обращаются.

Оказалось—к ней! Полная смуглая продавщица в нарядно-чёрном улыбалась, блестя глазами, кольцами, цепочками, стразами на платье.

— Вот каждый раз, как идёте мимо, всё хочу остановить. Прямо видеть не могу: женщина симпатичная, с хорошей фигурой, а одевается как бабка! Ну-ка, давайте сюда! Да не волнуйтесь, покупать не заставляю—примерьте просто. За погляд денег не беру!

«Цыганка!»—догадалась Татьяна и усмехнулась понимающе. Она эти приёмчики наизусть знала. И уж за свой-то внешний вид была спокойна. Зашла от нечего делать, просто потешить глаз. Двинулась неспешно вдоль ряда с блузками, останавливаясь, приглядываясь, щупая материал. Продавщица выдернула какой-то жёлтый балахон с сетчатыми карманам, принялась вертеть так и этак. Татьяна на всякий случай покрепче прижала сумку.

— Вот, примерьте! Не носили такого? Напрасно!

И вдруг подступила вплотную, перегородила дорогу—Татьяна даже опешила.

— Я чего тебя позвала,—взялась она горячей рукой за Татьянин локоть. И та увидела в изумлении: на губах её ещё дрожит улыбка, а глаза наливаются слезами!—Ты на подругу мою похожа, со школы ещё, мы с ней как сёстры были. Друг друга так понимали—даже слов не надо было. А иногда говорим, говорим, наговориться не можем, а разойдёмся по домам—и потом ещё полночи по телефону! И вот взяла и за границу уехала, в Черногорию. Муж её там работу нашёл. Половину души моей вынула, веришь? Говорит, это недалеко, две тыщи километров! Говорит, будем по скайпу общаться. А я этот скайп не понимаю. Вот у тебя есть скайп?

Татьяна, глядя во все глаза, качнула головой.

— И правильно!—страстно воскликнула собеседница.—Электронному ящику всё разве расскажешь? А я ей такое говорила, что сама от себя скрывала, веришь? Знала, что она—никому! Тайну умела беречь. Понимала. И ты такая же, я вижу! Первый раз тебя увидела—прямо обомлела: идёт моя Светлана! Я людей с одного взгляда определяю, веришь? А у тебя глаза такие же,—она прищурилась, всматриваясь Татьяне прямо в лицо—та даже попятилась немного.—Слушай, пойдём, в примерочной кофеварка есть, посидим… Ой, подожди, отвечу только…

В руке у неё очутился игриво попискивающий телефон. Она затараторила деловито:

— Да! Сколько? Почём? А размеры? Нет, не беру. Не-не, счас такое не пойдёт! Лето же скоро!

Татьяна стояла как пригвождённая, слушала, чего-то покорно ждала. Потом опомнилась: да это же цыганские штучки! Разговоры душевные, взгляд со слезой, чуть не обниматься лезет, а потом или дрянь какую-нибудь впарит, или кошелька не найдёшь! Быстро на ощупь проверила—в сумке всё цело, кошелёк на месте, только у фонарика опять кнопку заело. Но со второго раза погасила.

— Перезвоню!—закончила цыганка разговор и сунула телефон в карман.

И уставилась на Татьяну с совершенно другим, дежурно-любезным выражением.

— Выбрали что-то, женщина? Ну, посмотрите. Только быстренько, а то скоро закрываться буду. Вообще лучше на той неделе зайдите, хорошее поступление будет, и для дам вашего возраста. Подберём для вас!

Татьяна смотрела во все глаза.

Эта продавщица сумасшедшая?

Больная на голову?

Или шутит так?

— Но вы же вроде хотели… ну, рассказать что-то… личное.

— В смысле—личное?

Продавщица выпрямилась и смотрела уже без улыбки, сверху вниз.

— Ну как… Сами же сказали… что-то личное, вроде тайна какая-то… поделиться хотели,—дальше у Татьяны сковало язык.

— В смысле—поделиться?! Не поняла!

Глаза её свернули гневом. Теперь она напоминала не цыганку—грозную султаншу.

— Ну, может…э-э… это я вас не так поняла?—Татьяна отступала. Взгляд продавщицы теснил её.

— Видимо, да. Совсем неправильно!

Съёжившись, Татьяна повернулась и нырнула в дверь.

И почти побежала по улице. Потом спохватилась и замедлила шаг, отдышалась. Оглянулась—никто её не преследует.

Это что же творится, люди добрые?!

Надо собраться. Она прокашлялась, выпрямилась. Свернула за угол к дому и… погрузилась в темноту. Разом пропали дома, окна, вывески. Только машины сверкали фарами, несясь по дороге.

Ну и чего тут пугаться? Подумаешь, отключили свет. Поломка на линии, только и всего. Починят!—мысленно твердила она.

Однако дрожащая рука уже лезла в сумку за телефоном. Позвонить детям! Просто так. Спросить… сказать… Пусть приедут! Ей нужно их увидеть. Прямо сейчас же!

Но как сказать?

«Сегодня тяжёлый день»? «Познакомилась с одной сумасшедшей»? «Мне страшно в темноте»?

Но ведь она никогда не… плакалась. Она достойная женщина. Она сильная женщина. Такой её все знают. Уважают. Доверяют.

Рука нащупала… нет, не телефон—фонарик.

Правильно! У неё же есть фонарик!

И вот золотистый лучик пронизал темноту… вернул знакомую стену… куст китайской розы… подъезд… и фигуру поспешно шагающего мужчины… её мужа!

Татьяна бросилась навстречу. Схватила за руку. Муж отпрянул от неожиданности.

— Тань… ты? Случилось что?

— Ничего, ничего!—она замотала головой.

И вдруг обняла его.

Откуда этот запах? От него почему-то всегда пахло родниковой свежестью. Она никогда не говорила ему, но, обнимая, всегда вдыхала. Были молодыми—обнимались то и дело. Встречала с работы—обнимала и целовала. А ещё любила провожать мужа до троллейбусной остановки. Он уходил рано, в половине седьмого, дети ещё спали. И они, молодые, стремительные, легко шагали вдоль свободной ещё дороги и говорили, рассуждали, строили планы, и весь мир вокруг, как раннее утро, был весёлым, любопытным и многообещающим.

И ведь недавно она, помнится, злилась на него. Да разве можно на него злиться? Вместо того чтобы просто обняться!

Муж обхватил её руками, слегка похлопал по спине—отвык от нежностей.

— Ну тогда… пойдём домой?

Отобрал сумку.

— Ты фонарик купила?

— Нашла!—засмеялась она.—Сейчас расскажу—не поверишь… А у нас сегодня запеканка. Проголодался?

И с забытым проворством почти побежала вперёд. Ей так захотелось поесть запеканки—на своей уютной кухне, сидя напротив мужа! А потом пить чай, болтать о пустяках, что-то обсуждать—ну хоть любимую передачу «Давай поженимся». Можно даже политику и государственные проблемы, почему-то вечно волнующие мужа. А потом мечтать, строить планы—почему бы и нет?—например, о том, как…

На этом месте мысль забуксовала, и она остановилась—устала. Оглянулась—муж стоит на прежнем месте.

— Ну чего копаешься?—прикрикнула.

И опять навалилось всё раздражение этого нелепого, необъяснимого дня.

— Да кнопка застряла,—виновато отозвался он из темноты.—Еле выключил. Разобрать бы надо…

— Ужинать тебе давно надо!—она моментально вышла из себя. Вспомнились все обиды сразу.—И домой возвращаться после работы. Как все нормальные люди!

Муж вздохнул и молча зашагал к подъезду.

Ели молча, думая каждый о своём. Потом он, как обычно, уснул на диване перед телевизором. Когда захрапел, она потрясла его за плечо—перебираться в спальню. А самой ещё долго не спалось.

…Осенило её среди ночи.

Такое с ней бывало—проснуться с готовой идеей. Как будто решила во сне трудную задачку—и вот он, долгожданный ответ!

Похоже, фонарь и вправду волшебный! Когда он включается—начинается *другое!*

Или… это никакой не ответ, а ночной бред?

Но ведь сколько раз он загорался—столько всё виделось по-другому!

Выходит, не бред?!

Проверить бы…

Тихонько, осторожно она выбралась из кровати и в два шага очутилась в кухне. Включила свет. Фонарик лежал в ящике стола, маленький и холодный,—никому не нужная детская игрушка, неуместная рядом с надменно блестящими вилками и ножами.

Решившись, она схватила его, нажала кнопку.

Если и впрямь волшебный—пусть явит чудо!

Но не тут-то было. Теперь он не желал включаться.

«Пожалуйста!—мысленно взмолилась она.—Яви, ну яви же! Ну хоть малюсенькое!»

Тишина. Никакого чуда. Кнопка не действовала. Фонарик не желал подчиняться.

Издевался над ней?!

Яростно нажала её раз. И ещё. Без толку…

И что только в голову ей пришло в четвёртом часу ночи?!

Бред, отчётливо прозвучало внутри.

Старческие бредни. Маразм.

Маразм?!

Мысль ударила как током.

Она схватила проклятую штучку, столько нервов стоившую ей в эти сутки.

Ну, ладно же!

Она выбросит его. Вышвырнет из окна. Нет, прежде сломает, а потом вышвырнет. Лишит возможности ещё кому-то дёргать нервы.

Она яростно нажала на оба конца, силясь переломить цилиндрик.

Тот не поддавался. Или руки скользили?

Схватила кухонное полотенце. Попыталась ещё раз, изо всех сил. Не получалось!

Фонарик выскользнул из ткани, глухо стукнулся в коврик на полу — и вдруг затеплился желтоватой лужицей света. Татьяна остановилась. Мысли сбились. Постояла, подняла осторожно, повертела в руках.

Что это с ней сейчас было? С ней, нормальным человеком, из-за ничтожной вещицы, к тому же со сломанным выключателем?

Видели бы люди!

Надо прийти в себя. Выпить валерьянки. Просто такой выдался день. Может, магнитная буря. Или даже геомагнитный шторм. Она читала, такое бывает. И влияет на людей: нервы, раздражительность, бессонница. Как раз её случай.

Может, разбудить мужа, рассказать ему? Но что именно рассказать, какими словами?

И чем, в конце концов, виноват этот фонарик — что показывает *другую* жизнь? Которая могла бы стать *её* жизнью?

При этом *другая* жизнь может начаться, а может и не начаться. Выключатель-то сломан!

То есть её судьба — зависит от сломанной кнопки? Включится — и пожалуйста тебе: всеобщее внимание, и симпатия, и радужные краски вокруг, и даже забытая… ну да, забытая любовь?! А не включится — значит, прозябать и дальше? Покорно стареть? Доживать свою пресную жизнь?!

Это ей-то, Татьяне! Которая всегда жила ярко, насыщенно, была на виду! К которой прислушивались!

И как быстро, как незаметно всё ускользнуло…

Что же делать? И кто виноват во всём?

Где-то она встречала вот именно эти вопросы… Кто-то уже ими, кажется, мучился…

Послышались шаги. Муж проснулся, шёл в сторону уборной. Заглянул сонный, спросил:

— Не спишь?

Она промычала что-то неопределённо-успокоительное.

…И что будет потом?

Не потом, а теперь, подумалось. Или послышалось внутри. В этот день и ночь многое было непривычно, странно. То ли думалось, то ли слышалось.

Но эта другая, новая — или всё-таки старая? — жизнь, освещённая фонариком, была так хороша! Или так забыто хороша?

Наверное, к ней можно как-то приблизиться, пробиться. Только она забыла как.

Как же?!

Придётся заново учиться… учиться жить, вот что — продолжалась мысль, словно подводя её к решению. Ответ уже брезжил, и думалось более спокойно, не так лихорадочно. (Наверное, мозг всё-таки начинал дремать. Сказывалось утомление.)

А учиться, между прочим, никогда не поздно. Это тоже кто-то умный сказал.

Надо бы ей поучиться, да… никогда не поздно… А чему именно?

Говорить… думать… смотреть вокруг…

— А помнишь, мы с тобой учить язык хотели? — вдруг, выпрямившись, во весь голос спросила Татьяна в сторону спальни. — Ну, чтобы путешествовать… Ещё рассуждали, какой лучше — английский или французский… Помнишь?

И спохватилась с опозданием: вдруг человек уже уснул?

Но он отозвался сразу, хоть и сонно:

— Ну, помню… Ох, ты меня и задалбывала… Ну хочешь — можно опять учить.

И ей было почему-то приятно, успокоительно это слышать. Как будто ей открыли путь, махнув зелёным флажком: «Можно!»

— Я ж французский уже начинала! А сейчас забыла всё, — пожаловалась она. — Тетрадку потеряла…

— Ну… найдёшь тетрадку, — пробурчал он. — Или новую…

Всё-таки его утягивало в сон. Человек наработался, и организм властно требовал компенсации. Он выполнил намеченное на день. А она, Татьяна, — нет. Брошенные дела, как нерешённые задачи, укоряюще маячили где-то рядом, не давая погрузиться в блаженное забытьё.

Надо было всё-таки найти мальчишку… Может, расспросить детвору во дворах? А вдруг он вовсе не спит сейчас, а плачет в подушку? Да, прямо завтра пойти туда и найти… Представить только его глаза, когда увидит своё сокровище…

И ещё этот кусочек клумбы — навести бы там порядок. Разве нельзя выделить полчаса в день? Посадить, например, лилии, тигровые, яркие… Или юкку — остролистую, пышную, как зелёный салют. Если обрезать снизу — она станет похожа на маленькую пальму. Поливать через день. И будет совсем другой вид во дворе!

Может, даже та хмурая пара однажды остановится полюбоваться. Посмотрят-посмотрят, а потом глянут друг на друга и улыбнутся…

А продавщица, у которой подруга уехала? Нет, тут не разобраться на усталую голову. Может, просто пройти как-нибудь мимо: захочет—заговорит сама…

А ещё, конечно, надо мужу на даче помогать. Хоть понемножку… Что это она свалила всё на одного? И веселее вместе. Там тоже цветы посадить, какие-нибудь необычные… Жаль, орхидеи—цветы не дачные, не приживутся. Ей нравились орхидея фаленопсис, орхидея стангопея…

И вдруг она вспомнила! И воскликнула в полный голос в сторону спальни:

— «Стаг»! По-французски «стаг»—это «стадион»! Слушай, я на стадион хочу, сто лет не была! Давай как-нибудь вместе сходим?

Ответа не было. Но она и не ждала—просто представляла себе нагретые солнцем трибуны, и чистый вольный ветер, и фигурки спортсменов внизу, на ярко-зелёном футбольном поле, на тёмно-серой беговой дорожке, вокруг ямы с жёлто-коричневым песком. Они жили единой, особенной спортивной жизнью, но у каждого были свои отдельные движения, свои упражнения, свой ритм. И каждый упорно шёл к своей собственной отдельной цели, шёл, упорно преодолевая лень, сомнения и невзгоды.

И вместе с этой воображаемой картиной наконец-то наступила блаженная усталость, как после правильного, нужного дела. Видно, в эту ночь нужным делом были непривычные задачи: не математические и даже не очень-то практические, а как бы немного волшебные.

Но при этом очень, очень нужные. Просто совершенно необходимые.

Совпадение

Ни на какое дело он не собирался—сто лет как завязал.

Давным-давно, едва откинулся, сразу переехал. Родителей уже не было в живых, а больше ничто его не держало. Так что все связи разорвал и начал жить, как писали в стенгазетах, с чистого листа.

Устроился на работу, вкалывал от звонка до звонка—сначала на заводе, потом на ОАО, что осталось от завода. Платили регулярно, с расспросами не лезли, в кенты никто особо не набивался—чувствовали зону отчуждения. И вообще—зону. Его устраивало. Не тянуло ни в весёлые компании, ни в пустой трёп, да и видел слишком ясно: этот пыжится, строит из себя авторитета, те двое рядом—шныри-подхалимы, прочие—мужики колхозные. Скука, словом.

С женщинами, бывало, знакомился, сходился, не без того. Но к себе никогда не водил—это установил железно. И вообще давал понять, где чьё место. Ну а с возрастом и само собой отошло.

Была у него главная цель: своё жильё. Несколько лет прошло, пока добился. Ещё пара-тройка—пока обустраивался. Капитальная дверь. На окнах решётки. Зато теперь вечерами, переступив порог, всякий раз на секунду замирал, прямо-таки кожей ощущая: моё. Собственное.

На пенсию уходил спокойно—знал, что проживёт. А надо будет—найдёт где зашабашить. Руки всегда были как надо приставлены. Так что заслуженного отдыха, можно сказать, ждал как дополнительной свободы.

Не ожидал одного: что… затоскует, что ли. Оказалось, гремучий цех с мутными окнами и постылый трёп—политика, олигархи, бабы, бабы, олигархи, политика—для чего-то были нужны. А без них, оказалось, чего-то недостаёт. И в голову лезут дурацкие, сроду неведомые вопросы: «Зачем?», «Кому?» и «Что дальше?». Бывало, шабашил—ездил за город, косил траву на дачах. Заказчики жили в городе, землёй не занимались, просто держали как валюту в банке. Он этого не понимал. На соседних дачах жили другие. Он смотрел на этих других: как суетятся, ковыряются в земле, вечно в грязи, в раздолбанных галошах, на солнцепёке. Этих тоже не понимал. И хотя порой тянуло поговорить, так ни с кем и не познакомился. И, закончив работу, опять тосковал.

Он сам себе изумлялся. Раздумывал: с чего бы? Бродил по улицам, словно искал что-то. Выучил наизусть все ближайшие дворы, все соседские привычки: кто с кем сплетничает на скамейках, у кого какая собака, в каком окне скандалят муж с женой. Некоторые физиономии примелькались до тошноты.

И среди них эта старуха с седыми кудельками. Похоже, одинокая. Одета невразумительно. Палочка, очочки. Блаженная улыбочка. Гладит кошек, крошит хлеб голубям. Бредёт себе, останавливается цветком полюбоваться. А один раз заметил: стоит возле дерева, задрав голову, будто окаменела. Присмотрелся: оказалось, на нижней ветке птица сидит, чёрненькая, вроде скворца. И поёт. Прямо-таки разливается трелями, с переливами, словно концерт даёт для единственной слушательницы.

Он приостановился. Старуха, конечно, не заметила, вся в слух ушла, а пернатый его засёк: перепорхнул на всякий случай повыше. Однако арию свою не прервал—допел до конца и только потом, прошуршав крыльями и листьями, удалился за кулисы.

Старуха так и осталась стоять, будто надеясь на продолжение после антракта. А он, усмехнувшись, двинулся было дальше… и в последний момент заметил их.

Бриллианты!

В старухиных ушах.

Сначала даже не поверил сам себе. Решил: мерещится. Да ведь глаз-то намётан! Проморгался, присмотрелся — они… брюлики.

Удивился сильно. Даже пришло в голову: не подпольная ли миллионерша? Доводилось от бывалых людей слышать про таких. Но, понаблюдав, отверг мысль — уж слишком простодырая бабка.

Решил убедиться ещё раз. Дождался момента — носила она их не каждый день, не брезговала и дешёвыми побрякушками — и встал следом за ней в магазине.

И убедился точно: натуральные старинные бриллианты, оправа добротная, сейчас таких не делают.

Ну и сама собой родилась эта мысль. Привязалась не на шутку. Не то чтобы от нужды или жадности, а чисто спортивный интерес, что ли…

И главное, до чего гладко всё складывалось — он сам поразился! В подъезде домофон вечно поломан, дверь хиленькая, замок допотопный, да в придачу первый этаж. Будто сама судьба дорожку проложила. Он даже просчитал, где она их хранит: аккурат напротив окна, на комоде, в резной деревянной шкатулочке.

Одно он не мог взять в толк: как раньше-то никто не заинтересовался? Хотя кто тут в бриллиантах понимает, в старом, сто лет не ремонтированном доме?.. Да и, глядя на неё, кому в голову придёт заподозрить драгоценности под жалкими седыми кудельками?

Продала бы, глупая, размышлял он. Дверь бы приличную поставила, какой-никакой ремонтик затеяла… Так нет, небось, бережёт память мамаши или любимой тётушки. Такие вот именно вечно с памятью носятся.

В общем, не иначе — вот именно его-то и дожидались камушки.

Судьба. И фарт.

А может, просто аукнулось прошлое. И, опять же, плохо лежит. Ну и просто скука, понятно. Одиночество. Однообразие.

По утрам она совершала первый выход — в ближайший «Магнит». Шествовала не спеша, покупала какую-нибудь ерунду — сумка и на обратном пути выглядела такой же тощей. Небось, больше болтала с продавщицей или кассиршей, вообще любила почесать языком: с соседкой, с уборщицей, со всеми собачниками. Иногда на обратном пути заглядывала в аптеку. В общем, на магазин уходило у неё почти два часа, причём одни и те же: девять — одиннадцать. Очень удобно.

Так что в назначенный день потребовалось всего-навсего вовремя прибыть.

Ещё издалека он засёк знакомую фигурку в неразумительно-пёстром платье. Незаметно приблизился, убедился: без серёг! Приостановился, выжидая, пока старуха скроется за поворотом. Для верности дождался ещё возвращения старика с мелким скандальным псом — дед тоже выгуливал питомца об эту пору. Удачно, что со старухой они разминулись, не остановились обсуждать погоду и собачкино здоровье.

Домофон, как обычно, не работал, подъездная дверь подпёрта кирпичом. Как по заказу! Лестничка в пять ступенек, один шаг к допотопной старухиной двери, перчатки на руки, лёгкое движение отмычкой — и вот он уже в её квартире…

Комнатушка, естественно, убогая. Старый комод, древний буфет, стол посередине, занавески в цветочек…

Сначала он задвинул эти занавески, а уж потом направился к комоду. Шкатулка, конечно, не запиралась. И серьги — да! да! — поджидали его внутри, слегка мерцая. Как будто дружелюбно подмигивая. Ровно секунду он помедлил, вглядываясь, — и вот уже приятная тяжесть холодила ладонь.

Дальше всё было ясно: прикрыть шкатулку, три шага до двери, ещё два к лестничке — и…

В допотопной двери вдруг заскрежетало.

Он не поверил ушам: там явно возился ключ!

Старуха вернулась через десять минут?!

Он растерялся. Даже вспотел враз, и сердце забилось. И в ту же секунду в глаза прямо-таки выстрелил потрёпанный бурый кошелёк на столе.

Старуха забыла кошелёк!

Тут-то и кончился фарт.

И не потому, что не заметил проклятый лопатник. Просто тело ни с того ни с сего перестало слушаться. Утратило сноровку? Или просто — догнала старость-не-радость?

Вместо того чтобы, рванув старый шпингалет, одним прыжком махнуть в окно, — первый этаж, полтора метра до земли! — он затоптался на месте, заозирался — и дождался-таки хозяйки! Она уже топала по коридорчику.

Идиот!

Успел, правда, заметить длинную узкую вазу на столе. Схватить, пока она не опомнилась, ударить — не сильно, только оглушить, меру он всегда чувствовал — и опять-таки в окно…

Но и этого не успел.

В конце концов — позор! — он, как пацан, нырнул под стол. Старая, близорукая — может, не заметит? И перестал дышать.

Но старая и близорукая вдруг сдавленно пискнула:

— Вася!

Уронила сумку, простёрла руки к столу — и снова:

— Васенька! А я тебя вижу!

После чего ни с того ни с сего затряслась и зарыдала.

Он окаменел в нелепой полусогнутой позе. Рот сам собой приоткрылся. Мысли разбежались. Интуиция молчала. И весь хвалёный опыт безмолвствовал.

А старушка, всё так же вытянув руки, неверным шагом двинулась вокруг стола — к нему.

Но на полпути у неё, похоже, подкосились ноги, и она, кое-как нащупав стул, рухнула на него. Тяжело дыша и не отрывая от него слёзно-жалобного взгляда.

Тут у него наконец родилась ясная и определённая мысль: «Чокнутая!»

И старуха немедленно её подтвердила. Вскрикнула дребезжащим голосом:

— Дождалась! Вернулся!

Натужным рывком оторвалась от своего стула и шагнула прямо к нему. Он не ожидал. Попятился, отступая в сторону окна, но поздно: в следующую секунду она реально висела у него на шее! Сжимала его дрожащими ручками и прижималась мокрым лицом. И при этом бормотала какой-то бред:

— Братик… Пропащая душа… Всё-таки вернулся! Как обещал!

Ему вдруг стало… плоховато. Даже немного закружилась голова. Он вообще с трудом переносил чужие прикосновения. Машинально дёрнулся к окну, рванул шпингалет, распахнул раму — не убежать, а просто освободиться, вдохнуть воздуха. Старуха отшатнулась, но не перестала голосить:

— Постарел, полысел… Да ведь сколько лет прошло — сорок, что ли? Но узнать можно, можно! А ты меня-то узнаёшь, Васенька? Братик! А я верила, всегда верила, что вернёшься! Обещал же: заходишь ты, Анютка, домой, а я тебя там поджидаю! И вот нашёл меня… Не зря мамочка говорила: Васька у нас упрямый, что решил — то сделает! Не пропадёт, дождёмся! Сама-то не дождалась… а я вот сподобилась!

И она опять схватила его руку.

Он опирался на подоконник, тяжело дыша. Сердце стучало. Точно, старость, подумалось мельком. В этой комнатушке, рядом с этой старухой он не мог соображать, не мог придумать, как выпутаться из её сумасшедших фантазий, из этих слабых сморщенных ручек. И не мог выдавить ни слова.

Может, это наказание такое? — пришло вдруг в голову. За слабость. Соблазнился камушками, как мальчик. А что эти камушки? Ну, толкнуть по-быстрому или в ломбард сдать — и что дальше? Иномарка? Царские палаты? Ещё одна новенькая, с нуля, жизнь?

Старый козёл!

И что теперь делать с этой чокнутой?!

Неожиданно стало легче: это старуха отпустила руку, застучала дверцами буфета, выставляя какие-то чашки, мисочки с вареньем, кулёк с сушками…

Он следил за ней глазами — а что ещё оставалось? — и на мгновение, на сотую долю секунды вдруг почудилось: он и впрямь узнаёт вот эту суетливую походку, и старческое залитое слезами лицо, и дрожащий голос…

Бред!

Глюки!!!

Дожился, нечего сказать…

Да будь у него сестра, разве так бы сложилась жизнь?!

Тем временем она метнулась в кухню, загремела чайником. Полилась вода из крана.

И он понял: это реальный шанс!

И явно последний.

Одно резкое движение, упор о подоконник, прыжок — и он растворится в пространстве. И больше в жизни не попадётся ей на глаза. Он это умеет.

Но сердце стучало так, что стало понятно — никакого резкого движения не выйдет. Выйдет только шагнуть назад и боком опуститься на тот самый стул.

— Да ты меня не узнаёшь, что ли, Вася? Анютку свою, сестричку! Ещё в детстве Нюсей звал. Забыл? Теперь-то, конечно, не та… А вот я тебя, Васенька, сразу узнала!

Голос её уже не дрожал, а звенел. Мелкими шажочками она семенила вокруг, словно приплясывая. Слёзы враз высохли, и даже морщины как будто разгладились. И близорукие глаза теперь сияли.

— Это ничего, что жизнь так сложилась. По юности с кем не бывает! Плохая компания, подбили на дурное дело… папа сильно сокрушался, что тебя не удержал. И мамочка всё говорила: виноваты, не досмотрели! И я тоже, всё-таки старшая сестра… Но главное, ты же встал на путь исправления, да?

Он вдруг спохватился, что кивает в такт её речи.

Она как будто… дирижировала им!

И он… подчинялся?!

— Ну вот! Как и обещал, и писал из колонии… Ну конечно, когда потом столько лет молчал, не отзывался, мы разное думали. Но я всегда верила: рано или поздно ты опомнишься, выправишься! Ведь обещал. Внутренний-то стержень у тебя хороший, настоящий. Это и папа говорил. И душа добрая! Мамочка всё вспоминала, как ты собачек домой приводил. Я-то кошек больше привечала…

— Кошки людей не могут любить. А собаки могут! — ни с того ни с сего брякнул он.

— Вот опять ты за своё! — залилась она счастливым смехом. — Ой! Да что же это я — чаем тебя… У меня же котлеты в холодильнике! Куриные! Ты ж голодный, Васенька, да? Будешь котлетки?

Он пытался собраться с мыслями. Но возле неё они как-то разбегались. Он сам себя не узнавал. Еле выдавил:

— Да я, Анюта, понимаешь…

— Всё! Всё понимаю, Васенька! — подхватила она радостно. — Кто ж тебя поймёт, как не я? Вот сядем за стол, как раньше, и всё-всё мне расскажешь…

И опять наладилась в кухню.

— Я что сказать хочу… По паспорту-то я не Василий, — наконец договорил он, глядя ей в спину.

— Не Василий? — слегка удивилась она, поворачиваясь. Всмотрелась было в него, но тут же махнула рукой: — Ну, это дело твоё! У меня вот соседка была Поля — тоже стала Алевтина. Но для меня-то ты всё равно Васенька! Родимый братик! Кровиночка! Ну пойдём, пойдём, хоть покушаешь по-человечески!

Не переставая щебетать, она тянула его в тесненькую кухню, к шаткому столу.

— Ну надо же! А мне ещё сон третьего дня такой хороший приснился! Вроде веду я тебя, маленького, к речке, а ты воды боишься, упираешься, и сзади мамочка идёт, смеётся…

Тарелка с котлетами уже дымилась перед ним.

— Спасибо… тебе, — с усилием выговорил он.

— На здоровье! Долгожданный ты мой! — счастливо всхлипнула она. — Ну, не буду обниматься, не буду! Помню, что не любишь… Ой, если б знать! Я бы яблочный пирог… Запеканку, как мамочка делала… Ну, завтра сготовлю! Нам же теперь спешить некуда! Мы с тобой теперь только и жить начнём, да, Васенька?

Он с усилием кивнул. В горле стоял ком.

Наконец продышался. Откусил от котлеты. Медленно прожевал. Вкус был отчётливо знакомый.

— Тебе дверь бы сменить, Нюся, — сказал скрипучим голосом. — Ну, это я сам займусь…

Потом спохватился:

— Руки не помыл! Ванна там у тебя?

Как мог бесшумно скользнул в комнату.

И лёгким, ловким, неуловимым глазу движением вернул серьги в шкатулку.

Илья Сельвинский

Наша биография

Итак, хлыстом мои губы выстегай,
Цепью и крючьями вытащи крик.
Как всякий поэт, я — сердце статистики:
Толпоголос мой голый язык.
И се аз глаголю: не эпилепсийщиной,
Дыхом толпы душа взмятена.
Свистами сверстников зубы насыщены.
Что ж я за племя? Обдумайте нас.
Мы, когда монархии (помните?) бабахали,
Только-только подрастали, среди всяких «но»,
И нервы наши без жиров и без сахара
Лущились сухоткой, обнажаясь, как нож.
Мы не знали отрочества, как у Чарской в книжках, —
Маленькие лобики морщили в чело,
И шли мы по школам в заплатанных штанишках,
Хромая от рубцов перештопанных чулок.
Так, по училищам, наливаясь желчью,
С траурными тенями в каждом ребре,
Плотно пёрло племя наших полчищ
С глухими голосами, будто волчий брех.
И, едва успев прослышать марксизм,
Лишённые классового костяка,
Мы рванулись в дым, по степям по сизым,
Стихийной верой своей истекать.
И если бы этой вере — наука
Взамен утопических корневищ, —
Мы знали бы свой политический угол,
И не жёг бы совесть шелудивый свищ.
Но выли плакаты, трибуны и газеты,
Все что-то знали, все были тверды,
А мы глотали и то и это
И не умели заплатывать дыр.
Мы путались в тонких системах партий,
Мы шли за Лениным, Керенским, Махно,
Отчаивались, возвращались за парты,
Чтоб снова кипеть, если знамя взмахнёт.
Не потому ль изрекатели «истин»
От кепок губкома до берлинских панам
Говорили о нас: «Авантюристы,
Революционная чернь. Шпана…»
Какими ж зубами удержать свою ругань?..
Как вам втемяшить, что в гражданский угар
Мы мыкались в поисках неведомого друга,
В одном направленье видя врага;
Что, диаграммой истории владея,
От пролетариата не уйти нам теперь
По возрасту, по пульсу, наконец, — по идеям,
По своей, наконец, социальной судьбе?
Товарищ! Кто же там! Стоящий на верфи…
Вдувающий в паровозы вой! —
Обдумайте нас, почините нам нервы
И наладьте в ход, как любой завод,
Чтоб и мы имели право любить свою республику
Кровью, всерьёз, без фальши, без опер,
И выйти из жёлтого кадра пухленьких
Честных плательщиков в Доброхим и МОПР.

1921–1925

Никита Николаенко

Приоритет старых понятий

Коронный номер

Началась эта трогательная история в конце марта двадцатого года. Я закончил роман и вновь браться за перо не испытывал ни малейшего желания. Намеревался отдохнуть, хотя бы до лета. Заслужил. Но для уважающего себя человека нет слов «хочу—не хочу», а есть слово «надо». Надо так надо. Не следует делать вид, что знаковые события тебя не касаются. Ещё как касаются.

Напасть свалилась неожиданно. Коронавирус какой-то! Сразу же, неизвестно зачем, на столичных улицах появились полицейские броневики и полицейские же машины с зарешеченными окнами. Для чего? Для борьбы с напастью? Бог ведает, но страху на граждан нагнали нешуточно. В одночасье город словно вымер. Ограничения! Из дома не выходить под угрозой штрафа. Только в ближайший магазин или в аптеку. Кошмар!

По городу поползли слухи. В Интернете появились кадры войсковых колонн, стягиваемых к Москве. Возник вопрос: а не очередной ли это переворот? не борьба ли группировок за власть? Услужливо вспомнились события девяносто третьего года, танки на улицах, войска. Но тогда события развивались на ограниченной территории: Белый дом, Останкинская телебашня.

В спальных районах о драматических событиях можно было судить лишь по чёрным «Волгам», на большой скорости мчавшимся к центру города. И кадры из телевизора, конечно, где на потеху зевак танки расстреливали Белый дом. А так даже стрельбы не было слышно. Да и быстро всё закончилось. Гуляя в те дни по Арбату, я с большим удивлением смотрел на верхние этажи зданий, в которых окна, обращённые в сторону Белого дома, вдребезги оказались разбиты пулями. Кучи битого стекла лежали у стен на асфальте. Непривычная картина! Но за прошедшие годы граждане ко многому привыкли.

Моя бывшая жена Лена знала о вводимых ограничениях не понаслышке. Она работала врачом, заведовала крупным отделением в детской больнице и, конечно же, сразу оказалась в гуще событий.

— Смотри, какой пропуск нам выдали для перемещения по городу,—похвасталась она, демонстрируя документ.

Но пропуск впечатления не произвёл. Так себе бирка. У менеджеров бирки солиднее смотрятся.

— А это не боевой вирус?—поинтересовался я у неё.

— Не знаю. Но нас призвали ко всему быть готовыми.

Запреты! Так что же творится на улицах? Надо разведать. На четвёртый или пятый день после введения ограничений под угрозой штрафа я засобирался на улицу. И не в магазин или в аптеку, как ранее, а на прогулку по привычке. Боялся ли я штрафа? С моими-то доходами! Ежемесячно я отдавал режиму по десять тысяч рублей за коммунальные услуги, которые раньше стоили копейки. И пенсию мою отодвинули, да ещё налоги. В год выходило под триста пятьдесят тысяч! Что мокрому воды бояться?! А как же прогулки, привычные разминки на тренажёрах во дворах? Забыть? Но и подставляться не хотелось. Разминки подождут, а вот прогулки… Выбрал середину.

Завернув в ближайшую «Пятёрочку» за хлебом, я, нарочито размахивая пакетом, направился вдоль проспекта посмотреть, что творится на белом свете. Ну и себя показать, не без этого. Перед закрытым лентами родным парком «Сосенки» припарковалась полицейская машина. Ну, сейчас начнётся! Но никто из машины не вышел. Пройдя мимо со своим пакетом, я успокоился. Стало понятно, что сегодня арестов не будет. Тогда и размяться маленько не помешает! Спортплощадки закрыли лентами ещё намедни, зато старый пруд за церковью—пока нет. Пока шёл к церкви, с интересом посматривал по сторонам. Улицы-то как опустели! Никого вокруг. Непривычно! Москва ли?

А вот и пешеход, бегун, вернее. Навстречу бежал мужчина в спортивном костюме без маски. Надо же, явный нарушитель режима!—неодобрительно покачал я головой. Вместо того чтобы сидеть дома и дрожать как осиновый листок, бегает себе, оздоровляется. Таких вот и следует вязать в первую очередь. Впрочем, это мог быть работник прокуратуры или судья—говорят, их даже дорожная полиция не трогает. Если так, то, конечно, пусть бегает.

Обогнув церковь и обойдя пруд, я повесил пакет с хлебом на видное место и приступил к разминке.

Приятно двигаться на свежем воздухе! В одиночестве! Над прудом, отражаясь в воде, нависали купола церкви, а за ними возвышалась громадина делового центра. Знакомая для столицы картина. Вскоре на берег вышли два человека. Один из них, посмотрев в мою сторону, принялся переговариваться по телефону, а второй просто молча стоял рядом. Кроме нас, никого не было. Утки плавали только. Кто они? Почему вдвоём? Разведчики! Доложили про обстановку. Вскоре они прошли мимо, бросая любопытные взгляды, но я не прервал своих занятий. Разминка на воздухе весьма полезна.

Вернувшись и перекусив на скорую руку, я вновь засобирался на улицу. На глазах разворачивается история. Нельзя пропустить. Пока же мало впечатлений. Мало! Нет ясности общей картины. Желательно получить больше материала для вдумчивого анализа. Разминка в затишке—это одно, а вот пройтись на виду по проспекту—совсем другое дело. На этот раз мой маршрут пролегал в другую сторону. Людей по-прежнему было мало, но машины катились, и довольно оживлённо. По пути встречались одинокие мужчины в надвинутых на лоб капюшонах и с рюкзаками за спиной. Одинокие женщины в масках, азиатки по большей части, на ходу переговариваясь по телефону, тоже спешили куда-то. Встречались и парни-азиаты, по двое-трое. Шли они явно без дела, прогуливались и, видимо, не боялись проверок. Наверное, терять им было нечего. В их поведении угадывалась некоторая агрессивность. Ну да! Граждане другого государства, приехали, можно сказать, в гости, работать, а тут ограничения! Кому это понравится?

Нет, никаких проверок в тот день не проводилось. Довольно часто проезжали полицейские машины, многие с работающими проблесковыми маячками, они притормаживали около граждан, и только. А вот и большая стройка. Интересно—что там? А там, несмотря на запреты, вовсю кипела работа. Сверкала сварка, доносились стук, лязг и скрежет работающих механизмов. Краны поворачивали свои стрелы туда-сюда, с грузом и без, рабочие в касках оживлённо перекрикивались на этажах. Может быть, руководители стройки решили, что проще платить штрафы, чем останавливать такое грандиозное строительство? Не знаю. Не исключено, что и с властями была договорённость: дескать, работайте потихоньку, пока гром не грянет.

Да, тут уместно упомянуть, что моя бывшая жена Лена вручила мне неизвестно зачем клетку с молоденьким попугаем. По согласованию с ней я открыл у клетки дверцу, предварительно прикрыв окна, и обратился к питомцу: выходи, полетай немного! Но он и не думал вылезать из клетки. Похоже, что его всё устраивало. Вода и корм под боком, а для разминки можно и просто крыльями похлопать, порхая с жёрдочки на жёрдочку внутри клетки. Зачем, спрашивается, вылетать? Словом, из клетки я его выгнал, но пожалел о содеянном. Он уселся на дверь и так сидел на одном месте, даже не думая летать по квартире, как планировалось. На воле ведь ничего нет, зато в клетке… И корм, и вода. Уяснив ситуацию, я водворил его обратно. Пусть уж сидит на привычном месте. Всё голодать не будет.

Впрочем, и без попугая забот хватало. Привычный режим оказался нарушен. Ни размяться во дворе, ни прогуляться спокойно. Действовать приходилось с оглядкой на свежие новости из Интернета. За новостями дело не стало. То и дело слышалось: нельзя то, нельзя это. Что день грядущий принесёт? Информация обновлялась постоянно.

Так незаметно наступил знаменательный для меня день моего шестидесятилетия. Дожил, слава Богу! По такому поводу мы с Леной с утра отправились на прогулку. У неё был рабочий пропуск, а я так, за компанию. Нормально. Солнце уже пригревало, но и ледяной ветерок напоминал: до лета ещё далеко. Свернули было в парк, но вместо оговорённой прогулки практичная женщина повела меня в «Пятёрочку», отовариваться.

—У меня консервов мало,—кратко поздравив юбиляра, объявила она.

В «Пятёрочку» так в «Пятёрочку». Мне не привыкать. Консервы закупались для родственников, отдыхающих в то время на даче.

Между делом она принялась было рассказывать про новые ограничения, но я перебил её:

—К Пасхе всё закончится! Потеплеет—не удержать им народ по квартирам.

—Нет, не закончится,—возразила она.

Помня о том, что всегда проигрывал ей в спорах, я осторожно выдвинул свой аргумент.

—Они, организаторы, невнимательно читали «Один день Ивана Денисовича»,—предположил я.

—А что там?

—А там начальник лагеря издал строгий приказ, что запрещается передвигаться по территории лагеря в одиночку. Только в составе группы. Так поломался приказ по-тихому, как и все громкие приказы. Скажем, вызывают к себе стукача—так не отправлять же с ним команду?

—Ошибаешься!—вновь повторила она и оказалась, как всегда, права.

Но ясно это станет позже. А тогда, за разговорами, нагруженные покупками, мы вышли из магазина.

—Теперь куда—домой?

—Поскольку покупки сделаны, то почему бы не отправить их сразу на дачу?—рассудила бывшая супруга.

Она всегда старалась довести дело до конца. Возразить на это оказалось нечего. А потому, добавив

к консервам ещё и дачный скрап, именинника отправили на почту. Еле дотащил поклажу!

На почте поначалу посетителей не оказалось. Я скинул куртку, поскольку взмок весь, и принялся паковать поклажу в два больших ящика. С оплатой по карте возникла заминка—завис компьютер.

— Ждите!—предложила девушка-оператор.

— Подожду, благо, уже без поклажи.

Народ между тем стал прибывать. Да все в масках!

— Больше двух человек в зале не собираться!— громко объявила другая девушка-оператор.

Народ в количестве пяти человек дружно переместился за порог и столпился там. За порогом можно, не считается.

До разметки дело в то время ещё не дошло. Компьютер заработал. Расплатившись и поблагодарив девушек, я, довольный тем, что отделался малой кровью, вышел на улицу. А там люди спешили по своим делам. Пройдусь и я для моциона, посмотрю, что творится на улицах.

— Гуляете?!—крикнула впереди идущая женщина молодой маме с коляской через дорогу.

Машин почти не было, вполне можно переговариваться.

— Надоело дома сидеть!—подтвердила та.

Для обсуждения этого вопроса женщина направилась через дорогу к мамаше. Остановились. Беседуют. Вот бы послушать!

Я продолжил движение и увидел, что навстречу идёт патруль из трёх рослых гвардейцев—двое полицейских и охранник. Все экипированы, смотрятся внушительно. Свернуть или не свернуть в сторону? Краем глаза отметил, что идущая почти вровень со мной женщина свернула во двор. Я же продолжил движение. Оштрафуют—можно отнести за счёт творческих расходов. Медленно и без происшествий мы разминулись.

День рождения же сегодня! Вина бы выпить, а то и водочки! Может, женщина расщедрится?

— Мамуля, посылочку отправил, а денег на бутылочку и не осталось,—пролепетал я ей по телефону как можно жалостливее.—С патрулём, кстати, только что разошлись безболезненно. Не задержали.

— Доиграешься!—ответила Лена.

На двести пятьдесят рублей она расщедрилась. Ура!

На радостях я направился в магазин неподалёку. По пути внимание привлёк бутик «Интим-хаус». В витрине стояла девушка-манекен в форме медсестры в такой короткой юбке, что выглядывали трусики. На груди висела табличка. Любопытно. Я приблизился. Так и есть! «Без коронавируса!»— гласила надпись на табличке. Молодцы! Вовремя на спрос реагируют. Отоварившись в магазине вином, я направился домой. А дома… Дома меня ждал подарок. Запищал телефон, и на экране высветилась надпись: «На ваш счёт поступил платёж». Как кстати! Неужели неведомый мне благодетель расщедрился? Такое редко, но случается. Или кредит навесили помимо воли? Надеюсь, что не кредит. Время покажет. Однако и события за окном тоже привлекали внимание. В голове крутился простой вопрос: а что же будет дальше? Это ведь только начало.

На следующий день с утра погода испортилась. Задул порывистый ветер, повалил снег. Собравшись, я направился на разминку на привычное место у пруда. Все спортивные площадки к тому времени оказались перетянуты лентами. Нельзя! Нельзя так нельзя. Обойдёмся. У церкви стояли машины. Много. Шла служба, и мелодичный голос певчего далеко разносился по округе.

Перед церковной оградой прохаживались люди с маленькими детьми, и из подъехавших машин выходили дети. Не иначе как церковный праздник какой-то. Обойдя пруд, я приступил к тренировке. Снег временами валил довольно сильно, но не непрерывно, бил как-то зарядами, и было понятно, что он скоро закончится. Утки плавали как ни в чём не бывало. Десятка два их набралось в тот раз, не меньше. Изредка они поднимались в воздух, делали два-три круга над прудом и снова плюхались в воду. Забавно. Вместе с человеком разминаются.

Я успел сделать половину привычной разминки, как на берег вышел патруль—двое полицейских, в масках, в перчатках. Уже появилась мода на перчатки. Решив не испытывать судьбу, я прервал разминку и, не торопясь, по противоположному берегу двинулся к выходу. Ширина пруда всего-то двадцать метров. Захотят—окликнут. Я точно не торопился, шёл себе, поглядывая на уток и сожалея о том, что не захватил с собой хлеба. Я и раньше на дороге, когда сидел за рулём, при виде патруля снижал скорость, даже если ехал медленно. Привычка!

Полицейские громко переговаривались о своих делах, не обращая на меня внимания.

— Премия сорок пять тысяч!—доносились обрывки их разговора.

Неплохо. Такие деньги никому не помешают. Обогнув церковь, я вышел на проспект и направился к дому. Меня вновь обогнал мужчина в спортивном костюме. Полицейский фургон по-прежнему стоял у перетянутого лентами входа в парк. Из него так никто и не вышел. Распогодилось. Выглянуло солнце. Сразу стало веселее, и появилась надежда. Перемелется—мука будет. А по проспекту, направив струи вверх, катилась одинокая поливочная машина. А всё-таки как пусты стали московские улицы! Поговорить даже не с кем. Когда же всё закончится?

Вечером того же дня я подошёл к окну. Снег очистил воздух, и с высоты далеко всё просматривалось. Везде горели окна в домах, много, очень

много. Люди занимались домашними делами, готовились ко сну. На завтра обещали хорошую погоду, да и звёзды мерцали уже ярко-ярко. Луны почему-то не было видно. Краны на большой стройке застыли и не светились неоновыми огнями, как обычно. Наработались. Так что же будет дальше? Что ждёт город, страну и меня? Пока одно не вызывало сомнений: на пороге—настоящая весна!

Через день-другой с улиц Москвы исчезли патрули и дежурившие у входов в парки полицейские автобусы. Не проезжали больше ни броневики, ни машины с зарешеченными окнами. Не понадобились, значит. Мне вспомнились события почти двадцатилетней давности, когда прогремели взрывы в автобусах в Москве. Никто не пострадал тогда, да и автобусы оказались повреждены не сильно. В то время я работал директором охранного предприятия и помню, какую волну подняли по наведению порядка. Мои бойцы дежурили на маршрутах с оружием. Очень быстро всё сошло на нет. Людей отозвали, и взрывы больше не повторялись.

Минул ещё день. Москва потихоньку оправлялась от шока. Всё больше людей совершали пробежки по утрам, появились и самокатчики. Мамаши всё решительнее выходили на улицы с колясками проветриться. Опять нарушительницы режима самоизоляции. Как не стыдно! Их-то власть подкармливает, подкидывает копеечку на бедность. Могли бы проявить уважение.

Нет, всё не так! Занять бы их следовало, а не ограничивать, думалось мне. Отстояла бы такая деваха смену у ткацкого станка или отсидела бы за швейной машинкой. А потом в ясли за ребёнком—и домой. Не до праздных шатаний по улицам стало бы. Не собирались бы они в кучки, не шушукались. Даже на спортплощадках, опередив меня, появились крепкие ребята. Участковые стали прохаживаться во дворах, но больше для порядка. Людей они не трогали. Пока.

Наворачивая всё бóльшие круги по городу, я наблюдал за тем, как оживали улицы. Люди спешили по своим делам, а кто и просто прогуливался без дела. В масках по большей части. «Вы не те места закрываете, граждане!—мысленно обращался я к ним.—Вам бы карманы свои закрыть поплотнее, чтобы всякие прохиндеи по ним не шарили безнаказанно». Но поскольку обращался я мысленно, меня не слышали. Вскоре заработали и мелкие продуктовые лавочки, продавцы которых выглядели весьма раздражёнными. Заглянул я в одну из них.

—Чек дайте!—попросил у продавщицы стоящий впереди меня мужчина.

—А без чека что, домой не пустят?—огрызнулась та, но чек, конечно, выдала.

Убытки! Всё предстоит навёрстывать.

Вечером я устроился за компьютером посмотреть новости. На этот раз интересовали записи знакомых редакторов в «Фейсбуке». Как реагируют они? «Полюбуйтесь на злостного нарушителя режима самоизоляции!»—бросился в глаза заголовок поста известного редактора. Интересно. Кто такой? Пройдя по ссылке, я на мгновение оторопел, а потом чуть не свалился со стула от смеха. На меня смотрел мой портрет. В юморе редактору не откажешь, это было давно известно.

А тем временем на глазах оживала природа. Скованные было недавними морозами, набухшие почки готовы были распуститься, и кое-где даже появились маленькие зелёные листочки. Птицы щебетали всё громче. Тепло не за горами! «Сколько ещё пребывать в неведении—день, два, неделю?»—гадал я, посматривая по сторонам. А что пишет пресса, вернее, какие прогнозы дают в Интернете? Новости оказались противоречивые. То нельзя всех стричь под одну гребёнку, то призывали шире распространить ограничения. Поди разберись. А с высоты моего этажа улицы казались по-прежнему пустыми. К вечеру пригрело солнышко, и народу на улицах прибавилось. Всё? Нет. С выводами торопиться не стоило. Посмотрим, что будет завтра-послезавтра.

Лена вновь отправила меня на почту с посылкой, и на этот раз там произошли существенные изменения. Появилась разметка, и очередь тянулась далеко по улице. Приживался новый термин—«социальная дистанция», при несоблюдении которой некоторые тётеньки шипели на прохожих, как змеи. Маски, перчатки и ожидание. Работало всего одно окно—как объяснили, в целях безопасности. Остальные девушки-операторы сидели и скучали, но на замечания граждан огрызались весьма умело.

—Сейчас и последнее окошко закроем,—отвечали они.—Имеем право!

Диспуты сразу прекращались. Тот визит занял два с половиной часа. Немало!

А дома попугай по-прежнему сидел в клетке с открытой дверцей и самостоятельно не покидал её. Вот образец самоизоляции! Не то что некоторые! С детства воспитывать надо.

—Иди, полетай, дружок!—обратился я к нему, просовывая руку в клетку, но он лишь порхал с жёрдочки на жёрдочку.

Ну и сиди на здоровье! Подумав, я принял решительные меры. Подгоняемый человеком, попугай вылетел из клетки. Как поведёт он себя на этот раз? Принялся летать-таки по квартире. Большого труда стоило изловить его и водворить на место. При полёте он громко чирикал и как бы насмехался: не догонишь, не поймаешь! Нет, благодарности за свободу от него не дождёшься!

Минуло ещё несколько дней. Я уже вошёл в привычный режим, не оглядываясь на запреты. Разминаться приходилось только не на тренажёрах во дворах, а на пруду у церкви. Ничего. Для разнообразия даже полезно. Утки там освоились и выходили на берег, прохаживались поодаль.

Тишина и покой. Изредка только раздавался колокольный звон. Хорошо.

Людей на улицах становилось всё больше, и город постепенно возвращался к привычной жизни. На велосипедах деловито по одному катились коробейники в зелёных и оранжевых куртках, с большими коробами соответствующего цвета. Вот уж для кого раздолье! Торопятся, время зря не теряют. Остановились, поговорили по смартфону и покатились себе дальше. Неплохо. Поливальные машины во дворах старательно мыли асфальт. После полива голуби охотно пили воду из лужиц с белой пеной, и ничего-то им не делалось. И вороны макали туда корки хлеба. Кажется, им даже нравилось. Шипучка. На лимонад похоже. «Скоро объявят о победе над напастью!»—оценил я усилия местных властей. Только вот—как скоро? И что думают по этому поводу соседи?

В лифте я столкнулся с мужчиной, живущим этажом выше. Поздоровались за руку.

— Похоже, что скоро преодолеем пандемию?—осторожно высказал я предположение.

— Да какая это пандемия?!—в сердцах воскликнул сосед.— Афера международного масштаба!

— Правда?

— Мелкий насморк выдают чёрт знает за что! Вот у вас из знакомых кто-нибудь болеет?

— Нет вроде.

— Вот и у меня нет.

Дальше он принялся костерить на чём свет стоит мировое правительство и прочее, прочее.

— Своих-то на дачу отправили?—перевёл я на другую тему.

— Сегодня туда поеду,—подтвердил мужчина.

— Это хорошо, на даче всё веселее!—согласился я с ним.

К слову, те, кто оказался на даче в то время, находились в более выгодном положении, чем жители города, на мой взгляд. На природе лучше. И погулять можно без опаски, и воздухом подышать в охотку, и зеленью полюбоваться. А сидеть запертым в четырёх стенах—мало удовольствия. Но не все соседи разделяли эту точку зрения. Судя по экипировке жителей—маски, перчатки, некоторые восприняли угрозу весьма серьёзно. Да ладно, с Москвой всё понятно. А что же творится в других городах России? Везде ли одинаково? Интересно ведь!

Из любознательности я посмотрел в Интернете, что творилось в хорошо знакомом городке у моря—в Лазаревском. Местный житель как раз вёл съёмки происходящих событий. Всё так же. Пустые улицы, полицейские на пляже. Веселило, как при виде патруля он благоразумно нырял в аптеки от греха подальше. Знакомая картина! Значит, и там то же самое.

От погоды зависело многое в то время. Тёплая и малоснежная зима напоминала о себе и в апреле, как бы шептала: я ещё не совсем ушла, не забывайте обо мне. Погожие деньки сменялись ненастьем, и тогда резко дул ледяной ветер, летели редкие снежинки. Весна, несомненно, вступала в свои права, но как-то медленно и нерешительно, шаг за шагом.

В холодную пору граждане охотно соблюдали режим самоизоляции, сидели смирно по домам, улицы пустели. Но власть, похоже, не собиралась зависеть от погоды. В Интернете появились новые предупреждения о возможном ужесточении режима. Сорванные было ленты, ограждающие вход в парки да на детские и спортивные площадки, восстановили вновь, и мало того—даже во дворах стали останавливаться полицейские автобусы. Редкие прохожие опасливо посматривали в сторону патрулей. Я прогуливался по-прежнему. Идущая мне навстречу пара с двумя детьми, увидев такой автобус, остановилась.

— Что будем делать?—шепнула женщина мужчине.

— Идём, они не тронут,—так же шёпотом ответил он ей.

Пока людей во дворах не трогали. Пока.

Да, просто так сдавать завоёванные позиции власть не собиралась. На Вербное воскресенье появились полицейские на дорогах и стали массово останавливать машины для проверки. Усилились и пешие патрули. Вместо двух полицейских улицы Москвы теперь патрулировали четыре человека, и никаких охранников—все полицейские. У граждан стали проверять документы, спрашивать о целях перемещения по городу. На глазах закручивались гайки. Несмотря на хорошую погоду, город вновь выглядел пустым. О том, чтобы жарить шашлыки на природе, не могло быть и речи.

Вскоре опять похолодало, заморосило. Самое время размяться у пруда. Поехали! Появилась знакомая женщина с собаками.

— Сделаете пару снимков?—обратился я к ней.

— Отчего же не сделать?

Я охотно попозировал, и женщина, сделав пару снимков, удалилась. На противоположный берег вышел мужчина в куртке с надвинутым капюшоном, и почти сразу следом заехала полицейская машина. Из неё вышли два полицейских и принялись проверять у мужчины документы. Какая уж тут тренировка! Прервав разминку, я направился, как и ранее, по противоположному берегу от греха подальше. В тот раз уйти не удалось. Отпустив мужчину, полицейские двинулись мне навстречу.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

Я представился и продемонстрировал разрешение на оружие. Произвело впечатление. Ребята расступились, освободили дорогу.

— А электронный пропуск есть?—спросил-таки один из них.

— Писателю не обязательно,—ответил я на ходу, припомнив, что пока такой пропуск необходим

для передвижения на транспорте.—Я же пешком, в магазин, в аптеку—и домой бегом.

И, уже поднявшись на горку у пруда, крикнул напоследок:

— Кстати, бывший директор охранного предприятия, десять лет служебный пистолет таскал.

Ребята не ответили. И не надо. Доложат по команде, несомненно, а мне всё на пользу, всё слава множится.

Однако тренировки придётся прекратить, это стало понятно. Нельзя всё время испытывать судьбу. Ничего, остаются прогулки. Я вышел на проспект. Все прохожие шли в масках. А маски-то какие модные стали, особенно у молодёжи! С картинками! Может быть, и по завершении действия не сразу от них откажутся? Привыкли ведь.

Вскоре погода улучшилась, но днём город по-прежнему выглядел пустым. Такая картина была обычно утром в воскресный день. Но чтобы днём! Полицейских у входа в метро прибавилось, и документы они проверяли долго и тщательно. Нагулявшись, я направился домой.

А дома попугай стал с интересом высовывать клюв из клетки, но не вылетал сам пока, всё ждал приглашения. Выставлять его из заточения приходилось-таки мне. Развлечение? Несомненно. Нам обоим. Всё веселее дома сидеть.

Вообще-то эта неопределённость стала уже надоедать. Долго ещё? Солнце выглядывает всё чаще, птицы в лужах купаются—значит, тепло не за горами. Солнце вот-вот начнёт припекать по-настоящему, загорать пора, а все берега прудов по-прежнему лентами перетянуты. Не подступишься! А загорать-то где, на балконе? То, что всё закончится довольно быстро, казалось понятно с самого начала. Я даже срок обозначил для себя: к Пасхе всё образуется. Потеплеет—не удержать народ по домам, выйдут граждане на улицы. Не угадал. Удержали. Ещё как удержали! Права оказалась Лена.

На Пасху мы с ней отправились на прогулку к церкви, ну и кулич освятить намеревались.

— Представляешь, я подписала приказ, что в течение часа обязана прибыть на рабочее место!—просветила меня она.

— Свернётся всё к концу месяца!—не без сомнения отмахнулся я от надоевшей уже темы.

— Я буду только рада,—ответила бывшая супруга.—Но могут и продлить, не забывай—столько войск нагнали!

— Нагнали,—согласился я.—Да забыли о том, что силовики—это сыновья и братья тех мужчин и женщин, что ходят по улицам.

— Их из других городов привезли,—парировала она.

— Так и в других городах творится то же самое.

Тут кстати вспомнилось Лазаревское.

— Историю вспомнить не мешало бы.

— Какую ещё историю?

— Историю сорок первого года. Вспомнить, какого труда стоило поддерживать порядок в Москве. Это при том, что людей объединяла общая идея защиты от врага. А полномочия какие были! На улицах расстреливали. А сейчас-то что? Где власть и где народ? Дошло до того, что некоторые богатеи рассуждают, какие города закрыть, а какие нет. Эти-то куда с суконным рылом да в калашный ряд?

Никакого освящения куличей в тот день не проводилось, да и церковь выглядела на удивление пустой. Это в Пасху-то! И никого перед оградой! Лишь одна женщина подошла, поговорила с охранником и зашла на территорию храма. Удивительно! Зато за церковью у пруда народу хватало. Бегали физкультурники по дорожке, гуляли люди с собаками да пары в возрасте отдыхали на скамейках. Праздник у людей не отнять. Патрули в тот день не показывались. И правильно!

Мы с Леной в охотку подышали свежим воздухом на Пасху. Походили по склонам оврага, спускались к речке. Перемазались основательно, но остались довольными, поскольку соскучились по настоящим прогулкам.

— Тренировку отложил,—ворчал я для порядка.

— Сейчас тренируйся,—предложила Лена.

— Нет уж, гулять так гулять,—отказался я, а сам подумал о том, что войти в привычный режим потом будет непросто. Возраст!

Следующие дни отличались от этого, но не сильно. То вновь появлялись редкие патрули, то полицейские автобусы останавливались перед парками, по которым, впрочем, уже без особого смущения бегали физкультурники. Неизменным оставалось лишь одно: улицы Москвы выглядели по-прежнему пустыми. И машин по дорогам катилось меньше, чем обычно. «Где все граждане, чем они заняты?»—гадал я, оценивая разом опустевший город. Зато птицам стало раздолье. Прилетевшие скворцы и дрозды оживили картину. Они гуляли по травке, вытаскивали из намокшей от дождей земли жирных червяков и охотно лакомились ими. И мне пора зайти за продуктами.

В молочном магазине сотрудница открывала и закрывала двери, впуская и выпуская покупателей.

— Вахтёром теперь работаете?—поинтересовался я участливо.

— Да,—подтвердила она.—Один человек вышел, другой вошёл. Не больше. Зато нас не закрывают, мы работаем, а вот другие по домам без денег сидят.

— Работа—первое дело!—кивнул я согласно.

А тем временем события во Владикавказе показали, что людям надоело сидеть без дела по домам и ждать у моря погоды и что о своих правах они готовы заявить во весь голос. Кадры с места событий впечатлили. «Вы должны нас защищать, а вы против нас выступаете!—кричали крепкие парни силовикам.—За кого вы вообще воюете?»

Затем последовали волнения вахтовиков в Якутии. Запахло жареным.

И в Интернете продолжали стращать карательными мерами. Народ реагировал адекватно — с юмором. Ближе к майским праздникам в городе появились серьёзные патрули по шесть-восемь человек, да все в бронежилетах! Они контролировали перетянутые лентами пустые парки, проверяли у редких прохожих документы. Их появление подтверждало, что коронавирусу будет дан решительный бой. О привычных шашлыках с выпивкой на природе в предстоящие тёплые денечки гражданам пришлось забыть. Майские праздники без шашлыков! То ли ещё будет! Сорванные было гражданами ленточные ограждения восстанавливались снова и снова. Доступными оставались прогулки на свежем воздухе, да и то с оглядкой. Прогулки так прогулки. Всё лучше, чем ничего. Вручив мне в дополнение к попугаю ещё и рыбок, Лена отбыла на дачу. Я вновь остался один. Не привыкать!

В те дни у меня вошло в привычку выходить из дома ещё и вечером. Очень уж любознательно стало наблюдать за тем, что творилось на улицах. Вон парень с девушкой, беспечно держась за руки, направляются в сторону тёмного парка. Нарушители. Вот семья с детьми на самокатах прогуливается без сумок и без масок, явно для моциона перед сном. Опять непорядок. Вот воробьи как ни в чём не бывало клюют корку хлеба. Ну, воробьи ладно. А вот и пожилая пара, поддерживая друг друга и опираясь на палочки, ковыляет себе потихоньку, переговаривается. И они без сумок! Ну что взять со стариков? Они ведь Сталина живым ещё застали. А на остановках стали появляться листовки, где в стихотворной форме и довольно метко оценивались действия властей всех уровней. За словом у нас народ в карман не полезет. Впечатлило. Да и патрули ближе к вечеру исчезали куда-то с улиц. Ну и дела! Казалось, что вот-вот объявят о победе над напастью, и заживём как прежде. А стройки всё-таки встали. Наработались. Впрочем, вскоре они заработали вновь.

Похоже, что страх пропадал. Граждане всё чаще без собак и без масок высыпáли на улицы. Из неспешных их разговоров изредка доносилось слово «афера»! Поразило количество такси на улицах полупустого города. Армия парней села за баранки. К гвардейским частям охранников добавились гвардейцы-таксисты и коробейники. Мелькнула мысль: может, и производство наладят со временем? Масок хотя бы. А патрули то появлялись, то исчезали. Всё как обычно. Однако к майским праздникам полиции в парках явно прибавилось. Первомай без шашлыков! В Москве! На дачах пировать осталось только. В Москве не получится. Даже у участковых в руках появились дубинки. «Не слышно, когда всё это закончится?» — интересовались прохожие, разговаривая по телефону. А многие старики сидели по домам у окон и сквозь стекло смотрели на улицу, как на представление. Так безопаснее и веселее. Не всё на телевизор глядеть.

И всё-таки многие факты указывали на то, что представление скоро закончится. В первых числах мая с улиц исчезли многочисленные патрули, сорванные в парках ограждения где восстанавливали, а где и нет. Граждане всё вольготнее чувствовали себя на улицах. Полиции перестали сторониться. Напротив. Теперь мужчины подходили к редким полицейским в парках и интересовались довольно уверенно: «Для чего вы здесь стоите? Что и от кого охраняете?» Те отвечали, но как-то вяло. Жизнь постепенно входила в привычное русло. Накопившиеся бытовые вопросы требовали скорейшего решения. Ни постричься, ни примерить обновки. Надоело. «После майских праздников всё заработает!» — раздавались на улицах голоса.

Заработало даже раньше. Довольно бойко стали открываться маленькие лавочки. На праздник, девятого числа, ближе к вечеру я заглянул в «Пятёрочку» и обнаружил там знакомых продавщиц у своих развалов — зелени да молочных фермерских продуктов.

— Заработали? — поинтересовался я радостно.

— Заработали, слава Богу! — так же радостно подтвердили они.

— Наконец-то, заждались вас!

Выглядели женщины счастливыми, словно и не было полутора месяцев простоя. Наверстают теперь. Появился свет в конце туннеля! С перспективой жить куда легче.

А вот и солнце! И голуби купаются в лужах. Терять такой солнечный денёк никак нельзя! Но парки всё ещё перетянуты лентами. Как быть? Скинув рубашку, я направился вдоль проспекта. Обветрился часа за полтора.

Через день опять припекло. В задумчивости я вышел на улицу. Вновь гулять по проспекту? А вот и решение. Зайдя за огромный торговый центр, который пока не работал, я скинул рубашку и устроился на трубе над асфальтом. Тепло. И никого вокруг, что и требовалось. Сезон начался! Подставляя спину солнцу, я размышлял о бренности бытия. Полчаса пролетели незаметно.

— Здравствуйте. С вами всё в порядке? — поинтересовался дюжий охранник в зелёной форме.

— Всё в порядке, отдыхаю, — кивнул я в ответ.

Услышав внятное объяснение, парень продолжил обход. Я посмотрел ему вслед. Жарко на солнце в таком кителе! Алюминиевая труба нагрелась — не прикоснуться! Ничего не поделаешь, служба! Минул ещё час. Вновь появился охранник.

— Когда откроетесь? — обратился я к нему вежливо.

— Завтра два павильона открываются.

— Обувь там есть?

— Нет, только стройматериалы.

— Понятно.

И в тот день обветрился я неплохо, без маски и без перчаток, кстати.

Наконец глашатай режима объявил: конец близок! Как же бодро высыпал народ на улицы — засиделись! Некоторые граждане, по старой памяти, утеплились основательно, да уже давно потеплело — и люди снимали с себя верхнюю одежду и несли её в руках, удивлённо посматривая по сторонам. Надо же — чуть было весну не пропустили! Ещё встречались во дворах люди в белых комбинезонах да в зелёных костюмах химзащиты, но они уже смотрелись как привидения или как монстры из болота. Из оврага потянуло дымком. Соскучились люди по запаху дыма. Полиция тут как тут. Подъехали, оценили количество людей на природе, развернулись и уехали. Так-то вот! Народ обсуждал последние известия.

— Двадцать тысяч обещали дать, уже хорошо! — сказал проходящий мимо мужчина, обращаясь к своей жене с коляской.

Та имела недовольный вид. Таким сколько ни дай, всё мало будет.

— Простите, а вы надеваете маску, когда в «Пятёрочку» заходите? — обратилась ко мне женщина с ребёнком и с мужем, когда я степенно шагал с пакетами по проспекту после покупок.

— Перед входом накидываю, — нехотя признался я, понимая, что хвастаться тут особо нечем.

— А нас вот не пускают без масок, — пояснила женщина.

Я понимающе кивнул и продолжил движение, думая о том, что всему рано или поздно приходит конец.

Тем не менее проверки на дорогах продолжались. Мало того, рядом с полицейскими патрулями появились санитарные машины. Водителей выборочно, но настойчиво приглашали провериться. Это уже серьёзно!

— А нам пропуска продлили до середины июня, — шепнул незнакомый мужчина, занимающийся рядом на тренажёре во дворе.

Так-так. Тут и старый ковёрный при палатах выступил с посылкой: ограничения не будут сняты, пока не проголосуете. Ну-ну!

А дома загонять попугая в клетку становилось всё труднее. Он освоился, почувствовал вкус свободы и летал по квартире довольно уверенно. Поймать его стоило большого труда, только накрыв покрывалом.

— Так вот, значит, как ты! — вздыхал я, набегавшись за птицей. — Выпустишь такого из заточения — обратно не загонишь!

Попугай порхал и весело щебетал в ответ: не догонишь, не поймаешь!

Лена давно вернулась с дачи, и вечером мы с ней отправились на прогулку и остановились у знакомого пруда. Последний день весны. Завтра начало лета! Картина изменилась. Люди спокойно прогуливались по дорожке, рыбаки то закидывали, то выдёргивали свои удочки, под надзором хозяев у берега плескались собаки, поодаль от них плавали утки, без утят пока, вопреки ожиданиям.

— Ну вот, скоро закончится режим самоизоляции. Что скажешь на это, мамочка? — обратился я к спутнице.

Она смотрела на проблему с медицинской точки зрения.

— Пока не переболеет семьдесят процентов населения, ничего не закончится, — объяснила заведующая крупным отделением в больнице. — У меня медсестру забрали с подозрением на коронавирус, я думала, что и мне придётся в Коммунарку ехать.

— Обошлось?

— Обошлось пока. А так следят за нами строго, из корпуса в корпус в масках ходим, везде камеры. Кровь сдаём регулярно. У меня кровь два дня назад брали и в понедельник снова брать будут. Так что ничего ещё не закончилось.

Я слушал её, не перебивая, а сам думал о другом. О чём? Мы застали начало развития событий, когда оставалось только гадать: что же будет дальше? Пережили середину, когда дело шло ни шатко ни валко. И вот теперь на наших глазах происходило угасание действа, причём завершение шло как бы само по себе. Казалось, что напасть пришла ниоткуда и уходила в никуда. Ещё не сняли все ограничения, но не вызывало сомнения то, что теперь это вопрос времени.

Итак, основная опасность миновала, но я не стал бы относиться к полученному уроку с пренебрежением. На всём протяжении действия не отпускало ощущение того, что это лишь ширма для чего-то более значимого, скрытого пока от глаз общественности. Не случайно правительства многих стран отнеслись к угрозе весьма серьёзно. Не исключено также, что организаторы действия продемонстрировали мировому сообществу свои возможности. Как бы предупредили: пока вы отделались малой кровью, а в следующий раз столкнётесь с боевым вирусом. Это ещё не конец, и возможно драматическое развитие событий. И к подобной напасти следует основательно готовиться и власти, и народу. Той власти, которая в состоянии обеспечить действенные меры по защите своих граждан. И я допускаю, что своё веское слово об этом ещё скажет наш народ.

Приоритет старых понятий

Давно обратил внимание на то, что когда действую согласно своим внутренним убеждениям, то чувствую себя легко и свободно. Хорошая фраза получилась! Можно двигаться дальше. Особенно если есть уверенность в своей правоте. Вот только где бы взять силы на утверждение этой самой правоты? Но я настроен оптимистически

и не прекращаю поисков своих единомышленников. О чём это я? Ах да—о наболевшем!

В этом рассказе речь пойдёт о квартирном вопросе. Этот вопрос, в связи с тяжёлой болезнью отца—Деда, относительно недавно остро встал передо мной. Но не только о квартире пойдёт речь. О душе ещё намерен поговорить немного. Благо появился повод вспомнить и о ней.

Последний визит в онкологический центр на Каширском шоссе, куда пришлось везти Деда на очередной осмотр, ясно показал, что теперь время коротко.

— Сколько старику осталось жить на белом свете?—напрямую обратился я к лечащему врачу, когда всё стало понятно даже такому неспециалисту, как я.

Пожилая женщина сняла свои очки и устало посмотрела на меня.

— Что вы хотите от меня услышать?..—начала было она, но осеклась, замолчала.

Мы были знакомы уже больше года. Я регулярно возил к ней Деда, и мне казалось, что имею право задавать подобные вопросы.

— Мало!—ответила врач после паузы.—Очень мало ему осталось!—и назвала примерный срок, отпущенный Богом.—И это при благоприятном стечении обстоятельств!—для ясности пояснила она.

— Мало!—повторил я за ней задумчиво.—Очень мало!

Закончив визит, вышел на улицу и побрёл вдоль высокого забора из железных прутьев, за которым стояло высотное здание медицинского центра. Кругом лежал грязный московский снег, стояла пасмурная погода, редкие прохожие спешили по своим делам. Машины, как обычно, катились по проспекту непрерывным потоком. Казалось, что жизнь шла своим чередом, но определённо уже не для меня. Скорые перемены витали в воздухе, и я физически ощущал их приближение. Если до этого момента я испытывал относительное спокойствие, то теперь мной овладела тревога. Мало времени осталось! Мало!

Стало понятно, что привычный размеренный быт скоро закончится, всё пойдёт по-другому. Я уже испытал такое чувство, когда мне засветил реальный тюремный срок за «экономические преступления». Тогда—отбился! А вот теперь—на повестке дня встал квартирный вопрос. А с ним—перемены! Скорые перемены!

Мысли, одна неприятнее другой, пронеслись в моей голове. История тяжёлым плугом разделила общество на две части—условно говоря, на «мы» и «они», оставила глубокую борозду и в нашей семье. Отбросила нас с братом по разные стороны.

«Дождался-таки он своего часа!»—с большой неприязнью подумал я о брате. Сидеть в засаде он умел—в этом ему не откажешь! Мог всю ночь просидеть в засаде на кабана, держа палец на спусковом крючке, в надежде сделать один-единственный точный выстрел! И это ему удавалось!

Квартира! Минуло уже двадцать лет с тех пор, как брат ушёл из неё, занялся «бизнесом». Почему он не выписался до сих пор? За это период он не бедствовал. Купил три квартиры, две из которых сразу продал, приобрёл бывший пионерлагерь и более чем двести гектаров земли к нему в придачу. И ему всё мало! Вспомнился неприятный разговор, произошедший между нами больше года назад. Тогда, узнав о наследстве, которое оставлял нам отец,—по семьсот тысяч рублей, брат сразу потребовал свою долю. «Не торопись—старик ещё жив!»—ответил ему тогда. Всё же триста тысяч, по настоянию старика, передал ему. На два месяца.

Нет, тут надо было посоветоваться! Одному недолго и запутаться в проблеме! Только вот—не с женой. Она жила хоть и рядом, но отдельно, и у неё своих забот тогда хватало! Тогда с кем бы? Случай скоро представился. Моя давняя знакомая, которая переехала за город вместе со своим мужем, пригласила навестить их. Солдату собраться—подпоясаться, и скоро я оказался в уютном охотничьем домике далеко за городом. Раздираемый сомнениями, я поделился своими опасениями:

— Что будет с квартирой после ухода старика?

— Срочно решай квартирный вопрос, пока твой Дед ещё жив!—сразу ответила она.—Если не решить этот вопрос сейчас—останешься без квартиры!

— Неужели брат всё-таки явится требовать свою долю?—поинтересовался я с сомнением.

Хотя, по правде говоря, особых сомнений давно не испытывал.

— Обязательно явится!—уверенно подтвердила старая знакомая.—Явится и снимет с тебя последнюю рубашку!

— Значит, явится?

— Обязательно! Он уверен, что ему все должны платить!—пояснила собеседница.

Она была знакома с нашей семьёй.

— И что посоветуешь?—захотелось услышать её дельный совет.

— Что посоветовать? Свяжись с ним сейчас—попробуй откупиться!—предложила она.—Ты говорил, что год назад он уже приходил за деньгами?—напомнила собеседница.

— Приходил!—подтвердил я неохотно.

Тут в памяти и всплыл наш последний разговор. Сказал, что выпишется за семьсот тысяч рублей! Вспоминать об этом было крайне неприятно, но пришлось. Ответил ему тогда резко.

— Вот и скажи, что теперь ты согласен!—подсказала знакомая.—Он, между прочим, идёт тебе навстречу.

— Конечно. Можно сказать, что благодетель!—прокомментировал её слова с иронией.

— Подумай — квартира много дороже стоит! — парировала она. — Кстати, он не вернул деньги, которые тогда взял у Деда?
— Нет, не вернул. Как взял, так и пропал.
— И не вернёт! — последовал ответ.
— Значит, откупиться! От родного брата откупиться! — усмехнулся я про себя. — А то, что помогал ему в своё время, он уже и не помнит?!
— Конечно, нет! Ты же сам говорил, что уже оказанная услуга не стоит и гроша! — напомнила тут собеседница. — Я тебя предупреждала в своё время!
— Ты ещё скажи, что мне и в партию не следовало вступать! — нашёлся я в ответ.

Помолчали. Саша, её муж, в разговоре участия не принимал, лишь сидел на диване с отрешённым видом, чистил своё охотничье оружие.
— Ладно, как раз есть повод с ним связаться! — нехотя вернулся я к разговору. — Повестка ему пришла намедни, вызывают за просроченное разрешение на оружие! В любом случае — сообщить придётся.
— Вот и сообщи! — согласилась хозяйка. — Вот и воспользуйся случаем — переговори! Поинтересуйся, на каких условиях он согласен уступить свою долю.
— Продать, значит? — уточнил я.
— Конечно! — подтвердила она. — Без денег он не отступится!

Деньги! Родственник называется!
— Почему мы им должны платить?! — воскликнул я риторически. — По-моему, это они должны платить за каждый свой шаг, за каждый вздох на земле, которую «приватизировали».
— Оставь! — махнула рукой она.

Помолчали. Подошла охотничья собака, до этого дремавшая в углу, подставила свою холку. Потрепал для порядка!
— Впрочем, ответ мне известен наперёд! — добавила собеседница.

Надо заметить, что к подобным заявлениям я стал относиться на полном серьёзе, поскольку она редко ошибалась.
— И что же это за ответ?

Тут я с интересом посмотрел на собеседницу. Наперёд ей всё известно!
— Миллион он с тебя потребует — на меньшее не рассчитывай! — просто ответила она.
— Но он же взял уже у старика деньги, триста тысяч рублей, на два месяца!
— Взял и пропал — год уже не появляется! Об этих деньгах даже не вспоминай! — последовал совет. Кстати, не забудь сказать своему старику, что тебя предложение брата устраивает, а то он возражать будет! — подсказала ещё она.
— Эх, разными мы с ним дорогами идём, разным богам молимся! — риторически воскликнул я напоследок.
— Хватит вам спорить! — вмешался в разговор Саша. — Ты ружьё с собой взял? — обратился он с вопросом.
— Взял, в багажнике лежит, — последовал ответ.
— Поехали тогда, зайчиков постреляем! — предложил заядлый охотник. — Здесь недалеко, в свете фар так и прыгают!
— А поехали! — охотно согласился я. — Развеюсь на природе от мрачных мыслей!

В тот вечер подстрелить зайцев не удалось. Наверное, Саша просто так выехал на природу. Собак выгулять. Но поездка того стоила. Я пристально смотрел на заснеженные поля и леса вокруг. «Вот откуда буду черпать свои силы!» — без всяких прикрас подумал тогда.

Через пару дней, повертев в руках письмо из увд, я набрал номер брата.
— Повестка тебе пришла, насчёт оружия! — объявил ему и продиктовал контактный телефон, указанный в повестке.

Он всё записал.
— Да, есть ещё один вопрос, — тут я сделал над собой усилие. — Ты говорил, что тебе нужны деньги? Так определись, сколько, и реши наконец-то вопрос со своей пропиской! — предложил я ему.

Ничего не ответив и не поблагодарив даже за сообщение о повестке, брат повесил трубку. Пообщались.

Тем временем заботы о больном старике поглощали всё больше внимания. Даже на творчество оставалось всё меньше времени, и темп работы заметно снизился. Я даже стал позволять себе не отвечать на замечания уважаемых редакторов из разных стран, переписка с которыми до этого шла полным ходом. Просили показать свежие фотографии — некогда было фотографироваться. Предлагали прислать новые рассказы — не хотелось заниматься их правкой. Напоминали, что хорошо бы прочитать рукопись и оставить отзыв, — не оставалось ни сил, ни желания. К тому же при отправке писем компьютер постоянно зависал, и отвечать на одно письмо приходилось по пять раз. «Может быть, отстанет брат, выпишется по-тихому, не станет предъявлять претензии?» — думал я иногда. Верилось в это почему-то с большим трудом. Только воображение рисовало радужную картину.

Между тем за мелочными заботами время летело незаметно. До нового две тысячи двенадцатого года оставалось всего ничего — неделя, кажется. В один из предновогодних дней, поставив машину на стоянку, я возвращался пешком к дому, привычно меся мокрый снег под ногами. Вечер давно наступил, вокруг было темно, сыро и промозгло. Радоваться было особо нечему, да и погода не способствовала. Но на Новый год так хотелось праздника!

По дороге я прикидывал успехи, с которыми подходил к Новому году. Скромные оказались успехи, надо признать! Из четырёх журналов с моими рассказами, выхода которых с нетерпением ждал к Новому году, прислали только один.

Да вдобавок жена приболела немного, что тоже не добавляло веселья.

Неожиданный и противный писк мобильного телефона отвлёк от мрачных мыслей и вызвал немалое удивление. Сообщения я получал по большей части только тогда, когда мой баланс был ниже двух долларов или пятидесяти центов. Но нет — не звонил я никому за последнее время! Не должны были мне слать очередное напоминание о необходимости пополнить счёт. Что за новости? Надо посмотреть!

С недоумением я вчитывался в полученное сообщение: «Продам свою долю за один миллион рублей без торга». Пожав от недоумения плечами, уже собрался было удалить текст за ненадобностью. Показалось, что это очередной рекламный трюк: мало ли объявлений висит на столбах о продаже доли в квартире? Устал я к вечеру, чтобы читать всякие глупости! Да вот номер что-то показался очень знакомым!

Я ещё раз перечитал сообщение, вникая в его смысл. Да, сомнений больше не оставалось. Сообщение прислал брат, и все точки над «i» были расставлены. Этим поступком он окончательно перечеркнул родственные отношения. Значит, деньги для него превыше всего! Может быть, я что-то не понимал? Это ведь была не какая-то квартира на стороне, которую действительно надлежало бы поделить. Эту квартиру я, по наивности, считал своей. Минуло больше двадцати лет, как брат ушёл из неё! И вот — вспомнил! Моя знакомая оказалась права — даже сумма соответствовала её прогнозу! Впрочем, подсчитать её особого труда не составляло. Это были все деньги, которые старик оставлял нам с братом.

«Доля, значит! — усмехнулся я про себя. — Доля оценивается ведь не только в стоимостном выражении. Бывает ещё и горькая доля! Да, поневоле, а вступать в борьбу придётся!»

Возмущение во мне нарастало медленно, но верно. Откуда взялась эта идеология? Кто сказал, что деньги — превыше всего? Думал я про брата, но невольно охватил взором всё общество. Выделил из него жирующую братию. Откуда взялась эта сволочь?

В это время по проспекту, мигая огнями и ревя сиреной, пронеслась блестящая чёрная машина. Я проводил её ласковым взглядом. Давно ли они почувствовали свою силу? Кто так успешно насаждает новые понятия о нравственности? Неужели дела и речи полупьяного бывшего второго секретаря обкома партии привели к такому результату? Второй секретарь любой партийной организации отвечал как раз за идеологию. За марксистско-ленинскую идеологию, разумеется. Хороша идеология! Быстро добились успеха! Только вот идеология стяжательства и раньше мне не очень нравилась, а теперь и вовсе стала неприемлема! И ясно, как Божий день, что ситуация изменится в лучшую для меня сторону только тогда, когда по этой идеологии будет нанесён сокрушительный удар.

Ладно, это всё теория, напомнил я себе. А пока же мне предстоит решать практические вопросы. Поскольку дело требовало решения, то задался вопросом: а не откупиться ли действительно от родственника, как и советовала моя знакомая? Выиграю время для спокойной работы. А окончательный расчёт произведу потом, когда найду ту силу, к которой примкну безоговорочно. Тут, правда, много юридических тонкостей, никак нельзя ошибиться, а то легко окажусь на улице. Примеров прошло перед глазами достаточно.

В памяти услужливо всплыла картина, свидетелем которой стал прошлой зимой. Я возвращался тогда домой по проспекту среди белого дня и увидел мужчину, который, раскинув руки, лежал на снегу лицом вверх. Плохо стало человеку, или — пьяный?

Подойдя ближе, я взглянул на его лицо и понял, что он не пьян, а просто лежит и смотрит на небо широко открытыми глазами. И такая тоска угадывалась в его глазах! Отчаяние! Наверное, человек попал в тяжёлую жизненную ситуацию, может быть, даже лишился квартиры, и никому до этого не было никакого дела!

Нет, никак нельзя ошибиться! Запросто окажусь на его месте! Мало ли прохиндеев развелось вокруг?

Тем временем идущий впереди в темноте мужчина оглянулся пару раз, остановился, сделал шаг в сторону и пропустил меня вперёд. «Дожили! Друг от друга шарахаемся!» — покачал я головой, обгоняя его.

На следующий день, поразмыслив, утвердился в мысли, что наступила пора обратиться за помощью к специалисту. Послушать, что добрые люди посоветуют. Одна голова — хорошо, а две — лучше! Была у меня такая знакомая — Надежда. Она могла просветить насчёт юридических тонкостей, поскольку работала помощником нотариуса. Позвонив ей, договорился о встрече.

Надежда встретила меня радушно при входе в контору. Мы обнялись и через толпу людей в приёмной прошли в её кабинет.

— Ну, рассказывай! — сразу перешла она к делу, взяла в руки карандаш и подвинула ближе блокнот, лежащий на столе.

Мне оставалось только рассказывать, а она делала пометки в блокноте. Похоже, что через пару минут женщина уяснила ситуацию.

— Как твой Дед? — перебив, поинтересовалась она.

— Плох он, — последовал ответ. — Врачи говорят, что недолго ему осталось.

— Надо торопиться! — озабоченно произнесла Надежда. — У моего знакомого — ты его знаешь — брат тоже предъявил права на долю в квартире, так такая нервотрёпка была!

Вот интересная новость для меня! Вот обрадовала!

— А твой Дед не будет возражать против выкупа доли? — поинтересовалась помощник нотариуса.

— Не знаю, не говорил с ним ещё! — без всякого энтузиазма ответил я собеседнице. — Да, видимо, придётся поговорить — всё равно нет другого пути!

— Ладно, записывай, какие бумаги необходимо собрать, — и, подвинув листок бумаги, Надежда продиктовала перечень необходимых документов. Не так много их и оказалось. — Как соберёшь, сразу ко мне, я быстро подготовлю договор! — добавила она.

— Всё понятно! — с документами ситуация прояснилась.

Я поднялся со стула, не желая больше отвлекать её от дел, тем более что в коридоре сидели посетители.

— Подожди, не уходи! — остановила меня Надежда. — Расскажи о себе: как ты сейчас живёшь?

Осталось очень немного людей на белом свете, с которыми я мог бы быть откровенным. Вот тогда и наступил тот самый случай. Лукавить было ни к чему — знали мы друг друга, наверное, больше двадцати пяти лет.

— Ничего! — ответил я просто, опускаясь на стул. — В целом — ничего! Забот, конечно, хватает, но занимаюсь своим делом, пишу потихоньку, становлюсь известным писателем.

Здесь, конечно, поскромничал — следовало сказать: очень известным! Тут я задумался: а может быть — даже народно любимым? Нет, пока это определение, увы, не подходило. Может быть — потом! Ничего, лиха беда начало!

— Печатают вот в Германии, в Казахстане, в Америке скоро публикация должна выйти! — скромно похвалился я заслугами, и это была сущая правда.

Ещё хотелось добавить, что одно издательство в Голландии, «Андерсвал» называется, даже назначило членом жюри международного конкурса, но промолчал из природной скромности.

— А живёшь-то на что? С этого разве деньги идут? — улыбаясь, спросила собеседница.

— Нет, конечно! Хорошо ещё, что с меня денег не берут; впрочем, требуют постоянно! — и здесь я не слукавил. — Ничего, как учили древние мыслители — слава приносит доход! Разбогатею ещё! Гульнём тогда!

Мы немного посмеялись. Да, нелёгок писательский труд!

— А живу, кстати, на подножном корму, — добавил я уже серьёзно. — Переводы, репетиторство — когда есть, то выручают. Привык уже! — тут я махнул рукой, не желая больше обсуждать эту тему.

— Принеси мне какой-нибудь свой журнальчик почитать, а то с экрана компьютера плохо читается! — попросила Надежда.

Просьба озадачила — нести-то особо было нечего. Больше одного экземпляра мне не присылали.

— Ладно, подберу что-нибудь! — нехотя согласился я напоследок.

Озадачила-таки! Зато помощник нотариуса до выхода проводила дорогого гостя.

После такого разговора, по идее, следовало скорее заняться сбором необходимых документов, но как-то не торопился я приступать к этому важному делу. Почему-то тогда уже показалось: пустая это затея!

Я чувствовал, что предстоит непростой разговор с Дедом. Возможность того, что сам могу распорядиться деньгами, даже не ставя его в известность, мной не рассматривалась. Хотя, повторюсь, все рычаги управления финансами находились тогда в моих руках.

В ушах стояли слова Деда, которые он любил повторять: «Я оставляю вам наследство поровну! Поровну!» Однако как не откладывал я разговор, а всё-таки пришлось его начинать. Сколь верёвочке не виться…

Улучив момент, когда Дед находился в добром здравии, я попросил его устроиться за столом для разговора. Издалека начал речь о наследстве, о том, что неплохо бы решить мой жилищный вопрос, как мог попробовал разъяснить ему ситуацию с квартирой.

— Какой такой квартирный вопрос? — не понял поначалу, отец. — У твоего брата есть своя квартира, да усадьба ещё в придачу огромная! А ты живёшь здесь, в нашей квартире, худо-бедно — есть крыша над головой!

— А ты не задумался о том, почему он до сих пор не выписался от нас? — спросил я Деда.

Старик ничего не ответил. Тогда я взял заранее приготовленный листок, карандаш и нарисовал круг, который для ясности разделил на три части.

— Его доля! — показал Деду одну из частей. — Вот денег он и попросил за свою долю! Потому и не выписывался все двадцать лет — всё ждал случая!

— Каких денег? — не понял отец.

— Обычных денег — рублей! Миллион рублей потребовал за то, чтобы избавить нас от своего общества! Сообщение вот прислал об этом! Словом, давай отдадим ему этот миллион и снимем вопрос с повестки дня! — обратился я к старику, посчитав, что всё объяснил достаточно ясно. — Да навстречу мне он идёт! — добавил тут, вспомнив наставления своей знакомой. — Его доля много дороже стоит!

— Не верю — покажи сообщение! — хмуро попросил отец.

Достав телефон, я продемонстрировал текст.

— Без торга, значит! — усмехнулся старик, прочитав сообщение несколько раз.

Помолчали.

— Так как — отдадим? — повторил я. — Навстречу ведь идёт!

Тут Дед снова пустился в рассуждения.

— Я оставляю вам с братом по семьсот тысяч рублей! — в который раз завёл Дед свою шарманку. — Триста тысяч он уже взял!
— Да, не семьсот тысяч ты ему оставляешь, а половину трёхкомнатной квартиры! А это — больше шести миллионов! — воскликнул я эмоционально, даже немного повысил голос. — Что ты всё заладил — семьсот тысяч, семьсот тысяч?! Не хочешь понять элементарных вещей!

Старик с недоумением посмотрел на меня.

«Стоп! — тут же остановил я себя. — А почему он должен что-то понимать? Дед всю жизнь прожил по своим правилам, убеждениям, понятиям. Воевал, между прочим, — служил юнгой на корабле в Севастополе. Сам разглядывал много раз старые, пожелтевшие фотографии. С какой стати на склоне лет он должен менять свои взгляды на жизнь? Что такого так уж сильно изменилось в обществе? Разве сын не обязан заботиться об отце? Разве члены семьи не должны поддерживать друг друга? Должны, конечно, но это всё на словах, а вот на деле… Разве кто-то удивится тому, что брат судится с братом, муж с женой, дядя с племянником?.. Сутяжничество сплошь и рядом!»

Старик тем временем опять завёл речь о наследстве. Слушая его, я думал о том, что у него своя правда, но новое время принесло новую идеологию. Кучке жирующих подлецов удалось изменить психологию всего общества. Да, надо признать, что почти так оно и произошло. Почти — потому что они, конечно, попытаются довести дело до конца. Навязывают, сволочи, свои новые «принципы», да только вот общество всё больше противится этому. Принцип вора — по крайней мере, мне, — стал давно понятен: безнаказанно вор будет красть до тех пор, пока его воровская рука не будет отсечена! Я допускал, что это не только моё мнение. Значит — есть единомышленники? Что-то пока не видно!

Даже мне, крепкому мужчине средних лет, постоянно приходится учитывать «новые реалии». А каково приходится старику? Надо ли ему перестраивать своё мышление? Тут мне припомнились слова старого рабочего во времена присной памяти Горбачёва. «Я всю жизнь честно работал — зачем я должен перестраиваться?» — бросил он назойливому корреспонденту. И в самом деле — зачем? В чью угоду? Тем временем Дед монотонно бубнил свою речь, в который раз повторяя одно и то же.

«Почему я наседаю на старика? — всё больше охлаждал я свой пыл. — В конце концов, это мои проблемы. Пока Дед жив, братец с дележом не сунется. А дальше — видно будет! Только вот времени у меня осталось мало!»

Пока Дед говорил, я смотрел на листок с кругом и испытывал боязнь оттого, что если проявлю небрежность, то вполне могу остаться и без квартиры, и без денег. А там — иди жалуйся куда хочешь! Возразить старику, попробовать переубедить его? Объяснить, что времена изменились, что возврата к прошлому не будет?

Отогнав мрачные мысли, я перевёл взгляд на отца. Окинул взором его фигуру. Тяжело приходилось ему за последнее время! Железными клещами сжимала его неизлечимая болезнь.

Говорил Дед медленно, с трудом подбирая слова, но твёрдо и решительно. Он казался немощным только физически, но был в ясном уме, и в рассудительности ему отказать было нельзя, это точно! И в твёрдости духа — тоже! В прошлом — разбитной матрос с военного корабля, а ныне — доктор педагогических наук! Сплав получился отменный! «Сплав науки и отваги…» — слова взводной песни вызвали лёгкую улыбку.

Подавшись вперёд, к столу, что свидетельствовало о большом нервном напряжении, Дед навалился на правую, здоровую, руку. Левая его рука висела на привязи. Тяжёлый недуг, мучавший старика, почти лишил её подвижности.
— Так каков будет твой окончательный ответ? — устало перебил я собеседника, хотя ответ его стал уже понятен. — Дадим ему деньги или нет?

Да, ответ был понятен, но я немного напрягся.
— Так вот, — продолжил отец. — Ты волен распорядиться тем миллионом, который и так находится под твоим контролем. Волен распорядиться как тебе заблагорассудится! Можешь даже отдать ему. Но если ты это сделаешь, то я поставлю на вас обоих крест, и вы перестанете для меня существовать. Шкурные отношения в семье, пока я жив, не приемлю!

Тут старик для ясности с трудом взял лежащий перед ним карандаш и нарисовал на листочке с кругом небольшой, но жирный крест. «Эх, Дед! — только и вздохнул я. — Обрекаешь ты меня со своими старыми понятиями на большие трудности! Да что там — чему быть, того не миновать!»
— Всё! — произнёс я, поднимаясь со стула. — На этом разговор и закончим. Забудь то, о чём я просил тебя. Пока ты жив, больше не вернёмся к этому вопросу.

Потом каким-то очень уж медленным движением взял со стола листок с кругом и жирным крестом, посмотрел на него внимательно так. Запоминал, наверное!

Затем, сложив листок, принялся рвать его на части, снова и снова, с каждым разом ощущая, что избавляюсь от тревоги и, напротив, испытываю прилив свежих сил. Даже дышать стало легче! Подумаешь — дольщик объявился на мою голову! Ещё посмотрим, на чьей улице будет праздник!

Затем уже без особых усилий подошёл к мусорному ведру, с силой швырнул туда обрывки и вздохнул с облегчением, словно избавился от чего-то очень неприятного. Крест, нарисованный стариком, остался, но уже — в душе только.

— А что ты ему ответишь?—медленно задал вопрос старик и кивнул на мобильный телефон, лежащий на столе.
— А ничего не отвечу!—последовал ответ.—Он поймёт, он сообразительный! Это ведь—тоже решение!
— Ну а если позвонит?
— А если позвонит, так и объясню—что мы решили руководствоваться старыми понятиями о семейном долге, о нравственности вообще. Без долгих пояснений. Это и будет ответом.
— Я вижу, что ты чего-то боишься,—тихо произнёс отец.

Я не ответил—это стало уже не важно.
— Не бойся. Не бойся перемен! Ты столкнулся с подлостью, постарайся выйти из этой ситуации достойно.

«Я каждый день сталкиваюсь с подлостью!»—хотелось ответить старику.
— Держать удар достойно—легко сказать! Да, я постараюсь, Дед!—усмехнулся я невесело.—Силу вот только пока не вижу, к которой примкнул бы безоговорочно. Ту, которая переломит хребет этим шкурным понятиям!

Старик ничего не ответил.
— Одна к тебе просьба!—обратился я тогда к отцу.—Постарайся как можно дольше прожить на белом свете, покопти ещё небо! Может быть, за это время мне удастся решить и квартирный вопрос.

То, что я подразумевал под решением этого вопроса, лежало очень далеко от юридической плоскости. С трудом поднявшись и тяжело опираясь на палку, старик вышел из комнаты. «Отдохни, отец!»—подумал я, глядя ему вслед.

Было над чем задуматься после такого разговора! Что меня ждёт в дальнейшем? Различные варианты, прокрученные в сознании, сулили мало хорошего. Но нарушать волю тяжелобольного старика я, конечно, не собирался. Придёт время, и брат придёт за своей долей, как только старик уйдёт. Раньше не осмелится! Да, произойдёт это очень скоро, но немного времени ещё есть.

Однако нашлись и другие аргументы. Ну, допустим, я последую своим нравственным принципам и квартиру, скорее всего, потеряю. И что получу взамен? Верность тем принципам, о которых сказал отец? Кому они нужны, эти принципы? «Мне нужны!—твёрдо напомнил я себе, усмехнувшись.—Назвался груздем—полезай в кузов! Правильно сказал Дед: чего бояться? На войне как на войне! А то, что за возрождение духовных основ предстоит повоевать,—это и так уже давно понятно! Не даст мне эта жирующая сволочь спокойно дышать—не даст! Ладно, Бог не выдаст—свинья не съест!»

Потянулись ничем не примечательные московские будни. Незаметно наступил Новый год, а там и зима подошла к концу. Привычная, размеренная жизнь быстро поглотила моё внимание. Забот со стариком хватало. Я привлекал всё новых и новых врачей, пытаясь облегчить его участь, и радовался каждому новому дню, когда видел его в относительном здравии. Ну и своего распорядка старался придерживаться: творчество, прогулки, тренировки, переводы, занятия с семьёй,—фасон надо было держать! Каждый день оказался расписан буквально по минутам. О разговоре по поводу доли мы больше не вспоминали—точка была поставлена. Что воду в ступе толочь?

Заботы, заботы! По складу своего характера я привык отвлекаться от текущих дел, хотя бы ненадолго. Наверное, это вошло в привычку во времена занятий боксом. Тогда во время боя между раундами был небольшой перерыв, и можно было отдышаться, привести в порядок себя и свои мысли. Короткой паузы вполне хватало. Худо-бедно, а можно было бороться дальше. Однако это в спорте—а в жизни? В жизни такой отдушиной для меня стали поездки за город. Там хоть и ненадолго, но отвлекался от бешеного ритма московской жизни.

Там, за городом, я любил выходить один на дорогу, смотреть на поля, покрытые снегом, на леса в зимней спячке и, наверное, а скорее—наверняка, черпал силы из величия родных полей и лесов. Врачевал старые душевные раны. Готовился к новым испытаниям.

Ждали меня за городом только старые знакомые, и, не мудрствуя лукаво, я направился к ним. Там, в охотничьей избушке, сразу нашлось чем заняться! Охотно поиграл с охотничьими собаками, осмотрел оружие Саши, послушал его красочные рассказы об удачной охоте и рыбалке. Поинтересовался: много ли наловили рыбки? Тянул, словом, время. Как-то не хотелось мне обсуждать свои дела, проблемы, и я всё радовался жизни за пустыми разговорами.
— Много наловили рыбки, много, и тебе дадим!—перебила, наконец, старая знакомая мои оживлённые расспросы.—Расскажи лучше, как твой Дед, что вы решили с квартирой. Состоялся с ним разговор?
— Да, состоялся! Что тут решать?—тяжело вздохнул я в ответ.—Старик категорически возражает против передачи брату денег за его долю. Он твёрдо сказал, что между родственниками такие отношения неприемлемы.
— Совсем с ума сошёл твой Дед!—эмоционально ответила старая знакомая.—Оторвался старик от реальности!
— Да, говорить с ним стало трудно, не спорю. Утомил он своими старыми понятиями о нравственности. Но вместе с тем в душе я с ним согласен.
— Смотри—без квартиры останешься!—просто констатировала хозяйка охотничьей избушки.—Кстати, ты же можешь решить вопрос и без его участия!—тут же подсказала она.—Ты же говорил, что деньги под твоим контролем—вот и передай их своему брату!

Я задумался лишь на мгновение.

— А как я посмотрю потом Деду в глаза?—задал я ей вопрос.—Ты же знаешь—он сейчас больной, немощный старик! Сказал, что проклянёт меня, если я так поступлю! Зачем мне проклятие старика? И так, без особой на то нужды, много греха взял на свою душу!

Сидящий за столом Саша при этих словах отвлёкся от рюмки коньяка, которую дегустировал, и одобрительно закивал головой: правильно!

— Кстати, сам виноват, что допустил такую ситуацию!—продолжил я, ощутив поддержку.—Виноват тем, что ещё тогда, в начале девяностых, не наступил каблуком на голову выползающей из щели гадины!

Конечно, я имел в виду не брата. Но это и так было понятно.

— Смотри!—просто предупредила старая знакомая.

— Смотри не смотри, а передай Надежде, чтобы больше не ждала меня—не приеду!—для верности я махнул рукой.

Надежда, помощник нотариуса, была её сестра.

— Ладно, понятно. А как твой Дед?—поинтересовалась собеседница.—Жив ещё?

— Плох он, очень плох!—продолжил я свой рассказ.—Недавно привлёк врачей из хосписа, они помогли немного снять боль!—и вкратце поведал о последних новостях, о том, что сделал для Деда.

К моему удивлению, говорил я легко и непринуждённо. Куда-то ушло напряжение последнего времени. Так бывает, когда человек уверен в своей правоте и не сомневается в правильности своего выбора. Подобное я испытывал в Англии, когда принял непростое решение вернуться на Родину, в распростёртые объятия УБЭПа. Ох и хорошо же я почувствовал себя тогда! Смотри, читатель, мои «Английские впечатления»!

— Ладно, и с этим всё понятно!—устало махнула рукой подруга.—Горбатого могила исправит! Держи меня в курсе! Баньку тебе истопить? Попаришься?

— А истопи, пожалуй, попарюсь!—отказываться от столь заманчивого предложения не было никакого смысла.

Дальше, наш разговор снова переключился на охоту. Мы с Сашей принялись спорить о необходимости замены охотничьих билетов, снова заговорили о рыбалке, об охотничьих собаках. Я, конечно, большой специалист в этом деле! Зато свернули квартирную тему. Ну её к Богу—и так всё стало понятно!

Время в гостях, как всегда, пролетело незаметно. Меня вкусно накормили, истопили баньку, где я от души попарился. Жаль только, что выпить не мог по-настоящему—за рулем не попьёшь!

Возвращался домой уже поздно вечером. Хорошо же после баньки! Дышалось легко и свободно! И мысли были—чёткие и ясные! Я осторожно вёл машину и смотрел на однообразную знакомую картину за стеклом. Монотонно накатывался чёрный асфальт под колёсами, тёмная стена деревьев тянулась по обеим сторонам дороги, виднелись вереницы огней от машин, едущих в обе стороны.

Противоречивые чувства испытывал я тогда. Да, выбор сделан! На компромиссы, пока жив старик, я не пойду, а после того, как он уйдёт, выбора, скорее всего, уже и не останется. Пока я проигрываю. Но это—пока!

Идеология той, другой стороны не знает пощады! Но и мне есть что им противопоставить. Давно уже, что греха таить, я ощущаю себя не только писателем, но и идеологическим бойцом. Работаю в этом направлении. Осознаю важность стоящих передо мной задач и стараюсь действовать осторожно, но решительно. Да, придётся нелегко—и это понятно! Скорее всего—даже очень нелегко! Но на память тут же приходили слова старика: не бойся! И в самом деле—что мокрому воды бояться?! Чему быть—того не миновать!

Захотелось выйти, развеяться, собраться с мыслями. Прижавшись к обочине, я остановил машину. Затем вышел из неё и принялся глубоко дышать, наслаждаясь свежим морозным воздухом. Эх, Русь-матушка—выручай! Огни машин между тем по-прежнему катились по трассе нескончаемым потоком. У всех были свои заботы.

Минуло несколько дней после поездки. Я уже поставил было жирную точку в конце этого рассказа, как вдруг обнаружил в Интернете обращение некоего протоиерея под названием «Непраздничные мысли».

«Нужно переходить к диктатуре совести…»—бросилась в глаза фраза. Что ж, это определение понятно для меня. Давно пора! Очевидно, что общество забурлило, протестные настроения стали выплёскиваться наружу. Тут ещё на память пришли многочисленные акции протеста, имевшие быть за последнее время. Труженики офисов дружно выразили своё недовольство. Это, конечно, не та сила, которая изменит ситуацию в обществе, на мой взгляд. Но—лиха беда начало! А что же думаю я, какую силу ищу в союзники?

Уже более двадцати лет мародёры, залезшие в карман к обществу, ведут себя подобно бешеным собакам, продолжают терзать тело общества своими ядовитыми клыками. А разве с бешеными собаками ведут переговоры? Как с ними следует поступать—в этом я не испытывал ни малейшего сомнения. Где те люди, которые думают так же?

Да, за возрождение нравственности в обществе, за духовные основы отечества предстоит побороться. Тогда, может быть, и вопрос с «долей» отпадёт сам собой. Очень надеюсь на это. А пока же я намерен выполнить волю старика. И не беда, что пока его слова воспринимаются как старые понятия о нравственности! Время расставит всё по своим местам.

Сергей Курганов

Идеальный Зритель-Читатель: театр, поэзия, кино[1]

Лакан в театре?[2]

Первый текст «балетного» цикла

Из доклада И. Ильина я понял, что социальное пространство (например, универмага) может в нашем «порнографическом мире» скрывать общественные отношения, то есть выступать в качестве своеобразного фигового листа.

Сокрытие позволяет оставить неизменными социальные отношения современной цивилизации.

При этом создаются метахоры — частичные пространства (цирк, зоопарк, универмаг), в которых эксплуатация как бы преодолевается, а рабочий превращается в «буржуазного рабочего».

Сокрытие предполагает психологизацию — усвоение буржуазных норм и ритмов рабочим. Схема такова: рабочим я остаюсь, но свободное время провожу как типичный буржуа — радостно и «культурно». Так возникает особая наука Нового времени — психология. Психология есть наука о психологизации, то есть о создании превращённых форм (см. М. Мамардашвили «Формы и содержание мышления»).

Психологизации противостоит «несимволизируемость субъекта», что выражается в создании «бессмысленного означающего» (ср. Хармс) как формы освобождения от психологизации.

Психология возникает, по Лакану, как «машина по производству идеальных форм».

Психологизация предполагает индивидуализацию рабочего как при приёме на службу, так и в свободное время (обращённость циркового артиста, манекенщицы, красавицы-продавщицы к «потребителю», втягивание зрителя, слушателя, покупателя в «варьете» в качестве соавтора, критика, соучастника представления).

Индивидуализация создаёт ценность возраста, возникает психологизация возрастов, строятся конкурирующие между собой идеальные миры «возрастных периодизаций».

Психологизация (и открытие психологии как науки) предполагает обращение к идее наслаждения как ценности. По Лакану, наслаждаться можно только телом. Другой (носитель тела, которым ты наслаждаешься) — невыносимая деталь наслаждения.

Классическая цивилизация Нового времени, по Лакану, построена на обуздании наслаждения: абстрактным трудом наслаждаться невозможно. Наслаждение создаваемой в ходе производства вещью трактуется как инцест и подавляется. Так из акта наслаждения испаряется его объект. Ведь наслаждаться можно только тем, что создал своими руками. Наслаждение, невозможное в актах производства (абстрактного труда), осуществляет попытку переместиться в пространство свободного времени. Однако для получения телесного наслаждения в театре, кинотеатре, музее требуется «шестое чувство», которое у человека двадцатого века только начинает появляться…

Неклассический капитализм двадцатого века не хочет отказывать рабочему в наслаждении. Задача создаваемой в двадцатом веке научной психологии — расколдовать наслаждение, прекратить табуировать наслаждение. Поэтому цель научной психологии (по Лакану) — начать игру в субъекта для всех.

Психология создаёт идею развития. Так, в универмаге двадцатого века для девушки, если она умная и искренняя, возникает шанс развития. В этом пространстве — рабочего времени для красавицы-продавщицы и свободного времени для посетителя универмага — становится возможным «образование». Универмаг стремится стать подобием университета. Девушек начинают учить иностранным языкам, танцевальным навыкам, музыке, спорту. Продавщица универмага должна быть немного балериной, немного певицей, немного полиглотом, немного спортсменкой, неизменно оставаясь красавицей и идеалом. Так начинается игра в «присвоение идеальных форм».

1. Общее название заметкам С. Ю. Курганова дано редактором. Сама рукопись представляет собой короткие очерки под отдельными заголовками.
2. Заметки на полях к докладу Ильи Ильина «Лакан в универмаге-2». Лакановские семинары на философском факультете Харьковского университета им. Каразина, 18 марта 2015.

Идеальная форма, впоследствии возникающая как понятие теоретической психологии, вначале является в качестве образа продавщицы универмага-университета.

Существенна «свобода» посетителя в универмаге-университете. Можно и модно «фланировать», ничего не покупая, чувствуя себя как дома. Можно быть зрителем того, как живут богатые, и *учиться* жить, как живут богатые. Подобные процессы происходят и в «лёгких» музыкальных жанрах: зрители оперетты приходят с удовольствием поглазеть на то, как живут (на сцене) красивые, соблазнительные, хорошо одетые, богатые, беззаботные люди. Эту функцию может выполнить и балет, в котором необыкновенно красивые мужчины и женщины с практически обнажённым «телесным низом» (М. Бахтин) радостно карнавализуют свободное время зрителя, уставшего от монотонной, однообразной работы. В театре рабочий может, наконец, почувствовать себя субъектом, наслаждаясь созерцанием прекрасных ножек балерин, мощных бёдер танцовщиков, которые к тому же часто воспроизводят на сцене позы, весьма приближенные к эротическим. Если из балетного представления убрать его эстетическую смысловую составляющую, то объект наслаждения перестанет ускользать—да вот же он, смотри и наслаждайся, если хватило денег на билет в первые ряды партера.

Как покупатели универмага, так и зрители театра равны, если, разумеется, забыть о том, что богатый и смотрит, и покупает, а бедный только смотрит, и о том, что богатый сидит в партере и видит ножки балерин во всех подробностях, а бедный находится на галёрке и может (если разовьёт «шестое чувство») наслаждаться лишь ускользающей от наслаждения эстетической (смысловой) стороной балета.

В универмаге становится модным не только покупать, но и смотреть, а также учиться—вместе с продавщицами-красавицами—иностранным языкам, танцам, музыке и т. д.,—и это делают бедные вместе с богатыми. В театре возникает малый зал, где все билеты стоят одинаково и зрители садятся на места, которые не обозначены в билетах (кто пришёл чуть раньше, может выбрать себе любое место, и так поступают и бедные, и богатые). В балете балерины и танцовщики учатся смотреть не поверх зрителя, а «прожигая» зрителя своим взглядом, и внимание зрителя переключается с «телесного низа» на культурно-смысловой «верх»: зрителя начинают занимать выразительные движения рук и глаз артиста. Если каждый зритель может встретиться с взглядом артиста, начинает ощущать себя «окликнутым по имени» (О. Мандельштам), то возникает шанс совместного (актёр—зритель) удержания ускользающего предмета эстетического наслаждения и совместного (при условии создания обратной связи «зритель—актёр», для чего, в частности, используются социальные сети—каждый уважающий себя театр открывает свой сайт в Интернете) производства «шестого чувства». Переосмысливается и «телесный низ»: движение волшебных ножек балерин начинает восприниматься как идеальный образ полёта, как призыв к полёту, как начало формирования «органа полёта» (Пушкин) у зрителя.

Как можно назвать топос, в котором у человека начинают вырастать органы (способности), которых ещё нет в самой культуре? Этот топос логично назвать *школой*, а процесс выращивания новых способностей—*учебной деятельностью* взрослого человека (В. Репкин). Науку об обретении новых (для всего человечества) органов, способностей, «крыльев» логично назвать *педагогикой*. Педагогика двадцатого века, согласно Лакану, возникает, как и психология двадцатого века, в универмаге (зоопарке, цирке, театре).

Магазин-университет «начальствует» над всем городом, создавая идеальные формы для жизни города в целом (подобно античному театру, приводящему полис в сознание (А. Ахутин), подобно храму, в (о)круге которого живёт и приводится в сознание средневековый человек (В. Библер)). Универмаг-университет начинает «игру во власть» для большинства. Возникает связка «образование—развитие—развлечения—возможный бизнес (при условии самоизменения субъекта и превращения его из рабочего в буржуа)—досуг». С помощью социальных сетей зритель театра получает возможность прямого общения с актёрами, режиссёрами, художниками, музыкантами, может реализовать в любимом театре и совместно с ним свой собственный эстетический проект. Разрушается и «четвёртая стена»—зрители приглашаются на сцену в качестве активных участников (а иногда и со-режиссёров) представления.

«Хозяева жизни», бесспорно, используют эту существенно подорожавшую (в ходе историко-культурного развития) «рабочую силу», когда зрители утром возвращаются на работу. Зрительская «игра в субъекта» (разумеется, жёстко контролируемая администрацией «городских монстров»—универмагов и театров) универсализирует тип личности буржуа и представляет этот тип как «психологический идеал» для всех членов «гражданского общества».

Предметом работы практического психолога становится производство наслаждения как формы бытия в свободное время. Мы видели, что производство наслаждения может быть организовано и как отказ от «высших психических функций» (Л. Выготский)—с превалированием «телесного низа», и как *учебная деятельность взрослого*. В этом случае театр строится как школа выращивания—совместно с актёрами и режиссёром—новых для общества способностей и органов чувств.

«Орлова и Александров»

Третий текст «балетного» цикла

Фильм «Орлова и Александров» разрушает ожидания зрителей. Зрители жаждут исторической достоверности, а между тем политическая и социальная история интересует авторов фильма лишь как фон, как относительно случайные предлагаемые обстоятельства, как времена, которые не выбирают и в которых разворачиваются аттракционы и мифы Её Величества Культуры. Персонажи политической истории изображены не как личности, а как почти музыкально-ритмическое случайное «нечто», которое претерпевается и к которому вынужденно приспосабливаются и аттракционы Эйзенштейна, и гениальный утёсовский джаз. Чертами субъектности наделены гении культуры, представители политической истории черт субъектности лишены, они изображают музыкально-пластические ритмы—«глухие ритмы эпохи», то есть являются более или менее случайным фоном, на котором действуют великие фигуры—Эйзенштейн, Утёсов, Раневская—Моцарты культуры.

Фильм «Орлова и Александров» во многом построен как экранизация анекдотов—и каждый из них до фильма известен зрителю. Анекдоты (в том числе исторические анекдоты—и это ещё одна форма изображения исторической реальности, наряду с музыкально-пластическими «глухими ритмами эпохи») тоже даны не просто так, а как «гэги» (от англ. gag—шутка, комический эпизод), то есть не пересказываются, а комически разыгрываются. И здесь оборачивание: Александров приносит из Америки не только два чемодана костюмов, но и опыт работы с «гэгами», рассказывает об этом, но сам этот рассказ строится как «гэг». Точно так же—во время спора о том, оригинальна ли музыка в фильмах Александрова или заимствована у американцев, звучит мотивчик из американского фильма «Трюкач», между тем в титрах имя композитора этого фильма не указано. Раневская рассказывает в фильме анекдоты—но и сама роль Раневской есть экранизация анекдотов о Раневской. Эйзенштейн в фильме читает мини-лекцию о строении аттракциона—но сама эта лекция снята как аттракцион. Орлова и Александров снимают кино-миф, но и серия об этом тоже выстроена как миф.

Побасенки театрального мальчика

Четвёртый текст «балетного» цикла

Моё первое знакомство с Харьковским тюзом состоялось в 1961 году. Моя учительница Алина Никифоровна Задорожная-Морозова заболела. Я учился в первом классе четвёртой школы, на улице Лермонтовской. Директорствовал в ней Дмитрий Петрович Коськов. К нему я и явился «по очень серьёзному делу». Дмитрий Петрович ушёл в свой кабинет, чтобы отсмеяться, потом вышел в предбанник и официально спросил у пухленького первачка, в чём его серьёзное дело, мол, состоит. Я попросил адрес Алины Никифоровны и этот адрес тут же получил. После уроков, не заходя домой, я поехал к учительнице на площадь Тевелева—она жила возле Успенского собора.

Мы пили чай, мои мама и бабушка сходили с ума. Через пару часов я догадался позвонить Г 7-06-17 и сообщил, что жив-здоров.

Алина Никифоровна весь вечер рассказывала о своём сыне Валике Морозове и гордилась, что он говорит басом и играет в Театре юного зрителя. Я был мальчиком самостоятельным, на следующий день купил себе билет на спектакль «О чём рассказали волшебники».

Я был в театре не в первый раз. В оперном мне нравился только Фарбер в роли шута. Колыванова и Попеску не нравились, если честно, никогда. Нравился Огнивцев в «Борисе». В Охматдете выступал актёр, который читал «Песню о Соколе» в образе Горького и окал—понравилось. На Марселя Марсо мама взяла билеты, но я не пошёл из принципа, потому что моя красавица-мама его так хвалила, так говорила, что я себе не прощу, что отказался, что это единственный шанс и всё такое,—понятно, что я не пошёл, и ничуть не жалею: правильно поступил, как мужчина.

Нравился мамин друг Толик Вецнер в спектакле о Николае Островском: «Тебя ноги не держат! Ноги не держат!!!» Павку играл, кажется, Лысенко—мне он не нравился никогда. Маляра любил—Мекки-Ножа. Обожал Табаровского в «Проснись и пой!» и спорил, что он лучше Менглета. Тамарова и Любич в «Уступи место завтрашнему дню». Кубанцев и Ковтун в «Маскараде». «Варшавская мелодия»—про то, что «теперь идея появилась у меня». В старом цирке—Енгибаров, когда заигрывается с ракетами и сам своей игры боится: сразу показалось, что похоже на Седьмую симфонию Шостаковича, уже в семь лет захотелось поставить такой балет. На Вертинском не был, мал был ещё. Пошла бабушка: в юности у неё был роман с Вертинским, она даже познакомилась с кокаином, потом долго отучалась и отучилась. Герои романов бабушки: Блок, Вертинский, Вахтангов, Вахтанг Мчедлов, Шатилов, Лев Николаев, Владимир Державин и многие другие.

«О чём рассказали волшебники» Александра Беляцкого с Антоновым в главной роли было лучшее из того, что я за свои семь лет видел в Харькове. Сказка врывалась в зрительный зал, решительно оттолкнув реальность как скучную и ненужную, заполоняла тебя всего и потом месяцами в тебе звучала и не давала покоя. Как в кино: «Три толстяка», «Девочка и эхо» (был влюблён в актрису, писал ей письма), «Снежная королева», «Девочка и птицелёт» («Переходный возраст»)—был влюблён в актрису, писал ей письма.

Летать учили Фарбер и Колыванова, которая, правда, уже тогда казалась слишком статуарной. Воображение будили Беляцкий и Антонов. Валик Морозов с его хвалёным басом впечатления не произвёл.

ТЮЗ сразу стал любимым театром. Я не пропускал ни одной премьеры.

«Бонн вооружается!» (и все смотрят в газеты, закрывая газетами лица) — это «Они и мы». Было похоже на спектакль Любимова «Под кожей статуи Свободы» и на «Зримую песню».

«Двадцать лет спустя» — и дом напротив МХАТа, этаж, две квартиры напротив — Михаил Светлов и Эвальд Ильенков. С великим философом познакомился в 1977-м, с великим поэтом — не довелось, увы мне.

Трусов плодила наша планета.
Всё же ей выпала честь —
Есть мушкетёры, есть мушкетёры,
Есть мушкетёры, есть!

Это мы поём с Антоновым — оба хорошо поддали — на каком-то левом сборище, то ли на Пушкинской, то ли на Чайковского, точно не помню.

Антонов гениально сыграл в «Летучей мыши» в *хатобе* пьяницу и — совершенно без грима.

Выдай оружие смелым,
И в первую очередь мне!

Ну и, конечно, «Робин Гуд»!

Как весело, отчаянно
Шёл к виселице он.
В последний раз, в последний пляс
Пустился Макферсон.

Беляцкий переделал, и пели:

…Пустился крошка Джон.

…Оля, Оленька, ты помнишь Данилевского, восемнадцать? Мы с тобой — соседи по странному этажу: он то пятый, то шестой — в зависимости от подъезда! Мы только один раз поцеловались в твоей комнатке, и ты показала голову своего мужа-художника, как водится, на блюде. На твои спектакли собирались лучшие мужчины Харькова. Твоя Тутта Карлсон мечтательной улыбкой и божественными ножками поверх восхищённых взглядов детворы обращалась к нам, взрослым, пришедшим посмотреть на самую сексуальную травести города. А ты всё жалуешься, что приходится ещё и поливать из чайника голову вождя в «Синих конях на красной траве». Потом ты была в «*Очаге*» с великим Бондаревым. Бондарев был Волком, а ты, кажется, опять Цыплёнком. У Янковского на «Новой сцене» Дама Плюш — твой шедевр!

«Мещанин во дворянстве» — и Антонов опрокидывает Эйфелеву башню!

Мы с Веней Литовским взяли по классу в четвёртой школе.

В 1983 году познакомился с Беляцким. Литовский ставил в школе спектакли. Я сыграл Дуремара.

В театрах играли все. Бондарев блистал в «Политехнике», я отыграл своих Красноречивого и Рыжего в «Ящерице» — в «Витражах». В «Гиганте» наши портреты смотрят друг на друга.

Ходили — двумя восьмыми классами — на репетиции Мольера. Днём. Вместо уроков. Директриса (тогда уже не Зоя Михайловна Соколова, которая принимала нас на работу) ничего не знала. Когда узнала — запретила. Мы стали ходить тайком. Узнала и об этом. На открытом партсобрании мне официально объявили выговор (первый и пока единственный в жизни!), а Зоя Михайловна в первый (и тоже единственный) раз говорила обо мне плохо. Тяжесть моей вины перед школой и образованием в целом была слишком очевидной. Впрочем, через пару месяцев во время репетиции я трагически безответно влюбился в свою ученицу Аню и из школы ушёл, потому что мама Ани пожаловалась директрисе, перехватив одну из наших записочек, которые писались во время уроков. От всей этой театральной истории остались книга «Ребёнок и взрослый в учебном диалоге», где Аня — главная героиня, рассказ «Рыжая и корова» и многовековая дружба с Аней, и в этой дружбе, увы, давно нет и следа театральных страстей 1983 года.

Душой исполненный полёт

Пятый текст «балетного» цикла

Радоваться можно только тому, что создал своими руками (воображением).

Для получения наслаждения в театре требуется «шестое чувство», которое у человека двадцатого века только начинает появляться:

Прекрасно в нас влюблённое вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой?
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.
Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах

Ещё не появившиеся крылья;
Так век за веком—скоро ли, Господь?—
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Объект наслаждения ускользает и в сфере интимной жизни:

Есть в близости людей заветная черта,
Её не перейти влюблённости и страсти,—
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвётся от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие—поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего моё
Не бьётся сердце под твоей рукою.

Так порождается своеобразный «мазохизм наслаждения»—стремление к тому, чего не существует:

Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..

Обнаруживается почти болезненное завершение и попадание в абсолютную пустоту в финале интимной близости:

«Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончается содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б».

Мазохизм наслаждения как раз и удерживает человека на «заветной черте», то есть сохраняет дистанцию между субъектом и всегда ускользающим от субъекта объектом наслаждения.

И вот в балете балерины учатся смотреть не поверх зрителя, а «прожигая» зрителя своим взглядом, и внимание зрителя (и балерины) переключается с «телесного низа» на культурно-смысловой «верх»: зритель учится воспринимать выразительные движения артиста.

Если зритель может встретиться с взглядом артиста, начинает ощущать себя «окликнутым по имени», то возникает шанс совместного (актёр—зритель) удержания ускользающего предмета *эстетического* наслаждения и совместного (актёр—зритель) производства «шестого чувства».

Движение волшебных ножек балерин начинает восприниматься как идеальный образ полёта, как призыв к полёту, как начало выращивания (у зрителя, у балерины, у века) «органа полёта».

Топос, в котором у человека (у века) начинают вырастать новые органы (способности, высшие психические функции), которых ещё нет в самой культуре, называется школой. Наука об обретении новых (для всего человечества) органов, способностей, «крыльев» называется педагогикой.

В двадцать первом веке театр балета становится школой выращивания «шестого чувства». Чувства, которого ещё (уже?) нет ни у кого.

Здесь важен именно *классический* балет. В нём идеальный, уникальный, единственный полёт балерины *невозможен* для зрителя. Более того: полёт *должен* быть осуществлён *как невозможный* (для зрителя и отчасти для самой балерины). Невозможный—не только по обычным зрительским меркам, но даже для такого зрителя, как Пушкин.

Гениальная балерина создаёт лишь *возможность* полёта воображения (внутренней речи) зрителя. «Органом полёта» в речи Пушкина, обучающего в первой главе романа стих «Онегина» летать, становится тот полёт балерины, который Пушкин довообразил.

Полёт исполняется душой. Значит, летает сама способность полёта. Воздух, мерами сгущаясь и мерами разряжаясь, вылепливает летящую балерину.

Полёт исполняется душой, отделённой от тела. Зритель, «видя» пленительное тело «...не что иное, как душа»—должен «понимать», что летает *не* тело, а именно—душа, отделённая от тела.

Зритель (и балерина) учится понимать, что обнажены не ножки балерины, обнажено формирование у балерины (и у зрителя, и у века) «органа полёта».

Летает ещё не существующее в данном веке «шестое чувство». Летает—школа самоизменения (то есть душа). Летает балерина, врасплох застигнутая зрителем (и веком) в момент самоизменения. Она, балерина, и себя видит (если видит) как рождение (хоть это невозможно) у себя «шестого чувства».

Летающая балерина—это полёт школы выращивания у себя, у поколения, у всех будущих, провиденциальных поколений «шестого чувства».

Полёт балерины останавливает «шестое чувство» в акте его рождения. В этом отношении нет ничего более статичного, статуарного, только чреватого веером виртуальных перемещений, чем прыжок.

Земная тварь, ещё не имеющая крыльев, но уже летящая,—вот что такое гениальная балерина.

Диана и Джон

Шестой текст «балетного» цикла

Джон Ноймайер. Стихотворный роман—лучшее для балета («Танец в Украине и в мире», 2015, №1(9), с. 35–36)[3]

3. Беседовал Андре Подшун. Текст опубликован в премьерном буклете спектакля. Перепечатывается с сокращениями.

Изначально предполагалось, что проект будет называться «Евгений Онегин», но потом я пришёл к названию «Татьяна», что подтверждает в известной мере и великолепная «Пушкинская речь» Достоевского.

Приезжая в Россию, замечаешь, что все русские не просто знают «Евгения Онегина»: они имеют и о самом произведении, и о его персонажах собственное мнение.

Мне было важно самому написать либретто.

Одно дело, какие именно эмоциональные пласты или описания я извлекаю из музыки, а другое дело, как я—как хореограф—обращаюсь с тем, что я отметил и записал, не нуждаясь в объяснениях соавтору (речь идёт о Лере Ауэрбах.—*С. К.*), что из чего вытекает...

...Всё развитие заключено в ней (Татьяне.—*С. К.*)... Она парит в другом пространстве, где герои прочитанных ею романов играют важную роль. Такая направленность мысли, связанная с процессом взросления Татьяны, позволяет позже развиться её невероятной самобытности... Шаг за шагом она отрывается от героев своих романов и достигает поразительной, требующей отваги независимости. Её поступкам присуще большое мужество. Началом служит пространное письмо к Онегину. Уже в нём заложена огромная сила, которой Онегину никогда не достичь. Но она не останавливается, она развивается дальше. (В этом пункте я не согласен с Джоном. Текст «Онегина» и замысел Пушкина, как мне кажется, сопротивляются трактовке Джона. Письмо Татьяны—пародия, в художественном отношении письмо Татьяны—слабое стихотворение, и из текста Пушкина ясно, что французский оригинал письма—ещё слабей. Усиливает письмо Чайковский, заставляя героиню петь непостижимо долго и мучительно,—спасти эту арию очень трудно, но некоторым певицам всё же успешно удаётся за счёт невероятного артистизма, но стихи всё равно остаются при этом пародийными, безвкусными, смешными—как и писал о них Пушкин. Конечно, полюбив Татьяну, Онегин безмерно усиливается и быстро развивается (вопреки мнению Джона). Письмо Онегина—это лучшее, что когда-нибудь написал Пушкин в жанре интимной лирики. И эти свои лучшие стихи Пушкин дарит Онегину, то есть герой в финале романа превращён автором в гениального поэта.—*С. К.*)

Реакция Татьяны на его (Онегина.—*С. К.*) признание насквозь пронизана очень ясным аналитическим взглядом на жизнь... Воображение рисует ей «дикий сад», напоминающий ей детство. И тогда она как бы между прочим говорит: «Я вас люблю (к чему лукавить?)»

...Она роняет эту фразу, которая не оставляет Онегину сомнений... Онегин не демонстрирует такой силы ни в одной ситуации. (А в ситуации создания гениального произведения—письма к Татьяне?—*С. К.*) Онегин скорее является тем, кто реагирует. (Это совершенно неверно по отношению к Онегину в финале. Онегин не объект бихевиоризма, а поэт, попавший в ситуацию трагической амехании. Татьяна показана как остановившаяся в своём развитии. Онегин навсегда оставлен Пушкиным в точке начала. Над Джоном, похоже, тяготеет симфоническая версия Чайковского: в финале «смех рока» (трагическая ирония) в оркестре, почти Шестая симфония; Джон забывает, что реплики «Позор, тоска, о жалкий жребий мой!» нет и не может быть в романе и т. д.—*С. К.*)

Действий у него (у Онегина.—*С. К.*) немного, за исключением того, что он кого-то там убивает, и я до сих пор не вполне понимаю, зачем он это делает. (Здесь очень интересно и продуктивно, что Джон ставит балет отчасти и для того, чтобы прояснить для себя эту загадку дуэли, но и после постановки балета загадка остаётся загадкой и продолжает мучить Джона.—*С. К.*)

Я ценю их дружбу (Онегина и Ленского.—*С. К.*) достаточно высоко, доверяя в этом отношении Пушкину. Ни Кранко, ни Чайковский не прорабатывали в достаточной степени этот аспект... Два противоположных характера очаровываются друг другом, влекомые силой притяжения. Это прежде всего касается Онегина... Он (Онегин.—*С. К.*) пытался писать что-то или с головой уходить в книги... Великая трагедия в том, что человек, который ищет смысл жизни, убивает того, кто этот смысл нашёл.

...Чтобы придать персонажам Кости и Тригорина в «Чайке» более балетный профиль, я представил их хореографами... Прекрасно было бы создать ощущение, что Ленский сам сочинил часть музыки Леры Ауэрбах, и незаметно вплести его видение Ольги в музыкальную ткань композиции Леры. Мы не только знаем, что он пишет, но и получаем непосредственное впечатление от его искусства. Мы видим его сидящим за фортепиано и работающим с листами нотной бумаги... Ленский является своего рода поэтом-певцом, фигурой орфической. (Беда только в том, уважаемый Джон, что Ленский—плохой поэт, он пишет слабые, почти пародийные стихи, над которыми Пушкин открыто смеётся. Если Ленский становится музыкантом, то и мелодии Ленский должен бы сочинять слабые, вторичные, уже превзойдённые автором всего балета, как и манера писать Ленского превзойдена (или, точнее, построением образа Ленского преодолевается, трансдуцируется) Пушкиным.—*С. К.*)

...Любовь уводит его (Ленского.—*С. К.*) в далёкие сферы. Когда судьба Ленского приобретает законченные очертания (см. Бахтин о завершённости и принципиальной незавершимости героя.—*С. К.*), Онегин тоже пытается выйти за очерченные

пределы. Он провоцирует событие, которое объяснить невозможно. (Мне кажется, здесь Джон слишком уж отходит от «дуэльной ситуации» пушкинской поры. Подобного рода дуэли случались часто. «Декабрист в повседневной жизни» был опутан дуэльными историями, которые были не бытийными, а бытовыми. Иное дело, что Пушкин и вместе с ним Ноймайер стремятся заколдовать эту дуэль и превратить её в нечто загадочное и непостижимое. В какой мере это делают Пушкин и Джон? В какой мере—только Джон, доводя логику Пушкина до парадокса?—*С. К.*)

Именно герои романов, витающие в её (Татьяны.—*С. К.*) голове, и подсказали ей то, что она написала в письме к Онегину… Именно героини романов сочинили то письмо или надиктовали его. Стиль и содержание письма она неосознанно переняла из прочитанного ею. Например, она копирует Юлию Вольмар из романа в письмах Руссо «Новая Элоиза».

…Время, в которое Пушкин сочиняет свой роман, в известном смысле на сцене присутствует или ощущается, прежде всего, в ритуале дуэли, как я его вижу (то есть, чтобы выстроить трагедию, необходимо воспроизвести архаический ритуал, который трагедия изображает как таковой, называет по имени роковое событие и тем самым его преодолевает.—*С. К.*).

…Должно быть расхождение между фигурой Татьяны и атмосферой Советского Союза после плодотворных в плане искусства двадцатых годов. Именно советская культурная продукция того времени и нужна мне как фон, чтобы контрастно представить такую движимую мечтами (!!!—*С. К.*) фигуру, как Татьяна. В пушкинском романе интересно подлинное дыхание времени, которое не играет существенной роли ни в опере Чайковского, ни в балете Кранко.

…Состояние «подвешенности» героев над реальной жизнью освободило меня от необходимости придерживаться каких-то определённых временны́х рамок, от привязки к конкретному времени, в котором разыгрывается пьеса (то есть получается, что прыжок балерины как бы задерживается в воздухе—она не может опуститься на землю и принуждена всё время летать.—*С. К.*).

«Евгений Онегин» написан с таким искусством, что перевести его на другой язык практически невозможно. Пушкинский стиль обладает юмором, почти иронией, автор включает в игру собственную персону… и при этом остаётся в рамках строгой формы. Для моей версии балета я нахожу стихотворную форму романа очень подходящей, потому что роман в стихах рассказывает—и рассказывает средствами стиха. (Выходит, что балерина будет танцевать, подражая музыке—форме—стиха, то есть танцевать онегинскую строфу как предмет изображения. Пушкин учил летать свой онегинский стих, глядя на образцовый орган полёта—ножки балерин; теперь ножки великой балерины века будут вибрировать в ритме онегинского стиха—и онегинский стих будет выступать как идеальный орган полёта.—*С. К.*)

…Именно эту реалистичность в лирической форме я и попытался воплотить в моём балете.

Обманчивы… как ножки их

Либретто увертюры балета «Татьяна»

Абрам Терц учит стих Пушкина полёту у ножек балерин. Джон Ноймайер учит балерину танцевать так, как летает стих «Евгения Онегина». Интересно проследить, как Пушкин учится у Балерины и—чему.

Моя работа навеяна блистательным рауманализом современного балета, произведённым философом-рауманалитиком Ильёй Ильиным, подвергшим строгой критике мою статью «Душой исполненный полёт». Балерина Ильи Ильина отплясывает как прирождённая метахора, превращая зрителя в артпролетария Бурдье.

Пушкин живо интересуется ножками и балетом, начиная с XVII-й строфы первой главы романа и—с небольшими перерывами—вплоть до XXXIV-й строфы.

Слово «балет», появляясь впервые, рифмуется гастрономически:

Ещё бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.

В пространство вводится время: «котлет—брегет—балет»,—и Онегин летит к театру, пренебрегая бокалами, жажда которых просит удовлетворения:

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почётный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру…

Вольность Онегина ограничена гражданством кулис:

Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать entrechat…

Пушкин, отталкивая Онегина, врывается в театр почти как герои в балетах «Дама с камелиями» и «Татьяна»:

Волшебный край!..
<…>
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

Пушкин заявляет о себе как об Идеальном Зрителе балета:

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полёт?

Восторг Идеального Зрителя вдруг перебивается совсем иной интонацией, и образ Зрителя в течение одной XIX-й строфы радикально изменяется:

Иль взор унылый не найдёт
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом воспоминать?

И что? Лорнет разочарован. Не стоит ли вернуться к бокалам? О нет, Пушкин всерьёз погружается в воспоминания и, решительно оставив Онегина за порогом театра, обустраивает Идеальный Зал:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла — всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.

В Идеальном зале только и возможно увидеть Балерину:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьёт, то разовьёт
И быстрой ножкой ножку бьёт.

Всё! Дело сделано! Пушкин обретает право называть ногу — ножкой, и навеки теперь классический балет обречён подражать идеальному образу, созданному в XX-й строфе. Пора запускать Онегина. Герой входит в зал аккурат после приземления Балерины:

Всё хлопает. Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам…

Онегин и есть тот самый разочарованный лорнет. Автор не может, а герой — вполне может произнести: «Богини умерли!»

И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

…Черта охлаждённого чувства, достойная Чайльд-Гарольда. «Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо больше поэзии, нежели во всей французской литературе».

Этот спор Героя (стихи) с Автором (прозаический комментарий) мог быть изображён в увертюре как танец двух разных Зрителей в партере (пространство за креслами, где смотрели спектакль стоя), причём Онегин мог бы изображать лорнет Пушкина.

Между прочим, в этой почти драке побеждает Лорнет, и Зритель увертюры видит вот что:

Ещё амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Ещё усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Ещё не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать…

Идеальная форма сменяется грубо реальной, как в прозаическом описании Бахчисарайского фонтана или сцены соблазнения Керн. Хорея и метахора танцуют, скрещивая столь различные «взоры»:

Ещё снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Ещё, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони —
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

Вновь танцующие ножки Онегин встретит только в XXVIII-й строфе, отправившись не в театр, а на бал, где:

Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры…

Зрительный зал и сцена перемешаны: то ли балерины — в зале, то ли зрители — на сцене. Ножки так близко, что до них можно дотронуться. Теснота, уменьшается дистанция, зрительство отчасти заменено желанием. Танцует всё.

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума…

Наконец Пушкин, как в кинематографе, предлагает нам увидеть одни только ножки:

Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдёте вы в России целой
Три пары стройных женских ног.

Ах! долго я забыть не мог
Две ножки… Грустный, охладелый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

В нашей увертюре занавес превращается в экран, и «великая немая» — Балерина-Богиня-Терпсихора — показывает нам свои божественные ножки.

Бал, теснота, острое сближение с ножками балерин порождают трагическое остранение — почти как в фильме Маяковского, где балерина Лилия Брик может жить только в пространстве экрана:

Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнёте вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для вас я забывал
И жажду славы и похвал,
И край отцов, и заточенье?
Исчезло счастье юных лет,
Как на лугах ваш лёгкий след.

Ода, как ораторский жанр, требует, согласно Тынянову, и особого пространства произнесения. Пушкин — в нашей увертюре — забирается на трибуну и провозглашает:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоценённую награду,
Влечёт условною красой
Желаний своевольный рой.

Пушкину — для оды — достаточно одной ножки. Но это — ножка Богини танца. Именно она, ножка Богини-Балерины (а не просто дамы на балу), взгляду Автора-Зрителя пророчествует некую бесценную награду. Красота ножки Балерины-Богини «условна». Но именно «условная краса» порождает рой своевольных желаний Автора-Зрителя.

Ножка Терпсихоры на экране исчезает — да и сам экран тоже. Терпсихора экрана превращена в реальную Эльвину, которая танцует в партере со Зрителем-Пушкиным:

Люблю её, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зе́ркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

Эротическое напряжение увертюры нарастает, и вот уже в предгрозовом восторге Волны моря, заполняя весь зал, жаждут ножек Балерины:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!

Увы, Пушкину суждено быть только Зрителем танца Волн с Балериной, и Пушкин трагически танцует один, с нами, в партере:

Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Онегин всё это время спит, развалясь в креслах (это несколько рядов, которые устанавливаются между партером и сценой).

Между тем терзания Пушкина-Зрителя из-за явления Балерины подходят к концу. Наступает XXXIV-я строфа.

В XXXIV-й строфе Пушкин-Зритель и Терпсихора-Балерина танцуют фрагмент из финального танца балета Ноймайера — Ауэрбах «Татьяна»:

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я сча́стливое стремя…
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять её прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..

Да! в XXXIV-й строфе Автор испытывает те же чувства, что и его Герой в XXI-й строфе восьмой главы романа:

Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

«Трактат о ножках» в первой главе — увертюра ко всему роману. Эту увертюру танцуют Зритель и Балерина, Бог и Богиня — Пушкин и Терпсихора. Когда Богиня-Балерина навсегда уйдёт и Бог-Пушкин останется один — его сменит Онегин. Увертюра завершена.

И начнётся собственно балет Ауэрбах — Ноймайера «Татьяна», каким мы его знаем. Мы посмотрим балет вместе с Пушкиным — он будет с нами, в зале.

Она ушла. Пушкин-Бог-Зритель стоит, как будто громом поражён. И говорит:

Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы… как ножки их.

Левинас[4] в театре

Седьмой текст «балетного» цикла

Часть первая

Левинас (как это отмечает Г. Кнаббе) полагал (1948), что «Я» появляется в результате особой работы исхождения из себя и возвращения в себя. «Я» есть поэтому монада и одиночество. Отталкиваясь от рефлексий Кнаббе, продумаем вместе с Левинасом этот тезис.

В событии открытия «Я» существующий сочетается со своим существованием.

От одинокого «Я» человек переходит к диалогу с Другим. В акте диалога Другой (при)открывается.

Возникает противочувствие: переживание одиночества сталкивается с переживанием социальности, жаждой Другого, устремлением к Другому.

В этой антиномии каждое переживание претендует на всеобщность — ведь к диалогу способен только глубоко одинокий и самодостаточный человек.

Существа могут обменяться между собой всем, кроме своего акта-существования. Левинас укореняет бытие особенного.

Одиночество материально. «Я» приковано к своему акту-существованию. Расплата за звание «существующий» — в том, что существующему от себя не избавиться.

Существующий всегда занят только собою. Занятость собою есть определение материальности субъекта. Левинас мог бы сказать: «Я одинок — значит, я существую».

Но диалог с Другим не есть падение и предательство по отношению к нашему человеческому предназначению — быть самим собой, не отрекаться от лица. Нет, свобода вступления в диалог с Другим исходит из нашего одиночества и составляет завершение (в Другом) нашего одиночества.

Диалог с Другим есть героическая попытка века ответить на глубинное несчастье одиночества — ведь без этого несчастья быть одиноким нет личности двадцатого века.

Человек не стыдится одиночества, но обнажает его. Одиночество перестаёт быть тайной. Обнажение одиночества требует света.

Другой — не alter ego. Другой есть то, что я не есть. Я — мужчина, Другой — женщина. Я — взрослый, Другой — ребёнок. Я — богат и силён, Другой — беден и слаб.

Формой диалога с Другим является женское начало.

Суть женского начала («душа ведь женщина») — в тайне, в уклонении от света, в сокрытости, в не-до-конца-раскрытости Другого для «Я».

Столкновение с Другим не есть противостояние мужской (стремление к познанию, освещение себя как познающего светом рефлексии, удержание принципиального одиночества) и женской (стремление к тайне, сокрытости, двусмысленности, маске, артистизму, протеизму, сопротивление познанию «до донышка», жажда сохранить загадочность, не-до-конца-познанность, непредсказуемость — «какую штуку удрала: взяла и…») воли.

Другой — не встретившееся нам существо, нам угрожающее или стремящееся нами завладеть.

Другой (женское начало) не поддаётся нашему могуществу. Но не поддаваться могуществу — ещё не означает обладать бóльшим (по сравнению с нами) могуществом.

Всё могущество Другого (женского начала) заключается в бытии Другим.

Тайна Другого — в другости. Другость — всегда тайна.

Положив другость как тайну, я не полагаю её как свободу бороться со мной, при которой женское начало навязывает мне, познающему, свою волю.

Итак, способ (форма) существования женского начала — скрывать себя.

Способ существования Другого в диалоге — сокрытость для моего познающего «Я», удержание познания на границе с женственным «Ты», уклонение женственного «Ты» от света познания. Рефлексия происходит на свету, понимание Другого — в темноте.

Женское начало в руки живьём не даётся, уклоняется от познавательных объятий. И в этом смысл эроса. Эрос заставляет меня стремиться к познанию Другого, но — как тайны, как сокрытости.

Парадокс в том, что эротическую устремлённость «Я» к Другому порождает сопротивление Другого познанию, желание Другого остаться тайной, загадкой, непознанным, не поглощаемым познанием. Левинас как бы приглашает наше «Я» стать театральным Зрителем. В театре Левинаса эрос удерживает «Я» в позиции Зрителя, приводит меня в состояние сознания как со-бытия с женским началом (Другим).

«Я» говорит: я знаю Другого, знаю и себя, но я должен овладеть правдой наших взаимоотношений. Другой отвечает: «Я» устремляется к познанию границы между собой и Другим, но правда моих отношений с Тобой есть для меня (а потому и для Тебя) предмет сокрытия, есть тайна, и эта тайна никогда не откроется Тебе.

4. Эммануэль Левинас (1905–1995) — французский этический философ.

Я, Другой, удерживаю Тебя в позиции Зрителя, учу Тебя всматриваться, вслушиваться в Другого.

Другой есть Сфинга, загадка, сокрытое.

Граница между мной и Другим, правда моих отношений с Другим существует не как содержание познающего «Я», а в самом акте зрительства—созерцания другости—познаётся как тайна, как мучение зрительского сознавания.

Я эротически жажду Другого, хочу открыть его тайну. Но это означает, что «Я»—как Зритель бытия Другого—становлюсь кем-то иным, новым, неизвестным для себя. Становлюсь (как Зритель) тайной, загадкой для самого себя. Я не умею быть Зрителем. Я не знаю себя как Зрителя. Я только (при)открываю в себе Зрителя.

Я открываю себя теперь не только как неповторимое материальное одинокое самостоящее «Я», но и как «Я» зрительское, эротически устремлённое к познанию Другого как тайны и загадки.

Часть вторая

Итак, «Я» открываю себя как Зрителя, рождающимся «шестым чувством» (Н. Гумилёв) эстетически отчуждающего от себя другого как объекта со-переживания.

Зритель рвётся на сцену, чтобы познать Другого в акте эротического сближения—но Другой отбрасывает Зрителя в кресло зрительного зала, ибо Другой искушает зрительское «Я» тайной другости. Только возвращаясь в кресло Зрителя, «Я» оказываюсь способным созерцать Другого как тайну, как границу, как рампу, как четвёртую стену.

Другой—это театр Другого. Так другость завершается в женском. Так обретается (если обретается) «шестое чувство».

Зритель адресует Другому свой глаз—свет, исходящий из своего глаза, то есть свой взгляд.

Зритель «рассказывает» Другому, как и каким его видит, то есть освещает Другого светом.

Но Другой в ответ не спешит встретиться взглядом с «Я». Другой отводит взгляд, остаётся в темноте.

Другой изо всех сил демонстрирует, что не сводится к тому, как и каким его видит Зритель.

Зритель говорит: Я знаю всего тебя, Другой, вот, посмотри, кто ты.

Актриса отвечает: Я сама по себе, и никто меня не определит. Всё, что ты, Зритель, «сказал» обо мне, есть только ты, а не я. Я не на свету твоего зрения, я в темноте и сама излучаю взгляд, открывая тебе—тебя, но сама оставаясь сокрытой, непознанной, заставляющей тебя, Зритель, мучиться отсутствием крыльев. Ты не летаешь со мной, ты сидишь в кресле Зрителя, летаю только я.

В отличие от литературоведения, театроведение в двадцатом веке так и не состоялось. Нельзя спросить: как это сделано? Нельзя выпытать, как «сделан» Другой.

Взаимность в диалоге «Я» с Другим есть граница между двумя отдельными свободами: свободой Зрителя страстно, эротически стремиться к познанию женского артистического начала как другости и—свободой женского артистического начала (т.е. Другого) оставаться целомудренным, загадочным, не сводимым к интерпретациям типа «Я знаю, как сделан твой танец!», началом, не позволяющим слиться в общем эстетическом действии: танцую только я, а ты, Зритель, сидишь в кресле, не летаешь, а созерцаешь мой полёт.

В близости Другого полностью удерживается и отстояние—рампа, граница. Эта граница эротически волнует именно тем, что в ней есть возможность близости и парности, но парности «Зритель—актриса», то есть парности эстетического созерцания, «шестого чувства».

Эрос есть удержание позиции Зрителя бытия тайны эроса.

Эрос другости есть жажда открыть то, что сокрыто, и—удержание себя на границе этого открытия.

Эрос другости есть воля к сокрытию.

Эрос другости есть сила сопротивления нашему желанию познать загадку эроса.

Само эротическое влечение вызвано сопротивлением женского начала (эроса, Другого) его открытию. Нас влечёт загадка, мы стремимся разрушить женственную волю к сокрытию тайны—отсюда всё «театроведение».

Но Сфинга женственной загадочности оказывается фениксом: Другой, погибая, когда мы его полностью разгадываем, оживает вновь как загадка, приглашая Зрителя на новый спектакль.

Часть третья

Когда Зритель безрассудно рвётся на сцену, чтобы познать Другого,—его может ожидать глубокое разочарование. Так, в фильме Эдвина Портера (Edwin S. Porter) «Дядюшка Джош на moving show» героический человек прорывается на экран, чтобы увидеть, что же он любит, что втягивает его в прекрасный идеальный мир,—и видит неантропоморфное существо—киноаппарат. Прорывается к прекрасной балерине—и видит биомеханическую модель Мейерхольда, чистое пространство, неантропоморфную механику, робота. Прорывается к божественной красоте—и видит, что может обнять лишь треугольник Платона, который лежит в основе эроса, эстезиса. То, что он, дядюшка Джош, любит—это неантропоморфная, равнодушная к человеку пространственная форма, почти математическая формула: возможность быть и огнём, и воздухом, и землёй, и поездом, и нежной красотой ножек балерин, и полётом, и самим умением летать, и органом полёта—душой… Обычный зритель сидит в кресле. Героический Зритель, становясь подобием Бога, прорывается к первоначалам

красоты. Как же он бывает разочарован… То, что он любит,—почти пустота, ничто, возможность быть—*пространство*.

Герой стихотворения Лермонтова «Морская царевна» жаждет сближения с Другим, пытается перетащить Другого на берег собственного познающего «Я», но это губит Другого, стремящегося удержать тайну другости:

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»
Фыркает конь и ушами прядёт,
Брызжет и плещет и дале плывёт.
Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»
Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелко́вой узды.
Вышла младая потом голова,
В косу вплелася морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.
Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьётся она.
К берегу витязь отважно плывёт;
Выплыл; товарищей громко зовёт:
«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьётся добыча моя…
Что ж вы стоите смущённой толпой?
Али красы не видали такой?»
Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.
Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зелёным хвостом;
Хвост чешуёю змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.
Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрёк…
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

Шевченко так описывает попытку Брюллова сблизиться с божественной Тальони: «Порхающая, лёгкая как зефир, очаровательница лежала в вольтеровских креслах с разинутым ртом и раздутыми, как у арабской лошади, ноздрями, а по лицу, как мутные ручьи весной, текут смешанные с по́том белила и румяна» (*Тарас Шевченко*. Твори в 3-х томах. Т. 2. Повісті. Київ, 1961. С. 400; см. также: *А. Чепалов*. Тарас Шевченко среди балетоманов.—Танец в Украине и мире, 2014, №2(8), Харьков. С. 30–31).

Диалог с Другим, с женским началом, устроенным совсем не так, как «Я», например, с великой балериной, порождает alter ego «Я»: возникает внутренний диалог Философа и Зрителя. Философ—одинокое мыслящее «Я»—начинает спор со Зрителем—одиноким сознавательным «Я». Субъект сознания (Зритель) и субъект мышления (Философ) неплохо понимают друг друга. Мыслитель сдвигает сознание к полюсу мышления. Философ обнажает свой «внутренний колледж»: Философ-Теоретик-Поэт,—эти трое разговаривают со Зрителем, строится «диалогическое понятие»; все четверо задумываются над тем, как возможен балет, как возможен полёт,—идёт теоретическая работа по построению поэтики современного театра.

Здесь можно спросить (друг друга) о том, почему балерина «всегда нема», и о том, в чём природа женственного начала Другого, почему этот Другой озабочен своим сокрытием, как устроен «эрос другости» и так далее.

Но «порождающий диалог» с Другим, с женским началом, с балериной, «устроенной» принципиально иначе, чем Зритель, прекращается. Одинокий Теоретик-Философ-Поэт-Зритель встречается с другими такими же субъектами (в том числе и с Аристотелем, Дидро, Эйзенштейном…). Эти встречи могут быть весьма продуктивными.

Однако вернуться к «порождающему диалогу» с Другим как с женственным началом можно, только прервав разговор о балете и заняв место в зрительном зале, скрестив свой одинокий взгляд с одиноким взглядом гениальной балерины.

И вновь начинается игра-сознание, игра в молчанку, таинственный (только в форме внутренней речи) «разговор» не о той, а—с той, которая всегда нема (и скажет больше пантомима, чем она сама).

Но «великая немая» тоже человек! Как же возможен с ней диалог, если она и говорить-то не умеет?

А может, великая балерина и не человек вовсе, а, скажем, Бог?

Пушкин так и подумал, переименовав балерин—в богинь. Значит, Другой—это Бог, и Левинас зашифровал своё желание говорить с Богом?

Вы можете обращаться к Богу как Другому—со своими исповедями (театральными рецензиями?). Но стоит ли надеяться на ответную реплику Божества?

Бог явится нам в Откровении, оставив нам лишь беспомощные попытки бескрылой твари залежалым словом воспроизвести не выразимый в слове полёт…

Но мы ясно видим, что божественный полёт осуществляет вот эта, земная, названная по имени в программке, женщина.

Мне не хватает силы воображения, чтобы совместить это в своём сознании.

Я нахожусь в бездне безысходности, несоизмеримости и обращаю «SOS!»—к другой, по сравнению с моей, культуре понимания.

Строгая логика привела меня к форме исповеди, обращённой к Божеству и—к описанию ситуации Откровения.

Открывшийся мне мой Верующий Разум диктует: «Заверши, наконец, это текст и купи билет на спектакль с участием твоей любимой балерины».

Поверх зыбучих вод…[5]

Восьмой текст «балетного» цикла

Балерина появляется сначала в музыке—перед самым концом первого действия. Тема мира мёртвых подготовлена всеми предшествующими мелодиями, изображающими и пародирующими (из этих пародий вырастет гомерический смех Шостаковича и Прокофьева) мир земной,—не зря их танцует Шут.

Герой навсегда отравлен мелодией мёртвых.

Второе действие начинается подробной разработкой темы мёртвого мира, лишь заявленной в финале действия первого.

И появляется Она—тоненькая, вся сотканная из воздуха, смертельно бледная. И танцует мёртвую, вовсе не похожую на птицу, женщину (Лебедя нет в этом балете).

Эта женщина вовсе не хочет, чтобы её оживили. Но герой жаждет обладать её мёртвым прозрачно-воздушным телом, и Она—в третьем действии—на время оживёт, покоряясь мужской безрассудной воле.

После того как герой попрощался со всеми земными мелодиями (и здесь опять появляется Шут), балерина появляется—превращаясь в живую женщину, полную силы и страсти. Чего ты хочешь, герой? Меня настоящую—мёртвую, или меня ненастоящую, но зато—игривую, будто оживлённую твоими прикосновениями?

Герой выбирает жизнь, показывая, что он, в общем-то, такой же, как и все мужчины.

А Зритель верит и не верит волшебному превращению мертвенно-бледной женщины—в Китри из «Дон Кихота», которая способна соблазнить не только Рыцаря печального образа, но и весь огромный зрительный зал.

Мы знаем, что финал был переделан Чайковским из трагического—в оптимистический, и боимся за балерину. Нет, Она танцует трагический финал, пробует ожить, но не оживает. Герой обнимает мёртвую женщину, но зато—настоящую.

Барышня-хулиганка: Маяковский, балерина, экран

Девятый текст «балетного» цикла

«В области драматургии мы являемся ведущим театром. На этом пути мы делаем десятки и сотни ошибок, ибо эти ошибки нам важнее успехов старого адюльтерного театра» (27 марта 1930 года)[6].

Происходящее в оркестре и в жестах балерины совсем не похоже на либретто и на известный фильм с участием самого Маяковского.

Известно, что Маяковский не любил это либретто: «„Барышня и хулиган“… сентиментальная заказная ерунда, переделка с „Учительницы рабочих“. Ерунда не тем, что хуже других, а что не лучше… Режиссёр, декоратор, артисты и все другие делали всё, чтобы лишить вещи какого бы то ни было интереса» (*В. Маяковский.* Театр и кино. Т. 2. М., 1954. С. 431). В фильме нет никакой Лилии Брик. Учительницу играет другая актриса и делает это неинтересно.

Мы знаем также, что Шостакович никогда не писал балета «Барышня и хулиган», а музыка к балету—компиляция нескольких фрагментов из других произведений Шостаковича. Компилирование, кстати, выполнено не самим автором, но лишь с его разрешения. А это означает, что только в ходе постановки эту музыку можно сделать живой и значимой.

Чем же напрягается балет? Отчего выразительные движения балерины и идущая вслед за ними потрясающая музыка в оркестре столь трагичны? О чём, наконец, балет?

Перед нами не столько банальная история «учительницы рабочих», сколько реализация совсем другого либретто, а именно—сценария 1918 года «Закованная фильмой». Это либретто записано со слов Лилии Брик, исполнявшей заглавную роль в картине (её партнёром был Маяковский).

Маяковский обожал своё творение: «4-й сценарий—„Закованная фильмой“. Ознакомившись с техникой кино, я сделал сценарий, стоявший в ряду с нашей литературной новаторской работой» (там же, с. 431).

В «Закованной фильмой» разыгрывается трагедия невозможности любви Зрителя и Балерины. Их любовь невозможна (и поэтому столь насущна для Зрителя) из-за того, что Балерина и Зритель живут в разных мирах. Зритель по профессии—художник и живёт в одномерном пространственном мире большого города. Балерина—как Другая по отношению к Зрителю—может существовать только в двумерном пространственно-временном мире экрана.

Зритель скучает. Ему не на кого смотреть. Он ходит по улицам, ищет неизвестно чего: подсаживается к женщине, но женщина становится прозрачной, и у неё вместо сердца—шляпные булавки. Просвечивает и жена Зрителя: вместо сердца—кастрюльки. Цыганка предлагает погадать. Он принимается писать её портрет, но цыганка начинает просвечивать: у неё вместо сердца—монеты.

Кинематографическая контора. Дела её плохи: нет боевиков. Человек с бородкой («Мефисто»)

5. О балете Чайковского «Лебединое озеро».
6. Из стенограммы выступления Маяковского на совещании в редакции «Вечерней Москвы» о постановке «Бани» и на диспуте о «Бане» в Доме печати.

принёс коробку с фильмом «Сердце экрана». По всему городу—плакаты «Сердце экрана» (Балерина, в руках у неё сердце). Идут «сандвичи» с плакатами, прохожим раздают рекламные листовки.

Скучающий Зритель заходит в кинотеатр и смотрит «Сердце экрана». Балерину (сердце кино) окружают Макс Линдер и Чарли Чаплин. Сеанс окончен, публика расходится.

Зритель проталкивается к экрану и бешено аплодирует. Оставшись один в тёмном зале, продолжает аплодировать. Экран освещается. Балерина появляется на экране, затем сходит с экрана и подходит к Зрителю. Он обнимает её за плечи и ведёт к выходу. Сторож запирает за ними дверь кинотеатра.

На улице пасмурно, дождь. Балерина морщится, отступает назад и исчезает через запертую дверь. Зритель идёт домой. Валится на кровать—он заболел. У дверей дома, где живёт Зритель, его врач встречается с цыганкой. Они стоят около плаката «Сердце экрана»; цыганка спрашивает о здоровье художника. Глаза Балерины на плакате поворачиваются к ним—Балерина прислушивается.

Прислуга покупает лекарства. Идёт домой и на улице загляделась на «сандвичи». Бумага рвётся, лекарства вываливаются. Прислуга подбирает упавший плакат и завёртывает лекарства. Зритель разворачивает плакат. Расправив его, прислоняет к столику около кровати. Балерина на плакате оживает, оказывается сидящей на столике. Она встаёт, подходит к Зрителю.

В момент своего оживления Балерина исчезает со всех плакатов, со стен, «сандвичей», с листовок в руках читающих. Исчезает она и из самого фильма!

Зритель кладёт Балерину на диван, заворачивает в трубочку, как плакат, завязывает лентой, берёт в руки, садится с плакатом в автомобиль и уезжает.

Зритель с Балериной приезжают на дачу. Балерина скучает по экрану, бросается ко всему белому, напоминающему экран, ласкает печку, скатерть, сдёргивает скатерть вместе с едой, вешает её на стену и становится в позу.

Балерина просит Зрителя достать ей экран. Зритель ночью едет в пустой кинотеатр, там он вырезает ножом экран.

Цыганка пробралась на дачу. Она подстерегает Балерину в саду, устраивает ей сцену и под конец ударяет её ножом. На дереве, к которому прислонилась Балерина,—приколотый ножом плакат.

Цыганка бежит к «Мефисто» и рассказывает ему, где находится Балерина.

Балерина ожидает Зрителя на даче. Входят «Мефисто», окружённый киноперсонажами из фильма «Сердце экрана», и цыганка. Балерина рада—она уже соскучилась без них.

«Мефисто» окутывает Балерину кинолентой, Балерина растворяется в ленте.

Возвращается Зритель с экраном. Бросается к плакату «Сердце экрана», ища в нём разгадки, и вдруг видит в самом низу плаката напечатанное мельчайшим, еле заметным шрифтом название кинематографической страны.

Зритель в вагоне у окна,—он едет на поиски этой страны.

«Куртуазные отношения, по Лакану, поддерживают диффузный мираж и становятся отношением Зрителя и Героя экрана» (*Валерий Петров.* Метахора и экран. Доклад. Харьковский университет. Философский факультет. 1.04.2015).

В знаменитом фильме Эдвина Портера (Edwin S. Porter) «Дядюшка Джош на moving show» героический человек прорывается на экран, чтобы увидеть, что же он любит, что втягивает его в прекрасный идеальный мир, и видит неантропоморфное существо—киноаппарат. Прорывается к прекрасной балерине и видит биомеханическую модель Мейерхольда—чистое пространство, неантропоморфную механику, робота. Прорывается к божественной красоте и видит, что может обнять лишь треугольник Платона, который лежит в основе эроса, эстезиса.

То, что он, дядюшка Джош, любит—это неантропоморфная, равнодушная к человеку пространственная форма, почти математическая формула: возможность быть и огнём, и воздухом, и землёй, и поездом, и нежной красотой ножек балерин, и полётом, и самим умением летать, и органом полёта—душой… Обычный зритель сидит в кресле. Героический Зритель, становясь подобием Бога, прорывается к первоначалам красоты. Как же он бывает разочарован… То, что он любит,—почти пустота, ничто, возможность быть—*пространство*.

Владимир Маяковский, Лилия Брик, Дмитрий Шостакович—идут гораздо дальше Эдвина Портера. Зритель-Маяковский перетаскивает Балерину к себе—через рампу—в зрительный зал! В зрительном зале он кладёт Балерину на диван, заворачивает в трубочку, как плакат (вспомним движения Балерины, напоминающие скорее ползание некоего неземного существа, отталкивающего Зрителя своими кафкианскими ножками (кажется, что этих ножек шесть), чем полёт классической балерины).

Маяковский обращается с идеальным, придуманным, невозможным по обычным меркам жизни существом—Балериной—как с реальным предметом вожделения, страсти, обладания. Похоже, трагедия именно в том, что Маяковский хочет обладать именно неантропоморфным (самим пространством как таковым, самим временем как таковым, то есть экраном как двумерным образом пространства-времени), но так, чтобы в экран можно было завернуться, как в тёплое, женское, живое.

Но мир Балерины—это особый, идеальный мир, и он не открыт непосвящённому, он скрыт от Зрителя. Этот мир женского неантропоморфного начала есть Другой (так об этом пишет философ Левинас)—непостижимый, загадочный, окутанный тайной (и только поэтому так жаждет Другого Зритель-Маяковский).

«Сердце экрана» по жанру определяется Маяковским как «фантазия-факт».

В прологе встречаются двое: весёлый американовидный дядя Эдисон—ему понравилось ручкой киноаппарата «завертеть руины» цивилизации—и Женщина большой красоты—Балерина и будущая Звезда.

Красавица спрыгивает с подножки переполненного трамвая, перебегает улицу большого города на пуантах и скрывается в подъезде. Подписывается под бумагой «Контракт» с директором Джонсом—делателем звёзд. По сердцу Зрителя проходит мелкий поезд с красавичьим силуэтом.

Отдельные кадры Балерины-Красавицы в захватывающих движениях. Зрители восторженно рассматривают огромный плакат.

Экран. На экране Балерина-Красавица. Балерина бежит, держа в руках огромное сердце, скрываясь от шикарного Дугласа и ковыляющего с тросточкой Чаплина.

Действо на экране развёртывается. Балерина летает, перепрыгивая со скалы на скалу. Кажется, уже спаслась. Но появляется Котелок, как лассо бросающий с выступа аркан фильмы. Балерина «охвачена». Балерину тянут.

Финал. Киноаппарат проходит по аплодисментам всего зала.

Зритель остаётся один. Аплодируя и озираемый остальными уходящими зрителями.

Один аплодирующий очарованный Зритель в пустом кино, перед чёрным, окончившим свою работу экраном.

Экран озаряется, на экране появляется Балерина. Балерина *сама* начинает вылезать из экрана!

С экрана слезает Балерина, улыбаясь, приближается к Зрителю!

Расставив руки, улыбаясь, Балерина обнюхивает свежий уличный воздух.

«Я давно не видела этого. Голову кружит живая жизнь».

Зритель бросается навстречу Балерине. Балерина недовольна. Отступает на шаг. Медленно спиною отходит к двери и скрывается сквозь запертый дверной массив.

Нет равных Маяковскому в изображении «отказного действия»!

С вывешенного на спинке стула плаката постепенно отделяется Барышня-хулиганка, выходит из рамы (пересекает рампу) и почти садится на кровать Зрителя.

Балерина кладёт руку на голову Зрителя, тянется к нему: «*Здравствуйте!*»

Со всех плакатов пропадает фигура Балерины, и заплатившие за билет громят кинематограф.

Митинг в пустом театре. Экран. Пустое чёрное место вместо сердца Балерины. Застыли в кадре преследователи. Они постепенно начинают шевелиться, и фигурами двух измерений Чаплин, Фэрбенкс и другие слезают в зал с экрана.

Неудобство романов с людьми двух измерений. Зритель пытается обнять Балерину. Когда это удаётся—в руках его оказывается мятый плакат. Маяковский играет с измерениями. Внешне дело выглядит так, что Зритель трёхмерен, а Балерина—двумерна. На самом деле Зритель одномерен и пространственен (линеен), Балерина же—двумерна, располагается в пространстве-времени (на экране Декарта).

Зритель предполагает, что Балерину обидели лишняя поспешность и грубость, деликатно и виновато сползает с кровати. Кровать здесь—метафора кресла в зрительном зале. В современном балете в таком кресле нередко разворачивается основное действие. И туда намеренно спускается Балерина.

Но дело не в этом! Балерина уже стоит в другом углу зрительного зала и указывает пальцем на крытый белой скатертью стол.

Зритель догадывается! Схватывает угол скатерти и волочит её к стене. Пришпиливает скатерть на стенку наподобие экрана. Обрадованная Балерина занимает привычное место на белом фоне. Балерина указывает Зрителю его место—перед собой!

Зритель ставит перед полотном-экраном граммофон—вместо оркестра. Занимает место единственной публики и впивается глазами в экран, еле держась на стуле.

Балерина начинает на скатертном полотне свою партию.

Тем временем Чаплин ищет Балерину, он вылез на ходули и держит тросточку в зубах. Впереди—роскошные авто известных киноактёров. Все хотят вернуть Балерину.

Не обращая внимания на Зрителя, Балерине суют в нос контракт: «Вернись в кино, ты нас разоряешь!» Её опутывают кинолентой, и она растворяется в ленте. Лента торчит из кармана директора. Когда захлопывают дверь, хвост оказывается защемлённым. Все бегут по лестнице—сзади разматывается защемлённая фильма.

Зритель долго и вкусно разжигает трубку. Бросает горящую спичку. Спичка падает на хвост фильмы. Фильма вспыхивает! Бежит огонь и взрывает коробку.

Так Маяковский в «Сердце экрана» сжигает свою героиню.

В финале юная балерина, как две капли воды похожая на сожжённую семнадцатилетняя

артисточка, приближается к молодому кинооператору документального кино.

Оператор вертит ручку. Юная балерина смотрит на него восторженно. «А почему до сих пор я целуюсь только на экране?»

Обнялись. Поцелуй.

Зритель так долго и безуспешно любил Балерину, что сам становится ею.

Нежные европеянки балета

Десятый текст «балетного» цикла

Артемида—стихия воздуха. Балерины-богини Пушкина летают в воздухе подобно пуху от уст Эола. Артемида не такова. Она сама есть воздух. То, без чего невозможно наше дыхание. Напряжение и расслабление воздушной стихи—божественного облака—порождает все образы Артемиды. Когда Артемида взлетает—кажется, что никогда не приземлится, так и останется в своей природной стихии. Вся прозрачна и призрачна—мы дышим ею и потому зовём так свободно—своею…

Гера—стихия земли. И нет никого её земнее. Посмотрите, как в «Жизели» Гера танцует неподвижность. Ведь самое удивительное в балете—станцевать покой, чреватый любыми возможными, виртуальными формами движения. Покой, который внезапно взрывается выразительным жестом, которому покорён герой. Как натянутый лук. Как статуя дискобола. Как тот прекрасный идеальный земной дом, к которому стремится Зритель, но обретает, только глядя на божественную Геру.

Артемида и Гера блистают в «Шопениане». Победила стихия воздуха, хотя в финале герой оказался, как и в начале, в ситуации рокового выбора и неопределённости: воздушность, душой исполненный полёт, отрыв—возможно, навсегда—от земной повседневности, игривый взгляд сестры—то вправо вверх, то влево вверх, но всегда взгляд Артемиды, Зритель не может перехватить, только замечательный фотограф Шахматов может перехватить,—спорит с изысканной связанностью с Домом и Землёй: «…Что—прелесть её ручек, что—жар её перин? Давай, брат, отрешимся, давай, брат, воспарим»,—Гера проигрывает воздушной и неземной Артемиде, она жалуется Зрителю и Хору, она статуарна, она задыхается—весь воздух украден Артемидой,—герой выбирает равнодушную к мужской силе и власти Артемиду и решительно оставляет земную Геру.

Оставленная, брошенная, наблюдающая за тем, как её возлюбленный парит-летает с Артемидой, Гера нереально похожа на Марину Цветаеву в балете.

Артемида, как всегда, беспощадна и торжествует.

Балет получился превосходный, на радость вам и мне. Спасибо, любимые и любящие стихии—воздуха и земли.

Кармен, XXI век

Заявка на либретто одноактного балета

Марине С.

1.

Герой нашего балета—Зритель.

От его имени ведёт повествование Мериме.

Бизе и Алонсо не изображают этого Зрителя.

Их «Кармен»—трагедии познания: рассказчика интересует Кармен сама по себе, как она действует независимо от того, кто её познаёт.

Балет соединяет познавательную установку (балерина танцует сама по себе, Зритель и балерина противопоставлены друг другу, каждый живёт своей жизнью) с установкой способности суждения, просвещённого вкуса (Зритель—это философ, сосредотачивающий все свои способности знать в суждение об этом особенном прыжке-полёте).

Балет двадцать первого века изображает Зрителя как героя.

Онегин—Зритель и ценитель балета—танцует с балериной, а затем усаживается в кресло в зрительном зале.

Герой и героиня «Дамы с камелиями» представлены нам вначале как зрители «балета в балете» и танцуют вместе с Манон Леско и кавалером Де Грие.

Зритель досотворяет балет, он видит себя в балете.

Балет девятнадцатого века тоже знает Идеального Зрителя.

Китри в таверне не танцует сама, а жадно смотрит, как танцуют другие, задавая позицию Идеального Зрителя—подобно тому, как Санчо Панса и Горацио задают точку зрения идеального читателя.

В балете «Кармен, XXI век» Рассказчик видит самого себя, осознаёт меру своего участия в судьбе Кармен.

Это похоже на то, как физик двадцатого века обнаруживает, что его хищное познавательное действие не может быть устранено из эксперимента, а должно быть изображено и осмыслено как со-участие в жизни элементарной частицы.

Разумеется, занавес всё время закрыт.

Во время увертюры разыгрывается миниатюра, заключённая в эпиграфе:

Всякая женщина—зло,
Но дважды бывает хорошей:
На ложе любви
И на смертном одре.

Наш герой (поначалу он находится в зрительном зале) решает задачу ориентирования: он географ и историк.

Дело происходит в 1830 году.

В Кордове Зритель читает Цезаря, пытаясь привязать реалии книги к абстракциям местности.

Реалии битвы могут быть показаны в массовой сцене, которая разыгрывается в воображении Зрителя.

Зритель ищет точку исторического события, а находит — цирк, а в нём — спящего.

Наш балет делает акцент на начале.

Предисловие становится Словом — предисловие (как в философских текстах Нового времени) полно возможностей: ещё ничего не случилось, Зритель ещё ничего не увидел. Зритель находится в точке перерешения своей зрительской судьбы, определяющей (как мы увидим далее) судьбу Кармен.

Стравинский говорил, что опера хочет с помощью придуманного изображать правду, а балет создан для того, чтобы с помощью придуманного изображать придуманное, невидимое и невозможное.

В Новое время (романная форма) перипетия «быть или не быть?», решаемая как «быть!», означает включение поступка в цепь следствий, на которые поступающий мыслитель уже не может влиять, но тем не менее несёт за них ответственность.

В балете двадцать первого века перипетия Нового времени соединяется с парадоксом просвещённого вкуса.

Зритель (субъект способности суждения) несёт ответственность за своё *зрительство* (неучастие в действии в качестве героя).

В двадцать первом веке Гамлет, Фауст, Дон Кихот — идеальные Зрители балетов «Гамлет», «Фауст» и «Дон Кихот».

Их совесть, их нравственность трагически напрягаются как совесть Зрителя.

Зритель — главный герой культуры двадцать первого века — несёт ответственность за своё неучастие в действии.

Парадокс в том, что, чем напряжённее Зритель удерживается от участия, чем статичнее его зрительская поза в кресле зала, тем более осознаётся и изображается радикальная неустранимость Зрителя из действия, которое он имеет счастье и право видеть и которое он судит.

Зритель определяет судьбу героя.

II.

Если бы Зритель-Историк не прошёл бы Перового испытания зрительством и принял бы сто дукатов за голову Хозе, он бы *не увидел* танец Кармен, ибо ещё один Зритель-Рассказчик (Хозе) был бы казнён, а Кармен осталась жива.

Зритель-Историк изображается Мериме как активный соучастник убийства Кармен.

«Я спрашивал себя, прав ли я был, спасая от виселицы вора, а может быть, и убийцу... Я буду нести ответственность за все преступления, которые совершит этот бандит... Я... пребывал в полнейшем колебании по поводу нравственности моего поступка».

Если бы Зритель не прошёл Второго испытания зрительством — созерцания обнажённых купальщиц, он не встретил бы ещё не танцующую, а лишь мимансную Кармен.

Наконец, если бы не прошёл Третьего испытания зрительством — он не последовал бы с молодой колдуньей, чтобы узнать магические церемонии, рискуя жизнью, — ведь Кармен просила Хозе зарезать Зрителя.

Хозе оставляет Зрителя живым, чтобы занавес наконец-то открылся для него и Зритель узнал от Хозе танец Кармен — а все в зале, наконец, увидели классический балет.

Эйфман производит своего героя в классический балет «Дон Кихот» и внутри постановки двадцатого века выстраивает Новое время — по боровскому принципу дополнительности.

В нашей постановке занавес будет закрыт наглухо — мы так и не увидим балет «Кармен», сосредоточившись на инсценировке первой части новеллы, до слов Хозе: «Я родился...»

Мы инсценируем только первую и вторую части новеллы Мериме.

Мы только готовим Зрителя балета «Кармен», проводя его через три испытания зрительством, описанные Мериме.

Сам балет Зритель увидит только в своём воображении (подготовленном нами).

III.

Итак, наш Зритель находится в цирке, в центре которого спит Хозе.

Скорее всего, Зритель уже не в креслах первого ряда, а поднялся на площадку перед закрытым занавесом. Площадка перегораживает оркестровую яму, оркестр располагается слева и справа от площадки.

Что делать дирижёру, я пока не придумал и оставляю на совести хореографа.

Этот балет невозможен под фонограмму — музыка обязательно должна быть живой.

Проводник бледнеет и в страхе останавливается.

Хозе просыпается.

Зритель угощает Хозе сигарой.

«Как давно я не курил!»

Напоили-накормили: из сумки проводника достаётся еда.

«Он пожирал пищу, как голодный волк».

Проводник Антонио подаёт устрашающие знаки, Зритель их игнорирует.

Зритель понимает, что имеет дело с разбойником.

Зритель счастлив, что *видит* настоящего бандита!

Зритель знает испанский характер и понимает, что герой, который ел и курил с ним, не опасен для созерцания.

Зритель испытывает трепет от разглядывания опасного существа, чувствуя, что его приручил и смирил.

Вместе со Зрителем мы наслаждаемся большим ртом, прекрасными глазами и зубами, маленькими печоринскими руками, тонкой рубашкой, бархатной курткой с серебряными пуговицами, штиблетами из белой кожи—Хозе красив и гармоничен.

Зритель-Историк наделён способностью чувствовать красоту сильного и смелого мужчины—зал должен это чувство разделить.

Хозе смотрит на угасающий огонь с особенным выражением грусти.

Сила Хозе растекается по зрительному залу.

Сцена «100 дукатов за билет в зрительный зал».

Антонио отводит Зрителя в сторону и предлагает продать Хозе за двести дукатов уланам.

«Я голый бедняк, и дело идёт о том, чтобы избавить страну от подобной нечисти!»

Антонио исчезает. Зритель будит Хозе, грубо встряхивает танцовщика, тот пронзает его диким взглядом, хватает мушкетон.

Наш балет во многом—танец взглядов, взоров, их пересечение друг с другом и с взглядом тех, кто удерживает себя в позиции Зрителя в креслах зала.

Чтобы *увидеть*—Зритель должен совершить подвиг, рискнуть своей свободой, спасти бандита, то есть повторить будущий поступок Хозе.

Увидеть *её* непросто—на даровщинку Кармен Зрителю не отдаётся!

Трагедия и подвиг Зрителя, жаждущего *видеть*,—это танец Зрителя.

Танец изображает нравственную трагедию Зрителя: он не действует, чтобы видеть.

Хозе берёт сигары в дорогу и уже ускакал.

Зритель остаётся один.

Танец-монолог Зрителя:

«Прав ли я?

Я спас от виселицы вора!

А может, убийцу!

Я предал проводника, я предал закон.

Я буду нести ответственность за все преступления, которые совершит этот бандит.

Меня мучает совесть!»

Совесть Зрителя:

«Я колеблюсь в отношении нравственности своего поступка.

Нравственно ли быть Зрителем?»

Появляется Проводник с уланами.

Зритель арестован и отправляется для выяснения его личности.

Балет наш долго готовит Зрителя к появлению *её*, учит видеть, испытывает Зрителя—иначе он Кармен не увидит…

IV.

Перемена декораций: сцена в Кордове на берегу Гвадалквивира.

Второе испытание Зрителя.

Он наслаждается зрелищем: женщины в белом собираются на берегу реки под набережной.

При последнем ударе колокола женщины раздеваются и уходят в воду.

Наверху, с набережной, мужчины в чёрном созерцают купальщиц, тараща глаза.

Мы—вместе с ними—видим белые и неопределённые формы на тёмной лазури Гвадалквивира.

Зритель испытывает судьбу Актеона.

Затем, когда уже больше ничего не видно—стемнело, он курит, опираясь на парапет.

Одна из купальщиц (возможно, сама Диана) всходит по лестнице, ведущей к реке, и садится рядом.

В волосах отнюдь не роза, а букет жасмина.

Одуряющий запах!

Бедно одета.

Вся в чёрном.

Купальщица набрасывает на плечи мантилью.

При свете звёзд Зритель видит молодую красавицу маленького роста, хорошо сложённую, с огромными глазами, и предлагает ей папелитоску. Свою сигару роняет.

Балерина зажигает папелитоску о горящий кусок верёвки. Зритель зажигает сигару.

В дыму сигары и папелитоски Балерина и Зритель разговаривают.

Нежный танец француза и цыганки.

Цыганка видит золотые часы на руке француза.

Который час?

Балерина называет своё имя—Карменсита.

Ещё один танец Зрителя. Он не испугался, что оказался рядом с известной колдуньей—служанкой дьявола. Из танца мы узнаём, что Зритель много лет потратил на изучение тайных наук и пытался вызывать духа тьмы. Это—танец Фауста.

Балерина с живым интересом созерцает магический танец, не забывая о золотых часах.

V.

Сцена в неверии.

Зритель и Балерина садятся у столика, освещённого свечой, заключённой в стеклянный шар.

Несколько приличных людей с изумлением смотрят, сидя за мороженым, в какой компании оказался Зритель.

Вместе со Зрителем мы видим три чёрные вещи Кармен: глаза, веки и брови,—и три тонкие вещи: пальцы, губы и волосы.

Танцуют взгляды.

Глаза цыганки—страстны и суровы. Это взгляд волка. Это взгляд кошки, подстерегающей воробья.

Колдунья ещё раз желает узнать ход времени.

«Они в самом деле золотые!»

Приличные люди покидают неверию.

Цыганка вынимает карты, магнит, засушенного хамелеона и велит Зрителю сделать монеткой крест на левой ладони.

Магические церемонии.

«Заправская колдунья!»

С силой открывается дверь—входит Хозе.

Рука Зрителя—на ножке табурета.

Хозе и цыганка танцуют.

Хозе обращается к Кармен с резкими словами. Кармен не проявляет ни удивления, ни гнева, повторяя слово «паильо» («чужой»).

«Всё та же! Этому будет конец».

Цыганка постепенно приходит в возбуждение.

Вот глаза её налились кровью.

Черты лица искажены.

Она стучит ногой, усиленно побуждая Хозе сделать нечто.

Хозе колеблется.

Кармен несколько раз проводит маленькой ручкой под подбородком.

Балерина требует от танцовщика:

«Убей Зрителя!

Перережь Зрителю горло!

Пусть он не смотрит!»

Хозе отказывается.

И—Балерина метнула на танцовщика взгляд, полный глубокого презрения. Садится по-турецки в углу комнаты. Ест апельсин.

Хозе берёт Зрителя за руку, открывает дверь и выводит Зрителя на улицу.

Они прощаются.

И тут Зритель понимает, что у него пропали часы.

Финальная сцена в тюрьме

Хозе будет удавлен послезавтра безотлагательно.

Зрителю предлагают узнать, как в Испании убийцы покидают мир.

Это—приготовления к миленькому маленькому повешению.

Зритель не может победить соблазн увидеть это и—отправляется на свидание с заключённым, захватив с собой пачку сигар.

Хозе холодно встречает Зрителя.

Пересчитывает сигары, отбирает несколько и возвращает остальные.

«Мне незачем брать больше».

Просит отслужить обедню о спасении души.

Просит отслужить другую—по лицу, которое обидело Зрителя.

«Никто в этой стране не обидел меня».

Наконец всё готово для рассказа танцовщика о Балерине.

Готов Зритель.

Готов танцовщик.

Балерина мертва.

Но это—одноактный балет при закрытом занавесе.

Второй акт—историю Кармен—каждый зритель в зале довообразит сам.

Танцовщик замирает в позе рассказчика.

Зритель-Историк замирает в позе слушателя.

На закрытом занавесе—последний предсмертный танец Кармен—немое кино.

И это всё.

Дягилев: танец Зрителя

1.

Мне кажется, что балеты Дягилева—это реализация мечты-идеи Пушкина в трактате о ножках в «Онегине». Целостный мир Дягилева—Бакста—Бенуа—Философова—Стравинского—Нижинского—Павловой—Карсавиной… сначала придумывается Пушкиным (танец Истоминой, ножки, которые в воображаемом балете целуют волны, а Зритель им завидует, воображаемый танец с Терпсихорой и пр.), а затем пушкинские «ножки» произведены малой творческой группой-коммуной Дягилева.

Мне кажется, что книга Шенга Схейена[7] о Дягилеве написана с позиций «библеровского марксизма». Это историко-культурное исследование, в котором основное внимание уделяется историко-культурным событиям всеобщего труда как—уже при капитализме и даже при российском полуфеодализме—истинному источнику всех остальных, «собственно исторических» (по каноническому, добиблеровскому Марксу) событий.

Труд как предметная деятельность—это труд в сфере культуры, то есть в сфере производства Зрителя, Слушателя, Читателя (И.Е. Берлянд писала, что ШДК «производит» читателя). Труд как предметная деятельность остраняет само зрительство, делая зрительство предметом («деятельность до деятельности»). Это—труд в сфере производства просвещённого вкуса, и этот труд есть тайна всего социума в целом, в том числе (вопреки каноническому, добиблеровскому Марксу) и его цивилизационной основы. В монографии Шенга Схейена стержневые события двадцатого века успешно и глубоко понимаются из сосредоточий событий всеобщего труда. Шенг устраивает в своей книге как бы второе пришествие Просвещения.

Дягилев слушал раньше нот, видел прежде первого па—вот зрительство Дягилева, создающее произведение.

Странствующая балетная труппа—это социум (малая творческая группа) всеобщего труда, экспериментальная школа-лаборатория авангарда, создающая гумилёвское «шестое чувство» двадцатого века, то есть клеточку века как средоточия всеобщего труда.

Огромно значение—в малых группах всеобщего труда—фигур костюмера, редактора журнала, издателя, арт-дилера, создателя галереи,

7. *Шенг Схейен.* «Сергей Дягилев. Русские сезоны навсегда».

искусствоведа, критика, импресарио—всё это до-деятельностные фигуры, обустраивающие салон производства просвещённого вкуса, зрения, слуха, чтения двадцатого века. Серебряный век—это, как мне кажется, переустройство чисто мыслительной (познавательной) доминанты гегелевского века, и это переустройство связано с новым, небывалым ранее, диалогом мышления и—не сводимого к нему сознания и самосознания, включаемого (в первую голову—коммуной Дягилева) в культуру как голос эпохи Просвещения, эпохи салонов Дидро и формирования способности эстетического суждения.

Так любящий Дом (и собственный дом потомственного дворянина, и царский дом—русскую волшебную сказку наяву, с царём, принцем и принцессами,—Зимний дворец Николая, которому Дягилев служил) человек в странствиях своих не имел своего дома и квартиры, вместо этого—гостиница, театр, ресторан,—это жизнь человека границы, до-деятельностного человека, выбитого из цивилизационных домашних «луз» (уз).

Образ своего дворянского дома Дягилев возит с собой и каждый раз заново выстраивает: с ним (в гостиницах) живёт его слуга Василий Зуйков, а ранее—и его няня.

Важнейшей чертой человека до-деятельностного являлось завидное хладнокровие Дягилева перед лицом разорения, которого он никогда не боялся.

Инобуржуазное отношение Дягилева к деньгам (голодает, но тратит деньги на культурные проекты) также подчёркивается в монографии.

Дягилев—гениальный чувственный Зритель, настоящий субъект сознания как со-бытия с предметом сознания: при встрече с Львом Толстым Дягилева поражает соединение крестьянского рабочего костюма с какой-то джентльменской манерой держаться, мирные удалявшиеся шаги и долгий, не сходящий запах бороды—после прощального объятия. Возникает ощущение, что Дягилев сочиняет либретто балетной миниатюры, где Дима Философов танцует, а роль Толстого исполняет актёр миманса.

Дягилев не создал, а только пересоздал малую творческую группу «гимназистов Мая» с Васильевского острова (это была частная мужская «немецкая» гимназия, работавшая «по Фребелю», куда своих детей отправляли интеллигенты-аристократы, но куда принимали и «кухаркиных детей»). Первоначально в творческую группу мальчишек («тайное общество самоучек—невских пиквикианцев»—термины Бенуа) входили Бенуа, Философов, Сомов, Бакст и Нувель. Серёженьке из Перми, хотя и лично знакомому с П. И. Чайковским, было трудно ужиться с высоколобыми аристократами, которые постоянно подсмеивались над его недостаточной образованностью и провинциальными манерами.

В 1892 году двадцатилетний Серёжа осознаёт (в письме к обожаемой маме, пухленькой и умненькой красавице Леночке Панаевой), что он не совсем-то обыкновенный человек и родился в тот век, когда нет ни публики, ни «ценителей, ни судей». Производством Зрителя и тем самым—Серебряного века как века просвещённых зрителей и тех, кто этих зрителей производит,—и займётся Дягилев.

Дягилев (встреча в 1894 году с Римским-Корсаковым) осознаёт ограниченность своего творческого дарования в сфере непосредственного создания произведений культуры (в музыке, например) и «ограничивается»—на всю жизнь—ролью гения воспринимающего, а не создающего (Шенг Схейен, с. 91). Шенг рисует своего героя как упрямого провинциала без выдающихся способностей, кроме способности к «управлению развитием культуры». Это гений зрительства, а не гений создающий. Но сама культура Серебряного века смещается в область Нового Просвещения, то есть в область производства Зрителя, прежде всего—Идеального Зрителя. И здесь Дягилев оказывается центральной фигурой века.

И Дягилев от музыки переходит к живописи. Забавно, что всеобщий труд в двадцатом веке может восприниматься как труд абстрактный. «Материал» не очень важен, лишь бы труд носил всеобщий, а не частично-совместный характер. Дягилеву как бы всё равно, чем заниматься—писать критические музыковедческие статьи или организовывать художественные выставки. Способности Зрителя-Слушателя как бы отрываются от произведения: предметная деятельность как до-деятельность приобретает некоторые характеристики абстрактного труда. Оно и понятно: произведение создаёт не Зритель. Зритель лишь завершает, упражняя (частично вновь создавая) свою способность просвещённого суждения. Изменение материала «деятельности до деятельности» происходит без изменения содержания предметной деятельности: это зрительство, организация созерцания, восприятия, сознания (со-бытия с «материалом»), торможение себя на пороге создания произведений. Доведение уже созданных произведений до шедевра глазом Зрителя, включая организацию галерей—энциклопедий зрительства, возрождение Просвещения как каталогизаторства суждений вкуса, зрительского взгляда, включая предпринимательство и «буржуазность»—«рыночность» не до и после производства, но в ходе производства Зрителя, в самом акте всеобщего *труда*.

Всеобщий труд здесь выступает как абстрактный труд, производящий Зрителя, этот труд как бы абстрагируется от особенного произведения, но не уничтожая его, а предполагая как возможность. Важна, повторюсь, роль дополнительных

профессий, организующих самого Зрителя, производящего Зрителя как бы напрямую, минуя произведение, абстрагируясь от производства произведения: художник по тканям, модельер, фотограф, театральный оформитель, человек, работающий со светом. Возникает салон как образ культуры Зрителя. Салоны Дидро в двадцатом веке—это и есть Серебряный век. Акцент внимания смещается не на сам шедевр, а на тот «поворотный круг», с помощью которого шедевр изменяет взгляд Зрителя. «Деятельность до деятельности» перемещается в мастерскую, где картины обсуждают, смотрят и покупают. Рынок, где во многом тоже производится взгляд Зрителя, акт покупки не есть то, повторюсь, что возникает до и после создания картины. Производство взгляда просвещённого Зрителя не сводится к написанию картины. Это труд написания картины, к которому присоединяется труд Дягилева.

Дягилев сумел уже в юности сплотить группу разномыслящих интеллигентов, каждый из которых мечтал стать выдающимся создателем новых произведений культуры и был Идеальным Зрителем, критиком, носителем просвещённого вкуса в самых разных сферах искусства, и—бросить их на создание малой творческой группы (коммуны) культуры двадцатого века как бродячего странствующего театра зрителей-создателей, производящего просвещённого Зрителя произведений культуры, владеющего впервые возникающим в артистическом балаганчике Дягилева, в его странствующем салоне-галерее «шестым чувством», предсказанным Гумилёвым…

2.

Шенг Схейен описывает этапы движения Дягилева в становлении субъекта «деятельности до деятельности».

Дягилев начинает с музыкального исполнительства (фортепиано), затем переходит к рефлексивному остранению от него в музыкальной критике, осваивая позицию слушателя и субъекта просвещённого вкуса, затем обращается к живописи, причём сам не рисует, а учится быть только зрителем, становится организатором выставок, создателем искусствоведческого журнала «Мир искусства», активно поддерживает художников, но—опять-таки не выходя из позиции зрителя.

В главе о провале «Сильвии» ситуация ещё более обостряется: описывается предельная степень «действия до действия»: само действие (постановка спектакля) так и не осуществилось.

Дягилев «захватывает» императорские театры и с помощью журнала (который с удовольствием приобретал и читал царь), до поры до времени не обращаясь к постановщикам, художникам, певцам, балеринам, воспитывает глаз просвещённого Зрителя.

Открывается парадоксальность всеобщего труда: сделана всего одна вещь—выпускается журнал «Мир искусства», но эта особенная вещь сделана в ситуации до-деятельности, и двадцатилетие последующей деятельности развивается из этой до-деятельностной «единицы», из «произведения будущих произведений».

Такой Зритель, как Дягилев, оказывается способным захватить театр извне, до поры до времени не проникая внутрь театра.

К 1897 году относятся первые рефлексии дягилевцев о балете. Вальтер Нувель писал: «Балету предстоит, по-моему, огромная будущность, но, разумеется, не в том виде, в котором он существует теперь… Наши декадентские, эстетические и умственные потребности не могу удовлетвориться идеалами пластичности и красоты движений, существовавшими 30 лет тому назад. Надо дать балету окраску современности, сделать его выразителем наших изнеженных, утончённых, болезненных чувств, ощущений и чаяний…»

Нувель полагает, что балет как выразитель изнеженных, не выразимых даже в литературе, болезненных чувств и чаяний будущего «нашего» двадцатого века,—этот балет нужно заново произвести, сделав чувственным по преимуществу—то есть школой новых, ещё не выраженных «чувств-теоретиков».

Провал «Сильвии» прервал готовящийся Дягилевым переворот в культурной политике России: выяснилось, что инициативные, настроенные на перемены люди никак не могли рассчитывать на поддержку государства.

Гиппиус заносит Дягилева в категорию «людей действия», а не «людей размышления». Это, кажется, ошибка: Дягилев—человек действия до действия, «просвещённого взгляда»—человек культуры двадцатого века.

Балерина—тоже «человек действия»: она производит культурную «вещь»—танец, овеществляющий взгляд.

Балет не позволяет Балерине (и—глазу Зрителя) остранить своё душевное движение, изобразив его как движение телесно-пластическое. Балет душой исполняется, он телесен только по видимости.

Балет устроен так: Балерина входит в сюжет, но содержанием её предметной деятельности являются её собственные переживания, изображённые как выразительные движения телесной формы («ножки»). Тем самым обретается власть над телом. Балерина остраняет свои душевные переживания, а сюжет выступает как материал и как фон.

У Пушкина: дать неведомому роковому страху («силе») имя, протянуть ему руку, то есть опять-таки увидеть «себя в подвале», увидеть Командора, Черномора, того, кто «инициирует», и пр. В том числе и «свет» может выступать как «рок» (Николай, Дантес).

«Человек размышляющий» в искусстве возникает внутри «Человека делающего».

Дягилев организует «Вечера современной музыки». Эти «вечера»—галереи-салоны-энциклопедии просвещённого вкуса двадцатого века. В этом салонном пространстве летает, витает, танцует взгляд и вкус Зрителя.

Огромную роль играют письма Дягилева.

Дягилев в письмах руководил «Республикой артистов».

Аналогия с «Республикой учёных».

Но есть отличия. Если бы Бор и Эйнштейн вместе строили не только квантовую механику, но и синхрофазотрон, точнее, если бы им удалось, построив теорию, создать и искусственную плазму, тогда аналогия была бы полной.

Всеобщий, но *труд*—изготовление малой группы (остранение), производство общения внутри малой группы, и—к делу!

Производство взгляда Зрителя—замысел и постановка балетов, устройство галерей, художественных журналов, энциклопедий просвещённого вкуса: не только производится сам взгляд, но и то, на что взгляд направлен,—производятся и Балерина, и иллюстрации в журнале, и билет на спектакль, и виньетка, и программка, и костюм Балерины, и декорации.

3.

Журнал, выставка—чистая форма «деятельности до деятельности». Профессией Дягилева к 1902 году становится организация взгляда Зрителя и ориентация Зрителя в парадоксах просвещённого вкуса по поводу энциклопедически представленных «галерей», где предмет видения часто впервые и производится, но часто и воспроизводится, переходя, как портреты Левицкого, из чуланов дворянских усадеб—в журнальные репродукции высочайшего качества.

Царский дом (в нём с 1901 года не работает Серов)—и волшебная сказка, столь важная для дягилевцев и русской культуры в целом. Значение сказки в Серебряном веке усиливается реальностью сказочно-порождающей ситуации. Царь—не вымышленный, а вполне реальный, есть царица, царевны, царевич, царский дворец и пр. Усиливая роль царя, царский двор умощняет и русскую волшебную сказку.

Интересно, что противоречия между литературным и искусствоведческим разделами журнала «Мир искусства» напрягались отношениями между Дягилевым и Дмитрием Философовым. Это важная особенность малых творческих групп—коммун всеобщего труда. Не «оциум» и «негоциум», а так называемый «артистизм»—при художественном остранении остраняется вся «психология», в том числе и психология малой группы. Нет разницы между частным лицом—«другом в поколении» как адресатом произведения—и субъектом иной культуры—провиденциальным собеседником. В качестве адресата-собеседника иной культуры («Моё Другое») здесь выступает любовник, брат, друг в поколении, а не только читатель в потомстве.

Артистизм двадцатого века не позволяет элиминировать «психологизм»—«души исполненный полёт» (души, а не духа).

Очень интересно—о Чехове в связи с «Миром искусства», куда его пригласил Дягилев. Философов недостаточно отстранён от литературы, а наоборот, идеологически погружён в узкое особенное направление сознания, в сознание модное, религиозное. Чехов же, напротив, ищет новую драматургию, у него театр в театре, ситуация накануне театра.

Чехов интересует Дягилева не как драматург, а как «глаз», глядящий на драматургию и на театр двадцатого века, т.е. как вторая производная остранения от кинестезии, как зритель. Для Дягилева предметом деятельности является организация самого общения людей, умеющих, как Чехов, Бенуа, Бакст, находиться на пороге деятельности.

Чехова в качестве литературного редактора журнала Дягилев хочет взять потому, что у Чехова ещё (уже) нет концепции театра как тела, как чего-то определённо-вещественного. Чехов удачно захвачен Дягилевым в точке небытия театра. В точке остранения от какого-то особенного, определённого театра. В точке игры возможными театрами двадцатого века, ещё никем не созданными. Это похоже на «периоды» Пикассо.

Важен и социальный материал Чехова: три сестры из дягилевской Перми рвутся в Москву, изображается выпадение дворянского интеллигента из дворянских социальных луз, что превращает чеховских героев и героинь в людей, находящихся в ситуации до-деятельностной, до-социальной, до-классовой.

Бездомность бродячего театра Дягилева, выбитого из цивилизационных луз для создания—с нуля—*всей* русской культуры двадцатого века,—и домашность Дягилева в 1900 году. Чехов говорит о *доме* «Мира искусства», Серов—о царском *доме* Николая Второго, романовском «скворечнике», в котором он с 1902 года не живёт и жить не хочет.

Чехов пишет о разрушении самой идеи *дома* («Вишнёвый сад»). Чехов рассказывает в пьесах о том, что у русской культуры в целом затем будет происходить: о парадоксально благодатном для бродячих комедиантов двадцатого века разрушении Дома Культуры девятнадцатого века.

Чехов и о вере говорит как о стоянии на грани веры (и неверия). Чехов говорит о себе как о Зрителе веры других (учительской веры Мережковского): «поглядываю на…» Интеллигентный верующий для Чехова недостаточно интеллигентен,

так как слишком слит со своей верой, не отстранён от неё, особенно если он — Учитель веры.

В 1904 году Дягилев вновь выходит в до-проектную точку своей деятельности: он сменяет проект (ему наскучил журнал «Мир искусства») и начинает организовывать Выставку русских исторических портретов. И здесь двухвековая история России оформляется всеобщим трудом Дягилева: Дягилев не рисует портреты, он организует видение их Зрителем, воспитывая историческое зрение Зрителя. Выставка оказывается энциклопедией русской истории. Оттачиваются просвещённый вкус, «салонная» способность суждения. Россия 1705–1905 годов (от Петра Первого до Николая Второго) предстаёт как потрясающая коллекция портретов. Возникает уникальный образ видения России в целом как многоликой, как полёта глаз и взглядов.

Это уже ситуация накануне балета: в балете история культур танцуется и летает как история оживающих взоров, обращённых к сегодняшним зрителям.

Собирая русские портреты по всей России, Дягилев, жадный до странствий, увидел конец дворянского быта и начало эпохи «немыслимого быта», увидел конец дворянского мира во всей трагической многоликости его конца.

Дягилев пишет: «Конец быта здесь налицо… Страшные своим умершим великолепием дворцы… Здесь доживает быт… Мы живём в страшную эпоху перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмёт от нас то, что останется от нашей усталой мудрости. Это говорит история, это подтверждает эстетика… Окунувшись в глубь истории художественных образов… я могу смело и убеждённо сказать, что мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой, неведомой культуры, которая нами возникнет, но нас же и отметёт».

4.

Очень интересна реакция дягилевцев на революцию 1905 года. Дягилев писал: «Имеется теперь два выхода: или идти на площадь и подвергаться всякому безумию момента (конечно, самому закономерному), или ждать в кабинете, но оторвавшись от жизни. Я не могу следовать первому, ибо люблю площадь только в опере или в маленьком итальянском городке, но и для кабинета нужен „кабинетный“ человек, и уж во всяком случае это не я… Нечего делать, приходится ждать и терять время. А когда пройдёт эта дикая вакханалия, не лишённая стихийной красоты, но, как всякий ураган, чинящая столько уродливых бедствий?»

По Дягилеву, существуют две позиции для созерцания момента истории:

а. производство исторического события;

б. отстранение от производства — позиция чисто зрительская.

Обе позиции не подходят Дягилеву.

У Дягилева вдруг исчезает точка видения: предметная деятельность не осуществляется со всеми её производными: $x = 0$, $x^* = 0$ и $x^{**} = 0$.

На следующий день Николай Второй подписал манифест о созыве Думы.

Интересно, что до Второй мировой войны оперу пели не на языке оригинала, а на языке страны, где она ставилась. Но «Бориса» в 1908 году в Париже пели всё-таки по-русски.

При постановке опер Дягилев прибегает к идее купюры: тяжёлые, громоздкие оперы Дягилев дерзко сокращал.

5.

В 1909 году Дягилев готовит смешанную программу из оперы и балета.

Бенуа писал: «Балет, быть может, самое красноречивое из зрелищ, так как он позволяет выявляться таким двум превосходнейшим проводникам мысли, как музыкальный звук и жесты, во всей их полноте и глубине, не навязывая слов, всегда сковывающих мысль, сводящих её с неба на землю. В балете заключена та литургичность, о которой мы стали усиленно мечтать за последнее время».

Понимание балета как литургии включает в балет «жизнь в (о)круге храма» (В. С. Библер) как голос культуры Средневековья в двадцатом веке.

Проблема восприятия литургического действа зрителем является предметом литургического богословия. В вечно длящемся действии Христос является и божеством, которому возносится жертва, и самой жертвой, приносимой за грехи мира, и жрецом, приносящим жертву. Архитектоника храма является образом трансцендентного и имманентного мира. По учению Иоанна Геометра (десятый век), храм есть «подражание Вселенной», то есть он является литургическим (восстанавливаемым, производимым в действии) образом мира, близким к миметическому подобию. В храме сконцентрированы «все красоты Вселенной». Земля, море, воздух, планеты и звёзды явлены в пространстве храма, в его архитектуре, облицовке и росписях. Здесь потустороннее является в посюстороннем, трансцендентное становится имманентным, смысл сходит во всякий предмет, здесь снимается противоречие между духовным и материальным, небо спускается на землю, Бог становится человеком, воплощается в мире. Участники литургии изображают небесные силы в их «великом и страшном» служении, о чём поётся в Херувимской песни: «Мы, херувимов тайно изображающие…»

Литургическим образом является словесная часть литургии, она облечена в напевно-мелодическую форму. «Мне кажется,—писал св. Григорий Нисский,—что философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, чем об этом думает толпа».

В 1909–1910 годах Дягилев хочет, наконец, сосредоточиться на создании новых, современных балетных спектаклей (Шенг Схейен, с. 244). Огромное внимание уделялось «Жар-птице» Стравинского. Казалось, что в музыке отсутствует мелодия, меломаны говорили, что музыка Стравинского вообще не похожа на музыку. Стравинский регулярно присутствует на репетициях, задавая темпы и ритмы.

Возникает как бы остранение от мелодии как таковой («музыка до музыки»), это Стравинский производит, видимо, раньше, чем Прокофьев и Шостакович. Задавая темпы и ритмы, композитор как бы отстраняется от партитуры (от самих нот): предметом изображения становится чистый ритм—время как особое пространство. (Примерно в это же время делает своё выдающееся открытие Альберт Эйнштейн, а Бахтин начинает задумываться о хронотопе.)

Готовится и «французский романтический» балет «Жизель», для которого Бенуа заново разрабатывает костюмы и декорации. Придумывается «дивертисмент»—ряд сольных номеров, для которых Дягилев выбрал музыку Глазунова, реализуя идею Айседоры Дункан—ставить балетные номера на уже существующую музыку. (В наше время Джон Ноймайер блистательно поставил «Даму с камелиями» на музыку Шопена, не прибегая к помощи композитора, который бы написал музыку, соответствующую замыслу балетмейстера.) Готовится и «Карнавал», балет на музыку Шумана в постановке Фокина с декорациями и костюмами Бакста.

В марте 1910 года Нижинскому исполнилось двадцать лет, и его мастерство продолжало расти. Балерина Бронислава Нижинская писала: «Казалось, что Вацлав уделяет больше внимания мышечному напряжению, силе и скорости, чем пяти классическим позициям… Он работал над эластичностью всего тела. Даже когда Вацлав задерживался в определённой позиции, его тело продолжало танцевать… У Нижинского были невероятно сильные пальцы на ногах, что делало подготовку к прыжку чрезвычайно короткой и почти незаметной, и казалось, что он непрерывно парит в воздухе».

Таким образом, возникало отстранение от пяти балетных позиций—и предметом изображения становилось само пространство-время: мышечное напряжение, сила, скорость, эластичность тела в целом. Происходил переход от имеющей ещё античные корни «балетной механики» как статики—к «балетной механике» как динамике: возникало остранение от статуарности, строилось пространство-время прыжка-полёта, преодолевалась «апория стрелы» Зенона.

6.

В 1910 году Бенуа пишет о «морской болезни на корабле Дягилева». Это потрясающая проза о сути всеобщего труда в коммуне Дягилева. Бенуа описывает трудно переносимую психологию лихорадки, кипения, своего желания выскочить на свежий воздух, уйти от качания. Бенуа считает, что для солнечного, а не мятежного—нужно больше системы.

Постоянное отбрасывание к началу, когда предметом изображения становится не сам по себе авангардистский стиль, а процесс самоизменения стиля,—требует от каждого участника «дягилевской коммуны» постоянного самообновления и постоянного выяснения форм и степени изменения своей миссии в движении в целом. Бенуа пишет: «Оказалось, что я не нужен, а я был готов на самые безумные жертвы (их уже и принёс немало) только при сознании, что я необходим».

Дягилев пытается помириться с Бенуа. Дягилев пишет: «…Об тебе все (русские и французы) скучаем».

В Венеции Бакст, Дягилев и Нижинский отдыхают.

Мне кажется, что в балетном коллективе есть четыре амплуа—стихия огня, стихия воздуха, стихия воды и стихия земли.

Если Карсавина—стихия огня, то Нижинский—стихия воды. Дягилев в Венеции не купался. Но Сергей—неугомонный Зритель и создатель Зрителя двадцатого века—обожал смотреть, как плавал Нижинский. Бронислава Нижинская вспоминает, что в свои четырнадцать лет Вацлав, когда компания друзей шла вдоль берега, с лёгкостью в течение часа плыл рядом с нею, не отставая, ныряя, кувыркаясь, плавая под водой. Вацлав плавал как рыба.

Ихтиандр Вацлав Нижинский напоминает мне Анну Ахматову с её рыбьим хвостом вместо божественных ножек «канатной плясуньи».

> Мне больше ног моих не надо,
> Пусть превратятся в рыбий хвост!
> Плыву, и радостна прохлада,
> Белеет тускло дальний мост.
> <…>
> Смотри, как глубоко ныряю,
> Держусь за водоросль рукой,
> Ничьих я слов не повторяю
> И не пленюсь ничьей тоской…

Пушкин покупает право называть ножками ноги балерин, а Ахматова колдует, чтобы её ноги (ей их не надо!) превратились в рыбий хвост. Ахматова,

как и Вацлав,—замечательная, гибкая пловчиха, акробатка, «мимансница», канатная плясунья, «женщина-змея», родственная стихия.

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживёшь?»

<…>

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Ещё страшнее путь тоски…
Как мой китайский зонтик красен,
Натёрты мелом башмачки!

Оркестр весёлое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

Анна Андреевна писала: «Я получила прозвище „дикая девочка“, потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т. д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень».

Между тем осуществление «всеобщего труда» в условиях рыночной экономики—вещь очень непростая. Дягилев постоянно имел так мало средств, что часто не мог заплатить многим своим артистам.

Дягилев обвинил Анну Павлову в том, что она танцует в таких театрах-варьете, как «Олимпия» в Париже и «Палас» в Лондоне, где её выступления чередовались с шоу дрессированных собачек. Павлова очень обиделась и организовала свою собственную труппу.

Русский балет трудами Дягилева стал выгодным коммерческим предприятием. Карсавина ежегодно отправлялась в Англию на гастроли и уделяла меньше внимания дягилевским постановкам. Заменявшая её Лидия Лопухова (Лопокова) уехала в Америку до 1916 года. Над Дягилевым нависла угроза, что «балерины Дягилева» выберут менее привлекательные с художественной точки зрения, но более прибыльные контракты.

Балерины Дягилева начали эксплуатироваться как «метахоры» (термин В. Петрова и И. Ильина).

Ида Рубинштейн обосновалась в Париже и начала планировать собственные постановки.

Фокин намеревался собрать собственную труппу, и до 1910 года Дягилев не знал, есть ли у него хореограф.

Мир экономики двадцатого века не желал подчиняться логике всеобщего труда дягилевской коммуны и диктовал свои условия. Общество потребления проникает в сам акт всеобщего труда. Балерина не просто выбирает между несколькими «спонсорами»: большинство «спонсоров» требует от балерины более простого, чем у Дягилева, репертуара, снижения стиля до того, что можно было бы исполнять в варьете,—и именно это вызывает негодование Дягилева.

Дягилев верит в силу всеобщего труда, вступает в отчаянную борьбу с миром, в котором театр выступает только как форма потребления и респектабельного проведения свободного времени. В этой борьбе возможны и мощные прорывы, и необходимые компромиссы, отступления, во время которых готовится почва для нового рывка.

7.

Вместе с Николаем Рерихом Игорь Стравинский придумал идею балета «Весна священная», ставшего частью музыкального фольклора двадцатого века. Стравинского, когда тот дописывал финал «Жар-птицы», посетило видение—священный языческий обряд, во время которого мудрые старцы наблюдают предсмертный танец девушки, которую они приносят в жертву богу весны.

Стравинский в полумистическом экстазе обращается к ритуальному язычеству, где изображается Зритель в виде мудрого старца, зрящего юную красавицу, посылаемую Зрителем на смерть—чтобы ублажить бога весны.

Первоначально балет назывался «Великая жертва», и Дягилев загорелся его постановкой.

В 1910 году впервые раздался крик Петрушки-Панча-Полишинеля, когда Стравинский в Клarансе сыграл для Дягилева фрагменты своей оркестровой пьесы об ожившей кукле.

Балет о славянском язычестве был временно отложен. Началась работа над, возможно, самым глубоким, самым рефлексивным и самым талантливым «дягилевским» балетом—«Петрушкой».

В гениальном балете об оживающих и умирающих по воле волшебника-кукловода куклах балет соединялся с кукольным театром, народным балаганом, театром дель арте, а сюжетная канва оказывается положительно бессмертной: в Волшебнике можно увидеть очень многих—самого Дягилева, фон Караяна, героя фильма Феллини «Репетиция оркестра», Юрия Любимова (в версии Вениамина Смехова) и ещё многих и многих бывших и будущих режиссёров, постановщиков, дирижёров и т. д.

Зная, что Александр Бенуа всегда был без ума от русских кукольных спектаклей, Дягилев решает привлечь Бенуа к работе над «Петрушкой». Дягилев со Стравинским быстро продвигаются в разработке либретто, фортепианная партитура была близка к завершению. Теперь подключался Бенуа.

Художник, столь активно включённый в создание балета,—великое изобретение группы Дягилева. В России эту идею великолепно воплотил Шемякин в замечательном балете «Щелкунчик» в Мариинском театре. Как это возможно? Как художник может стать балетмейстером? Балет—античная форма, в статуарности всё дело. Это как

весы: это покой, чреватый движением (полётом), значит, скульптор—это идеальный постановщик балета,—вот откуда успех Бенуа и Шемякина. (Разумеется, это не исключает, а предполагает активное участие в работе профессиональных хореографов.)

Получается так (если я правильно понимаю): художник, композитор и Дягилев (субъект просвещённого вкуса, Идеальный Зритель, антрепренёр…) работают над либретто и, бывает, вместе над партитурой (это особенно характерно для Стравинского и Дягилева, с его гениальным музыкальным чутьём и склонностью к купюрам и видоизменениям партитуры), затем художник может ставить балет вместе с балетмейстером. При этом все остальные «фигуры» участвуют в работе в целом вплоть до премьеры.

8.

Рефлексивность «Петрушки» заключалась, на мой взгляд, в том, что:

а. предмет внимания хореографа—сам балет, как он внутренне обустроен (это дягилевский балет двадцатого века о дягилевском балете двадцатого века);

б. предмет заботы композитора—музыка «как она сделана»;

в. предмет внимания художника—искусство балетного «дизайна» и его особой (почти храмовой) роли в построении «литургического действия».

И неслучайно на одной из картинок Дягилев изображается в виде Волшебника, мучающего Петрушку-Нижинского. (Я здесь не привожу эту картинку, так как она кажется мне излишне прямолинейной, но это, разумеется, дело вкуса.)

Очень интересно складывались у Дягилева в это время отношения с Карсавиной. Карсавина—это, как мне кажется, связующее звено между литературным и театральным Серебряным веком.

В день рождения Тамары Карсавиной в 1914 году её пригласили в «Бродячую собаку» и попросили исполнить импровизированный танец. После этого друзья преподнесли ей только что вышедший из печати сборник «Букет для Карсавиной», включавший произведения известных поэтов и художников, созданных в её честь.

Тамаре Платоновне Карсавиной—«Бродячая собака», 26 марта 1914 г. СПб., «Подвал Бродячей собаки», 1914. 22 н. с. с цв. ил., нотами и факсимиле. В цв. издательской обложке по рис. С. Судейкина. На обл. название: «Карсавиной». Бумага, чернила, краска; рукопись, рисунки 10×18 см., 4 л. факсимиле, 7 авторских ил., включая цветы и виньетки в тексте. На внешней стороне нижней обложки—издательская марка кабаре «Бродячая собака». Художник М. В. Добужинский. К книге прилагается листовка с вариантом гимна М. А. Кузмина «От рождения подвала», разосланного действительным членам «Бродячей собаки» и приглашённым. Стихи воспроизведены факсимильно. В сборнике Н. Евреинов, М. Кузмин, А. Ахматова, Н. Гумилёв, Г. Иванов и др., портреты Т. Карсавиной работы С. Судейкина, Кайнера, В. Серова, С. Сорина, Сарджента.

Коломбину Карсавина танцевала в балете «Карнавал» М. М. Фокина на музыку Р. Шумана (премьера—20 февраля 1910 года в зале Павловой в Петербурге), Саломею—в балете французского композитора Флорана Шмитта «Трагедия Саломеи» в постановке Б. Г. Романова (премьера—12 июня 1913 года в театре на Елисейских полях в Париже).

М. Кузмин написал для «сборника-букета» такие стихи:

● ● ●

Т. П. Карсавиной

Полнеба в улице далёкой
Болото зорь заволокло,
Лишь конькобежец одинокий
Чертит озёрное стекло.
Капризны беглые зигзаги:
Ещё полёт, один, другой…
Как остриём алмазной шпаги
Прорезан вензель дорогой.
В холодном зареве, не так ли,
И Вы ведёте свой узор,
Когда в блистательном спектакле
У Ваших ног—малейший взор?
Вы—Коломбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,
Но, всё яснее пламенея,
Златится слово «красота».

Если Нижинский—стихия воды, то Карсавина—стихия огня.

Из книги Виталия Рыженкова «Во втором дворе подвал…»: «…Этот сезон был ознаменован ещё одним ярким вечером, который не смогли забыть посетители кабаре. 28 марта 1914 г. в „Собаке“ танцевала Т. П. Карсавина. Это событие С. Судейкин описывал в воспоминаниях не менее красочно: „А вечер Карсавиной, этой богини воздуха. Восемнадцатый век—музыка Куперена. «Элементы природы» в постановке Бориса Романова, наше трио на старинных инструментах. Сцена среди зала с настоящими деревянными амурами 18-го столетия, стоявшими на дивном голубом ковре той же эпохи при канделябрах. Невиданная интимная прелесть. 50 балетоманов (по 50 рублей место) смотрели, затаив дыхание, как Карсавина выпускала живого ребёнка—амура из клетки, сделанной из настоящих роз».

Об этом вечере вспоминала и сама Карсавина в «Театральной улице»: «Я танцевала прямо среди публики на маленьком пространстве, окружённом гирляндами живых цветов».

Анна Ахматова—балетная тема столь важна в её «Поэме без героя»—написала в «сборник-букет» вот что:

* * *

Тамаре Платоновне Карсавиной

Как песню, слагаешь ты лёгкий танец—
О славе он нам сказал,—
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.

И с каждой минутой всё больше пленных,
Забывших своё бытиё,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твоё.
<26 марта> 1914

Конечно, это весьма «дягилевское» определение как солиста, так и солистки балета двадцатого века, как в варианте стихии огня, так и в варианте стихии воды.

Николай Гумилёв написал не менее страстное послание:

* * *

Т. П. Карсавиной

Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно,
Вы улыбнулись и отказали бесстрастно.

Любит высокое небо и древние звёзды поэт,
Часто он пишет баллады, но редко он ходит в балет.

Грустно пошёл я домой, чтоб смотреть в глаза тишине.
Ритмы движений не бывших звенели и пели во мне.

Только так сладко знакомая вдруг расцвела тишина.
Словно приблизилась тайна иль стала солнцем луна.

Ангельской арфы струна порвалась, и мне слышится звук.
Вижу два белые стебля высоко закинутых рук.

Губы ночные, подобные бархатным красным цветам…
Значит, танцуете всё-таки вы, отказавшая там!

В синей тунике из неба ночного затянутый стан
Вдруг разрывает стремительно залитый светом туман.

Быстро змеистые молнии лёгкая чертит нога—
Видит, наверно, такие виденья блаженный Дега,

Если за горькое счастье и сладкую муку свою
Принят он в сине-хрустальном высоком господнем раю.

…Утром проснулся, и утро вставало в тот день лучезарно.
Был ли я счастлив? Но сердце томилось тоской благодарной.
16 марта 1914

В какой-то мере в идее балета двадцатого века (и в найденной Гумилёвым позиции Зрителя в «Шестом чувстве») реализовывалась его несбывшаяся мечта о некотором квазисредневековом (возможно, литургическом) действии:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришёл к преддверьям рая.

«Ты ль в Моём не клялся храме,—
Прозвучала речь Мадонны,—
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?

Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

Воскресим её вместе?

Моя Медея

1.

Ты стоишь возле своего театра и держишь меня за руку.

Говоришь:

«Интересный материал…»

Я подумал:

«А давай воскресим её вместе?

Мы начнём с тобой её читать и понимать. Вот скачаем из Интернета. Попробуем—в обратном порядке».

Сразу натыкаемся на комментарии В. Н. Ярхо. В своё время я познакомился с Ярхо и имел с ним подробный разговор. В числе прочего, Ярхо оказался горячим противником идеи диалога культур, считая её невозможной и поэтому неактуальной в двадцатом веке.

Аргументы Ярхо: диалог культур в понимании В. С. Библера невозможен в двадцатом веке потому, что для его проведения нет субъекта: тот, кто изучает античную математику, не знает античной трагедии, и наоборот. Поэтому построение античности как многопредметного и целостного *голоса* в культуре двадцатого века невозможно: для этого в двадцатом веке «нет героя», то есть нет и не может быть специалиста, который бы

в равной степени знал, понимал античную математику, историю, литературу, механику, искусство.

Межпредметные разговоры современных специалистов в области античной культуры всерьёз не возникают: не хватает квалификации в смежных областях, каждый знает свою узкую область. Разумеется, я с Ярхо не согласился. Но эту же аргументацию против диалога культур я слышал от профессора Критской во Владивостоке.

В дуэли Ярхо с Анненским, переводчиком трагедии о *ней*, видно, *как* Анненский создаёт в своём переводе предпосылки *лирики* Серебряного века.

Особенно замечательным является упрёк к переводу ст. 1054: «совесть не позволяет». Так нельзя, утверждает Ярхо, ведь понятие совести появляется позже. В студенческие годы меня удивила статья Ярхо «Была ли у древних греков совесть?», написанная так, будто её автор не читал «Царя Эдипа» Софокла.

Во всяком случае, многочисленные придирки Ярхо к переводу очень важны, и я собираюсь все эти фрагменты заново перевести с греческого, чтобы вступить в диалог Ярхо с Анненским по-настоящему.

Из комментария Ярхо к ст. 465–575 мы узнаём, что *она* обменивается со своим мужем и возлюбленным в агоне (споре) почти равными по объёму *речами*, выстроенными строго логически. Это столкновение женской и мужской логики, как мы увидим далее.

Мы узнаём, что в ст. 95 автор трагедии «расширяет» парод, называя пародом не только вступительную песнь хора, но и первую песенную сцену между актёрами, ей предшествующую. Так или иначе, но песен в трагедии много, и хор поёт.

Ярхо напоминает нам, что её история — составная часть мифа о походе аргонавтов. Герой послан в Колхиду дядей Пелием, царём Иолка, он вынужден вступить в бой с огнедышащими быками-драконами и собственно драконом, сторожившим золотое руно, и *она*, полюбив героя, помогает ему укротить всех хтонических существ. Чтобы задержать родных, *она* убила захваченного ею брата и разбросала куски его тела по берегу. Пока потрясенные родственники собирали растерзанные члены для обряда погребения, аргонавты отплыли.

Прибыв в Иолк супругой героя, *она* уговаривает дочерей Пелия совершить волшебный обряд, возвращающий молодость, но обманула их, и старый муж, грозный муж умер той мучительной смертью, которая потом будет описана в русской сказке: «Бух в котёл — и там сварился!»

Когда герой, найдя приют в Коринфе, задумал жениться на дочери местного царя Креонта, *она* послала ей через своих детей отравленный наряд, а сама бежала, оставив сыновей под защитой храма Геры. Коринфяне не посчитались с неприкосновенностью храма и в гневе убили детей. Еврипид, видимо, первым заставил *её* убить своих детей: у Пиндара детей убивают коринфяне после истории с пеплосом.

Вообще-то, почти каждое существенное действие *её* обросло вариантами: можно было бы поставить трагедию, постоянно играя вариативностью *её* историй.

Трагедию о *ней* поставили на Великих Дионисиях в 431 году до н. э.

Покидая орхестру, хор поёт:

> …И нежданному боги находят пути,
> Таково *пережитое нами*.

2.

Ясон в финале, вставая, говорит, обращаясь к Богу:

> Что *она* с нами
> Делает, *видишь* ли?

Она будет на острове Блаженных, а Ясон:

> …О, пусть
> За детские жизни казнит
> Тебя Эриния кровавая и правда!

Ясон говорит, что *она* «хуже змей», намекая на *её* хтоничность и родственность драконам. *Она* в ответ просит Ясона «ненавидеть молча». Уж больно глупы и простодушны речи героя-зевсиста.

Он корит *её* варварским происхождением и называет Демоном, которым боги ударили.

Он корит *её* за «первый шаг», интерпретируя этот шаг:

> …Чтобы попасть
> На наш корабль *украшенный*, ты брата
> Зарезала у алтаря. То был
> Твой первый шаг.

Зевсист-цивилизатор Ясон говорит, что *она* львица и злее Скиллы. Многократно повторяет, что *она* одержима «хюбрис» — дерзостью. Но это дерзость истинной титаниды.

Далее — это явление шестнадцатое — Анненский цитирует будущие стихи Ахматовой:

> …твоего
> Коснулась сердца я и знаю — больно…

И ещё одна строфа из проектируемого Анненским Серебряного века:

> Легка мне боль, коль ею смех твой прерван.

Далее цитируется (как возможная форма) будущий диалог Гамлета с матерью:

> — О дети, вы злодейкой рождены.
> — И вас сгубил недуг отцовский, дети!
> — Моя рука не убивала их.

Ясон узнаёт о смерти детей от Корифея хора женщин, видящего ситуацию из беспилотника, как бы с Олимпа.

На сцене—«пространство в пространстве»—закрыты ворота, которые предлагает Ясону открыть Корифей, чтобы *увидеть* ситуацию не сверху, а на двумерной поверхности собственного земного ползания. Ясон велит с косяков сорвать двери. Так заканчивается пятнадцатое явление.

Сцена наполняется—в начале шестнадцатого явления—странным оранжевым светом (хтоническим огнём опускающегося на Землю—помочь *ей*—деда Гелиоса). Формально это—закат.

Мы видим колесницу, запряжённую крылатыми *драконами*. В ней—*она*, а у *неё* на коленях два бледных мальчика с перерезанными горлами.

Она говорит, что Ясон ломится в открытую дверь:

Не надо дверь ломать, чтобы найти
Убитых и виновницу убийства—
Меня.

Это прямой спор с Софоклом: детектива-расследования-познания-дознания в этой трагедии не будет.

Видимо, Гелиос прислал свою колесницу:

От вражьих рук защитой—колесница,
Что Гелий мне послал, отец отца.

У Ясона от ярости срывается голос.

Ясон, бледный и злой, похоже, пришёл не только за детьми. Он хочет убить *её*, как прежде с лёгкостью убивал всех титанов, превращённых в чудовища. Но Гелиос присылает драконов, тем самым превращая *её* в золотое руно.

Ясон говорит, что только крылья птицы могли бы спасти *её*. Ясон боится, что детей спасти не удастся от гнева коринфян. И здесь, в этой точке бифуркации, Еврипид прибегает к идее вариативности истории: не коринфяне, а сама *она* убьёт детей.

Еврипид с дерзостью своей героини идёт в поход против логики мифа, рождающаяся «трагическая лирика» идёт против эпоса, выбарывается в схватке с роковой властью мифа и ритуала. Это похоже на то, как Бонапарт сам надевает на себя корону императора, разрушая ритуал.

Героиня превращается в золотое руно, а второй волшебной помощницы—чтобы победить драконов—у Ясона нет.

Корифей с беспилотника предупреждает Ясона, что он ещё не знает последнего предела бедствий. Так начинается пятнадцатое явление.

3.

Четырнадцатое явление. *Она* объявляет о своём решении. Ясонов брак отверзает для юной белой красавицы-невесты ворота Аида. Так вещает Корифей с беспилотника-Олимпа.

Лирика соединяется с эпосом—рождая трагическую лирическую Героиню (и Героя) будущего Серебряного века. Анненский строит проект будущих лирических трагедий «Ахматова», «Цветаева», «Гумилёв», «Мандельштам», «Пастернак», «Маяковский».

Цитируется и будущий Гамлет:

…Ты, сердце,
Вооружись! Зачем мы медлим? Трус
Ещё стоит в раздумье. Ты, рука
Злосчастная, за нож берись…

Гелиос пока только спускается, чтобы передать колесницу. Космическое и лирическое события совпадают, как у Пастернака.

Она призывает себя к барьеру—агону, соревнованию:

Вот тот барьер, откуда ты начнёшь
Печальный бег сейчас.

Апория разрубается, как узел Александром.

Это спор Еврипида с Зеноном, запретившим стреле лететь и сведшим античную механику—к скульптурной статике виртуальных перемещений.

Она говорит и от своего имени («Я»), и от имени хора («Ты»). Взгляд с Олимпа, взгляд с беспилотника—вертикаль, и *её* собственный взгляд—скользящий по земной поверхности, где бегают людишки… Такова трёхмерность речи героини.

…Ты убиваешь их
И любишь. О, как я несчастна, жёны…

Солнце, приближаясь к горизонту, кажется больше и ближе. Гелиос, двигаясь вниз по божественной вертикали, сближает свой глаз беспилотника со сценой, зрение титана сгущается… Здесь изменение освещения (изменения взгляда, как в балетах Нижинского) важнее слов актёров.

Земля, ты светлый луч,
От Гелия идущий, о, глядите…

Хор молит:

Ты, Зевса свет, гони
Эринию из этого чертога,
Которой *мысли*
Наполнил демон мести
Кровавыми парами.

Хор говорит от Зевса и переименовывает лучи титана Гелиоса в лучи победителя титанов—Зевса. А Еврипид цитирует «Орестею» Эсхила и вступает в спор с Эсхилом. В его трагедии «эринии» торжествуют, берут реванш за поражение в «Орестее». Трагедия Еврипида—«хюбрис», вполне в духе самой героини,—дерзкий вызов классической античной трагедии (Эсхил, Софокл). Титаническое

начало неукротимо уходит, но не в небытие—а в трагическую лирику и—сквозь все века—в Серебряный двадцатый век.

Мы слышим голоса детей, Хор не выдерживает этого испытания и врывается в действие:

> Поспешим на помощь, сёстры…

Звучат последние слова детей:

> Скорее, ради Бога,—нас убьют…
> Железные сейчас сожмут нас сети.

Хор упрекает мать:

> Ты из камня иль железа.

Хор рассказывает о божественном безумии Ино, осуждённой на скитания Герой за детоубийство. Но и здесь, описывая смерть Ино, следует намёк:

> Волны моря смыли только
> Пятна крови.

Героиня трагедии Еврипида понимается как предельный ужас, как эйдос детоубийства. Но мы знаем, что Зевс снимет с *неё* пятна крови—чистая и светлая прибудет *она* на остров Блаженных. И эта амехания да пребудет со зрителем навсегда.

И опять—в финале четырнадцатого явления—цитата из грядущего Серебряного века:

> Сколько зёрен злодеянья
> В ложе мук таится женских…

4.

Тринадцатое явление. Испытание Судьбы—дерзкое («хюбрис») пробное действие—пауза—Вестник (весть о результатах действия)—оценивающий, предостерегающий и завершающий голос Судьбы. Такова ритмика полной структуры действия героини Еврипида.

> Я заждалась, подруги, чтоб судьба
> Своё сказала слово—в нетерпенье
> Известие зову я…

Вестник наивно призывает *её* прервать состояние трагической амехании:

> Беги, беги… ни ладьёй
> Пренебрегать не надо, ни повозкой…

Вестник даже не подозревает, как царственно-неподвижна будет *она* на колеснице в окружении драконов!

Она дерзко отвечает:

> А почему же я должна бежать?

Вестник рассказывает о свершившемся так, будто сама героиня ядовита:

> …скончалась… от яда твоего.

А у героини смех на устах и хоть бы капля страха!

Трагическая эстетика сладкого убийства, будто она не только видит, но и *ест* рассказ Вестника. Ест подобно хтоническому чудовищу.

> …по порядку
> Нам опиши их смерть; и чем она
> Ужаснее была, тем сердцу *слаще*.

Вестник обращается с нереально длинным монологом—для постановки этого монолога, кажется, и изобрели кино.

Вестник рассказывает о детях, будто демонстрирует картины Серебряковой:

> Кто у детей целует руки, кто
> Их волосы целует золотые…

Откровенный импрессионизм Еврипида—Анненского. Вестник как бы несёт с собой на сцену свет Бакста и танцует в этом свете. Глазами Ренуара смотрит на юную девушку—восхищённую красотой детей и божественными подарками, смущённую невесту Ясона:

> …фатой себе глаза
> И нежные ланиты закрывает…

Но как ни «бакствует» Вестник, ему не скрыть гнев невесты, он лишь смягчает его:

> …«О, ты не будешь *злою*
> С моими близкими, покинь свой гнев»,—

говорит невесте Ясон в кинoновелле Вестника.

Именно Ясон, апеллируя к глазу красавицы-невесты, приводит её зрение к компромиссу:

> …И посмотри на них…

Каждый в каждом будит зрителя-художника.

Далее идут чистый импрессионизм и золото фаюмских портретов Ренуара:

> …она расшитый
> Набросила уж пеплос и, волну
> Волос златой прижавши диадемой,
> Пред зеркалом блестящим начала
> Их оправлять…

Из зеркала сияющей белоногой (босой) царевне улыбаются тени красоты. А главная героиня трагедии, слушая Вестника, как бы видит белые-белые (как косточки) ножки невесты, будто собирается их сначала до смерти зацеловать, а потом съесть.

Босоногая, с нежными белыми ступнями, невеста ступает кокетливо, пробегая себя глазами до самых пяток. Восхищённая своими голыми ступнями красавица—такой мы её и запомним на всю жизнь—торжествующую красоту перед страшной смертью. Идёт мощная эстетизация самого акта убийства красавицы, почти вампирическая.

Роскошная амбивалентность *зрелища*—как во время ритуального убийства у Стравинского—Дягилева. Сначала белая красавица-девочка

доводится до эйдоса соблазняющей Зрителя девичьей прелести, а потом мы перестаём *видеть* красавицу, а начинаем *слышать* плакальщицу — голос Пана-ужаса:

> Тут старая рабыня, Пана ль гнев
> Попритчился ей иль иного бога,
> Ну голосить…

Вестники рождаются непосредственно из действия:

> …Вмиг рабыни
> Одна к отцу, другая к мужу с *вестью*…

Вдруг топот, бег, крик прерывается рассуждением из механики:

> И сколько на *бегах* возьмёт атлет,
> Чтоб, обогнув мету, вернуться к месту,
> Когда прошло минут…

Неутомимый комментатор Ярхо замечает: «В подлиннике речь идёт о состязании в ходьбе на расстоянии в шесть плефров, или в один стадий (около 185 м) — т. е. царевна была без сознания примерно две минуты».

Мы видим *метаморфозу*: под ними (героями) зашевелился эйдос творения. Фигурой Огня оборачивается золотой венец. Происходит возврат к началу творения мира, когда Зевс ещё был молнией:

> Венец на волосах её златой
> Был пламенем охвачен жадным.

Как Семела, царевна вся в огне. Как Семела, ребёнка которого от Зевса, явившегося творящим эйдосом-молнией, спасла детоубийца Ио.

Белое, нежное, чудесное тело невесты Ясона растерзано ризой — подарком красивых и светлых детей.

> …мясо от костей,
> Напоено отравою *незримой*… —

зрелище, вполне достойное ужаса, охватившего тех, кто видел плоды первого убийства Героини.

Плакать зрители уже не могут — они молчат, потрясённые зрелищем угрозы Рока.

Отец невесты прирастает к отравленной одежде, мертвец, будто ещё живой, влечёт его к себе, отдирая у старца клочья мяса.

В завершение тринадцатого явления хор говорит об «ужасе дерзновенья» и о том, что «наша жизнь лишь тень». Смертный не может быть счастлив. Тот, кто думает, что проник в тайну жизни, — безумен.

5.

Действие двенадцатое. Гнёт ужасного решения — предвосхищение «Гамлета». Амеханические виртуальные статические статуарные колебания Героини. Здесь был бы уместен балет в духе Ноймайера или Ратманского.

> Что ж это я задумала?
> <…>
> Я не смогу, о нет… Ты сгибни, гнёт
> Ужасного решенья…

Дети присмирели и смотрят испуганно, пока статуя раскачивается.

Она говорит:

> Ступайте в дом, вы, дети, и кому
> Присутствовать при этой жертве *совесть*
> Его не позволяет…

Здесь активно возражает Ярхо: «В оригинале речь идёт не о совести (это понятие только появляется в пятом веке и встречается у Еврипида ещё редко), а о тех, „кому не подобает присутствовать“ при этом жертвоприношении».

По мне, так трагедия Еврипида — это как раз трагедия рождения именно *со-вести* как вести Другого в себе самом: не зря сознание Героини столь диалогично, что она употребляет два местоимения «Она» и «Я» в одной реплике. Но идеи Ярхо продуктивны как альтернативные, вариативные и могут быть разыграны в спектакле, задавая мотор формы (бифуркацию в каждой значимой амеханийной точке).

Важно, что это — жертвоприношение, т. е. ритуал, выполнить который и мешает со-весть. Лирическое, совестливое начало здесь откровенно конфликтует с началом архаически-ритуальным, то есть принципиально (ритуально) бес-совестным: так делают все, так делает наш Род, так делаем *«мы»*, так положено по нашей ритуальной традиции. Не я убиваю — во время ритуала все убивают. Не я лгу — во время ритуала все лгут.

Амехания разрешается биомеханически: «Моя рука уже не дрогнет». Но детей к себе *она* привлекает «судорожным движением». Освобождаясь от судорог совести, Героиня обретает бес-совестное спокойствие и трезвый расчёт служителя ритуала. Обращение к архаической ритуализации — реципрокное действие. Усиливая ритуальную, варварскую форму в своём сознании, решение героини ослабляет лирический голос — голос со-вести, индивидуального, культурного, антиритуального сознания. Далее идут воспоминания Анненского о грядущей строке Мандельштама:

> …Возврата больше нет…
> На голове царевны диадема…

Важно, что ритуал инициации Героиня производит не с детьми, не с царевной, а с самой собой:

> И в пеплосе отравленном моём
> Она теперь, я знаю, умирает…
> Мне ж новый путь открылся… Новый… Да…
> Но только прежде…

«*Порывисто* обнимая детей и целуя их руки и лица… *С силой* отрывается от них; *слабо* отталкивает

их…»—реципрокный ритм преодоления со-вести и любви и обретение спокойствия Ритуализатора, свирепого и усердного *палача*. (Вспомним, как описывает Владимир Пропп беспощадную и бесстрастную отбраковку подростков во время обряда инициации, связанную и с убийством, и с нанесением тяжких телесных повреждений, и с ритуальным изнасилованием.)

Хор парадоксально обращён к рассказу о тонких сетях *науки*, о женской науке и женском Разуме. Ребёнок описан хором как сладкое растение, и прославляется сладкое право рожденья, омрачаемое, впрочем, тем, что дитя может умереть или отравить существование родителей. Поэтому признаётся, что смертный может быть счастлив, только если вообще не касается женщин. На том двенадцатое явление и заканчивается.

6.

Исход. Явление одиннадцатое. Педагог-вестник говорит, что царевна приняла дары с улыбкой и обеими руками. Далее эту улыбку мы *увидим* ещё раз.

Действие четвёртое. Явление десятое. Те же и Ясон.

Иронизируя, Героиня опять говорит сама с собою, называя себя по имени:

Что с тобой, (называет своё имя)?
Да разве всё не к лучшему?..
<…>
Иль все мы не изгнанники, друзей
Лишённые?..

Титаны и титаниды—изгнанники в мире Зевса.

И говорится это с грядущей интонации Джульетты и Лоренцо.

Теперь у Героини срывается голос. *Она* продолжает горько иронизировать. Дети сначала недоверчиво подходят к матери, но, *видя* её *ласковое движение*, берут её протянутую руку, хотя не без *колебания*. Это может быть разыграно как образ рычага, совершающего лишь виртуальные перемещения.

Опять цитируется грядущий Гамлет:

И долго ли вам жить ещё, а мне
Глядеть на ваши руки, что во мне
Опоры ищут…
Жалкая душа!
Ты, кажется, готова плакать, дрожью
Объята ты…

Хор ведёт себя как наивный зритель.

Ясон не хочет помнить улетевших слов—поговорка, противоположная фразе «слово не воробей…».

Дети доверчиво и *порывисто* ласкаются к отцу. Ясон говорит как лицемер. Говоря о возможности возвращения детей, когда они повзрослеют, Ясон апеллирует к классическому античному сюжету, героем которого в своё время был сам.

Героиня намекает:

…А с ним убор, что Гелий завещал,
Отец отца, в наследье поколеньям…

Убор титана Гелиоса—месть титанов героям-цивилизаторам-аргонавтам.

Дети с любопытством разглядывают содержимое ларца—ослепительно-яркое, солнечное, титаническое, до-Зевесово, до-героическое, до-олимпийское—как бы золотое Руно. «Руно», свёрнутое в ларце, как сжатая пружина, эйдос, пока ещё идеальный образ, готовый распрямиться, передаётся Педагогу, который стоял за сценой и обменивался впечатлениями с хором посредством взглядов и мимики.

Третий музыкальный антракт. Хор поёт:

Цветы не вянут там святые,
И у рассудка золотые
Всегда Эроты на часах…

И Пушкин улыбается Анненскому.

Глаза Героини сохраняют странное светлое выражение.

Рабыня знаками останавливает хор—пришёл Ясон.

Явление девятое. Цитируется пушкинское: «Куда ж нам плыть?»:

Я знаю наконец,
Куда мне плыть.

Героиня—сама себе цареубийца, сама себе декабрист:

…Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там—пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор…

Бездомные титаны и титаниды, изгнанные миром новых ритуалов Зевса, миром норм Зевса.

Варварка-титанида «эллину себя уговорить позволила». Он, этот цивилизатор-эллин, более не обольёт лучами глаз тех, кого родила Героиня. Свет, зрение, взгляд понимается как титанический дар Гелиоса. В конфликте Рока и Характера Героиня не может поступить иначе:

(подумав)
Мне поступить нельзя иначе…
<…>
Пусть гибнет всё…

С загадочной улыбкой Героиня входит в дом.

Действие третье. Явление восьмое. Соблазнение Эгея.

Эгей приходит, одетый по-дорожному, но в лаврах. Героиня, как заправский психотерапевт, выходит на личную проблему Эгея—бездетность—и обещает её разрешить.

Эгей не понял слов оракула—здесь нужен тонкий (женский) ум. Героиня узнаёт от Эгея загадочный оракул. Это—вставка, цитата из до-Еврипидовой (то есть до лиро-трагической) классической трагедии Эсхила—Софокла. Героиня обещает помочь Эгею в исполнении его *желаний*, в то время как царь Афин пристально рассматривает красавицу.

Героиня жалуется царю, что, мол, «...и мужа нет, и гонят...», обращается к Эгею с жестами молящей, ведёт себя предельно лицемерно. Наивные людишки с тупым мужским умишком верят волшебнице. Тонкий матриархальный ум побеждает в агоне с туповато-патриархальными умами зевсистов. Эгей исполняет роль сказочного царя-дурака и клянётся клятвой титанов, обещая укрыть Героиню в Афинах.

7.

Второй музыкальный антракт. В нём хор поёт песню о свирепости Эротов, не дающих мужчинам-героям-цивилизаторам вкусить сладость славы.

Хор умоляет Афродиту не метать ему в сердце страх—неизбежных и исполненных *ядом* хтонических желаний неукротимых.

Гимн хора исполнен «хюбрис»—он дерзко осуждает Афродиту Ужасную с грозой её яростных ударов, порождающих ссоры на ложе ненавистные и желанье ложа чужого.

Хор прославляет «ложе, где жёны не спорят», то есть ложе *без богов, без афродиты*,—прославляя *безбожие.*

Пугаясь собственной храбрости, хор компромиссно добавляет, что «эту сказку» сложили не люди, а боги.

Действие второе. Явление седьмое.

Ясон приходит нарядный, самоуверенный—счастливый аргонавт-цивилизатор, неутомимый убийца хтонических чудовищ. Героиня молча отодвигается—это «немая сцена».

Как и чудовища, Героиня должна смиренно переносить волю царей. А распустившее язык чудовище должно отправиться на край Земли—в изгнание. Но поток речей не умолкал—и вот город закрыт для титаниды. Об этом позаботился Ясон—нежный лицемер, «милый друг». При этом Ясон раздваивается на «Я» и «Он», ведя внутренний диалог.

Ей трудно подобрать слова для характеристики его предательства. Это—недуг бесстыдства, отсутствия *со-вести*, вести о Другом в сознании «Я». Эллин бессовестен, эллина учит совести варварка. Или—версия Ярхо: оба они—и эллин, и варварка—ищут слова, чтобы обозначить словом то «шестое чувство», которого нет *ещё* ни у эллинов, ни у варваров. Перед нами трагедия рождения совести как особого чувства-теоретика.

«...болью тебя донять...»—ахматовская строка: со-весть рождается у эллинов и у варваров в форме лирической трагедии.

Распря эллина и варварки, оформляясь в речи, перерастает в тяжбу, в суд. Добыча речей—совесть, она обретается, когда всё остальное теряется.

Дракон архаичен, древен, покрывает руно «морщинистыми извивами». Руками Героини хтоническое чудо умерщвляется: гибнет тот, кто хтонически прекрасен, зорок и бессонен—это ведь превращённый в чудовище титан.

Дракон слепнет, чтобы Ясон обрёл зрение, чтобы блистал его героический взор, подобно свету взора Аполлона.

Горючие страсти сильнее рассудка.

А Ясон ведёт себя как клятвопреступник! Что, обновляются законы богов?—спрашивает, как на суде, Героиня.

«Ты сознаёшь—нельзя не сознавать!»—да, трагедия есть открытие сознания.

Эротизм воспоминаний: Герой трогал колени, а не просто осквернял прикосновением.

Позор обличается *вопросами* на суде—предполагаются исследование, расследование, допрос свидетелей и пр.

Корифей хора замечает, что Гнев неисцелим и страшен, ибо *встаёт* как неукротимая стихия.

Ясон отвечает: кто не рождён оратором—тому теперь беда. Герой упрекает волшебницу в риторичности.

Стихия злоречия и вихри слов сравниваются с бурей, сам Ясон—аргонавт, но корабль этот плывёт по бурному морю хтонических стихий страсти и женского гнева.

Ясон, обязанный Киприде страстью волшебницы, укоряет жену в похотливости, считая свою мысль об Эроте тонкой. Герой говорит об эротической подоплёке Гнева, переходя на интимный шёпот.

Услуги Героини оплачены—сексуально и социально: *она* познала власть закона (эллины), преодолев власть силы (варвары).

Как чудовища, *она* должна жить «на грани мира», на краю Земли. Если бы с этого края Земли *она* не переместилась к «пупу Земли», о ней никто бы не узнал, а теперь о ней знают все, и это—Слава! Ведь для героя-эллина слава дороже ласк, нежнее песен, важнее золота—и Герой гордится славой аргонавта-цивилизатора, стало быть, и Героиня может гордиться тем, что была волшебным помощником аргонавта.

История развивается по Геродоту: достойные удивления деяния как эллинов, так и варваров,

сталкивающиеся на суде-распре, которая обнаруживает принципиальное различие двух культур.

Героиня слушает речь Ясона внимательно. Лицемерная, лживая аргументация погрузится во внутреннюю речь Героини и будет пародироваться ею в ответных речах.

Утверждение патриархального сознания: кто не трогает ложа и лона—тот счастлив. Затем это будет утверждать и хор.

Корифей хора хвалит Ясона за то, что тот «речь украсил». Героиня же ни во что не ставит риторичность, если она затемняет правду. Героиня определяет себя как не-человек: человек одевает Зло прилично, дерзко лжёт из-под маски, то есть лжёт артистически. Медея находит истинную причину нового брака Ясона—*старость*. Намёк на старение—смену ритма жизни—бьёт сильно, ибо скрыт под маской разговора о дихотомии «эллин-варвар». Под этой маской скрывается подоплёка—дихотомия «юный-стареющий».

Фраза титаниды: «Изгнанница пред вами беззащитна»,—показывает, что варварка разделяет участь титанов. Само варварство усиливается (как того и требовал Геродот)—это не недоэллинство, это сверхэллинство. Варварство углубляется и украшается сладкими воспоминаниями о Титаномахии, варвар начинает пониматься как сверхчеловек.

Отправляя варварку в изгнание, эллин Ясон готов послать друзьям гостинные знаки. Ярхо комментирует: это таблички, которые разламывались на две половинки, хранившиеся в дружественных семьях: по ним производилось узнавание. Еврипид и Анненский обнажают античные корни символизма двадцатого века: идеями *знака* и *жеста* буквально переполнена трагедия Еврипида.

Шестое явление начинается ремаркой: «Те же, но без…»—принцип, противоположный принципу: «Те же и…»—удаление, уход, изгнание героя драмы радикально изменяет ситуацию действия. Не только по содержанию происходит это «без» (Ясон изгоняет жену, что радикально изменяет жизнь всех героев), но и формально, ремарками типа «без Креонта» и пр. «Без Креонта» Героиня говорит о Креонте как о слепце, себя же подаёт в качестве расчётливых весов (механика-статика как логика построения речей и действий). Как Робеспьер, Креонт, приняв решение, оттягивает исполнение на целый день—и пойдёт на гильотину.

8.

Шестое явление продолжается. Раздумывая, как добраться до *ложа* обидчиков, Героиня говорит: *«яд на сцену!»*—намереваясь применить привычное хтоническое средство, обращаясь к наиболее чтимой Гекате и заставляя вспомнить Шекспира.

Пир станет горьким. Отравленным.

Внутренний диалог Героини—«Я» и «Она»: «До чего дошла Ты»; «Кому Я говорю всё это»… и пр.

Хтоническое чудовище пожирает, пьёт кровь и т.д., поэтому в трагедии остраняется, помимо кинестезии, слуха и зрения, ещё одно чувство-теоретик—*вкус* («вкушая вкусих…»).

«Хочет уйти в средние двери, но останавливается в раздумье, пока хор поёт…»—само *раздумье* становится предметом изображения—остранение остранения.

В первом музыкальном антракте хор поёт: «Правда осталась, но та ли?»—звучит (грядущая, только предвосхищаемая переводчиком) поэзия Серебряного века.

«…Сердце менады…»—ср. комментарий Ярхо: «Менада—буквально „безумствующая“—здесь: о состоянии…» (Героини, страстно полюбившей Ясона).

«…Влачить за собой ты в изгнанье…»—будущая ахматовская интонация:

> Здесь Пушкина изгнанье началось
> И Лермонтова кончилось изгнанье.
> Здесь горных трав легко благоуханье,
> И только раз мне видеть удалось
> У озера, в густой тени чинары,
> В тот предвечерний и жестокий час—
> Сияние неутолённых глаз
> Бессмертного любовника Тамары.

Явление пятое. Креонт ещё не стар. Живёт порывами и впечатлениями. Креонт—эйдос порыва в трагедии. Креонт мог бы уцелеть, если бы сразу потребовал исполнить приказ—как и задумал до разговора с Волшебницей.

Героиня требует *суда*, а не только приговора,—она самая разумная, самая рефлексивная из всех героев трагедии.

Креонт о тайне изгнания: тайны нет, причина—его *страх*. Страх потерять дочь, страх испытать на дочери чары Героини.

Героиня занимает софистическую позицию, вообще она—Философ на драконовской колеснице…

«…Ты человек опасный…»—Героиня цитирует «Горе от ума». Становится ясным, что героиня опасна сочетанием Ума и Дерзости.

«Пугать царей?!»—Героиня не мешает царям друг с другом воевать, а просит оставить её в Коринфе.

«…Людей порыва…»—диалог человека Порыва (Креонт) с «лукаво-осторожным» человеком (Героиня).

Героиня пытается обмануть Креонта, оттянуть исполнение приговора. Креонт обольщён и сдаётся. Героиня уговаривает дать ей день сроку—для мести. Важно, что Героиня—не гражданка, а *чужая*.

Очень интересно—о мужьях, которых покупают, как рабов, превращаясь при этом в рабынь.

Конечно, это матриархальное заявление. Вообще, обсуждение гендерной проблематики в трагедии звучит весьма современно. Речь Героини—последовательно феминистична, потрясающе убедительна, будто из двадцать первого века. Вся трагедия—дерзкий матриархальный гимн Женщине.

Героиня говорит «меж варваров», будто *она* сама *не* варварка, но и *не* эллинка, то есть вообще *не человек*. Отчасти это есть и у «божественного» Геродота в его знаменитом определении предмета истории.

Интересно, что Героиня обращается к хору с просьбой играть свою роль в трагедии, то есть с формальным призывом не вмешиваться в её мщение на сцене.

«Во время *обеда…*»—Рабыня задаёт образ *еды* (пожирания, ритуального пира) и альтернативный ритуальному пиру образ (сказочной) музыкальной гармонии. Последняя не способна остановить пир, где печаль доводится до таких пределов, при которых рождает смерти и ужасы, колеблет царства. Музыкальная гармония, по мнению Рабыни-Кормилицы, не способна остановить ритуальный пир вампиров.

Хор загадочно—о том, как несчастное чадо Колхиды было увлечено и заманено Фемидой через теснину—в Элладу, где пучина беспредельная.

В первом действии, в четвёртом явлении, Героиня выходит к хору, хоть Дом и предпочитает Площади. Выходит со свитой рабынь в варварских одеждах Востока. У Героини длинный овал лица, матовые чёрные волосы, тип лица грузинский, шафранного цвета и затканная одежда напоминает Восток. Героиня—эйдос Востока, эйдос варварства, вызов аргонавтам-цивилизаторам.

9.

Явление третье. *Без* Дядьки-Педагога. Реципрокный жест Кормилицы—она то прижимает к себе детей, то подвигает детей к правой двери, куда ушёл Педагог.

«Началось…»—Кормилица призывает детей затаиться, не тревожить *глаз* матери и не приближаться к ней. «Облако стона»—эйдетизация, визуализация. «Мильон терзаний» Героини.

Из-за сцены Героиня проклинает детей. «Если выпало в империи родиться…»:

> Ужасны порывы царей…
> <…>
> Не лучше ли быть меж листов
> Невидным листом?
> О, как бы хотела дождаться
> Я старости мирной вдали
> От царской гордыни…

Сладкое слово «умеренность»…

Спускается хор из пятнадцати коринфских женщин. «Чрез двери двойные я слышала…»—эти двойные двери создают особое пространство в пространстве сцены. Это—граница эллинского и варварского миров, перенесённая внутрь мира эллинов. Переходы этой границы героями—основа развития сюжета трагедии.

Героиня начинает с ненависти к жизни, а завершает волшебным преображением—на колеснице с драконами… То есть собственно *переход* и *метаморфозу* в трагедии Еврипида испытывает только Главная Героиня: все остальные действующие лица либо гибнут, либо останавливаются в развитии, деградируют (Ясон).

Два трупа—невесты Ясона и его самого—Героиня видит с самого начала в качестве цели. И здесь же внутренний диалог, связанный с рождением *со-вести*:

> Отец мой, о город, от вас я
> *Постыдно* бежала, и труп
> Родимого брата меж нами.

Хор хочет нежно приласкать Героиню и смягчить (утишить) словом и лаской тёмное пламя души *её*. Кормилица просит хор о разрешении пересечь границу («двойные двери»)—надо, чтобы Героиня вышла к хору. Рабыню хор призывает приблизиться к *ложу*, где Львица застыла в муках родильных—в преддверии Метаморфозы. Героиня выйдет к хору, врываясь в мир эллинов с ответным ударом. Цитируется «Маскарад»:

> Может сейчас несчастье
> В этих стенах произойти…

Реальные строки Пушкина, Шекспира, Лермонтова и грядущие строки Ахматовой и Пастернака Анненский возвращает в точку их начала—в трагедию Еврипида.

Педагог (Дядька) обращается к Кормилице, стоящей в воротах подобно Бабе Яге.

Кормилица хочет превратиться в Сказительницу, чтобы трансформировать (в трагедию) и смягчить («сказкой») готовящийся кровавый ритуал детоубийства. Педагог, говоря о Героине, роняет словечко «слепая», то есть не знающая новых бед. «Подруга рабства» умоляет Педагога рассказать то, что сорвалось с языка. Педагог у камешков, т. е. (комментарий Ярхо) у места, где играют в камешки-кости (образ жребия), слышал, что царь изгоняет Героиню вместе с детьми. Педагог просит Кормилицу утаить от Героини эту весть: пока не время ей знать. А Рабыня-Сказительница думает, что без ритуальной жертвы гнев матери не утихнет. Нам здесь Еврипид показывает сам процесс рождения Сказителя. Сказитель располагается рядом с Ритуализатором и противостоит ему. «Сказка» не происходит из ритуала, а противостоит этому ритуалу. Именно поэтому структура «сказки» соответствует фазисам ритуала.

Плачущую-проклинающую Героиню Зритель не видит — вводится рассказчик, Сказитель: Кормилица или хор. *Пролог.* Утро. До заката, до колесницы Гелиоса с драконами ещё целый Божий день…

Кормилица: «О, для чего крылатую ладью…» Сказительница-поэтесса, располагаясь рядом с готовящимся кровавым ритуалом, пытается самим актом рассказывания противостоять ритуалу. Поэтому вместо Зрения обостряется и превращается в Теоретика только наш Слух. Мы не видим кровавый ритуал, мы даже не видим Героиню, во внутренней борьбе с собственной со-вестью становящейся Ритуализатором. Мы слышим «сказку», «сказание», «сказ» — часть трагедии.

«Откинув шею белую…» — Героиня ведь темноволосая, темноглазая, но с белой шеей, и у царевны тоже тело будет белое, как куриное мясо. Мы узнаём, что Героиня *голодает*, ничего и никого (пока) не ест. Готовится к кровавому ритуалу чудовищно-архаического, титанического «пожирания» своих детей и к волшебной метаморфозе, которую сама же инициирует — как бы неся во внутренней речи (сознании) и фигуру Инициатора, и фигуру Претерпевающего инициацию. Ритуальное действие в трагедии не интериоризуется, а напротив, овнешняется, переходя на сцену из внутренней речи Героини.

Дядька-Педагог ведёт двух мальчиков. «Мальчиков я вижу…» — действие происходит на фоне кинематических ассоциаций (как в «Играх» Нижинского), запрещённых апорией Зенона, — Еврипид нарушает Зенонов запрет. Дети заданы как «равнодушная природа», они живут своей жизнью.

Вот и всё, милый мой режиссёр. Мы с тобой дошли до самого начала трагедии Еврипида. Ты всё ещё хочешь её поставить?

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Евгения Пахмулова (12 лет)

Деревня моя

Я родилась в деревне Пакуль Большемуртинского района. Эта деревня основана в 1726 году. Начиналась моя деревня с двух дворов, и изначально её называли по фамилии одного из поселенцев — деревня Пакулева. Постепенно деревня разрасталась. Да и как не жить в этих местах! Кругом величественный лес. На возвышенностях красуются великолепные сосны, в низинах — могучие ели, а на солнечных местах водят свои хороводы белоствольные берёзки. В лесу можно найти много грибов и ягод. Около деревни течёт речка Верхняя Подъёмная, которая петляет вдоль деревни. А по её берегам раскинулись кудрявые кусты плакучей ивы и душистой черёмухи. Со слов моего папы, в реке всегда было много рыбы: елец, окунь, пескарь и щука.

После революции 1917 года в деревне появился колхоз имени Сталинской Конституции. В колхозе занимались растениеводством, животноводством, пчеловодством, была и своя птицеферма. Жизнь кипела своим чередом. До сих пор в моей деревне сохранился колхоз, только изменилось его название, теперь он называется «Рассвет». Люди по-прежнему выращивают хлеб и занимаются животноводством, но, к сожалению, не в тех объёмах, как раньше.

Деревня моя очень постарела. Много в ней брошенных домов. Нет в ней ни школы, ни детского сада. Радует одно, что молодые люди всё-таки возвращаются и живут в моей деревне. Жителям Пакуля есть где провести досуг — это библиотека и клуб. Дошли и до деревни отголоски цивилизации — Интернет.

Так получилось, что сейчас я не живу в своей деревне, но очень часто там бываю: там живёт моя любимая бабушка. Я люблю летом ходить на речку, а зимой купаться в сугробах, кататься на горке, лазить на тюках сена за огородами, гулять по зимнему лесу.

Я очень люблю свою деревню!

Владимир Замышляев

Криминальные тенденции в современной прозе

Ключевые слова: литература, проза, классика, современность, герой-персонаж, герой нашего времени, «новый реализм», идеалы и антиидеалы

Современная проза помещена в информационное визуальное пространство. Наряду с ней существует «классика» — как литературоведческое понятие и как литературный текст, соотнесённый к прошлому литературы и искусства. Наблюдается синхронное существование и «первых», и «вторых» текстов. Между ними вклинивается понятие о традиции, её признание или отрицание. Последнее предполагает интерпретацию и право не только на реконструкцию, но и на постмодернистскую деконструкцию. Одни восклицают: «Значение Пушкина вечно!» Другие иронизируют: «Нужен ли Пушкин сегодня?» Смещаются все понятия в многополярном мире. «Пространство сегодняшнего информационного общества не имеет чёткой дифференциации „центра“ и „периферии“, что объясняет существование в нём разнообразных текстов культуры на паритетных началах. В таком типе общества большую значимость имеют социальные механизмы, изменяющие систему ценностей, поэтому вопрос сущности текстов культуры актуализировал исследования их классических образцов, являющихся основным связующим звеном между культурными парадигмами прошлого и настоящего. В этом смысле классический текст выполняет важнейшую социокультурную миссию хранения и передачи традиции, творения и распространения нового. Вместе с тем его достаточно сложно дифференцировать в глобальном информационном потоке современной культуры» (Худолей Н. В.)[1].

В целом можно согласиться с автором исследования и применить это методологическое основание и к современному состоянию художественной литературы, её корреляции с «классикой», чтобы увидеть тенденции актуализации современных текстов прозы и поэзии.

В России ежегодно издаётся сто двадцать тысяч наименований книг. Как охватить индивидуальным сознанием это море литературы? Прочитать всё множество книг невозможно для одного человека. Значит, надо искать какие-то общие подходы, определять концептуальные тенденции. Можно считать, что следование традициям классической литературы закончилось в конце двадцатого века. Для классики характерны повествовательный сюжет, размеренное движение времени, его линейное восприятие. И характерно для всего массива литературы той поры: прописка Лица Героя Нашего Времени. Это характерно для мифологических текстов и всей эпохи язычества, для Античности и Средневековья, для Возрождения и Нового времени, для реализма двух последних столетий.

Современная литература «героя нашего времени» как бы дисквалифицировала, устранила. Нет авторитетов, нет идеалов, подражать некому! В начале двадцатого века поэт Владимир Маяковский восклицал: «Делать бы жизнь с кого?» — и указывал на конкретную личность — на Феликса Дзержинского. Индивидуализм либерализма (вот парадокс!) убил Героя. Нет повестей о «настоящем человеке», пропал интерес к тому, «как закалялась сталь».

Мы бы отметили два основных направления в прозе глобализации:

1. криминализация мира и общественного сознания;
2. мистификация бытия, апологетика «ужастиков», страшилищ, дьявольщины, «секретных агентов» и пр.

«Жизнь в зоне», «воровской закон» (по понятиям), уголовщина, репрессии («ГУЛАГ»), фашизм, «Уотергейт», информационная война, гендерная политика и однополые браки, модернистский протестантизм, сексуальное насилие — вот неполный перечень тем современной литературы, кинематографа и театрального искусства. Общее определение — трэш-эстетика (мусор, хлам, отходы).

Глобальное пессимистическое умозаключение — Царство Божье невозможно, «Бог умер!», «индивид не воскрес», а унизился, утонул в пошлости,

1. *Худолей Н. В.* Классический текст культуры как система коммуникативного кодирования. Автореферат диссерт. на соискание уч. степени кандидата культурологии. — Н. В. Худолей / Улан-Удэ, 2016. — 23 с.

в бесконечных разборках, перестрелках. Всех испортил потребительский интерес, его неразрешимость по справедливости, преждевременная моральная смерть. Девиантное отклонение, идея смерти «по желанию» и «по согласию», обучение «лёгкой смерти», массовый невроз, предательство и насилие как банальное, привычное.

В литературе криминального толка я бы выделил роман Захара Прилепина «Обитель» (главный герой романа—убийца отца, попавший на Соловки). Здесь двойной криминал: простое уголовное убийство и СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

От «лагерной темы» в литературе общество устало. Надо искать позитив в реальной жизни. А вот это очень трудная задача для литературы и искусства вообще. Персонажи современной прозы—люди ущербные, с патологиями, алкаши, бомжи, просто мерзавцы. Под криминальный образ подпадают лица от главы государства до маргинальных низов.

В некоторых произведениях есть попытка слепить, прописать Героя на столкновении прошлого (со второй половины двадцатого века) с настоящим либеральным периодом. Примером такого произведения является роман Н. Гайдука «Зачем звезда герою». Проза автора очень выразительная, даже поэтически метафорическая, наверное потому, что Н. Гайдук—замечательный поэт. И это постоянно чувствуется в его прозе.

Критическая проза заряжена расследованиями, шпиономанией, с участием органов госбезопасности, служб разведки. Появился даже жанр «журналистское расследование». Как пример—книги Людмилы Кретовой-Феррис (Красноярский край). Её книги изданы в Москве, в издательстве «Эксмо».

В разряд криминальных я бы поставил и произведения о политике, о политических переворотах. Наиболее яркими из них являются романы Александра Проханова. Один из них даже называется так—«Политолог». Это о закулисье политических интриг, об аморальности политиков, о «новых русских»—«старых евреях». Роман саркастический, с юмором и издёвками над многими известными лицами в России.

А. Проханов—идеолог «пятой империи», главный редактор газеты «Завтра» с публикациями о «мечте» русской, китайской и др. Его передовицы в газете можно признать как шедевры журналистики и публицистики.

Недавно появился роман в двух книгах «Русский ад» журналиста-писателя Андрея Караулова. Он—пример того, как журналистика превращается в романную публицистику, в художественно яркое изложение исторических событий. В данном случае—всё то, что произошло в России после 1991 года.

В какой-то степени к жанру криминалистики можно отнести роман «Нексус» американского писателя Рамеза Наама. Он—специалист в области компьютерных технологий, руководитель одного из отделений компании «Майкрософт». С этим романом он стал номинантом в конкурсе «Лучшая книга года». Роман издан в России в 2016 году. Подзаголовок у книги—«фантастический роман». Роман из числа тех, которые подпадают под определение «фэнтези». Но дух криминала очевиден. «Нексус»—секретное вещество лаборатории, за которой следит ФСБ США. Слежка, вербовка, тайные эксперименты с этим веществом. Главный персонаж книги, обольстивший девушку с помощью «нексуса», назван ею «козлом». Пожалуй, это единственное и самое смешное место в романе.

Для европейской литературы и в США—это характерное направление в литературе, игра в тайны и сыск. Криминал всегда почитаем в английской литературе. Многие английские писатели или работали в разведке, или были связаны с нею. Знаменитый автор «Робинзона» Дефо был начальником разведки.

Говоря о криминалистике в современной литературе, можно утверждать, что её источник—рыночная экономика, конкуренция, финансовые спекуляции, накопление богатства, его передел и насильственное изъятие, перманентная экспроприация экспроприаторов (К. Маркс). Кто был никем, тот станет всем! И наоборот.

Наряду с криминальной прозой заметно тиражирование литературы с мистификацией явлений, событий. Вымышленные сюжеты на «вольные темы», придуманные способностями рационально мыслящего человека.

Я бы назвал в качестве примера роман Виктора Пелевина «Бэтман Аполло». В рекламе о романе сказано: «единственный и неповторимый». Роман насыщен мистическими тайными туннелями, «лестницами», перевоплощениями, «двуспальными гробами» и пр. В качестве эпиграфа взяты высказывания графа Дракулы: «В жизни вампира есть тайная отрада и тихое счастье. Они в том, что цивилизованные стандарты либерального гуманизма более не являются для него обязательными». Налицо крах гуманизма и буржуазного либерализма. Роману предпослано предупреждение: «Книга содержит элементы живого русского языка (менее 0,016% текста). Могут быть задеты сексуальные, политические и религиозные чувства читательницы, а также её шизофренические и параноидальные комплексы. Автор не ставит такой цели и не несёт ответственности за эффекты, возникающие в уме „Б“ во время выработки агрегата „М5“». В романе есть откровенные нецензурные выражения интимной гинекологии. Характерны и разъяснения терминов, употребляющихся в романе, перед его основным текстом. Мистической теме масонов посвящён и роман В. Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов

с масонами». У названия романа подзаголовок: «большой полифонический нарратив» (наработанные смыслы).

Все тексты В. Пелевина как-то трудно называть даже художественной литературой в традиции всей литературы. Это какие-то мистические полифонические исследования, пугающие читателя непостижимой тайной.

Не получается ли при этом, что «король-то голый» и никакой тайны нет, а есть надуманные «сны», как и реальные, не управляемые сознанием и исчезающие при просыпании?

Не в единстве, но в сопоставлении с мистикой В. Пелевина, можно указать на роман американского писателя Дэна Брауна «Ангелы и демоны». Сам автор предупреждает: «В книге упоминаются реальные гробницы, склепы, подземные ходы, произведения искусства и архитектурные памятники Рима, местоположение которых точно соответствует действительности. Их и сегодня можно видеть в этом древнем городе. „Братство иллюминатов“ также существует по сию пору».

Предварительная оговорка автора не снимает с романа покровы таинственности, перипетии заговора учёных против Ватикана.

Сюжетные, идейные столкновения науки и Церкви, веры и знания—тоже характерная черта современной прозы в разных её проявлениях. А «герой времени» всё как-то не проявляется, прячется в «тайнах» и в мистификации.

Мир фэнтези, населённый чудовищами, вампирами, инопланетянами, всевозможные «страшилки»—это поиски героя-антигероя, реальности против квазиреальности, стыдливых человеческих традиций против их агрессивной новизны. Это попытка создать вымышленный мир, чтобы усилить раздражители человеческого восприятия, чтобы разбудить инстинкты, приглушённые романтическим гуманизмом. И получается, что человеческая сущность—самая непостижимая реальность.

Современный литературный текст—это расщепление человеческого сознания на атомы, на молекулы, на электроны, на гены, на ДНК, на андрогинные несходящиеся половинки. Адам и Ева отказались друг от друга. Писатели ищут что-то «третье», всё чаще обращаясь к предсказаниям Апокалипсиса и вообще к религиозной тематике, пытаются найти консенсус между Богом и человеком.

В целом в современной литературе «мужское и женское», «телесное» подвергаются сильным изменениям в сравнении с классикой. Гендерная философия, сексуальная революция в Европе сильно повлияли на умы писателей и читателей. Любовь преподносится как пережиток, а секс—как технология цивилизации. Литература и искусство наполнены сексуальными раздражителями. Например, переведённому в Голландии роману «Русская красавица» Виктора Ерофеева было указано, что в нём «мало секса». Русский писатель сам опасался «сексуального наплыва» в романе, а в Европе посчитали эту «удаль» недостаточной. Сталкиваются два мира: западный и восточно-русский, хотя в России немало тех, кто перешёл на стандарты европейской цивилизации.

Секс—отдельная особая тема для литературы. Она крепко связана с традициями национального бытия каждого народа. Но глобализация международных рыночных отношений разрушает национальный суверенитет в нравственности, нивелирует все границы и образы жизни. Устраняется роль мужчины как главы семейства, как кормильца-промысловика. Велико количество семей с одним родителем, много незамужних женщин. И это в христианской цивилизации!

История мировой литературы строилась на стремлении мужчины и женщины к союзу по любви (по обычаю и по обязанности). Все романные сюжеты—это стремление к идеалу любви. Ей способствовали и утверждённые табу, ритуалы и заповеди. Человечество выжило благодаря любви между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми.

В настоящее время «запрещаются запреты», разрешаются отклонения от моральных норм. Сама мораль становится ситуативной, относительной, не абсолютной, что «было и прошло». Призрак нравственного апокалипсиса бродит по Европе, в США, в России и в других регионах мира. Нет в современной художественной литературе устойчивых идеалов и отражающих их Героев, нет повестей о «настоящем человеке». Мировоззренческий тупик ставит под сомнение само существование художественной литературы и писателя, лишая его роли Пророка и способности как-то влиять на жизнь людей. Примерами такого антиэстетического отчаянья являются повесть Юрия Казакова «Белая буква» и романы Александра Мелихова «Заземление» и «Свидание с Квазимодо». В рецензии на эти романы Марина Саввиных пишет: «Избежать „креста“ разумное существо не может. Но может—отрешиться, отречься от него, что означает—отречься и от разума. Принять „крест“ с благодарностью и верой в то, что именно крестные муки—тот самый резец, которым человек, подобно ваятелю, работает над собой, совершенствуя и освобождая дух для бессмертия,—кто отважится на это?» Воистину, смертью смерть поправ, мы надеемся на бессмертие, мы живём, любя и мучаясь. Этот вечный «сюжет» невозможно заменить мистификациями, любованием уголовщиной, тотальным отрицанием Героя в литературе и его Возлюбленной.

Жизнь многообразна, как сама природа. В ней регулярно меняются погодные условия, сезоны,

то ярко красуются цветы, то увядают. И, как это бывает, помощь и надежда приходят с неожиданной стороны, но не без участия человека.

Вот в Красноярске в мае 2018 года состоялся Первый Всероссийский фестиваль фильмов «Герой» для детей и юношества. Его приветствовали кинорежиссёры Никита Михалков и Владимир Грамматиков. Приведу знаменательное высказывание В. Грамматикова: «Я рад приветствовать вас на Первом Всероссийском фестивале фильмов для детей и юношества. В последние годы кинематограф не часто занимался поиском героя, не часто разбирался в том, что́ побуждает людей на героические поступки. И хорошо, что красноярцы пробили в колокол и призвали всех нас разобраться в данной теме. Понять, кому можно подражать и какими поступками можно гордиться. Нам крайне важно понимать, кто же он — герой сегодняшнего дня. Наши сценаристы будут писать замечательные сценарии, а наши режиссёры — снимать замечательные фильмы. Мы будем снова привозить свои работы на фестиваль в Красноярск и вместе искать настоящих героев. Всем — удачи, хорошего настроения и правильных жизненных ориентиров».

От себя добавим: «правильные жизненные ориентиры», возможно, ещё теплятся в душах людей, проживающих в Сибири и вообще в российских регионах, менее подверженных мистификации жизни, более озабоченных бытием с главными основами Истины, Добра и Красоты. Да будет так и в художественной литературе. Верим, что в ней появятся настоящие Герои Нашего Времени.

Д*и*Н симметрия

Михаил Светлов

На большом перекрёстке

Моим друзьям

Голодному и Ясному

Задыхались, спеша, на ходу мы,
Холод глянул в глаза Октябрю,
Когда каждый из нас подумал:
«Дай-ка вместе полюбим зарю!»
Вышла осень гулять за ворота,
Постучалась и к нам в окно,
А у нас под блузой работал
И стучал торопливый станок.
Вбились выстрелы скачущим боем
В убегающий пульс станка…
Мы пришли окровавить зарёю
Засыпанный снегом закат.
Мы долго, мы долго стучали
В закрытую дверь Октября…
Скоро с пристани Завтра отчалим
Четверо — мы и Заря.

● ● ●

На большом перекрёстке трамвайной сверкающей линии,
Где кондуктор, спеша, проверяет билеты,
Ванька Синий
В первый раз увидал Лизавету,
Ванька Синий, больной, изнурённый венерик.
Всеми крохами чувств своих грязных безумно влюбился…
Лизавета ушла в чьи-то жадно раскрытые двери.
С Лизаветою Ванька простился.
Там, где линии рельс загибаются вправо куда-то,
Ванька Синий попался, забравшись в чужие карманы.
Будет Ванька теперь щеголять в арестантском халате,
Будет плакаться пьяный…
Выйдет ночью с парнями гулять Лизавета,
Милым полную грудь подставляя,
Там, где юркий кондуктор, спеша, проверяет билеты,
Где уходят направо
трамваи…

1921

Нина Ищенко

Море смерти, море любви и море слов

в поэме Елены Заславской «Nemo»

Русская поэзия часто является пространством воплощения философских смыслов. Исторический контекст написания поэтических произведений помогает создать их конкретную реализацию. Одним из универсальных культурных архетипов является переживание смерти, которое осмысляется и воплощается в мифологемах всех культур, созданных человечеством. В русской культуре общественно обусловленное переживание смерти имеет свою длинную историю, включающую языческое наследие и христианские религиозные идеи. Мифологема смерти по-разному воплощалась в русской поэзии в разные исторические моменты.

В ходе войны в Донбассе русская поэзия актуализирует универсальные культурные архетипы в новой исторической ситуации. В настоящее время в русской литературе военного Донбасса универсальная мифологема смерти реализуется в образной форме в поэзии луганской поэтессы Елены Заславской. Давайте рассмотрим многоликий образ моря на примере поэмы «Nemo» (2019).

Елена Заславская — донбасский поэт, писатель, журналист. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамині сльози» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыщь-мен и Ко» (2011), «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), а также книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (2016), «Собаки-забияки» (2019), «Сказки Подкроватки» (2019), «Мышка-малышка и её секрет» (2020), «ХармСтихиЯ» (стихи Даниила Хармса с комментариями Елены Заславской) (2020). Член СП ЛНР. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Преподаватель.

Война в Донбассе повлияла на жизнь и творчество Елены Заславской. В 2014 году, когда началась военная агрессия Украины, Елена сделала свой выбор в пользу республик, осталась в Луганске, занимается литературной, общественной, преподавательской деятельностью, особое внимание уделяя культурному аспекту интеграции Донбасса и России. Тема войны, которая пришла в Донбасс после семидесяти лет мира, является постоянным предметом творческого осмысления поэта. Особенно интересно проследить, как в произведениях Елены Заславской выражаются культурные архетипы и базовые мифологемы русской культуры, центральное место среди которых занимает мифологема смерти. Поэма «Nemo», созданная через пять лет после начала войны, даёт богатый материал для исследования структуры этой мифологемы.

Поэма «Nemo» состоит из тринадцати частей, написанных от имени разных персонажей. Главные действующие лица поэмы — Русалка, Немо, Марсий, Скиф. Не индивидуализированы, а показаны собирательно пираты-флибустьеры, которые ловят русалку, и враги, с которыми идёт война. Главная тема, оформляющая всё художественное пространство поэмы, — это море как стихия воды. Это история:

> …Про затонувший город, город Лу,
> Луганстеров и чёрных флибустьеров,
> Про идолов, хранящих Дикий Луг,
> Ещё жрецов грядущей новой эры,
> Про то, как смерть поймала на блесну
> Меня, русалку из затерянного града,
> Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
> Туда, где морок, тишина, прохлада…

Мифологическое значение моря в русской культуре реализовано и в поэме Елены Заславской. Семантика номинаций водных объектов, включая море, и воды как таковой отражает мифологическую картину мира русской культуры.

В большинстве мифологий вода ассоциируется с женским началом, а вследствие этого связывается с рождением и смертью как базовыми способами бытия. К. Г. Юнг объяснял универсальность архетипа воды пребыванием человека в материнской утробе и важностью акта рождения. Переход через водную преграду выступает как начало новой формы существования, как переход к рождению или к смерти. На этом представлении основана широко распространённая женская персонализация смерти. Как указывает исследователь религии и мифологии В. Н. Топоров, устойчивый мотив «морского» поэтического комплекса связан с дном моря как образом смерти.

В системе архетипических образов дно символизирует глубокое ущелье, пропасть. Образ пропасти сближается с гибелью: пропа́сть—значит погибнуть. Берег моря символизирует берег гибели или несостоявшегося рождения.

Как пишет современный культуролог С. А. Кошарная, корни реалионима «море» уходят в индоевропейский праязык, и на разных языках этой группы «море» обозначает такие объекты как болото, море, озеро. Этимологически лексема «море» связана с именем языческой богини смерти Моры (Мары), известной всем славянским народам как Моряна—богиня смерти у западных славян, Марушка—мифологический персонаж-устрашитель, которым в Полесье пугали детей, Мара, которой в северной Руси пугали девушек. Мара типологически во многом сходна с русалкой Мокошью.

Став нарицательным, существительное «мора» получило различные значения в разных славянских языках: нечистый дух в украинском, ночной кошмар в болгарском и польском, домовой в северохорватском и так далее. В это же словообразовательное гнездо входит русское слово «умора» (от «уморить»).

Итак, корень «мор», с одной стороны, соотносился с общим именованием водоёмов, а с другой—актуализировал мифологему смерти как перехода через водную преграду. Слово «море» могло также обозначать смерть как локус—в русском смерть с приставкой присоединения «с» отражает в протозначении присоединение к области нахождения мёртвых.

По представлениям многочисленных архаичных культур, смерть является не столько концом жизни, сколько переходом в иную реальность. Такой иной реальностью в русской мифологической картине мира и оказывается море. При этом море представлено образами «край света, конец реального простора», «путь до неведомой, далёкой, чужой земли».

Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях. Различные индоевропейские культуры—древнегреческая, древнеиндийская, архаическая римская—помещают море в семантический ряд пути, дороги, перехода, связывая образ моря с образом перехода в другой мир, в царство мёртвых. Древнерусское слово «дорога» также имело отличное от современного значение и означало «быстрина», «узкий залив», то есть «путь по воде». Таким образом, реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море—это уже сам по себе локус небытия, место нахождения персонифицированной смерти—Моры (Мары).

Древняя индоевропейская основа рождает соответствующие образы и в более близкие к нам времена. В записях русского фольклора море выступает как символ неизвестности и погибели. Фольклорное сочетание «синее море» содержит в себе значение «далеко». В связи с этим концептуальное противопоставление суши и моря сливается с противопоставлением близкого и далёкого. Немаловажную роль играет ассоциация моря с кораблём, который выступает в качестве конкретно-образного символа дали как уплывающий далеко.

Итак, образ моря в архаичной русской культуре интегрирует несколько связанных между собой мифологических компонентов: вода, переход в иное пространство, область нахождения мёртвых. Эти мифологемы создают и транслируют концептуализацию моря как иного мира, мира смерти. Рассмотрим, как эти мифологемы реализованы в поэме «Nemo».

Для конкретизации темы моря автор обращается к истории Луганска, которую переосмысляет в свете современных событий, начиная с 2014 года.

Луганск—город сравнительно молодой, он был построен в 1795 году возле Луганского военного завода, первого на юге Российской империи чугунолитейного завода, основанного царицей Екатериной II в ноябре 1795 года. Завод был построен с подачи командующего Черноморским флотом Российской империи вице-адмирала Николая Мордвинова, который настаивал на оснащении российского флота чугунными пушками-карронадами системы шотландского инженера Гаскойна, требующими качественного чугуна. Вскоре Луганский завод стал основным поставщиком снарядов для Черноморского флота России: бомб, гранат и ядер. Таким образом, при своём появлении город Луганск связан с войной и с морем.

Уже в двадцатом веке Луганск был местом активных военных действий в Первую мировую войну, в период Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны, когда город несколько месяцев находился под немецкой оккупацией и был освобождён в феврале 1943 года. Эти два столетия истории Луганска символически выражаются в образе военного города.

Документированной истории последних двух веков предшествует история Дикого Поля, как называли в течение столетий земли Донбасса до создания на этих землях промышленности. Дикое Поле находилось на границе России и степного мира, оседлой и кочевой жизни. Русские поселенцы, которые приходили на эти земли, должны были одновременно возделывать степную почву, неплодородную в отсутствии воды, и защищаться от набегов татар и турков, которые разрушали всё построенное и уводили жителей в плен. Центральный образ, символизирующий этот период луганской истории в поэме,—бескрайняя степь.

От доисторических времён в луганских степях остались так называемые скифские бабы, которые

являются памятниками материальной культуры тех бесписьменных кочевых степных народов, половцев и скифов, которые жили в будущих луганских степях. В геологической же древности Донецкий бассейн представлял собой дно моря Тетис. Этот этап древней истории Луганщины приводит к центральному образу моря, который в поэтике Елены Заславской связан также со скифами.

Основные мотивы истории Луганщины соединились в поэме, формируя главный её топос — море. Луганск в поэме выступает как военный город в степи и в то же время как город, затопленный водой, город на дне моря.

Война жителей Донбасса против украинских военных сил занимает центральное место в поэме. Тема войны реализована с помощью ряда образов, в которых архаическое фольклорное значение модифицируется реалиями современной войны:

Над головой,
Будто чёрные вороны,
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?
— Разве не видите?
Образы гибели!

…Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или дрона.

Значительное место в поэме занимают образы степи и моря, которые выступают как синонимы, проясняющие и усиливающие значение друг друга: Великое Море, Дикое Поле, Великая Степь. Ковыльные волны степи бегут как пенные волны великого моря. Ополченец в поэме выражает это следующим образом:

Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине Дикого Моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.

Прошлое и настоящее военного города синтезируется также в образах кургана и скифской бабы. Согласно местному преданию, курганы в луганской степи представляют собой могильники, в которых скифы хоронили своих покойников. Курган в поэме выступает как подводная лодка, лежащая на дне моря. Каменная скифская баба представляет собой памятник неведомой культуры, от которой не осталось слов, только каменные изображения в степи. Среди каменных баб луганской степи известна одна, которая держит ребёнка. Эта фигура, найденная в 1971 году возле посёлка Чернухино, получила название Чернухинской мадонны. В поэме образ каменной богородицы и подводной лодки кургана соединяют прошлое и настоящее, дно древнего моря и современное степное пространство военного времени:

— Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
— Нет. Она наблюдает за нами!

Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нём ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана —
Субмарина, полная мертвецов.

И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая,
Выбирает себе жрецов.

Такими жрецами современной войны показаны в поэме ополченцы:

Я вглядываюсь в линию горизонта.
Рядом со мною жрец, позывной — Скиф.

Позывной ополченца пришёл из древней истории, но функционирует в настоящее время, соединяя актуальные для современных луганчан смыслы: скиф — житель местной степи-моря, автохтонный обитатель этого пространства, образованного соединением двух миров, защищающий его от вторжения с неба и суши.

Таким образом, море в поэме предстаёт как стихия, соединяющая разные пространства. Это в первую очередь пространство живых и территория мёртвых, однако роль моря в поэме к этому не сводится. Море соединяет также прошлое и будущее, выступая как память, содержащая в себе в латентном виде все смыслы русской культуры, оживающие в обстановке предельного экзистенциального выбора, который каждый человек и народ как таковой осуществляет во время исторического перелома, военных событий, погружающих степи в мир смерти. Кроме того, море в поэме выступает как стихия, связывающая влюблённых — Немо и Русалку. Хотя море в своей ипостаси мира смерти их разделяет, в то же время преодоление смерти как морского простора должно привести влюблённых друг к другу:

Я приду за тобой даже в чёртов затерянный город.
И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми лепрозорий.
Знаешь, боль проступает на теле узором.
И любовь проступает на теле узором.
Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка среди ночи.
В многолюдном движении и в тишине одиночеств.
Я направлю к тебе свой корабль блуждающий, пьяный, разбитый,
Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звёздам сверяя свой курс в океане событий…

Как стихия, соединяющая миры, море выступает ещё в одной ипостаси — как море слов, море русского языка. Эта концептуализация моря начинает раскрываться с первых строк поэмы, где появляется рапсод Марсий, который должен рассказать историю героини, а наиболее полно раскрывается в теме имени. В древнегреческой мифологии Марсий — соперник бога Аполлона. Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит — с Марсия содрали кожу. Аполлон, как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё — кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму.

К образу Марсия Елена Заславская обращалась в стихотворении «Марсий, вызови Феба» (2016). В этом стихотворении Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир. Рапсод Марсий снова появляется в поэме «Nemo» с той же миссией выражения в поэтическом слове реалий военного времени, которую можно понимать как преодоление моря слов. Здесь море выступает как связывающая стихия, соединяющая разные сферы человеческого бытия — войну и поэзию. Образ языка как моря слов раскрывается в теме имени. Несуществующее имя главного героя — Немо, Никто — вынесено в заголовок поэмы. Имя русалки — Елена — последнее слово поэмы. Эти два локуса поэтического пространства задают рамки структурирования образного наполнения поэмы. Именно между этими двумя полюсами разворачивается всё действие поэмы, включая уровень метафор:

Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут —
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал — ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.

Море в русской архаической культуре не так часто выступает как символ любви, но в то же время вода в традиционной русской и, шире, славянской культуре — непременный элемент свадебного обряда: умывание водой — символ бракосочетания у западных подолян; посещение молодой водного источника на следующий день после свадьбы — важнейший этап инициационного испытания, пройдя которое, молодая женщина принимается в семью мужа. Вода как стихия, порождающая жизнь, воплощается в женских образах и имеет непосредственное отношение к сфере брака и любви.

В поэме влюблённые так и не встретились, стихия моря как стихия войны и смерти их разъединяет. В то же время сама поэма выступает как путь в море слов, который ведёт к встрече. Имя как самое важное слово языка — залог этой встречи и преодоления пространства смерти:

В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов —
Вот звука пузырёк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя — тайну…

Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн…

…Елена…

Итак, море слов, объединяющее влюблённых, а также мир войны и море поэзии — ещё одна концептуализация мифологемы моря в поэме. Море интегрирует несколько образов: море как смерть, море как историческая память, море как море любви и море как море слов.

На основе архаичной мифологемы моря как пространства смерти, потустороннего мира мёртвых Елена Заславская создаёт сложную структуру, включающую и современные компоненты, отражающие реалии идущей в Донбассе войны. Военные действия Украины против Донбасса, переживание этих событий местными жителями актуализируют древнее значение моря как моря смерти.

В то же время море выступает как пространство перехода между миром прошлого и настоящего, как место встречи живых и мёртвых и таким

образом концептуализируется как море памяти, объединяющее разные этапы истории Луганского края. Море в поэме выступает также как пространство перехода, одновременно соединяющее и разъединяющее двух влюблённых посредством слова. В этом аспекте доминирует соединяющая функция моря: море воплощается в образе моря любви и моря слова, моря русской поэзии, которая связывает не только отдельных людей, но и разные сферы бытия — мир и войну, поэзию и битву, прошлое и будущее.

Таким образом, в поэме «Nemo» современной луганской поэтессы Елены Заславской воплощены разновременные смыслы русской культуры. В произведении создана мифологема смерти как моря, и в то же время архаичная семантика моря как перехода между разными мирами позволяет интегрировать в этом образе ряд смыслов, важных для человека русской культуры в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного войной: тему исторической памяти, любви, роли русской поэзии в связывании времён и сохранении русской культуры.

Д*и*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Поэзия — вот мой бомонд

Когда назвался москвичом

Легли на площадь соляные простыни,
Пришла пора назваться москвичом
У кабака, где вечно девяностые —
Пока твой механизм не отключён.
Амирам Григоров

Пока мой механизм, упорно тикая,
Мне сообщал, в столице что почём,
Меня вдруг осенила ясность тихая,
Тогда я и назвался москвичом.
Люблю Москву!
Как много в этом звуке!
Люблю высотки и Москву-реку!
Когда же сочиняю вдруг от скуки,
То в каждой строчке — только о Баку…

Четверостопное

Писал четверостопным ямбом.
Эпически ходил по бабам.
Страдал, старел, ершился, пил.
Артём Скворцов

«Я знал, что жребий мой измерен,
Страдал, старел, как старый мерин,
Ершился, возмущался, пил,
Гулять в сад Летний не ходил.
Оборотясь к родным баранам
И к их литературным ранам,
Воспел четверостопный ямб —
Который шёл на дифирамб,
Эпически лаская баб:
Поэт по этой части слаб», —
Так думал молодой повеса
Об этой части политеса.

А если будущего нет

что будет если будущего нет
что было если прошлое изъято
Анна Павловская

как жить мне если будущего нет
так нету запятых в моих твореньях
не для меня за окнами рассвет
мне не узнать о чьих-то откровеньях
что с будущим
не побывать мне в нём
и прошлое теперь изъято тоже
то я стараюсь жить вчерашним днём —
тогда намного выгляжу моложе.

Джеймсбондное

Я был оторван от сохи,
от родины, от бедной мамы,
я публикую не стихи,
я публикую шифрограммы.
Александр Кабанов

Я был оторван от всего —
от мамы, родины и миски,
грудного молока не пил,
горилку только лишь да виски.
В разведке трудно одному,
работал как агент, поверьте,
зовусь Кабанов — потому
я был рождён в Кабано-Верде.
Поэзия — вот мой бомонд,
хоть затыкают уши дамы,
но знаю — не любой Джеймс Бонд
мои осилит шифрограммы…

Алексей Зайцев

Философские миниатюры

Не поднимая глаз

Ты, как обычно, вышел из дому в шесть двадцать, чтобы успеть на работу к семи. Странное дело, но сосед, с которым ты ехал в лифте, не поднял на тебя взгляда. Он смотрел на ботинки и как-то сконфуженно улыбался.

— Доброе утро! — сказал ты, пытаясь обратить на себя внимание.

— Доброе, — чуть слышно проговорил он.

Как только двери лифта открылись, сосед пулей выскочил наружу и поспешил скрыться.

«Что это с ним сегодня? — подумал ты. — Вроде всегда был очень приветлив».

Выйдя из подъезда, ты накинул на голову капюшон, чтобы укрыться от дождя.

Спустя минуту ты наткнулся на старого приятеля. Он было улыбнулся, но тут же опустил взгляд и, не поднимая глаз, прошёл мимо.

— Эй, Иван, разве ты не узнаёшь меня? — крикнул ты.

Но он лишь ускорил шаг.

Минут через пять ты встретил коллегу по работе. Догнав её, постучал пальцем ей по плечу, как делал всегда. Алла, а именно так её звали, оглянулась, озадачив тебя окончательно. Пока она оборачивалась, ты ясно видел улыбку, но когда она обернулась, улыбка тут же исчезла.

— Ты что, не хочешь смотреть на меня? — рассердился ты.

— Да нет, почему? — сказала она, не поднимая взгляд.

— Тогда посмотри мне в лицо!

— Это ещё зачем?

— Просто потому, что я так хочу, — сказал ты.

— Ну, ты хочешь, а я нет, — сказала она и, повернувшись, торопливо пошла куда-то вправо.

— Работа в другой стороне! — закричал ты.

— Я туда сегодня не пойду! — выкрикнула Алла и бросилась наутёк.

Тебе стало неприятно. Создавалось ощущение, что с тобой что-то не так. Может, на лице осталась пена для бритья? Или синяки под глазами? Порезался бритвой, и на щеке краснеет рубец? Вряд ли. Чтобы вызвать такую реакцию, этого мало.

Ты двинулся дальше. Проходящие люди не поднимали глаз. И знакомые, и первые встречные.

Наконец ты добрался до офиса. Секретарша, бухгалтер, юрист — все обходили тебя стороной.

Ты вошёл в кабинет, открыл шкаф и посмотрелся в зеркало. В тот же миг тебе стало ясно, почему они отводили глаза.

Книжные черви

Я всерьёз натерпелся от книжных червей. Всего за месяц от моей библиотеки почти ничего не осталось. Черви не трогали обложки книг, не трогали страницы, но поедали все буквы.

В итоге из обладателя огромной библиотеки я превратился в обладателя огромной свалки пустых, как сознание буддиста, книг.

Черви ели всё без разбору: романы Достоевского, пьесы Чехова, стихи Лермонтова. Они ели и ели, ели и ели, не гнушаясь даже такой сомнительной литературой, как «Американская мечта» Нормана Мейлера.

С каждой секундой книг у меня оставалось всё меньше.

Но что делать? Купить аэрозоль от книжных червей? Отравить книги?

Всё это казалось бредом. И я уже почти смирился с поражением, как вдруг черви перестали грызть книги. И вроде бы даже затихли.

Не было слышно звуков поедания букв и ныряния в книжные страницы.

Однако едва я успокоился, как вдруг услышал странное монотонное пение.

Несколько минут я не мог понять, откуда оно доносится. Затем подошёл к уцелевшей части библиотеки и сразу всё понял.

Пение шло из книги Карлоса Кастанеды «Сказки о силе». Я осторожно подошёл к ней ближе, открыл и увидел между страницами книжных червей. Все они сидели в позе лотоса и напевали шаманские мантры.

— Что… что вы делаете? — заикаясь, спросил я.

— Следуем Пути Воина, — ответил червь с белоснежной бородой.

— Да здравствует дон Хуан! — заорали все остальные.

Я поспешил закрыть книгу и удалиться.

С тех пор книжные черви живут в книге Кастанеды и следуют Пути Воина, а я радостно наслаждаюсь уцелевшей частью библиотеки.

Бесконечный роман

Когда Великий Черепах начал писать Бесконечный роман, ему было всего семнадцать. Он помышлял о славе и считал, что литературный труд намного проще любого другого.

К тому времени Великий Черепах прочёл почти все великие произведения мировой литературы и желал создать нечто подобное.

Засев за Бесконечный роман, Великий Черепах думал о больших гонорарах и роскошной жизни, которую книга подарит ему, когда будет завершена.

Однако судьба готовила Великого Черепаха к совсем иному пути.

Бесконечный роман, представлявший собой к тому времени всего одну исписанную страницу, неожиданно начал диктовать Великому Черепаху собственные правила. Так, например, первая фраза, которой Великий Черепах изначально очень гордился, внезапно показалась ему пустой и банальной. Он захотел заменить её на нечто более яркое, но это было не так просто. Лучшие фразы давно уже расхватали писатели, творившие задолго до рождения Великого Черепаха.

Таким образом, на изобретение первой фразы у Великого Черепаха ушёл год.

Достигнув девятнадцатилетия, Великий Черепах хотел перейти ко второй странице, но вдруг понял, что поторопился. Весь текст, за исключением зачина, показался ему бездарным.

Целыми днями, не покладая лап, он трудился над редактурой первой страницы, подбирая необходимый ритм, оригинальные метафоры, добиваясь красивого звучания фраз. Ему уже некогда было ходить на свидания и зарабатывать деньги, некогда было посещать концерты и перечитывать любимые книги. Великий Черепах избрал себе иное предназначение.

В двадцать лет Великий Черепах перешёл ко второй странице. Он уже не помышлял о скорой славе и лёгком заработке, а просто трудился в поте морды своей над истинным произведением искусства. Утром Великий Черепах писал, днём—уничтожал и заново переделывал написанное, вечером—изучал энциклопедии, чтобы изображённый мир выглядел достоверно, а ночами Великого Черепаха можно было видеть блуждающим по берегу моря. Он ходил словно пьяный, одержимо бормоча различные варианты слов, стараясь выбрать самое точное.

К двадцати трём Великий Черепах занялся разработкой сюжета. Все, кто знал его лично, в тот период старались не попадаться ему на глаза. Придумать хороший сюжет не получалось, и Великий Черепах впадал в ярость. Стоило только его отвлечь, как он начинал кричать и размахивать кулаками.

К тридцати Великий Черепах решил сделаться отшельником. Поселившись в пещере, он раздумывал над композицией Бесконечного романа и допускал к себе только лягушонка, приносившего ему пищу.

В сорок Великий Черепах вылез из пещеры, и все увидели, каким бледным и худым он стал за прошедшие десять лет. Глаза Великого Черепаха, красные и опухшие от напряжения, буквально выкатывались из орбит. Однако сам он был очень доволен: в лапах виднелось уже пятнадцать страниц Бесконечного романа.

К пятидесяти у Великого Черепаха началась депрессия: всё, что было написано, стало казаться ему пустым и никчёмным.

В шестьдесят Великий Черепах победил депрессию, переписав Бесконечный роман заново.

И вот к трёмстам годам Бесконечный роман был окончен. Великий Черепах сообщил прессе, что планирует представить его на суд общественности. Для презентации были выбраны Изумрудные Джунгли. В назначенное время там собрались все жители побережья, от высоколобых китов до легкомысленных морских звёздочек. Все жаждали услышать, как Великий Черепах будет читать Бесконечный роман.

Взобравшись на пень, уже седой и старый, едва стоявший на ногах, Великий Черепах прочёл первую фразу Бесконечного романа. Прочёл и заплакал. Фраза, от которой все пришли в восхищение, показалась ему недостаточно красивой.

В ярости Великий Черепах разорвал Бесконечный роман и, огорошив мировые издательства, удалился в пещеру опять его переделывать.

Андрей Евсеенко

Боязнь высоты

Алёшенька

Стук в дверь в двенадцать часов ночи не предвещал ничего хорошего. Открывать не хотелось. Но дальше делать вид, что он спит и ничего не слышит, Вершинин не мог — сбегутся соседи. Пришлось, громко и недовольно вздыхая, идти навстречу незваному гостю.

Через открытую дверь в квартиру, подобно тропическому шторму, ворвалось нечто несусветное, метущееся и, вполне вероятно, опасное. С первого же взгляда Вершинин узнал в комке бьющих через край человеческих эмоций прежде тихого и приятного в общении профессора органической химии, весьма известного в узких, но высокооплачиваемых кругах. Добиться беседы тет-а-тет с профессором мечтали многие. Но он, как правило, ссылался на чрезмерную занятость и отказывал. А тут пришёл сам! Но Вершинин не чувствовал радости или даже чего-то похожего на триумф: его пугали энергия, с которой профессор тряс его за отвороты халата, бешено вращающиеся глаза и крики на весь подъезд:

— Где?!! Где ты взял эти фотографии?!!

Баба Вера гуляла в лесу. Впрочем, прогулкой этот ежедневный поход можно было назвать весьма условно. С тех пор как она ушла от людей в тайгу, забота о хлебе насущном стала для неё тяжёлым и опасным промыслом. Картошка и свёкла расти на болотистой почве никак не хотели. Из хозяйства — только коза. Но одним молоком сыт не будешь. Вот и ходила она всё лето за грибами да ягодами. Когда находила побольше — сушила на зиму. Но часто возвращалась ни с чем: то ли искала плохо, то ли Бог её за что-то наказывал. Впрочем, сама баба Вера знала за что. Поэтому не роптала никогда. Принимала как должное. Всё. Даже волков, иногда выходящих из леса прямо к порогу её избушки.

В этот день баба Вера опять возвращалась домой с полупустой корзиной: три свинуха да пяток сыроежек — небогатый улов. Вдруг она услышала странный шум — то ли свист, то ли стон. Совсем рядом. Шагах в двадцати от неё. Вот опять… Жалобно так! Сквозь густой подлесок ничего не было видно. Пойти посмотреть? Боязно… Но любопытство пересилило страх, и она шагнула в сторону звука…

Маленький человечек сидел на земле, сжимая руками рваную рану на ноге. Он вздрагивал всем телом, то ли от холода, то ли от ужаса. И вместе с этим каждый раз вздрагивала под его полупрозрачной кожей синяя венка, выталкивая наружу вместе с кровью силы, жизнь и надежду. Животное, ранившее его, отчего-то не нападало. Кружило неподалёку, принюхивалось и ждало неминуемого финала…

Сквозь пелену забвения человечек услышал крик, потом — звук, похожий на удар, потом — снова крик. Почувствовал, как кто-то бережно поднимает его с земли и куда-то несёт…

Баба Вера успела вовремя: волчица, помнившая не столько её, сколько её палку, отступила в тайгу. Перевязав рану на маленькой ножке платком, баба Вера что есть силы побежала домой, прижимая к груди самое дорогое, что у неё теперь было, — сыночка Алёшеньку.

Дома, едва промыв рану целебными настоями, припала к образу. И долго-долго молилась. Поверила, что Бог наконец простил её грех, послав второго ребёночка. В дар и в испытание.

Алёшенька был при смерти две недели. Но неустанными заботами и молитвой баба Вера выходила его. Вернула для себя и для жизни. Ещё через неделю Алёшенька встал. Потом смог ходить. А вскоре уже играл углём из печи, рисуя им на стенах избушки причудливые узоры. Научился петь песни… Это его занятие понравилось бабе Вере больше других. Она и сама в молодости была знатной певуньей. А теперь стала и песни-то забывать. Но с Алёшенькой — словно молодость вспомнила: посадит его на колени, погладит по мягким, словно пух, волосикам… И слушает, слушает, как он, бедняжечка, поёт своим тоненьким голоском что-то печальное. Жаль, непонятно совсем, какие слова. А так подпеть хочется!

Прошло пять лет. Алёшенька так и не вырос. Даже наоборот, казалось, он стал ещё меньше. А баба Вера постарела и сильно сдала. Жила только мыслью о сыне. О том, что пропадёт без неё, горемычный, сгинет совсем… Но однажды и это не помогло… Легла на лавку и уже не вставала.

Ещё неделю душа бабы Веры стояла у выхода из бренного тела. Топталась, переминаясь с ноги

на ногу. Но всё никак не уходила. Не пускали мысли о несчастном Алёшеньке. Как будет он здесь один, голодный, в нетопленой и грязной избе?

Когда, как это обычно бывает, силы ненадолго вернулись к ней, баба Вера встала, затопила печь, поставила в неё чугунок с нечищеной картошкой, смахнула со стены мокрой тряпкой часть узоров, нарисованных Алёшенькой, и тихо отошла в мир иной.

Алёшеньке не хватило сил вынести бабу Веру во двор. Пришлось хоронить её, присыпав землёй, прямо в избушке.

Алёшенька стоял над свежим холмиком и не мог понять своих чувств. Ему казалось, что он больше всего на свете ждал этого момента. Ждал с того самого дня, когда наконец понял, что сколько бы тайн Вселенной он ни раскрыл этой женщине, ей никогда не понять ни его рисунков, ни его языка. И она никогда не выпустит его из своей избушки, сколько бы он ни просил. Но теперь, вместо радости от наконец-то обретённой свободы, он испытывал жуткую тоску и что-то ещё, что люди назвали бы горем. Ему казалось, что от него отрезали половину, возможно—лучшую половину. И зарыли её навсегда в этой груде земли и камней. Алёшеньке захотелось плакать. Навзрыд, со слезами—как баба Вера. Но ни он, ни кто-либо другой из его расы так не могли: не было ни мимических мышц, ни слёзных желёз. Поэтому всё, что он мог,—это только завыть своим тонким полусвистом…

Вершинин с подоспевшим соседом с трудом скрутили обезумевшего профессора. Потом—влили в него сто грамм коньяка. Подождали… Хотели повторить процедуру лечения, но пациент отказался, сославшись на больную печень и на то, что он «больше не будет». Вершинин поверил и попросил соседа оставить их наедине.

—Итак, профессор, чем же вас так заинтересовали мои фотографии? Да, и какие именно? У меня их много.

—Те, что вы привезли из своей последней экспедиции.

—А, картинки из избушки?

—Картинки?! Вы что, так и не поняли, что́ на них?

—Никто не понял. Какие-то примитивные значки. То ли иероглифы, то ли клинопись…

—Клинопись, иероглифы, значки…—передразнил профессор.—Сразу видно, что у геологов нормальных криптографов в штате не бывает! Это же—простейшая шифрограмма, написанная в восьмеричном коде! И привязка—ключик от шифра есть: через известную всем во Вселенной модель атома водорода и такую же знаменитую теорему Пифагора. Надеюсь, вы что-нибудь слышали о них?

—Надеюсь, это риторический вопрос? Так что же там написано, профессор?

—Там каждый находит что-то своё: физики—общую теорию поля; генетики—полную расшифровку ДНК; я лично—формулу панацеи… Но у всех у нас одна и та же проблема—это только половина закодированного текста. Скажите же, ради Бога, где вторая половина?!!

Ненастье, длившееся три дня, постепенно затихало. Ярость ушла. Сквозь разорванные облака уже пробивались первые солнечные лучи… Даже у сибирской природы силы были не безграничны. Теперь их хватало лишь на тихое завывание ветра и тончайшую пелену снежной взвеси, повисшую в воздухе. Эта пелена, опускаясь, превращалась в чудесную шаль. И ласково кутала всё то, до чего могла дотянуться: могучие кроны, подлесок и маленькую, вросшую в землю избушку, разрубленную на части столетней упавшей сосной.

Анабиоз

Николай Петрович открыл дверь подъезда и замер в нерешительности. Холодный воздух, обдавая сыростью поздней осени, толкал обратно в надёжный уют тесной квартиры. Шаг назад. Молодец! Ещё… Нет, голод всё же сильнее. Немного сутулясь, он вышел на улицу. Хлопок двери оборвал китайские мелодии домофона, и Николая Петровича окружила тишина. Так уже лучше. К ней он привык.

«Кар-р-р-р!» Устало-бесцветный взгляд встрепенулся, скользнул вокруг и остановился, зацепившись за верхушку дрожащей осины. Так и есть, опять он! Принесла же нелёгкая! Ну что ты каркаешь? Что тебе надо?! Николай Петрович хотел бросить камень, но передумал, отвернулся и вдруг побежал, смешно подворачивая левую ногу.

Магазин. Очередь. Опять! Вечно злая продавщица привычно хамила, бросая на прилавок ломтик дешёвой колбасы. Он неумело огрызался, вызывая у покупателей приступы агрессивно-брезгливого сострадания. День продолжался.

Последняя ступенька оказалась слишком скользкой для стёртой подошвы. Он лежал и плакал. То ли от боли, то ли от обиды. Никто не подходил. Жизнь проплывала мимо, унося в своих водах случайных прохожих, а он, как всегда, был далеко от её берега. Глупо ждать помощи… Никто не придёт. Никогда не приходит…

Он встал сам. Мокрый, грязный, в порванном плаще… Конечно, сам. Разве могло быть по-другому?

То, что ему всегда не везёт, Николай Петрович решил много лет назад. Нет, не то чтобы сходили с рельс поезда, цунами смывали всё на своём пути или падал метеорит. Его несчастья были намного мельче. Почти незаметные, они отравляли жизнь, сковывая страхом неудачи. Пожаловаться было некому, да и на что? Развязался шнурок, и он упал

на линейке, вызвав смех всего класса? С кем не бывает! Застрял в лифте и безнадёжно опоздал на первое свидание? Подумаешь, трагедия! Но с годами появилась боязнь. Потом—привычка всё перепроверять перед решительным шагом. Кто-то назовёт это паранойей… Но нет, просто с каждым днём шажочки становились всё мельче. И однажды время остановилось. Не исчезло, так не бывает. Но оно коварно спряталось за зеркальной гладью холодного стекла. Только там Николай Петрович мог увидеть, как седеют его волосы, ветшает некогда сильное тело, и лицо покрывается морщинками, напоминающими своим узором маскировочную сеть. К счастью, мужчины редко смотрятся в зеркало. Особенно когда им уже некого ждать. А время… Его застывшие осколки так приятно разглядывать в старых фотоальбомах. Вас обнимает тепло уютного кресла, надёжные стены охраняют покой, а глаза жадно смотрят на тусклый глянец чёрно-белого прошлого, так похожего на вашу жизнь.

Только не надо замечать, что с годами фотографии становятся всё однообразнее. Но нет, отличия есть. С каждой страницей пустых мест за столом становится больше. Сжимается кокон. Уходят друзья. Иногда они возвращаются, сами не зная зачем, но ненадолго… И однажды вы понимаете, что навсегда бывает только одиночество. В этом нет вашей вины. Просто не везёт.

Он завернул за угол и облегчённо вздохнул: ворон улетел. Николай Петрович улыбнулся: несчастий больше не будет. Он легко добежал до подъезда, открыл дверь… и тут ему на миг показалось, что у него всё ещё впереди. Где-то в неясной дымке мелькнула дорожка к сияющему счастью. И он, впервые не испугавшись, пошёл по ней, шагая через две ступеньки.

Боязнь высоты

Эр-2 проснулся, как всегда, очень рано. До начала работы оставалась ещё пара часов, но он не мог отказать себе в удовольствии встретить первые лучи умывшегося в море солнца. Каждое утро Эр-2 терпеливо ждал, когда на воде протянется от горизонта до его парка дорожка сверкающего золота. Тогда он находил плоский камушек и, примерившись, кидал его, стараясь, чтобы тот прыгал по волнам как можно дальше. Раньше дети со всего пляжа приходили посмотреть на искусство дядюшки Эра. Но теперь, наверное, им это надоело. Уже давно у старого андроида не было ни одного зрителя.

Роботы 208-й серии были универсалами. Они успешно работали на заводах, заменяли людей в шахтах, водили поезда. Некоторые даже снимались в кино и играли в театре. Сильное гибкое тело и тончайшая квазинейронная психика Эров ставили их создателей на пьедестал творца. Но даже скала уступает ветру времени. И поднимающийся по длинной лестнице старик своей тяжёлой, шаркающей походкой совсем не походил на совершенство. Скрипели изношенные суставы, хрипели сервоприводы, ноги неуверенно ступали на пыльные ступеньки. Но Эр-2 очень любил детей, и, значит, он обязательно должен дойти до парка. До открытия остался час, и надо успеть проверить и включить все аттракционы.

Помощников у андроида не было. Но он вполне мог и сам справиться с работой. Вначале он подошёл к автомобильчикам. Проверка двигателей и электроники заняла всего несколько минут: всё в порядке. В глазах старика вспыхнула озорная искорка. Перепрыгнув через низкое ограждение, он подбежал к машинке. Та, узнав его, галантно распахнула свою дверцу. Обиженно загудели клаксоны других автомобильчиков—сегодня была не их очередь. Эр-2 опустился на мягкое сиденье и с восторгом мальчишки, впервые севшего за руль, нажал на педаль. Довольная машинка закружилась в вальсе под тихую музыку шуршащих по стальному паркету колёс.

Помолодевший робот бегал от одного аттракциона к другому. Вся его жизнь прошла рядом с ними, и Эр-2 не мог себе представить лучшей судьбы. Дарить детям радость—что может быть прекрасней?!

Каждый шаг по дорожкам парка зажигал в его электронном мозгу картинки воспоминаний. Вот здесь он успокоил плачущего малыша, накормив его сладкой ватой. Тут—покатал на пони весёлую, рыженькую, как солнышко, девчонку. В этом тире так подкрутил проволочки, что любой попадал в цель, и хозяину пришлось срочно привозить целый грузовик призовых игрушек для детей.

Внезапно Эр-2 остановился. В его голове холодом прокатило эхо тщательно стёртого воспоминания. Страх сковал его тело, хотелось бежать отсюда к тиру, качелям, автомобильчикам. Куда угодно, только бы не подходить к последнему аттракциону парка. Робот с трудом поднял голову и немигающим, полным ужаса взглядом посмотрел на давно не крашенное колесо обозрения. На покосившемся от времени ободе скрипели, покачиваемые упрямым ветром, кабинки. Свисали не выдержавшие своего веса ржавые канаты, искрили оборванные давним ураганом провода. Эр-2 облегчённо вздохнул: аттракцион починить не удастся. Напевая весёлую песенку, андроид пошёл обратно. Стёртый им когда-то блок памяти отключил сигнал тревоги. Он ждал детей, и теперь только они занимали все его мысли.

Пятьдесят лет прошло с тех пор, когда дядюшка Эр последний раз поднимался наверх в смотровой кабинке. Тогда он ещё не боялся высоты. В тот день

робот, увидев город, понял, что дети больше никогда не придут к нему. Но безжалостное излучение нейтронной бомбы, убившее людей, не хотело замечать робота. Убитый горем, он проклинал своих создателей, подаривших ему такую ненужную теперь жизнь.

Эр-2 не смог отключить себя. Андроиды этой серии были слишком надёжны. Сильнейший электрический разряд лишь слегка повредил его мозг, позволив забыть о невыносимой боли.

Старый робот надувал воздушные шарики, украшая ворота парка. Всё было готово к открытию.

Высший пилотаж

Не знаю, как с вами, а со мной редко случается что-нибудь неожиданное. Мой мир предсказуем, как краплёные карты. Вот сейчас, например, стоило мне подойти к финалу сражения с компьютерным супермонстром, как в дверь кабинета постучали. Вы спросите: а что здесь необычного? Да вот именно, что ничего! За дверью, конечно, моя секретарша. И, как всегда, ей что-то понадобилось, когда я только начал выигрывать! Впрочем, конечно же, это мелочи. Но уж очень мне хочется пройти этот уровень!

Я нажал на паузу, сдвинул брови и изобразил самое неприступное выражение лица, на которое только был способен:

— Войдите!

— Вениамин Павлович, к Вам посетители.

Да, она именно так и сказала: «К Вам»,—с большой буквы. Редким даром искреннего прилюдного уважения Светочка владела в совершенстве. За что её всегда ценило начальство.

— Я занят!

— Но они очень настаивают,—Светочка развела руками, показывая, как сильно́ у посетителей желание встречи.

Одновременно этот жест означал пантомиму: «Всё что могла...»

— Ну хорошо, пусть заходят.

Внешность посетителей вызвала у меня странные ассоциации. Я вспомнил школу и учительницу истории, с увлечением рассказывающую о восстании на броненосце «Потёмкин». Революционных матросов я представлял именно так: в потёртых кожанках и с винтовками за спиной. Воодушевлённые пролетарские лица дополняли картину абсурда. Я огляделся в надежде найти объектив скрытой камеры... Тщетно. Но дрожь в коленях немного утихла, когда я увидел портрет президента, висящий на стене. Уверенная улыбка и магический взгляд сделали своё дело, вернув меня в начало двадцать первого века из эры хаоса и репрессий.

— Чем обязан?

— Вениамин Павлович?! Придётся вам (на этот раз именно с маленькой буквы) пройти с нами!

— Вы кто?! Что вы себе позволяете? Никуда я не пойду...

— Придётся!—они грубо подхватили меня под руки и поволокли к выходу.

Чёрный воронок стоял прямо у входа. В его лакированных боках отражались «Мерседесы» и «Лексусы», но от этого антикварная машина выглядела ещё более угрожающей. На её фоне дорогие иномарки напоминали театральные декорации. А реальностью были открытые двери, в одну из которых в данный момент и заталкивали меня.

Автомобиль вырулил на проезжую часть и покатился по улицам Москвы. Вслед за ним куда-то плавно тронулся и мой рассудок. Оба медленно ускорялись. И я уже не удивился, когда где-то за МКАДом над нами зависла летающая тарелка. Момент телепортации на звездолёт тоже не вызвал изумления. Я был тих и спокоен, как монах буддийского монастыря.

Меня посадили в удобное кресло, вложили в руки набалдашник гибкой палки, торчащей из пола, показали какую-то звезду в иллюминаторе и сказали:

— Вперёд!

Я потянул за рычаг. Тарелка отозвалась послушным кульбитом. В этот момент взрыв гордости разметал последние островки разума. Дальнейшее я помню неточно. В память врезались лишь добрые слова матросов, когда мы падали на Луну. Правда, смысл некоторых из них мне до сих пор неясен. Но это был точно русский язык. Самый сильный язык во Вселенной.

Я очнулся в своём кабинете. Любимый стол, кресло, компьютер и даже монстр—всё было на месте. По сценарию, видимо, я должен был произнести фразу: «Ну и сон же мне приснился!» Но не успел. В дверь постучали...

На этот раз они подготовились лучше: кожанки сменили серые костюмы, воронок уступил своё место «Волге». Правда, угрюмые лица и обречённая одержимость бессмысленной целью остались прежними. Как и летающая тарелка за МКАДом.

Первый урок пилотирования явно пошёл мне на пользу. Нам удалось долететь до пояса астероидов, прежде чем я услышал знакомые словосочетания, глубиной корней уходящие в мою материнскую линию.

Очнувшись в очередной раз, я двумя щелчками мышки добил супермонстра. Вот что значит пилот звездолёта! Когда вошли гости, я улыбнулся им как родным и предложил выпить чая. Они отказались.

— Понимаю. Очень спешите… Но всё же один вопрос, перед тем как мы опять начнём своё путешествие: зачем вам всё это?!

Они уже волокли меня мимо испуганной секретарши, но вдруг, переглянувшись, остановились. Один из них обнял меня, похлопал по плечам и даже пустил скупую мужскую слезу. Видимо, общая беда сближала нас всё теснее.

— Крепись! Мы только в начале пути!

От этого объяснения легче мне не стало. Ноги подкосились и уже не чувствовали, как их тащат по ступенькам мраморной лестницы. Мои похитители, похожие в этот раз на людей в чёрном, снова стали безучастны к моей судьбе. И не проронили ни слова, пока огромный джип мчался на встречу с инопланетным кораблём.

Где-то на двенадцатый раз, когда я освоил технику пилотирования настолько хорошо, что звездолёт смог долететь до Плутона, мне опять удалось разговорить своих товарищей по несчастью. Видимо, в душе у них накопилось немало, и слова сами просились на свободу. Нужен был лёгкий толчок. Так или иначе, но они с готовностью подбежали ко мне и разрешили спрашивать о чём угодно, только бы я не стучал больше кулаком по пульту управления.

— Итак, почему я здесь?

Они начали издалека. Рассказывали о просторах Галактики и радостях межзвёздных полётов… Но после пары хаотичных рывков штурвала разговор стал более конкретным.

— Вы победили в конкурсе!

— В каком ещё конкурсе?!

— В межгалактическом конкурсе на самое идиотское желание.

— Не помню, чтобы я мечтал о похищении инопланетянами…

— Нет, конечно! Но три месяца назад, просматривая трансляцию соревнований по синхронному плаванию, вы сказали буквально следующее: «Вот сейчас бы бросить все дела, отключить мозги и слетать к русалкам! Ух, я бы поиграл с ними в водное поло на раздевание!» Русалкам из созвездия Водолея очень понравилось ваше желание, и они дружно голосовали всеми плавниками за вашу победу в конкурсе. Так что держите крепче штурвал и отключайте мозги. Поехали!!!

Гипнотическое «мур-р-р…»

Сергей возвращался домой. Позади были трудный, наполненный бессмысленными авралами рабочий день, шумный обманчиво-дружеский вечер и половина пока ещё тёплой, но уже слишком длинной в своей темноте осенней ночи.

В подъезде, как обычно, свет горел лишь на площадке первого этажа. Пробираясь на ощупь по лестнице, Сергей вспугнул какую-то парочку. Они вспорхнули, словно невесомые тени, перелетели на пару пролётов и незримо затихли, окончательно растворившись в темноте очередного угла.

«Пугливые, молодые ещё…» — с завистью подумал Сергей. Сам-то он уже не мог вспомнить, когда в последний раз целовался в подъезде.

«Мяу!..»

От неожиданности Сергей вздрогнул. Потом, громко выругавшись, чтобы скрыть постыдное эхо испуга, наклонился к лежащему у его порога маленькому пушистому комочку.

Уже на кухне, дожидаясь, пока этот медлительно-непонятливый человек нальёт молока, комочек, грациозно потянувшись, начал первую фазу своего волшебного превращения. К тому моменту, когда Сергей всё-таки нашёл блюдце, достал из холодильника пакет молока, налил одно в другое и наконец обернулся, перед ним сидела совсем юная, но уже явно знающая цену себе и своей красоте чёрная кошка. Искрящаяся шерсть, голубые глаза и выточенная по идеальным лекалам фигура — наверное, так должны были выглядеть божественные кошки Египта.

Сергей едва не выронил блюдце. С открытым от изумления ртом он, словно соляной столб, застыл около холодильника. Кошка, очевидно довольная произведённым эффектом, подошла к нему и, ласково потеревшись о его штанину, промурлыкала: «Мур-р-р…»

Изменения в жизни человека редко происходят мгновенно. Обычно они собираются, подобно песчинкам, в неизвестном и тайном для человека месте, чтобы потом вдруг совершено неожиданно обрушиться на него, словно лавина. Так было и с жизнью Сергея. Он долго не замечал, как она разделяется, рвётся неровным зигзагом на две половины. В одной оставались работа, друзья и даже любимая девушка. В другой — дом и кошка. Половинки отдалялись друг от друга, как дрейфующие по воле течений острова в Саргассовом море. А Сергей никак не мог выбрать, на какой из них хочет остаться.

За него выбор сделала кошка. Однажды она заболела. Так сильно и так надолго, что о Сергее, по зову сердца превратившегося в заботливую сиделку, постепенно стали забывать все, кто знал его раньше. Дольше всех о нём помнила девушка. Она даже пыталась бороться… Но ушла и она, навсегда скрывшись за пеленой плачущего о чём-то дождя.

Кошка пошла на поправку. Вскоре она окончательно выздоровела, стала ещё прекраснее и ещё сильнее полюбила Сергея.

Теперь они стали почти неразлучны. Лишь иногда, когда в холодильнике совсем кончалась еда, Сергей выходил из квартиры. Спрятав отвыкшие от яркого света глаза за тёмными стёклами очков,

укрывшись от ветра длинным плащом с капюшоном, он бежал в магазин. Из окна за каждым его движением ревниво, но с горделивым достоинством наблюдала кошка.

Однажды, где-то среди зимы, Сергею приснилась потрясающей красоты девушка. С длинными, гладкими, искряще-чёрными волосами. Она то прижималась к нему своим тёплым и тонким станом, выгибаясь, тянулась куда-то ввысь, маня за собой, то, оттолкнув, не давала к себе прикоснуться.

Сон был настолько реален, что Сергей, проснувшийся утром в своей одинокой и холодной постели, ещё долго лежал в ней, крепко сжимая глаза, слушая часто и гулко бьющееся сердце и тихо подвывая ему в унисон.

Его успокоила кошка. На мягких лапах она вошла в спальню. По-хозяйски запрыгнула в постель. И, свернувшись клубочком на его груди, запела свою любимую песню: «Мур-р-р…»

В начале весны кошка родила четырёх прелестных котят. Сергей позвал ветеринара, чтобы тот осмотрел их. Но кошке это явно не понравилось: Сергей с трудом удерживал её шипящее, извивающееся и оскалившееся тело, пока ветеринар выполнял свои процедуры. Успокоилась кошка, лишь когда он ушёл. Но всё же она утащила котят за угол дивана и Сергея больше к ним не подпускала.

Прошёл месяц. Сердце Сергея разрывалось от ревности. Кошка тоже явно страдала, но выбрать между своими детьми и хозяином никак не могла. Но однажды ночью она всё же пришла и бросилась к нему в ноги. Выбор был сделан.

Кошка больше не подходила к котятам. Сергей, выждав несколько дней и убедившись, что она не против, дал объявление о продаже котят. Кстати, они все оказались кошками.

Прошло несколько лет. Соседи, всё реже встречавшие бредущего к магазину Сергея, с трудом узнавали его: он сильно сдал, сгорбился, похудел, словно высох. Но даже те, кто узнал его, торопились пройти мимо. Всем своим существом они чувствовали обжигающий ревностью взгляд из окна.

Ещё через год Сергея похоронили. В дешёвом, не обитом ничем деревянном гробу, на самой далёкой окраине кладбища. В бесконечность он уходил без церемоний и без слёз. Бесплатно. За счёт государства.

На девятую ночь к нему пришла кошка. Села на холмик… Вытянулась…Свернулась калачиком в последний раз у него на груди…

Под утро кошка ушла. Красивая, молодая и гордая. У её ног лежал целый мир. И она пока не решила, кому следующему скажет своё гипнотическое «мур-р-р…»

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Таисия Лигаёва (7 лет)

Дороже всего

Что для меня дороже на свете?
Наверное, то, что звезда моя светит,
И то, что в России свободно живу
И мамочку с папой за руку держу.
Просторный наш дом, что стоит у дороги,
Сирень под окном (её брат посадил),
Скамейка, которую папа с любовью
Для нашей семьи большой смастерил.

Что для меня дороже на свете?
Когда в мирном небе солнышко светит,
Когда ветерок с листвою играет,
Траву на лугах, как ребёнка, качает.
Бывает, и песни свои пропоёт…
И колос пшеничный в ладони возьмёт
И нежно погладит его, и отпустит.
Потом вдруг сорвётся—
Вприсядку припустит.
Станцует, покружится и улетит…
А запах травы дурманит, пьянит.

Что для меня дороже на свете?
Рожок пастушка, что звучит на рассвете.
Песня скворца и родное «ку-ку».
Кукушка, скажи, сколько лет проживу?
Ещё я люблю грозовые раскаты,
А после—по лужам пройтись босиком,
И радуга в небе большая, цветная,
Чтобы запомнить надолго потом.

Что для меня дороже на свете?
Бегущие в школу с ранцами дети.
Рассветы, закаты и хлеб на столе…
Мир на планете,
Покой на земле.

стр. 19
Абдуллина Лира Султановна
1936–1987

Родилась в селе Кушнаренково Башкирской АССР. Окончив среднюю школу, переехала в Уфу, до конца 50-х работала в уфимских газетах. В 1964 году получила диплом об окончании Литературного института имени А. М. Горького и уехала в Норильск, где с 1964 по 1967 год работала редактором на норильской телестудии. В 1967 году приезжает в Железногорск (Красноярск-26) за своим мужем, поэтом Владимиром Нешумовым. В 1986 году по рекомендации Виктора Астафьева вступает в Союз писателей СССР. Умерла в г. Старый Оскол Белгородской области. Стихи публиковались в коллективных сборниках «69 параллель» (Красноярск, 1966) и «День поэзии» (Красноярск, 1967), в альманахе «Поэзия» (Москва, 1984), в журналах и газетах. Является автором пяти поэтических книг.

стр. 11
Антонов Алексей Васильевич
Пермь, 1952 г. р.

Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1977), Высшую партийную школу в Москве (1986), аспирантуру по культурологии при ППИ, докторантуру на кафедре философии ПГУ. Кандидат философских наук. Работал на кафедре философии ПГУ. Живёт в Перми.

стр. 11
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Поэт, эссеист, публицист. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013) и общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия).

стр. 50
Ващаев Олег Александрович
Санкт-Петербург, 1970 г. р.

Родился в Норильске. В 1998 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького (поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна). С 2009 года живёт в Санкт-Петербурге. Публикации: «День и ночь» (Красноярск, №11–12/2005; №6/2012), «Енисей» (Красноярск, №1/2012), «Север» (Петрозаводск, №3–4/2017), «Изящная словесность» (Санкт-Петербург, №3(29)/2016; №4(34)/2017), «Нева» (Санкт-Петербург, №2/2018) и др.

стр. 25
Витальев Борис
(Берус Виталий Владимирович)
Барнаул, 1968 г. р.

Родился в Алма-Атинской области Казахской ССР. С 1985 по 1992 год обучался на историческом факультете Алтайского госуниверситета. Проходил службу в рядах СА в Группе советских войск в Германии с 1986 по 1988 год. В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «История философии» в Санкт-Петербургском государственном университете. С 1995 по 2013 год работал преподавателем в Барнаульском юридическом институте МВД России. Ныне военный пенсионер. Литературно-художественные публикации — в литературном альманахе «Ликбез» (Барнаул), в журнале «Русский пионер», в сборнике «Мои университеты» (М., издательство «Э», 2017) и др.

стр. 59
Герасимов Александр Владимирович
Калининград

Родился в амурском селе Иннокентьевке. На Дальнем Востоке работал учителем, журналистом. С 2011 года живёт в Калининграде. С рассказами публиковался в литературных журналах России, Австралии, Германии, Канады. В декабре 2019 года благотворительной издательской программой литературного журнала «День и ночь» и типографии «Литера-принт» в Красноярске издана

первая книга А. Герасимова — сборник рассказов «Соприкосновение».

стр. 46
Григоров Амирам
Москва, 1969 г. р.

Родился в Баку. В 1986 году окончил школу №1 имени Н. Ахундова. В 1993 году семья переехала в Москву. Выпускник медико-биологического факультета РГМУ имени Пирогова. Преподаёт математику и физику в академии имени Сеченова. Позже поступил в Литературный институт имени А. М. Горького в Москве и прослушал семинар С. Арутюнова по направлению поэзии.

стр. 48
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института-2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

стр. 21
Емельянова (Устинович)
Наталья Андреевна
Железногорск

Выпускница овсянской школы 1970 года. По образованию — учитель химии и биологии. После института попала на работу в село Большая Уря Канского района. Заведовала музеем и картинной галереей, преподавала ИЗО в школе искусств. Сотрудничала в канской районной газете «Заря коммунизма». Два рассказа были напечатаны в канских газетах, ещё один рассказ — в газете «Дзержинец» Дзержинского района. Живёт в Железногорске, преподаёт керамику в Школе искусств, пишет стихи рассказы.

стр. 187
Зайцев Алексей Викторович
Москва, 1982 г. р.

Родился в Краснодаре. Член Союза писателей Москвы и Союза театральных деятелей РФ. Финалист литературной премии «Дебют». Лонг-листер премии Исаака Бабеля, конкурса имени Волошина. Как прозаик публиковался в журналах «Юность», «Новый Берег», «Сибирские огни», «Бельские просторы», «Аврора» и др. Избранные рассказы переведены на болгарский язык (сборники: «ЗлатенКан», «Репликация», «Изборы»). Лауреат международных конкурсов драматургии: «Авторская сцена», «Евразия», «Время драмы». Спектакли по пьесам поставлены в Саратовском театре драмы имени Слонова, Русском драматическом театре Уфы, Центре современной драматургии («Коляда-центр») в Екатеринбурге и др.

стр. 3, 178
Замышляев Владимир Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в Петрозаводске. Детство провёл в Сусанинском районе Костромской области. По окончании средней школы работал на заводе, служил в армии. Окончил Ленинградский институт культуры. По окончании института приехал в Красноярск. Работал директором краевого Дома народного творчества, в краевом управлении культуры, в краевом Совете профсоюзов. В 1978–1983 годах работал директором Красноярского книжного издательства и зам. главного редактора журнала «Енисей». Окончил Академию общественных наук (Москва). Кандидат философских наук. После академии находился на партийной работе, преподавал в Красноярском институте искусств. С 1991 года — в Сибирском аэрокосмическом университете имени М. Ф. Решетнёва. Автор четырёх поэтических сборников, публицистических книг «Философия выбора» и «Енисей — река свободы», соавтор более 20 коллективных сборников, альманахов поэзии и книг публицистики. Печатался в журналах «Енисей», «Звезда», «День и ночь», «Книжное обозрение» и др. Профессор СибГАУ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корреспондент Академии гуманитарных наук (СПб).

стр. 92
Иванов Алексей Алексеевич
Лесосибирск, 1964 г. р.

Родился в селе Кожевниково Томской области. После окончания средней школы поступил на геологоразведочный факультет Томского политехнического института, который окончил с отличием в 1986 году, получив специальность «горный инженер-геофизик». Работал в Северо-Енисейской геофизической экспедиции. В 2013 году вступил в Лесосибирский городской народный литературный клуб «Радуга». Публиковался в альманахах «Перезвон», «Радуга» (Лесосибирск), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск) и др. Автор книг «Свет в моей душе» (2017), «Жили-были…былижилИ» (2018), «Я стихи, как зёрна, сею» (2019).

обл.
Исаенкова Виктория
Красноярск

Член Творческого союза художников России (ТСХР) и Международной федерации художников (IFA)

с 2010 года. Выпускница Красноярского художественного училища имени В. И. Сурикова, Красноярского государственного художественного института, Международной академии изящных искусств (Зальцбург, Австрия). Картины находятся в частных коллекциях России, Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, США, Аргентины, Мексики, Кореи.

стр. 182
Ищенко Нина Сергеевна
Луганск (ЛНР)

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), а также книг «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020).

стр. 103
Кириллова Елена Анатольевна
Санкт-Петербург

Родилась в Ленинграде. Окончила Российский государственный педагогический университет имени Герцена. Кандидат исторических наук. Рассказы печатались в альманахах и журналах «Изящная словесность», «Бийский вестник», «Истоки», «Дон», «Менестрель», в сетевых журналах «Кольцо „А“», «Топос», «Великоросс», «Камертон».

стр. 99
Корнеев Константин
Иркутск

Родился и вырос в городе Иркутске. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Работает в Институте систем энергетики Сибирского отделения Российской академии наук. Публиковался в журнале «Сибирь», альманахе «Иркутское время», альманахе «Вещество» (евразийский журнальный портал «Мегалит») и др. Автор книг стихов «Оборотень» и «Переход на зимнее время».

стр. 142
Курганов Сергей Юрьевич
1954–2021

Родился в Харькове. В 1976 году окончил физико-математический факультет Харьковского государственного педагогического института имени Г. С. Сковороды. Выдающийся педагог-исследователь. Автор книг и научных статей в области педагогики и педагогической психологии, самые известные из которых — «Ребёнок и взрослый в учебном диалоге», «Сохрани мою речь», «Перспектива». С 1987 по 1997 год работал в Красноярской университетской гимназии №1 «Универс» и на психолого-педагогическом факультете Красноярского государственного университета. Этот период жизни и творчества С. Ю. Курганова отражён в художественно-документальной прозе, опубликованной в Красноярске, Москве и Харькове.

стр. 118
Лобанова Елена
Краснодар

Окончила музыкальное училище имени Римского-Корсакова и филологический факультет Кубанского государственного университета. Член Союза российских писателей, прозаик. Работала концертмейстером, учителем русского языка, корректором. Рассказы печатались в журналах «Русская провинция», «Родная Кубань», «Сибирские огни», «Южная звезда», «Новый берег», «Аврора», «Балтика». Сборник рассказов «Соло для колибри» издан на средства гранта президента России (2001). В издательстве АСТ вышли романы «Из жизни читательницы» (2007), «По обе стороны любви» (2008), в издательстве «Написано пером» — роман «Фамильные ценности» (2013), в журнале «Сибирские огни» — главы из романа «Свет в конце июня» (2019).

стр. 101
Лобов Константин Владимирович
Новороссийск, 1966 г. р.

Родился в Пермском крае. Первые стихотворные тексты начал писать в старших классах средней школы. Окончил французское отделение факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета в 1988 году. В 1989–1990 годах — первые публикации в университетской и региональной прессе Тюменской области.

стр. 67
Лузин Олег Алексеевич
Назарово, 1972 г. р.

Родился в городе Джезказган Карагандинской области (Казахстан). Семья переехала жить в Сибирь, в город Назарово Красноярского края. Здесь окончил школу. Учился в Кемерово в институте культуры, получил высшее образование по специальности «Культурно-просветительная работа». Работал в клубе, на телевидении, сейчас работает в системе образования города Назарово. Участник литературного конкурса имени И. Рождественского.

стр. 32
Макурин Денис Владимирович
Холмогоры, 1981 г. р.

Родился в посёлке Каменка Мезенского района. В пятилетнем возрасте переехал с родителями в село Холмогоры Архангельской области. В 1996 году окончил Холмогорскую среднюю школу имени М. В. Ломоносова, в 1999 году — ПУ-47 в посёлке Данилово, в 2008 году — Вологодский строительный техникум. В 1999–2001 годах служил в армии, участвовал во второй Чеченской кампании. После работал мастером, прорабом в промышленно-строительных организациях. В 2015 году, после

тяжёлой аварии, увлёкся литературным творчеством. Пишет рассказы, сказки, повести о детях и для детей, а также произведения и для взрослых читателей. Публиковался в журналах «Юность», «Иван-да-Марья», «Север» и др.

стр. 106 **Морозов Илья Владимирович**
Красноярск, 1991 г. р.

Родился в селе Залипье Красноярского края. Окончил Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (исторический факультет). Победитель литературного конкурса в рамках Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость». Издал сборник рассказов.

стр. 79 **Мочалова Елена Георгиевна**
Сызрань, 1961 г. р.

Родилась в городе Балашове Саратовской области. Журналист, специалист в сфере PR, политолог, кандидат политических наук, доцент. В настоящее время — менеджер по связям с общественностью Центральной городской библиотеки имени Е. И. Аркадьева городского округа Сызрань.

стр. 97 **Музалёв Алексей Аркадиевич**
Рузаевка (Республика Мордовия), 1978 г. р.

Окончил филологический факультет МГУ имени Н. П. Огарёва. Работает как самозанятый в IT-сфере. Ранее публиковался в журналах «Сура» (Пенза), «Южная звезда» (Ставрополь), «ЛитеRRa Nova» (Саранск), в молодёжном журнале «Странник» (Саранск). Автор самиздатовской книги стихов «В стуках сердца».

стр. 127 **Николаенко Никита Альфредович**
Москва, 1960 г. р.

Окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ. Кандидат технических наук. Работал руководителем керамического производства, научным сотрудником, директором охранного предприятия. С 2004 года — на творческой работе. Переводчик с венгерского языка. Публиковался в журналах «Южная звезда», «Сибирские огни», «Нива» (Казахстан), «Истоки», «Наше поколение» (Молдова), «Голос Эпохи», «Северо-Муйские огни», «Великороссъ», «EDITA» (Германия), «Идель», «Парус», «День и ночь», в сборниках «Unzensiert» (Германия), «Остров Андерс» (Нидерланды).

стр. 53 **Орлов Александр Владимирович**
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 6 **Попова Нина Викторовна**
Москва

Кандидат филологических наук, литературовед, поэтесса, публицист и переводчик. Член правления Московской городской организации Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии России, Славянской литературной и художественной академии (Болгария). Лауреат литературно-общественных премий и наград имени С. А. Есенина, М. Ю. Лермонтова, Г. Р. Державина, В. В. Маяковского, «За вклад в просвещение», «За гражданское достоинство» и др. Окончила Московский полиграфический институт имени Ивана Фёдорова, Высшие литературные курсы и аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького.

стр. 72 **Рузавина Валентина Николаевна**
Дивногорск, 1950 г. р.

Родилась в Иркутской области, на станции Облепиха. Училась в Сибирском технологическом университете в Красноярске. После окончания института приехала в Дивногорск, на Красноярскую ГЭС. Писать начала после сорока лет. Печаталась в периодических изданиях Дивногорска, в красноярских альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор», в журнале «День и ночь», в «Литературном меридиане» города Арсеньева. В 2019 году вышла в свет её книга «Москва — Паланга».

стр. 10, 31, 177, 194 **Синяя тетрадь**
Красноярский край

Ахметов Амир (Казачинский район, с. Отношка), Сакаева Камила (Эвенкия, п. Кислокан), Пахмулова Евгения (п. Большая Мурта), Лигаёва Таисия (Рыбинский район, с. Двуречное).

стр. 8 **Сорокин Валентин Васильевич**
Москва, 1936 г. р.

Родился на хуторе Ивашла (ныне Башкортостан). В 14 лет поступил в фабричное училище. Десять лет работал в мартеновском цехе на Челябинском металлургическом заводе. В 1962 году приехал в Москву для учёбы на Высших литературных курсах.

В 1965–1967 годах заведовал отделом поэзии в саратовском журнале «Волга». В 1967–1969 годах вёл отдел очерка и публицистики в журнале «Молодая гвардия». В 1970–1980 годах — главный редактор издательства «Современник». С 1983 по 2014 год руководил Высшими литературными курсами. В настоящий момент является сопредседателем Союза писателей России.

стр. 94

Тинникова Тамара

Красноярск, 1986 г. р.

С 2004 по 2006 год возглавляла молодёжную поэтическую студию Мопс (Красноярск), с 2003 по 2009 год являлась членом литературных объединений «Аллея» и «Диалог» (Красноярск). В 2005 году принимала участие в первом Всероссийском семинаре молодых литераторов «Очарованные словом» (Красноярск). Стихотворения и проза были опубликованы в коллективных поэтических сборниках «Первый шаг», «Нужные люди», в литературном журнале «День и ночь» и др. В 2018 году была издана книга «Больше чем… Исповедь эмоционального мазохиста».

обл.

Форостовский Сергей Викторович

Красноярск, 1966 г. р.

Художник. Родился в посёлке Ольга Приморского края. Окончил художественное училище (Владивосток) и Дальневосточный государственный институт искусств (руководитель В. Н. Доронин). Работал в творческих мастерских Российской академии художеств под руководством А. П. Левитина (Красноярск). С 1998 года — член Союза художников России. С 1995 года — главный художник Красноярского театра юного зрителя. Участник групповых, региональных, всероссийских, международных выставок, его работы находятся в коллекциях России и за рубежом. Персональные выставки: Иокогама (Япония), Красноярск, Харбин (КНР).

стр. 45

Шемшученко Владимир Иванович

Всеволожск, 1956 г. р.

Родился в городе Караганде. В 1974 году стал студентом Киевского политехнического института, который окончил в 1979 году и сразу же переехал в Норильск, где прошёл обучение в индустриальном институте. Позже окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Свою трудовую деятельность осуществлял в Заполярье, на Украине, в Казахстане. В 1987 году в журнале «Пастор» были опубликованы первые его литературные труды. В дальнейшем было издано 15 авторских книг. Является членом Союза писателей России, а также членом Союза писателей Казахстана.

стр. 111

Шулятицкая Анна Богдановна

Красноярск, 2002 г. р.

Родилась в городе Ивано-Франковске. Вскоре семья переехала в Красноярск. К написанию самостоятельных произведений приступила ещё в школе. В 2018 году стала призёром муниципального этапа Всероссийского конкурса сочинений среди учащихся 10–11 классов образовательных организаций города Красноярска. Публикуется в Интернете. На данный момент учится в Красноярском государственном педагогическом университете.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ

Марина Наумова-Саввиных

Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Глеб Бобров
Луганск

Елена Буевич
Черкассы

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Виктории Исаенковой и Сергея Форостовского.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496
В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске
БИК 045 004 788
КПП 540 643 001
Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349

Почтовый адрес:
660133, г. Красноярск,
ул. 3 августа, д. 22, оф. 4

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 8.4.2021
Дата выхода в свет: 27.4.2021
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 7 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

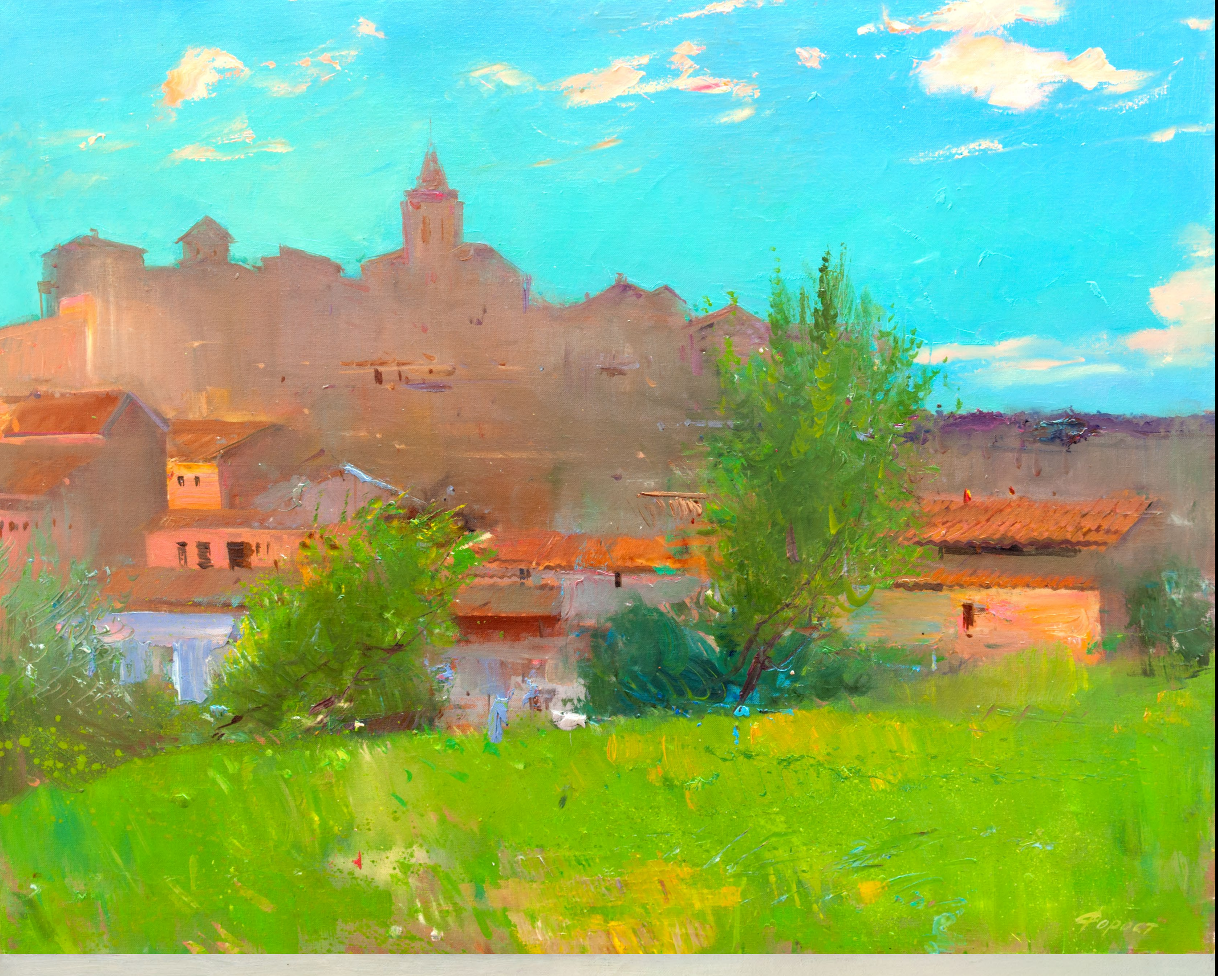
Сергей Форостовский | Даосский монастырь | 2013

Сергей Форостовский | Утренний канал | 2013

На обложке:

Виктория Исаенкова

Земля
из серии
«Дети Земли»
2020



Сергей Форостовский

Синеу.
Тёплый вечер
(Майорка)

2013

Сергей Форостовский

Цветущий март.
Майорка

2013